

Шария Грае

Шелчан

Охота Дикой Кошки

Вам надоели шаблонные, однотипные романы про красоток Мэри-Сью? Кажется, что в фэнтези уже не продохнуть от попаданцев и самолюбивых истеричек? Загляните сюда, и вы будете приятно удивлены. В этой истории нет Мэри-Сью, прекрасных эльфов и толстолобых гномов, а есть только отважная авантюристка, которая кинулась в погоню за сокровищами мифического Дракона очертя голову и поставив на кон все, включая собственную жизнь.

I will never let that fire in me die...(1)
(All Our Yesterdays, гр. Blackmores Night)

Хмарь.

Тяжёлое сизое небо, нависшее над головой. Оно практически всегда затянуто клубящимися серыми облаками, днём и ночью сочащимися стылой влагой. Иногда идёт настоящий дождь, приходится сидеть дома, замирая от непонятной сосущей тоски и наблюдая, как по стеклу стремительно ползут прозрачные капли. Дождь редко обходится одним днём, и мы вынуждены в свете понурившихся свечей коротать время за шитьём, пересказами одних и тех же скудных деревенских сплетен и долгими промежутками сна.

Земля такая же серая и неприветливая, как небо. Холмистая, угрюмая местность испещрена бульжниками и окаменелыми ракушками, меж которых попадаются пучки жухлой тёмно-жёлтой травы. Кое-где торчат чахлые деревья, листья на которых быстро опадают, как только лето начинает клониться к закату.

Угрюмые кряжистые дольмены, позеленевшие от времени. Они разбросаны по всему острову, и никто в точности не может сказать, кто оставил их после себя. Говорят о каком-то народе, поклонявшемся столь жутким древним богам, что даже их имена было запрещено произносить. Теперь этих богов помнят только маслянисто-чёрные жирные жуки, что нашли убежище в ноздреватых камнях дольменов.

Серые океанские волны, с мерным шумом омывающие берега. Иногда они выбрасывают на скользкий песок обломки кораблей, обрывки одежды и изредка трупы, разбухшие в солёной воде. Это значит, что какому-то кораблю близ наших берегов опять не повезло.

Это моя родина.

Моя Коннемара.

Сколько я себя помнила, мать никогда не говорила мне ласковых слов. Она любила лишний раз подчеркнуть, что старшая сестра заслуживает родственного к ней отношения, а я — нет. Порой, дождавшись глухой коннемарской ночи, я подолгу ворочалась и всхлипывала в соломенную подушку, гадая, чем же заслужила такое отношение. Мать и сестра старательно делали вид, что ничего не замечают, однако наверняка прекрасно слышали мой плач.

Только молчали.

Возможно, разгадка крылась в моей внешности. На острове я считалась кем-то вроде выродка.

Жители Коннемары — это непослушные рыжие волосы, взбитые мириадами кудрей, и плотная сеть веснушек, накинутая на белоснежные лица. Одна я раз за разом видела в осколке зеркала, давным-давно найденном на берегу, тёмные волосы, только слегка завивающиеся на концах, загар, намертво въевшийся в кожу (сколько ни терла, он не желал отходить), и желтовато-карие глаза. «Выродок, как есть выродок», — шептала я про себя. Маленькой я постоянно накручивала на палец пряди, щипала себя за щёки, натиралась золой и мыльным корнем, чтобы хоть как-то избавиться от ненавистной внешности. Один раз даже попыталась посыпать волосы тлеющими углями, рассудив, что они придадут им нужный

огненный оттенок, но мать вовремя оттащила меня от очага.

Причину своей непохожести на других силилась понять не только я. За спиной злые языки кумушек-соседок нашёптывали о купцах с Коралловых островов, что лежат у второго материка. У них, говорили женщины, были точно такие волосы и глаза. Однако богатые купеческие корабли, похожие на огромные стручки фасоли, последний раз заглядывали в наши края сто пятьдесят лет назад — вряд ли моя мать прожила столько времени, а подобных мне в нашем роду не было.

Торговцы, заглядывающие в нашу глушь, чтобы купить очередную партию овечьих шкур и шерсти (коннемарская порода высоко ценилась зажиточными гражданами Алдории), завидев меня, цокали языками и, не таясь, сообщали, что я очень красива. Красива? Я? Как может быть красива головёшка, вытащенная из потухшего очага? Подобные заявления немедленно поднимались на смех коннемарцами, а мне оставалось только плакать и со всех ног нестись домой, слыша презрительный смех и улюлюканье за спиной, не зная, чего ждать от будущего. Оно виделось туманным и далеким, напоминая предрассветную дымку на берегу; скорее всего, мне было предначертано закончить свои дни в полном одиночестве где-нибудь на окраине нашей деревни, как безумная старуха Молли-Энн, живущая в покосившейся лачуге, кромкой крыши касающейся земли, и не показывающая носа за пределы своего дома до наступления темноты. Едва верхний край солнца скрывался за горизонтом, старуха выскакивала из своей норы и принималась носиться по деревне, время от времени раздражаясь бессвязной бранью и швыряя в стены домов пригоршни гальки, обильно сдобренные слюной. Жители деревни боялись выходить из домов с наступлением сумерек, опасаясь попасться бесноватой Молли-Энн по дороге. Мне кажется, с её смертью эта традиция не закончится, и ещё долго люди будут сидеть ночью за плотно задвинутыми деревянными ставнями, шёпотом поминая сумасшедшую Молли-Энн и не пуская на улицу детей после захода солнца.

Иногда после особо тяжёлого дня, когда ведро ледяной воды, вытащенное из колодца, казалось весом с корову, а тюленьи шкуры покрывались мерзкой коричневой коростой, резавшей пальцы при попытке выделки, мне казалось, что вся моя дальнейшая жизнь — неизбежная унылая дорога в серую даль, в конце которой маячит домик Молли-Энн.

Так я думала ровно до того года, когда мне стукнуло семнадцать. В тот год невиданная засуха выкосила траву меж камней, а южный ветер принес в Коннемару страшную заразу, от которой овцы мерли одна за другой. Даже старый знахарь Эйсон не мог ничего поделать, стали поговаривать о гневном безымянных богов.

Летом этого же года на горизонте показались белые паруса корабля, который принес роковые перемены в мою жизнь.

— Корабль! Корабль!

Босые пятки Эмхина-младшего, сына кузнеца, дробно простучали по вытертым доскам крыльца. Их вихрастый обладатель влетел в комнату.

Мелиандра, месившая тесто в деревянной кадушке, схватила ложку и, поймав Эмхина за шиворот, с размаху залепила ему по затылку.

— Ай!

Мальчишка завертелся на месте, злобно глядя на мою сестру и шипя угрозы, но её это совершенно не смутило.

— Я сейчас ещё напощам, если будешь так орать! — рывкнула она, вытирая руки о

передник. — Что ты ещё придумал? Какой корабль?

Эмхин украдкой вытер ладонью слезы, бросил ещё один злобный взгляд на сестру и угрюмо буркнул:

— Почему мне знать! Я видел только одно — паруса белые! Он далеко, только из-за горизонта показался.

— С какой именно стороны показался?

Вопрос слетел с моих губ так неожиданно, что я сама растерялась. Обычно в моих предпочтениях заниматься делом в стороне от любых разговоров, не привлекая лишнего внимания: так было проще. И спокойнее.

Сестра и Эмхин вздрогнули и уставились на меня. Повисло тяжёлое молчание, и меня сковало острое желание забиться куда-нибудь в угол.

В глинобитном очаге треснул уголёк, и это немного разрядило напряжённую обстановку.

— С запада, — нехотя сказал мальчик.

— Значит, он направляется со стороны Туманных островов(2), — тихо предположила я, перебирая овечью шерсть. Мелиандра подавила зевок и пробормотала с досадой:

— Какая разница, откуда он прибыл?

— Я слышала, что Туманные острова облюбовали работоторговцы, — пробормотала я. — Читала об этом в летописях нашего храма. Если корабль действительно оттуда, то нужно подготовиться. Мне кажется, они держат курс на наш остров, чтобы...

— Мелиан! — резко оборвала меня сестра и швырнула комок теста на доску, взметнув в воздух белые клубы муки. — Что-то ты слишком разговорилась. Возьми-ка кувшин и отнеси отцу, наверняка он уже есть хочет. И поменьше болтай, болтливых никто не любит!

Эта внезапная вспышка совсем меня не удивила. С каждым годом отношение сестры ко мне становилось все хуже и хуже. В последнее время её придирки стали просто невыносимы. Подозреваю, что виноват в этом её жених Квинлан. Никогда не отличавшийся шибко далёким умом, он брякнул в её присутствии, что не будь я "черна, как головёшка", то была бы весьма недурна собой. В тот момент Мелиандра промолчала, но после этого травля усилилась. Ответом ей служило молчание и иногда слабые колкости, что злило сестру ещё больше.

В этот раз я тоже молча кивнула, взяла кувшин и вышла за порог. Вслед полетело недовольное бормотание сестры, скрип старого стола и голос Эмхина: мальчишка вновь принялся разглагольствовать о таинственном корабле.

На улицах Коннемары царил непривычная суматоха. Я невольно остановилась у ограды, поняв, что не только меня взволновало судно, появившееся на горизонте. Люди сновали туда-сюда, изредка останавливаясь, дабы перекинуться друг с другом последними слухами. Спешно захлопывались и запирались ставни; домашняя скотина, несмотря на сопротивление, загонялась в стойла. Из-за околицы показалась отара овец, подгоняемая пастухами. Животные недоумённо блеяли, мотали головами и смешно подёргивали куцыми хвостами.

На меня никто не обращал внимания, и я, не увидев нигде отца, поймала пробегающего мимо Квинлана за рукав:

— Что происходит? Ты не видел Шеймуса?

Шеймусом звали отца. Я питала слабую надежду, что он где-нибудь поблизости, чтобы

не пришлось покидать деревню. Наверное, легкая паника, витающая повсюду, оказалась заразной, и высовываться за ворота совершенно не хотелось.

Квинлан замедлил шаг, пару мгновений разглядывая меня пустыми глазами, затем собрался с мыслями и протянул:

— А, Мелиан, это ты... Нет, Шеймуса я не встречал. Последний раз мы здоровались утром, он отправился на берег чинить снасти.

— Твой отец до сих пор на берегу, — прогудел позади чей-то бас, и я узнала эддре(3) Лэйдона, главного жреца маленького коннемарского храма Лиара(4).

— Спасибо, эддре, — пробормотала я. Лейдон сочувственно посмотрел на меня с высоты своего внушительного роста:

— Я думаю, что он уже взрослый человек и вполне может добраться до деревни сам. Не стоит тебе сейчас отправляться на берег.

— Почему? — с невольным любопытством спросила я, как всегда зачарованная его низким звучным голосом. Эддре глянул на меня с ласковой снисходительностью, с какой любящие матери смотрят на своих не в меру расшалившихся детей, и спокойно сказал:

— В храмовых свитках Коннемары часто встречаются упоминания о кораблях, которые направляются к острову. Оборачивается это всё грабежами, разбоем и прочей дрянью, которую творят пираты.

Я крепче прижала к себе кувшин. Ничто не пугает так, как твои подспудные опасения, высказанные кем-то вслух.

— Вы всерьёз думаете, что это пираты?

Эддре невесело усмехнулся. В уголках его рта залегли глубокие морщинки.

— Кэйлин(5), не хочу тебя пугать, но это действительно либо контрабандисты, либо пираты. У торговых судов не те паруса, а больше в нашу глушь заглядывать некому. Я поделился своими опасениями с нашим старостой, и он немедленно велел людям прятать скарб.

Я прикусила согнутый палец. Эддре Лэйдон всегда производил впечатление уравновешенного мудрого человека; он, как и отец, в общении никогда не подчеркивал мою непохожесть на других. За это я была им обоим очень признательна.

Я доверяла эддре Лэйдену больше, чем кому бы то ни было.

Если он сказал не совать нос за деревенские ворота, так и следует сделать.

С моря потянуло вечерней свежестью, а солнце покатило к закату, вырывая в низких тучах окошки оранжево-золотого света. Все ценные вещи были рассованы по тайникам, дети — закрыты в домах, а женщины наравне с мужчинами похватили оружие, которое только можно было найти по домам. Почти всё взрослое население Коннемары высыпало на улицу, облепив низкую деревенскую стену. По домам остались лишь дети да древние старики, которым было не под силу перешагнуть порог. Лишь безумная Молли-Энн, почуяв беду, носилась по осиротевшим улицам и что-то выла, встречая в ответ лишь тревожное мычание коров и блеяние овец.

Странное это было зрелище: вереница людей, оцетинившаяся короткими ножами, вилами, косами и топорами. Кое-где даже мелькали давно не чищенные широкие мечи, чудом сохранившиеся с незапамятных времен. Бурые пятна ржавчины покрывали их изогнутые лезвия, но обладатели мечей держались так гордо, словно держали не заржавелую железку, а бесценный ранаханнский(6) клинок.

Я стояла неподалеку от ворот, положив локти на забор, и неотрывно глядела на замерший в море корабль. Ветер донёс до берега громыхание цепи и плеск от упавшего в воду якоря, после чего воцарилась тишина. Корабль едва заметно покачивался на волнах, и больше ничего не происходило. От этого в груди медленно разгоралось взволнованное напряжение, разливая боль прямо под рёбрами. Никто не переговаривался; только изредка вспыхивали взволнованные шепотки.

— Как думаете, чего они ждут? — тоже шёпотом спросила я у стоящего рядом старосты Рэмма. Что-то словно сдавило горло и мешало разговаривать в полный голос.

Он дернул узким плечом и ответил, не поворачивая головы:

— Хэлль(7) их знает. Может быть, что-то обсуждают.

— Или готовят лодку, — слышался сзади по-прежнему спокойный голос эддре Лэйдона. Оказывается, всё это время жрец стоял рядом, а я даже не обратила внимания. Староста бросил на него неприязненный взгляд, но от дальнейшего разговора воздержался.

— Мелиан, а где твоя семья? — неожиданно спросил эддре. Я поджала губы и ответила, стараясь, чтобы мой шёпот звучал как можно более безразлично:

— Мама с сестрой остались дома, а отец стоит где-то там, — я махнула рукой влево. — Мы пришли сюда вместе, но началась суматоха, и мы потеряли друг друга.

На лице эддре отразилось недоумение:

— А зачем ты пошла? Я же предупреждал тебя. Кэйлин, если это действительно пираты, то молодой девушке лучше держаться от них подальше!

Я опустила голову и проговорила:

— Почувствовала, что не смогу сидеть в четырёх стенах в такой момент. Мне жутко, когда я думаю, что снаружи вот-вот произойдет что-то страшное, а я не смогу вовремя спасти себя и родных. Это... это глупо звучит, знаю...

Я смешалась и покраснела от стыда за то, что невольно открыла Лейдону свои потаённые страхи, но он только серьёзно кивнул и одобрительно потрепал меня по плечу. Староста повернулся к нему, явно желая что-то сказать, но его прервал истошный крик:

— От корабля отошла лодка!

Они подошли к деревенским воротам, когда уже смеркалось, и синие сумерки размыли очертания предметов. Трепещущее воображение рисовало вооружённых до зубов головорезов, и меня даже постигло разочарование, когда перед стеной появились три безоружных человека обычного худощавого телосложения с плохо различимыми лицами. Об их принадлежности к морским путешественникам говорил лишь загар, намертво въевшийся в кожу, и одежда. Двое носили простые куртки и укороченные штаны, какие любят матросы в алдорских портах. Их товарищ выделялся белеющей в темноте рубашкой, поверх которой был накинут тёмный плащ. Так обожали одеваться капитаны купеческих судов, которые закупали в Коннемаре шерсть.

Незнакомцев встретило напряжённое молчание. Люди выжидающе вглядывались в незваных гостей, гадая, что они принесли с собой: добро или зло? Что это — визит вежливости или же коварная ловушка? Я привстала на цыпочки, отчаянно пытаюсь получше разглядеть того, что в белой рубашке. Смутное предвкусение чего-то рокового, зародившееся в груди и вытеснившее страх, подсказывало мне, что это очень важно.

Тем временем, он, не подозревая о моём интересе, вскинул обе руки и громко заговорил:

— Достопочтенные жители Коннемары! Видит Пресветлый Лиар, мы не желаем вам зла! Простите за вторжение, но наш корабль направляется к Аэдагге(8), и у нас закончились запасы пищи и воды. Всё, о чем мы просим — дать нам немного еды и наполнить бочки водой. Клянусь всеми подвигами, что совершил Лиар, мы покинем ваш остров и больше никогда не бросим якорь у этих берегов!

Его приятный, с хрипотцой, голос резал густой вечерний воздух, как раскалённый нож — масло. По спине побежали мурашки.

Толпа всколыхнулась в едином вздохе, но уже без враждебности. Скорее, это был вздох облегчения, смешанного с недоверием.

Незнакомец стоял, покорно склонив голову и опустив руки. Он ждал.

— Кто ты такой? — взвился над головами звонкий вопрос. Это подала голос Марта, моя двоюродная тётка по отцу. В западной части Коннемары они с мужем держали лучших овец в деревне.

Мужчина резко вскинул голову:

— Не стану таиться! Мы — честные пираты, никогда не обидевшие ни женщины, ни старика, ни ребенка. Мое имя — Моррис Сокол.

Толпа зашептала, а от моего сердца окончательно отлегло. В Коннемару доходили слухи о Моррисе Соколе. Торговцы рыбой рассказывали, как его команда грабила суда. Однако никто ни разу не упоминал о том, что капитан Моррис был жесток к их экипажам. Конечно, он не был благородным разбойником, швыряющим мешки золотых дориев(9) к ногам бедняков, но и не вздёргивал людей на реи, как Эдьярд Красный, и не вспарывал пленникам животы, наполняя их морской водой, как Пьетро Волчья Пасть.

Вполголоса посоветовавшись с кем-то, Рэмм громко объявил:

— Мы согласны помочь тебе, но с некоторыми условиями.

Моррис кивнул.

— Будет ночлег твоим людям, но только тем, что сейчас стоят рядом с тобой. Остальные проведут ночь на корабле. Поутру мы отправим туда еду и пресную воду. На ночь мы выставим стражу. Не обессудь, но незванным гостям мы не верим.

Моррис поднял руки ладонями вверх.

— О каких обидах Вы говорите? — воскликнул он. — Поверьте, мы бесконечно благодарны Вам, и на вашем месте я бы поступил точно так же!

Ни с того ни с сего меня охватило острое желание посмотреть на пирата поближе, и я принялась проталкиваться к воротам. Люди недовольно шикали, расступаясь с большой неохотой. Напряжение покидало толпу, и она, как огромный ёж, довольно ворча, убирала колючки, почуяв, что опасность миновала.

Староста повелительно взмахнул рукой, призывая к тишине, и люди неохотно подчинились.

— Капитан Сокол, — сказал он. — Вы можете переночевать в доме Шеймуса.

Я потрясенно застыла на месте и почувствовала, как мои ладони вмиг заледенели. Совпадения казались мне чем-то из области фантастики, но то, что наш дом, далеко не самый просторный в округе, станет прибежищем для пиратского капитана, именно в тот момент, когда мне захотелось лучше рассмотреть его, казалось слишком невероятным.

Я замерла на месте, растерянно массируя пальцы. События не думали ждать: через пару ударов сердца стало известно, что спутников капитана приютят Конрад и Шейдэр — два рыбака. После этого замысел старосты стал понятен: все наши три дома находились в разных

концах деревни. Конечно, крайне наивно было полагать, что капитан и его товарищи не найдут способа встретиться при надобности, но что они, безоружные, смогут предпринять втроём против целой деревни?

Ворота распахнулись, и к ним хлынул людской поток. Никто не хотел пропустить даже самую малейшую возможность развлечься, а в Коннемаре редко происходит что-то интересное. Готова держать пари, что визит Морриса Сокола будет обсуждаться ещё долгие годы. Конечно, если сегодня ночью всё пройдет гладко.

Я тоже рванулась к воротам, но меня быстро отгёрли в сторону. Поняв, что ещё чуть-чуть, и мне перемелют руки и ноги, я развернулась и начала проталкиваться в обратную сторону, стремясь как можно быстрее покинуть бурлящий и хрипящий поток.

В конце концов, что терять? На капитана можно посмотреть и дома.

Чистое бельё поскрипывало, покачиваясь на ветру. Мелиандра стояла спиной к улице и швыряла в ивовую корзину простыни, ловко перекидывая их через верёвку. Калитка скрипнула, и сестра резко обернулась. Мне стало не по себе, и я робко улыбнулась:

— Отец уже дома?

— Можно подумать, ты с ним не встретишься, — процедила Мелиандра сквозь зубы. Я покачала головой:

— Разве ты не слышала, что произошло?

Сестра рванула простынь с верёвки, и та жалобно заскрипела:

— Ты думаешь, я просто так с бельем вожусь?

Она выпрямилась, вытерла раскрасневшееся лицо рукавом и с прищуром оглядела меня. Я невольно попятилась.

— А где кувшин? — неожиданно спросила она.

— Какой кув... ох! — сердце обмерло, и я инстинктивно прижала ладони ко рту. Когда началась паника, я, поддавшись всеобщему порыву, кинулась к стене, а кувшин с молоком оставила где-то по пути.

Лицо Мелиандры помрачнело ещё больше, и я поёжилась, кожей ощущая стремительно надвигающуюся грозу.

Однако сестра сумела удивить: вместо того, чтобы метать громы и молнии, она лишь буркнула:

— Возьми в доме второй кувшин, тот, что с отколотым краем, и ступай к вдове Дельме. У неё должно было еще остаться молоко. И упаси тебя Лиар потерять ещё и этот кувшин, дурища!

Я стрелой влетела в дом, схватила глиняный сосуд и выскочила за калитку. Вдогонку полетел пронзительный крик сестры:

— Пошевеливайся! Не заставляй нашего гостя ждать!

Стемнело. На улицах запахло едой и ночной гвоздикой, что цветёт едва ли не круглый год. На Коннемаре так мало цветов, что они стремятся продлить свой срок жизни как можно дольше.

Улицы опустели, а в окнах тускло зажглись лучины и магические светильники. Кое-где на подоконниках виднелись блюда с мелко нарезанными морскими рачками — знак благодарности Эниоху(10) за спокойное море. Где-то вдали слышались нестройные песни.

На тёмной глади моря едва заметно колыхался спущенный белый парус. В отличие от

нашей деревни корабль Сокола тонул во тьме.

Я немного постояла у забора, глядя на него. Завтра его мачты исчезнут за горизонтом, оставив после себя пересуды и домыслы, которым будет суждено обрасти бородой вымышленных подробностей и пополнить копилку деревенских сказок.

Я так до сих пор и не увидела капитана. Мелиандра велела мне поторапливаться, но я решила послушаться сестру и до наступления темноты бездумно бродила по деревне, обнимая кувшин и глаза на окна. Во мне боролось любопытство и неясное чувство опасности, отзывающееся тянущей резью в сердце. Оно до последнего заставляло меня оттягивать возвращение домой, но больше тянуть было нельзя.

Впереди показалась знакомая калитка, на которой маленькая я, балуясь, вырезала изображение котёнка отцовским рыбацким ножом. Тогда мне крепко влетело от матери, было велено убрать рисунок, но линии от ножа не сотрёшь рукой. Котенок так и остался на калитке, доверчиво взирая на мир единственным глазом. Со временем он потемнел и поблёл, но контуры всё ещё угадывались среди трещин.

Машинально погладив старого знакомого рукой, я толкнула калитку, шагнула во двор и замерла.

У самого крыльца нашего дома скорчилась тень, похожая на огромный бесформенный мешок. Она бесшумно скользнула ко мне.

Неверный свет, льющийся из окна, выхватил из темноты сморщенное подобно печёному яблоку лицо и безумные выпученные глаза. Седые волосы свисали клочьями, падая на жилистые щеки, а рука, схватившая подол моего платья, была больше похожа на паучью лапу — такая же угловатая и высохшая.

Крик застрял в горле, когда я узнала сумасшедшую старуху Молли-Энн.

— Что вы тут делаете? — пролепетала я, пытаясь вырваться. Руки дрожали.

Старуха подняла голову, и по телу пробежала мелкая дрожь: её глаза были закачены, обнажая белки, блёклые, как брюхо снулой рыбы.

— У кошки лапки мягкие, а вот коготки острые, — проскрипела Молли-Энн, неумолимо надвигаясь на меня и перебирая цепкими руками по подолу. Её напор был силен. Отшатнувшись, я едва не упала. — Лучше птице с кошечкой не играть да не попадаться под её острые коготки!

Меня обдало смрадной волной из разверстого рта старухи: Молли-Энн придвинулась ко мне вплотную.

— Послушайте, — жалобно заговорила я, чуть не плача. — Что вам от меня нужно? Я вас не понимаю...

Старуха оборвала своё бормотание всхлипом. Её бельма пропали, сменившись вполне осмысленными глазами. Мы разглядели друг друга несколько ударов сердца, и Молли-Энн заговорила вновь. На сей раз старческое дребезжание куда-то делось, уступив место красивому грудному голосу.

— Берегись птиц, крошка, — с расстановкой промолвила она, поглаживая меня по щеке. — Птицы несут тебе беду через океан. Ну, а коли уж ввяжешься в переделку, ищи Синеглазого. Он поможет.

Хриплый кашель оборвал речь старухи. Подол платья выпал из её ослабевших пальцев. Воспользовавшись моментом, я отпрянула от неё и понеслась к дому.

Уже стоя на крыльце и лихорадочно дёргая дверную створку, я обернулась.

Двор опустел.

Захлопнув за собой дверь и накинув щеколду, я постояла пару минут, прислонившись к стене. Сбивчивая молитва Лиару немного успокоила, но сумасшедшее бормотание Молли-Энн упрямо звучало в ушах. Я в отчаянии зажала их ладонями и затрясла головой, пытаюсь выбросить из памяти всю ту чушь про птиц и кошечек, что услышала только что.

Сердце больно колотилось в горле. Отдышавшись, я отряхнула платье, поправила волосы и поставила кувшин на окно. Из глубин дома то и дело доносились обрывки бойкого разговора, громкий хохот сестры и уже знакомый мужской голос. Похоже, моя семья стремится показать капитану Соколу всё своё радушие. Интересно, это распоряжение старосты или желание матери?

Осознание присутствия в доме гостя, приправленное вновь вспыхнувшим любопытством, вдохнуло новые силы. Унылый призрак старухи растворился в ночи. Я шагнула вглубь дома.

— Я припозднилась, изви... — я осеклась на середине фразы.

В столовой внезапно установилась звенящая тишина. Капитан пиратского судна медленно поднимался со своего места, неотрывно глядя на меня.

Я никогда не верила в любовь с первого взгляда. Когда Мелиандра созывала подружек на посиделки при тусклом свете лучин, они заводили бесконечные пересказы древних алдорских легенд и мифов. Чаще всего выбирались те, где говорилось о неземной любви древних принцесс и рыцарей, начавшейся с первого мгновения знакомства. Я сидела в стороне, перебирая шерсть и посмеиваясь про себя. Как же так — казалось мне — разве можно полюбить человека, толком его не узнав?

Оказалось, можно.

Щёки словно что-то хлестнуло, и те запыльхали. Сердце замерло и, подпрыгнув, заколотилось, как бешеное, разливая сладкую истому по всему телу.

По меркам нашей деревни капитан Моррис Сокол не был красив, но меня неудержимо потянуло к нему. Захотелось припасть к широкой груди пиратского капитана, крепко-крепко прижаться и почувствовать, как его сильные руки обвивают мою талию, отгораживая от всего мира. Я стояла, приоткрыв рот, и бесстыдно разглядывала длинные тёмные волосы Сокола, его смуглую, как у всех бывалых моряков, кожу, и орехово-карие глаза.

Спустя пару ударов сердца я поняла, что и он неотрывно смотрит на меня, на меня и только на меня. Вокруг нас замкнулся невидимый круг, все, кого я знала, стали блекнуть и терять свою важность. Недовольное бормотание матери, возмущённый шёпот Мелиандры и растерянный голос отца глохли в густом тумане, наполнившем голову, и я просто стояла и наслаждалась каждым мгновением.

— О, боги, — наконец, вымолвил Сокол. — Мои глаза лгут! Не может быть, я просто не верю! Кто бы мог подумать, что в этой глуши я встречу такую красавицу! Как тебя зовут?

Красавицу? Это он про меня? Я едва слышно выдавила:

— Мелиан.

Собственный голос показался чужим и бесцветным. Я опустила голову под обжигающим взглядом Сокола. Сердце колотилось об рёбра в безумном темпе. Всё вокруг плыло.

В этот момент в моём сознании подобно птице билась лишь одна страстная мечта: продлить это мгновение до бесконечности. Одна мысль о том, что завтра корабль Сокола

покинет Коннемару, заставляла сердце с уханьем проваливаться в чернильно-тёмную бездну отчаяния.

— Мелиан, — тихо повторил Моррис, будто пробуя на вкус каждый звук моего имени.

— Ну да, Мелиан, — вдруг подала голос моя мать, и мы оба вздрогнули от резкого звука. — Младшая моя. Уж не знаю, в кого такая уродилась — в роду отродясь таких не бывало. Я всю её жизнь сомневалась — уж не подменьши ли? Бывали случаи.

Всё это мне доводилось слышать, и не раз, но почему-то именно в тот момент внутри все вскипело в ответ на несправедливые обвинения матери. В глубине души шевельнулся безумный страх: а ну, как Сокол поверит её словам и отвернётся от меня?

Капитан недовольно отмахнулся, будто отгоняя назойливую муху. Мать моментально умолкла, исподлобья поглядывая то на меня, то на него.

— Такое дивное создание не может быть подменшем, — медленно проговорил Моррис, делая ко мне шаг. Дыхание перехватило. — Даже ранаханские иллурии(11) меркнут перед такой красотой.

Послышался надсадный кашель. Мелиандра чем-то поперхнулась.

Капитан протянул руки и крепко схватил мои ладони. От сладкой дрожи, всколыхнувшей кожу мурашками, с моих губ невольно сорвался тихий вскрик.

— Мелиан, — нараспев произнес Моррис. — Завтра я покидаю Коннемару...

Зачем он напомнил о неизбежном? Хрупкие мгновения счастья рассыпались, тая с печальным звоном. Я поджала губы и опустила голову. Сокол, словно не замечая расстройств, отразившегося на моем лице, неумолимо продолжал:

— Ты согласна отправиться со мной?

Земля под ногами вздрогнула и завертелась, отчего пришлось приложить усилия, чтобы не упасть.

— Ты говоришь всерьёз? — потрясенно спросила я. — Как же так? Мы видим друг друга впервые. Утром ты вообще не знал обо мне!

Что я несу?! Сердце рвалось навстречу Соколу, но язык упорно говорил то, что подсказывал разум.

Сокол нахмурился и горячо заговорил, крепко стискивая мои руки:

— Мелиан, как можно прежде времени узнать о том, что встретишь человека, любовь к которому вспыхнет у тебя внутри, словно пламя на сухом дереве? Стоило мне увидеть тебя, заговорить с тобой, как мне показалось, будто всю мою прежнюю жизнь я знал и искал только тебя!

Я молчала, глядя на него широко распахнутыми глазами. Слова потеряли всякий смысл. Сокол же настойчиво продолжал:

— Я не могу и помыслить о том, чтобы уехать теперь, оставив на этих неприветливых берегах столь прекрасный цветок. Ты отправишься со мной? Станешь моей подругой? Молю тебя, скажи да!

Я медленно обвела взглядом комнату. Семья смотрела на нас: мать, недовольно нахмутив брови; отец, подперев щеку рукой, и сестра, в глазах которой полыхала такая ненависть, что мне стало страшно. Неожиданно передо мной отчетливо встало моя будущая жизнь на Коннемаре: унылая, одинокая, ведущая к безумию и печальной смерти.

Я перевела взгляд на Морриса и поняла, что готова отправиться за ним куда угодно, хоть к самому Хэллю. Лишь бы он всегда был рядом со мной.

Сглотнув тугой комок, набухший в горле, я воскликнула без тени сомнения:

— Да!

И сжала руки капитана в ответ.

Я не спала всю ночь, хоть и пролежала, боясь разомкнуть веки. Перед глазами теснились кошмары, сменяемые моментами абсолютного счастья. Мне то хотелось петь в полный голос, то побежать к матери и забиться к ней под старое одеяло, как когда-то в детстве, чтобы не вылезать оттуда никогда.

Мать и сестра не сказали мне ни слова после ужина, словно меня не существовало. Отец тоже хранил молчание, грустно наблюдая за мной. Пару раз казалось, что он хочет что-то мне шепнуть, но не решается. Пока я помогала сестре собирать со стола, они с матерью обменялись странными взглядами, в которых читалась печаль, обречённость и странное облегчение.

Вот она, волшебная возможность раз и навсегда покинуть этот унылый остров, отправиться рука об руку с любимым в огромный неведомый мир. Но это и страшило меня больше всего: я ещё никогда не бывала за пределами Коннемары. Как я покину родителей? Сестру? Всё, что знакомо мне с рождения? Этот остров — мой родной дом. Кто знает, что ожидает меня за его пределами? А если смерть? Я же буду одна, совершенно одна...

«Нет!» — твердо сказала я себе. — «Как я могу быть одна, если со мной будет капитан Сокол?»

Одно только его имя разбудило восхитительные, незнакомые прежде ощущения. Низ живота сдавила тягучая судорога, и больше ни о чём другом думать было просто невозможно.

— Мне плевать на опасности, — прошептала я, поворачиваясь на бок. — Мне ничего не страшно, если ты будешь рядом!

И, уже засыпая, выдохнула:

— Любимый...

За кормой пенилась иссиня-зелёная вода. Пронзительные крики чаек метались по сероватому небу, приветствуя новый день. Неприветливые берега Коннемары медленно таяли в утренней дымке.

Я стояла у борта, задумчиво глядя на родной остров. К грусти примешивалась смутная, растущая с каждым ударом сердца радость. Я чувствовала, что встала на правильный путь.

Прерывисто вздохнув, я прижалась к Моррису. Он послал мне счастливую улыбку и обнял за талию.

Я знала, что больше никогда не увижу свою Коннемару.

Два года спустя.

Побережье Двух Океанов.

— Том, старина! Какими судьбами?

Старый моряк, смоливший пеньковую трубку, поднял изборождённое морщинами лицо и просиял, увидев старого знакомого:

— Ульвиг, старина! Давненько я тебя не видал. Какие новости?

Высокий пират, чьё лицо было покрыто россыпью мелких татуировок, осклабился:

— Я уже второй год хожу в команде Сокола. Слышал о таком?

Старик неспеша отложил трубку на прогнившую бочку, служившую ему сиденьем, и

степенно проговорил:

— Как не слышать. Тот самый Сокол, что ищет Призрака?

— Он самый, — важно кивнул Ульвиг, потирая разодранную в клочья мочку уха. Когда-то давно, в пьяной драке ему выдернули серьгу вместе с мясом. — По мне, пусть ищет хоть Пожирателя волн(12), лишь бы сполна платил долю.

Старый Том с прищуром смотрел на собеседника. Щурился лишь один глаз — левый. На месте правого зияла пустая глазница, которую он и не думал прикрывать.

— А правду говорят про его подругу?

Ульвиг плотоядно хохотнул. Глаза его маслянисто заблестели.

— Да уж. Вроде капитан подцепил её на каком-то острове. Хотел бы я знать, где водятся такие красотки. Фигурка, голосок — прелесть, а не девчонка. Только... — пират заговорщически подмигнул приятелю и умолк.

— Только?

— Не дело нам тут трепаться, — важно сказал Ульвиг. — Пошли в "Лисицу", там и поговорим.

— Пошли, — пожал плечами старик. — Только ты угощаешь. У меня-то в кармане только медяки звенят.

Он с кряхтением поднялся с насиженного места и медленно последовал за приятелем.

Пока Ульвиг заказывал выпивку в "Пьяной лисице", Том вспоминал всё, что ему было известно о Соколе и его подружке.

Старик видел её пару раз. Лицо, дрожь, расплывалось в памяти, но зато он хорошо помнил звонкий смех, искристые золотистые глаза, сияющие каждый раз, когда она смотрела на Морриса, и длинные тёмные волосы.

А ещё она пела. Мелодичный голос поневоле воскрешал в памяти легенду о морской ведьме, увлекающей моряков своими песнями в пучину на корм подводным чудовищам. Только девушка была совсем не похожа на ведьму.

Том всегда поражался тому, как она, живя среди головорезов, не вымаралась во всей этой грязи. Наверное, в том была заслуга Сокола, который неотступно следовал за ней, оберегая от малейших невзгод. Это слегка удивляло Тома: давно знал Сокола и всегда полагал, что тот большой ценитель женщин. Красотки вились вокруг Морриса непрерывной чередой: он не делал различий между простолюдинками и знатными богатейками, если таковые встречались на его пути. Поигравшись с прелестницей пару-тройку недель, он безжалостно обрывал связь и устремлялся к следующей. Однако с этой островитянкой все вышло иначе: шёл уже второй год, как Сокол был с ней. Может, он действительно влюбился? Подумав об этом, Том искренне порадовался за девушку: почему-то одно лишь воспоминание о ней веяло мягким, уютным теплом.

Тем временем Ульвиг опрокинул остатки лэя из глиняной кружки и удовлетворенно рыгнул:

— Эх, хорошо! Сюда бы ещё красивую бабу и хорошую песню!

Том пожал плечами, задумчиво оглядывая таверну. Вокруг шумела обычная для пиратской базы обстановка: пьяный гогот вперемешку с кокетливым женским хохотом и звоном монет; стук кружек о протёртые временем до блеска столы и смачная матросская ругань.

Ульвиг наблюдал за бурлящим вокруг действием с жадным удовольствием.

— Ты хотел мне что-то рассказать, — напомнил старик.

— Ах, да, — пират оттолкнул кружку и, растягивая паузы между словами, деловито сообщил:

— Проиграл наш капитан свою подружку-то.

Том моргнул:

— Как так — проиграл?

— Натурально. Сам, что ли, никогда в «Монетку под горой» не проигрывал? У него был выбор: либо "Отчаянный" ставить, либо девчонку. Ну, судном капитан никогда рисковать не станет, ясное дело, а девок вокруг больше, чем устриц в бороде Наронга(13). Да и, кажись, надоедать она ему стала в последнее время.

От таких новостей у старика голова пошла кругом. Несмотря на бурное пиратское прошлое, его сердце так и не смогло одеревенеть. Ему стало по-настоящему жаль никому не известную девочку, искренне доверившуюся ветреному красавчику-капитану.

Тем временем Ульвиг продолжал развязно болтать, развалившись на скамье:

— Сокол ещё никогда к одной бабе так долго привязан не был. Я уж было думал, всё, уйдет наш капитан на покой, ан нет. Он недавно с какой-то богачкой снюхался из Ранаханна. Посудину, на которой она была, мы не так давно почистили, а её Сокол в заложницы взял. Ну и закрутилось, ты же его знаешь. Девчонка Моррисова ничего не знала поначалу, а тут и приятель его подвернулся, Волк из Даэррана(14). Он давно на девку глаз положил, ну и предложил эту партию, чтобы капитана, значит, прижать. Только Волку невдомёк было, что Соколу в радость избавиться от надоевшей красотки. Так что, думается мне, скоро она в полное пользование к Волку перейдет.

Том промолчал, разглядывая потеки от грязной тряпки на столешнице. Сердце нехорошо щемило.

— И где они сейчас? — угрюмо спросил он. Ульвиг отмахнулся:

— Да здесь! Сокол её привел, у них с Волком встреча наверху в комнатах назначена. Они перед нами как раз сюда и пошли. Чую, Волк уже развлекается вовсю, — пират глумливо ощерился.

Старик хотел что-то сказать, но не успел.

Пронзительный крик, переходящий в утробное рыдание, долетел с верхних этажей «Лисицы». На мгновение всё умолкло. Кто-то из пиратов схватился за оружие, кто-то бросился к дверям. Однако вслед за криком ничего не последовало, и шумное веселье возобновилось как ни в чём не бывало. Ульвиг приподнялся и с сомнением пробормотал:

— Сдаётся мне, это в комнатах как раз и кричат.

Том опомнился и с неподобающей для его возраста прытью кинулся по шаткой лестнице.

Комнаты в таверне не отличались особой роскошью убранства, скорее, наоборот: изъеденные жуками деревянные кровати, матрасы, из которых торчала воняющая плесенью солома, мутные окошки. Именно такая картина предстала глазам Тома, когда он распахнул дверь ближайшей от лестницы комнаты. Он действовал наугад: это была единственная дверь, под которой трепетал лучик света, однако это ещё не значило, что именно здесь и кричали.

Старый пират не ошибся с выбором. Однако ему сразу же захотелось обратного, когда он увидел то, что предстало его глазам.

Поперек кровати ничком лежал Моррис. Том узнал его по длинным чёрным волосам и амулету в виде серебряной подковы, с которым Сокол не расставался. Лицо молодого пирата покрывало что-то тёмное, и, шагнув вовнутрь, старик понял, что это кровь. Спустя удар сердца он догадался, откуда она взялась.

На месте глаз Морриса зияли темные провалы. Из одного торчал длинный осколок. Тело Сокола конвульсивно подергивалось, а красиво очерченные губы кривились в страшной ухмылке.

Том очертил вокруг себя знак Лиара и заметил ещё одного пострадавшего.

Рядом с кроватью лежал массивный светловолосый мужчина. Его исполосованная грудь ходила ходуном. Рукоять ножа, вогнанного глубоко в правый бок, колыхалась вместе с судорожными попытками вздохнуть. Рядом с ним матово поблескивала, растекаясь, кровавая лужа.

— Вот Хэлль! — донеслось от двери. Вздрогнув, Том обернулся и увидел Ульвига, с разинутым ртом наблюдающего за происходящим.

— Это ж Волк! — хрипло пробормотал пират, тыча пальцем в светловолосого.

— Позови знахаря! — просипел Том, не в силах оторвать взгляд от тел. Ульвиг скептически посмотрел на него:

— Да их добить проще! Сокол явно уже к Хэллю отправился, а этот... Постой-ка! Никак говорит что-то!

Они замолчали. Слабый стон донесся с пола, и в нём Том разобрал несколько слов.

— Кош... кош... ка....

— Чего? — удивился Ульвиг. Старик с досадой взглянул на него и опустился на колени рядом с телом. Склонился низко над быстро синеющими губами и почувствовал, как последние мгновения отлетающей жизни касаются его ушей вместе с тёплыми крохами дыхания.

— Как кош... дикая кошка кинулась. Будь... будь она прок...

Рука Волка, дрожа, приподнялась над полом и впиалась в колено Тома, чтобы, спустя удар сердца, со стуком упасть обратно. Тело приятеля Сокола обмякло.

Только тут старик понял, что в комнате есть ещё кто-то, и оглянулся в том направлении, куда пытался указать Волк.

Он не ошибся и на этот раз.

В противоположном углу комнаты, раскачиваясь, как хайаньская куколка(15), сидела темноволосая девушка, крепко прижимающая к груди окровавленные кулачки. Она медленно подняла голову и уставилась на старика, тот вздрогнул, встретившись с ней взглядом.

Её огромные глаза, горящие на бледном лице, были абсолютно безумны.

Девушка хрипло вздохнула и протянула к старому Тому руки, разжав ладони.

На пол упала студенистая окровавленная масса — всё, что осталось от глаз Сокола.

1 — Никогда не позволю огню внутри меня угаснуть (англ.)

2 — **Туманные острова** — архипелаг, располагающийся к западу от Первого материка;

3 — **эддре** — жрец в храме Лиара;

4 — **Лиар** — бог Света, один из четырех верховных богов в пантеоне Алдории;

5 — **Кэйлин** — девочка (коннемарск.);

6 — **Ранахани** — калифат на краю пустыни, располагающейся на востоке Первого материка;

7 — **Хэлль** — один из верховных богов Нижнего мира в космогонии Алдории;

8 — **Аэдагга** — островная база пиратов;

9 — **дорий** — золотая монета, имеющая хождение в Алдории и на некоторых соседних территориях;

10 — **Эниох** — бог моря в пантеоне Коннемары;

11 — **иллурии** — прекрасные девы, живущий в небесном царстве Элоаха — верховного бога в пантеоне Ранаханна;

12 — **Пожиратель волн** — мифическое морское чудовище. Согласно поверьям пиратов, он живет за краем океанов, разинув широкую пасть, и непрерывно глотает волны, перемалывая зубами корабли;

13 — **Наронг** — покровитель бурь в верованиях пиратов Аэдагги. Один из низших богов алдорского пантеона;

14 — **Даэрран** — удельное княжество на северо-востоке Алдории;

15 — **хайаньская куколка** — традиционная деревянная куколка княжества Хайянь, представляющая собой грушеобразную фигурку воина или пряжи. Не падает, даже если её толкнуть, а просто раскачивается на месте.

Полгода спустя.

Терпко пахло жжёной травой, верблюжьим навозом и горячим песком. Откуда-то доносилась заунывная молитва муаззина(16) — дело близилось к полудню, и скоро должно было начаться ежедневное Восхваление Солнцеликого(17). Надвигалась жара; становилось трудно дышать, в окружающем мареве постепенно начинали расплываться очертания предметов.

Несмотря на это, базарная площадь жила своей обычной жизнью: всё вокруг гудело, толкалось, спорило, торговало и кричало, словно в большом улье. Периодически в толпе чёрными змеями мелькали воришки, слишком быстрые и ловкие, чтобы их можно было схватить.

Дарсан сидел, привалившись к разгорячённой от палящего зноя каменной стене караван-сарая, понуро опустив голову. С того проклятого дня, как увезли Таллию, прошла неделя. Он не сделал ровным счетом ничего, чтобы её вернуть или хотя бы попытаться проникнуть туда, где её держат.

Юноша глухо зарычал. Сердце больно закололо от ощущения полнейшей безнадежности и бессилия. Что же делать? Что такой беспомощный бедняк, как он, может сделать в одиночку? Все, к кому он обращался с этой просьбой, отказали! Разумеется, кто же в здравом уме станет связываться с самим калифом? О Демоны Эмира, у него даже не было денег, чтобы заплатить хотя бы захудалому наёмнику! Последние дэннары(18) ушли на их с Таллией дом.

Он застонал и уткнулся в согнутые колени. Воспоминание о любимой моментально пробудило страшные мысли о том, что с ней могут сделать.

Так что же теперь — головой об камень? Покончить разом со всеми мучениями и отправиться в Дивные Сады(19)? Только вот не пустят туда такого дурака и труса, как он. Как же Таллия? Бросить её в беде? Опустить руки и сдаться?

Отец всегда повторял Дарсану: "Не бывает беспросветной тьмы. Оглянись вокруг, и ты обязательно увидишь лучик света".

Мудрость отца не знала границ. Но смог бы он повторить такое и сейчас?

Раздираемый внутренними противоречиями, Дарсан сдавленно взвыл. Всплеснув руками от переполнявших его эмоций, он схватил первое, что подвернулось под руку — старый глиняный горшок. Ощувив пальцами шершавую поверхность, нагретую солнцем, Дарсан несколько мгновений оцепенело разглядывал его, а затем, выругавшись сквозь зубы, отшвырнул посудину прочь. Горшок с уханьем рассек воздух и стукнулся об угол караван-сарая, развалившись на части с печальным позвякиванием. Один из черепков отлетел и угодил прямо в живот владельцу заведения. Тот в недобрый момент появился в дверях, с поклонами провожая посетителя.

Воздух сотрясся от громогласных ругательств сайборона(20), моментально понявшего, чьих это рук дело. Дарсан инстинктивно втянул голову в плечи. Сердце глухо стукнуло в тусклом подобии облегчения: парень прекрасно понимал, что старый склочник сейчас кликнет городскую стражу, и Дарсана примет в свои прохладные вонючие объятия зиндан(21). Хоть какая-то определённость в жизни.

Старик тем временем продолжал расплываться. Его пестрый халат колыхался на необъятном брюхе, отчего казалось, что вышитые на ткани тайгоры(22) шевелятся.

— Демоново отродье! Да как ты вообще посмел приблизиться к моему почтенному заведению! Как посмел здесь бродяжничать! Сейчас я позову господина Шехмета, и ты...

— Прошу прощения, что прерываю.

Мелодичный голос, которым была сказана эта фраза, принадлежал тому самому посетителю, которого провожал караванщик. Вернее, посетительнице: невысокой темноволосой девушке, плотно закутанной в богато расшитую тёмно-красную накидку.

Оба — и старый караванщик, и Дарсан на мгновение замерли от неожиданности. Воспользовавшись моментом, посетительница караван-сарая положила руку на локоть старика и нежно продолжила, глядя на него восхищёнными глазами:

— Я уверена, что причина столь опрометчивого поступка этого, безусловно, достойного юноши весьма весома. Очевидно, он чем-то расстроен, не правда ли?

Девушка говорила на минсенкай-йо(23), который Дарсан неплохо знал. «Чужеземка», — запоздало понял он. Это объясняло её фривольное поведение по отношению к сайборону. Наверное, она хорошо заплатила ему, раз он столь подобострастно с ней держится. Обычно старик с пренебрежением относился к женщинам, почитая их существами второго сорта и не силясь скрывать этого.

Она повернула голову к Дарсану, и тот невольно зарделся под взглядом её огромных карих глаз, в глубине которых плескались золотые искорки. Неожиданно злость и отчаяние, плотно охватившие его, стали потихоньку отступать.

Поймав его взгляд, чужеземка лукаво подмигнула и отвернулась. Дарсан уставился на неё, оторопев от такого вызывающего жеста. Караванщик взвизгнул, тоже перейдя на минсенкай-йо и тыча в парня пальцем:

— Каэрре-хэннум(24), я этого прохвоста уже не раз видел у стен моего почтенного заведения! Он топчется тут днём и ночью, не иначе как стибрить что-то задумал! Сегодня он в меня камнем попал, а завтра приложит палкой по темени! И потом, вы же тоже могли пострадать! Я вызову стражу, пусть как следует проучат этого недомерка!

Дарсан вновь почувствовал, как к щекам прихлынула кровь, на сей раз от плохо контролируемого гнева.

— Это был всего лишь осколок кувшина! — разъярённо вскричал он, вскакивая на ноги. Молодая хэннум поморщилась. — Я не собирался причинять вам никакого вреда! А вот стражу можете вызвать. Я с превеликим удовольствием поведаю им о гнилой муке в ваших закромах. Вы ещё из неё лепешки печете! А ещё скажу, куда деваются крысы и змеи, которые тут по ночам ползают!

Посетительница караван-сарая звонко расхохоталась. Лицо старого сайборона сначала побледнело, а потом пошло красными пятнами. Он замер, хватая ртом воздух, а затем резко сменил тон и забормотал, мешая ранаханнский и минсенкай:

— В самом деле, я думаю, что стража посчитает причину вызова слишком незначительной, и меня могут самого оштрафовать. Нет, госпожа, мальчишке, конечно, давно пора в зиндан, но все же... О Солнцеликий, да как вообще можно было подумать, что я кормлю постояльцев гнильём...

Девушка с любопытством глядела на него, время от времени бросая мимолётные взгляды на Дарсана и хмурия лоб. Видно было, что её мучили сомнения.

Юноша вновь обессиленно привалился к пыльной стене, ощущая сквозь прорехи

горячую от солнца поверхность. Гнев исчез так же быстро, как появился, и он был готов безмолвно принять любой удар хлыста судьбы.

Тем временем, улучив момент, когда караванщик делает паузу в своих бормотаниях, девушка ловко сунула ему в руку что-то, ярко сверкнувшее на солнце. Старик уставился на ладонь. Сквозь недоумение на его лице медленно проступила алчность, и он воскликнул:

— Золотой альвэннар(25)! Каэрре-хэннум, вы слишком щедры!

— Тс-с-с, — девушка приложила к губам тонкий пальчик. — Давайте не будем поднимать шума. Считайте это платой за те бесценные сведения, что вы мне дали, а также за милосердие, проявленное к этому несчастному мальчику, — она кивнула на Дарсана.

Монета с быстротой молнии исчезла в складках халата старого пройдохи. Он низко поклонился, от души поцеловав край рукава незнакомки:

— Да благословит Вас Солнцеликий, хэннум. Ваша доброта столь же велика, как и ваша красота. Этот юнец должен день и ночь молиться Благословенному пророку(26) за то, что тот милостиво позволил вашим путям соприкоснуться!

Жители калифата Раханнан отличаются привычкой к пространным и цветистым речам, и старый сайборон, видимо, решил излить на Каэрре-хэннум весь свой поток красноречия.

Молодая хэннум явно не была настроена выслушивать разглагольствования. Не особо церемонясь, она резко перебила его:

— Благодарю за понимание, господин Олхан, но я очень тороплюсь!

Поняв, что его велеречие не обернется ещё одной звонкой монетой, сайборон согнул спину в глубоком поклоне, коснувшись ладонями земли, и удалился.

Каэрре-хэннум внимательно проследила за тем, как захлопнулась деревянная дверь, и повернулась к Дарсану.

— Юноша, — серьёзно сказала она, погасив обворожительную улыбку. — У меня к тебе важное дело.

Прислуга одного из самых богатых караван-сараяв Хайсора(27) с любопытством поглядывала на вжавшегося в расписные шёлковые подушки юношу: настолько резким был контраст между его запыленными лохмотьями и роскошной обстановкой заведения.

Я потягивала прохладный лимонный айлэ(28), сидя напротив паренька, и молча смотрела на него, ожидая, пока он немного придёт в себя и заговорит.

Он затравленно оглядывался по сторонам, явно опасаясь раскрыть рот или поднять глаза. Мне это быстро надоело. Я подала ему пиалу из тончайшего фарфора, до краёв наполненную напитком.

— Утощайся.

Он изумленно посмотрел на неё, а затем отважился поднять глаза на меня.

— Что вы, хэннум... А если разобью?

— Это последнее, о чём тебе стоит беспокоиться, — нетерпеливо сказала я. — Ведь за это я заплачу своими деньгами.

Лицо юноши потемнело, заставив пожалеть о последних словах. Из моей головы напрочь вылетело, что в калифате царит патриархат. Позволить женщине оказаться в более привилегированном положении — сильнейшее оскорбление для мужчины. Однако у меня была важная цель, и я решила, что мне как чужестранке будет простительно некоторое пренебрежение местными предрассудками.

— Юноша, — с нажимом повторила я. — Сейчас не время для обид или споров. Мне

нужна твоя помощь, и я готова хорошо тебе за неё заплатить.

Лицо парня чуть смягчилось, но тёмно-карие глаза оставались предельно настороженными, как у зверя, застигнутого врасплох.

— Что вы от меня хотите? — тихо спросил он, осторожно принимая у меня пиалу. — Я простой гончар. Дела у меня в последнее время совсем плохи.

Я вздохнула с облегчением. Разговор начал налаживаться.

— Видишь ли, твои гончарные услуги меня совершенно не интересуют, — осторожно сказала я. — Мне нужно кое-что другое.

Он так резко вскинул голову, что я испугалась, как бы он не свалился с подушек. Его лицо залила пепельная бледность:

— Вы... вы намекаете на... но хэннум, у меня есть невеста, и...

Он резко оборвал фразу и судорожно закашлялся, отведя глаза. Несложно было догадаться, что он имеет в виду. Его наивность показалась забавной, что не могло не вызвать искреннего смеха:

— У меня и в мыслях не было покушаться на твою верность невесте! Тут дело в другом.

Я примолкла и огляделась. Роскошный зал, устланный изысканными коврами с раскиданными поверху подушками, пустовал. Прислуга неслышными тенями скользила вдоль стен. Нигде не висели украшения из нефрита, а это значило, что разговоры посетителей никого не интересовали(29). Похоже, можно было беседовать, не таясь.

Я наклонилась к юноше и сказала, доверительно понизив голос:

— Мне нужно проникнуть во дворец калифа.

Пиала не разбилась, но недопитый айлэ мгновенно впитался в нежный ворс.

Передо мной вновь оказались изумленные глаза моего собеседника.

— 3-зачем? — выдавил он. Я небрежно пожала плечами:

— Всё просто. У него есть вещь, которая меня очень интересует. Если согласишься, расскажу более подробно.

Парень задумался.

— А если откажусь? Или донесу стражникам о ваших планах?

Я мягко улыбнулась и сладко промурлыкала:

— В первом случае мы распрощаемся и сделаем вид, что не видели друг друга. Во втором... как думаешь, кому больше поверит городская стража: нищему гончару, валяющемуся у стен караван-сарая, или богатой чужеземке? Господин Олхан с удовольствием припомнит им все твои грехи. К тому же, тебе будет очень сложно объяснить, откуда в твоих карманах взялось вот это.

Я подняла левую руку и щёлкнула замочком одного из многочисленных браслетов, позвякивающих на запястье.

— Серебро, кайташерская(30) эмаль, вставки из красного дерева — уверена, зиндан тебе обеспечен.

Парень смотрел на меня с такой тоской, что где-то глубоко внутри шевельнулась жалость. Но её ни в коем случае нельзя было показывать.

Я ласково улыбалась ему, как любимому брату:

— Жду твоего решения.

— Вам не нужно было тратить силы на угрозы, госпожа, — с каким-то глухим отчаянием произнес молодой гончар. — Я бы и так вам помог. Не из-за денег. Великий пророк слышал мои мольбы и послал встречу с вами.

Разговор принял неожиданный оборот. Я недоумённо уставилась на него:

— Что ты имеешь в виду?

— Калиф похитил мою невесту, — тон, которым были произнесены эти слова, обжигал такой ненавистью, что в искренности паренька сомневаться не приходилось. — Он увез её в свой гарем. Я дал себе слово, что вызволю Таллию оттуда любой ценой. Однако уже прошла неделя, а я не смог даже приблизиться к дворцовым воротам. Они защищены могущественными чарами, усиленными тремя отрядами элитных стражников. Я уже начал отчаиваться, когда появились вы.

Юноша умолк, уронив взлохмаченную голову на грудь. Я обдумывала его слова, покусывая согнутый палец.

Не верю в подобные совпадения, хотя мудрецы из горных монастырей княжества Хайань любят поболтать о предопределенности и неслучайности всего сущего. Однако помощь этому юноше станет отличной гарантией того, что он воздержится от желания нанести мне удар в спину. В прямом и переносном смысле.

Чувствуя, что пауза затянулась, я ободряюще улыбнулась собеседнику.

— Я помогу тебе и твоей невесте, если ты объяснишь мне, чем возлюбленная гончара могла заинтересовать калифа, и как он с ней вообще сумел встретиться.

Вместо ответа юноша полез за пазуху и достал крохотный кусочек оникса, оправленный в серебро.

— Сожмите это в ладони, хэннум.

Я выполнила его просьбу. Прохладный металл коснулся кожи, и в следующее мгновение перед глазами вспыхнул образ.

Калифа вполне можно было понять: невеста моего нового знакомца блистала потрясающей красотой. Ни скромная абана(31), ни глубокие тени под огромными глазами не могли умалить яркую, словно оперение ирмени(32), внешность. Густые ресницы, вьющиеся волосы окраски воронова крыла, кокетливая родинка в правом уголке алых губ — разумеется, калиф не устоял перед таким восхитительным соблазном.

Видение провисело в сознании несколько ударов сердца и плавно померкло.

— У нас хватило дэннаров только на недолговечный Камень Памяти, — с сожалением произнес юноша, принимая самоцвет обратно.

Я деликатно промолчала: наверняка, им с невестой попался сердобольный литанээ(33), согласившийся уступить в цене. Не знаю, как в Ранаханне, а в Алдории даже малый Камень Памяти в цене потянет на хорошую двуколку.

— Её зовут Таллия, — мечтательно сказал парень, с нежностью глядя оникс. Я почувствовала слабую неприязнь к калифу и удивилась: его стремление обладать столь экзотическим цветком легко объяснить.

Почувствовав лёгкий стыд за такие мысли, я строго спросила:

— А как твоё имя?

Парень моргнул и поспешно склонил голову, стукнув ладонью по груди:

— Дарсан, Каэрре-хэннум.

— Рада знакомству, Дарсан, — учтиво кивнула я, но своего настоящего имени не открыла. Ни к чему снабжать кого ни попадя лишними сведениями о себе.

Служанка принесла нам поднос с фруктами, многие из которых раньше доводилось видеть только на картинках. Дарсан жадно уставился на блюдо, не решаясь что-то взять. Я небрежно махнула рукой, поддерживая образ искушённой богатейки:

— Можешь брать всё, что захочется. Наш с тобой разговор только начинается.

Юноша мигом схватил огромный персик и замер, устремив на меня настороженный взор. Я поудобнее устроилась на подушках, поправила волосы, звякнув длинными золотыми серёжками, и томно протянула:

— Итак, Дарсан, расскажи мне всё, что тебе известно о калифе.

Блюдо давно опустело, но никто не торопился его заменить. Я попросила слуг пока не подходить, боясь спугнуть пылкий настрой Дарсана. Горячо жестикулируя, он рассказывал мне о порядках в калифате, роскошном дворце правителя, носившем по-ранахански вычурное название "Лилия Небес", и о привычках его хозяина.

— Когда умер старый калиф, Аббаис Шестнадцатый, мы вздохнули свободнее. Я был ещё маленьким, но помню, как отец постоянно жаловался на непомерные налоги, суровые законы, предписывающие мастерам отбывать трудовую повинность во дворце четыре раза в месяц, и многое другое. Со смертью Аббаиса стало полегче. Нынешний калиф был молод, и пока ему не исполнилось двадцать, в "Лилии" временно правила его мать, жена Аббаиса. Она отменила повинность, снизила налоги, в общем, сделала всё, чтобы сердца людей смягчились, а жизнь стала легче.

Я уловила сомнение в его голосе и уточнила:

— И при этом она никому не нравилась?

Дарсан неодобрительно цокнул языком и укоризненно покачал головой.

— Каэрре-хэннум, вы не местная, а у нас всем известно: слабой женщине не под силу вынести тяготы государственной власти. К тому же, Солцеликий позволяет женщинам много вольностей, но он бы не потерпел, чтобы нами долго правила старая хэннум. Вот мы и ждали, когда повзрослеет калиф, Теймуран Восьмой.

Его слова мне не понравились совершенно, но я промолчала, поджав губы. Дарсан, видимо, был не очень наблюдательным, потому что он продолжал, как ни в чем не бывало:

— А потом Теймурану исполнилось двадцать. Была пышная коронация. В тот день мне удалось пробраться на главную площадь и даже схватить белую пшеничную лепешку, из тех, что раздавали народу во славу нового калифа. Потом мы поделили её с Таллией — отец мой к тому времени уже умер.

Дарсан мечтательно вздохнул и зажмурился. Из моей груди вырвался тяжёлый вздох: представляю, какая давка была на площади из-за этих лепешек! Отличная идея для начала правления, ничего не скажешь.

— И как вам его правление? — сухо спросила я.

Дарсан нахмурился:

— Первые пару лет было хорошо. Конечно, налоги опять повысили, но не до такой степени, как было при старом калифе. Было ещё несколько странных законов... например, запрещалось держать дома кошек. Калиф приказал создать специальные отряды для их отлова.

— А как же мыши? — удивилась я. Парень пожал плечами:

— С ними неплохо управляются пустынные кайсы.

Он ткнул пальцем вверх. Я подняла голову и увидела тонкую змею древесного цвета. Обвив балку на потолке, она дремала, прикрыв крошечные бусинки глаз.

Меня невольно передёрнуло: ничего не имею против змей, но наблюдать подобную у себя над головой было неприятно.

— А что случилось потом? — спросила я, с трудом оторвавшись от разглядывания своей «соседки». Юноша горько усмехнулся и перешел на еле слышный шепот:

— А затем калиф стал собирать гарем. Ему сватали многих знатных девушек, однако лишь часть из них попала во дворец в качестве его жён. А затем... Затем нам объявили, что многие дочери и сестры будут удостоены чести стать частью гарема. По Хайсору поехали стражники. Они хватали молодых девушек и отправляли их во дворец. Кто-то возвращался оттуда, но ничего не мог вспомнить. Иногда стражников сопровождал Коннар...

— Кто?

— Капитан стражи. Коннар — наёмник откуда-то с севера, но, говорят, предан калифу, как пёс. Он появился спустя полгода после коронации Теймурана и сразу был назначен капитаном.

Я поморщилась и потёрла виски.

— Ничего не понимаю. И вы молча терпите то, как у вас увозят невест, сестёр, дочерей? Почему не пытались возмутиться?

Юноша отвел глаза и пробормотал:

— У Благословенного Пророка сказано: «И да склонитесь перед правителем вашим, и примите от него все его деяния с благодарностью».

Я гневно фыркнула. Интересно, если в один прекрасный день калиф повелит всем своим подданным перерезать себе горло, они безропотно покорятся судьбе? Однако ввязываться в бесполезную дискуссию не хотелось, и я просто махнула рукой:

— Ладно, рассказывай дальше.

Дарсан зябко передернул плечами и стиснул кулаки.

— А затем увезли мою Таллию.

— Как это произошло?

Темные, как сливы, глаза парня сузились, а ноздри раздулись. Мне стало его жаль. Хоть мне и не хотелось тратить время на ненужные подробности, я надеялась разговорить паренька и окончательно расположить его к себе.

— Обычно Таллия пряталась в доме, но тут случился день Большого Базара, — тихо начал Дарсан монотонным голосом, прикрыв глаза. — Мы не могли оставаться в стороне, ведь нужны были деньги. Я встал торговать горшками в Гончарном ряду, а Таллия зазывала посетителей. У нас так принято, Каэрре-хэннум — до замужества женщина может работать наравне с мужчиной.

Я нетерпеливо кивнула, показывая, что мне нужна суть, а не пространные рассуждения.

— Внезапно рядом с Таллией остановилась богатая альхана(34). Оттуда выскочили двое мужчин в форме дворцовых стражников. Один из них воскликнул: "О Эмир, я давно не встречал подобной красоты!" и схватил мою невесту за руку. Таллия стала кричать и вырываться, я кинулся ей на помощь, но один из них достал ятаган и ударил меня...

Дарсан коснулся длинной царапины на лбу и с ненавистью закончил:

— Прилавок перевернули, товар разбили, а меня поколотили. Больше я Таллию не видел.

— Кто такой Эмир? — задумчиво уточнила я, обдумывая печальный рассказ Дарсана. Тот испуганно приложил два пальца ко лбу и отвесил несколько быстрых поклонов в сторону востока:

— Злейший враг Пророка, хэннум. Владыка Демонов Нижнего Царства.

Я кивнула, постукивая пальцем по губам. Дарсан ёрзал на подушках в явном

нетерпении.

План, медленно созревший в моём сознании, нельзя было просто назвать рискованным. Он был авантюрным, балансирующим на грани безумия и безрассудства. Однако я сама выбрала этот путь и эту цель, отступить сейчас — значит, навеки отказаться не только от него, но и от самой себя.

— Вот что, юноша, — медленно проговорила я. — Мы проникнем во дворец калифа и попробуем вытащить твою невесту. Но ты должен поклясться в абсолютной преданности мне и выполнять любое моё требование. Иначе нас обоих может ждать зиндан и казнь. Ты готов?

Тёмные глаза юноши вспыхнули, и я всё поняла ещё до того, как услышала его тихое «да».

— Вы с ума сошли, хэннум! Ох, простите, — парень испуганно замолчал и, дрожа, опустил голову. Я снисходительно посмотрела на него, вытягиваясь на роскошной кушетке.

Наш разговор продолжился наверху, в одной из самых богатых комнат караван-сарая. Тщательно проверив помещение на предмет самоцветов, я велела Дарсану накрепко запереть все двери.

Чувствовать себя избалованной богачкой, путешествующей с собственным слугой и не считающей деньги хэллевски приятно! Особенно учитывая, что эти деньги принадлежат не мне.

Дарсана била мелкая дрожь, и мне невольно стало его жалко.

— Успокойся. Наказывать и бить тебя я не собираюсь. Лучше объясни, что тебе не нравится в моем плане? Послы Алдории часто колесят по странам на первом материке. Мне кажется, что прикинуться одним из них не составит особого труда.

Дарсан замахал руками, будто отгоняя назойливую муху, выющуюся перед лицом:

— Хэннум, вы чужеземка и очень многого не понимаете. Со всеми, кто просит встречи с калифом, сначала беседует стража, а потом калифские визири. Я думаю, что даже самый последний слуга во дворце быстро поймет, что вы не можете быть послом.

— Почему? — недовольно спросила я.

— Да простит меня хэннум, — осторожно пробормотал парень, с опаской поглядывая на меня. — Но даже такой жалкий пес как я понимает, что у послов с собой должна быть какая-нибудь грамота от правителя своей страны.

Я приуныла. Резон в его словах был, а вот грамоты у меня — нет. Похоже, мне следовало поблагодарить Богов, что мне попался такой толковый спутник.

— Откуда ты всё это знаешь? — подозрительно осведомилась я, перебирая в уме варианты проникновения во дворец.

— Тётка прислуживала в «Лилии» несколько лет назад, — безрадостно сообщил парень. — А после того, как мать калифа исчезла, её выгнали.

Он охнул, умолк и быстро глянул на меня, словно испугавшись, что сболтнул лишнего. На меня его заявление не произвело сильного впечатления: голова была занята другим.

— Какого ещё исчезновения? — рассеянно поинтересовалась я.

— Тетка рассказывала, что однажды старая хэннум попросту перестала появляться во дворце, — по всей видимости, Дарсана тоже не особо волновало это известие. — Скорее всего, калиф отослал её за пределы столицы. А потом тётку перестали пускать в «Лилию».

Я молча кивнула. Не могу сказать, что сильно удивлена. Такое встречается у

венценосных особ: потенциального соперника по престолу лучше держать подальше от себя. Даже если это мать. Особенно если она уже ранее этот самый престол занимала. Не думаю, что обыкновенная высылка старой хэннум удовлетворила калифа. Скорее всего, с ней обошлись куда жёстче, отправив в далёкий путь без возврата.

— Вернемся к нашим гхалгам(35), — строго сказала я. — Если вариант с посланцем не подходит, то, может быть, имеет смысл притвориться местными жителями, попросившими аудиенцию калифа по важному вопросу? Тебе-то и притворяться не потребуется, а я нацеплю каэджаб(36). Ты скажешь, что я — твоя немая родственница.

Тут мне пришло в голову, что немой родственнице было бы вовсе не обязательно являться на прием к калифу лично, но об этом следовало умолчать. Дарсан вновь энергично затряс головой:

— С нами калиф беседует раз в месяц, когда луна идет на убыль. Во все остальные дни дальше третьего визиря не пустят.

Я тяжело вздохнула и вновь занялась четками. Дарсан топтался на месте с виноватым видом, словно он был единственным препятствием на пути в «Лилию Небес».

Неожиданно меня осенило, и я торжествующе прищёлкнула пальцами:

— Дарсан, знаешь, что сказал однажды один старый мудрый одноглазый пират?

— Нет... — растерянно протянул юноша, недоумённо глядя на меня.

— Он сказал: "Если не знаешь, как лучше солгать, говори правду". Поэтому мы с тобой и пойдём к калифу говорить правду.

Я лучезарно улыбнулась юноше и подмигнула. Он застыл, как оглушённый.

— Вы напрямую скажете калифу, что пришли за вещью, которая принадлежит ему, и за моей невестой? — медленно проговорил он. Слова падали, как огромные булыжники. — Вы хотите погубить нас, хэннум?

Я укоризненно покачала головой и шутливо погрозила ему пальцем:

— Дарсан, всю правду скажет только круглый дурак. Мы же не дураки, правильно? Поэтому мы просто слегка недоговорим.

Мой обновленный план заключался в следующем: я представляюсь эксцентричной собирательницей древностей, что истинная правда, если взглянуть на мой род занятий под иным углом. Дарсана назову своим слугой (здесь тоже не придётся кривить душой). Остается только полагаться на свою удачу и надеяться, что калиф оценит моё искреннее желание познакомиться поближе с его роскошным дворцом и сокровищницей.

Я в ажитации соскочила с кушетки и придирчиво оглядела себя в большое напольное зеркало. Конечно, алое шёлковое платье и многочисленные драгоценности тончайшей ювелирной работы смотрелись сногшибательно, но каждая деталь в них вызывающе напоминала об алдорской моде. Будучи в Ранаханне, нужно выглядеть по-ранахански.

В соседней комнате стоял сундук, доверху набитый одеждой Назиры — последней во всех смыслах этого слова пассивной Сокола. После нашей с ней краткой встречи я посчитала справедливым позаимствовать у этой заносчивой аристократки значительную часть сокровищ и туалетов. С её стороны было крайне неосмотрительно отправляться в путешествие, прихватив всё это с собой.

Я нехорошо усмехнулась. Воспоминание о том, как с Назиры быстро слетел лоск, когда она полетела за борт, доставило мне мрачное удовлетворение. Интересно, она уже придумала способ выбраться с того одинокого острова?

Забывшись на мгновение, я принялась медленно расшнуровывать корсет, собираясь

подобрать подходящий для калифского дворцанаряд. Очнуться меня заставил надсадный кашель: Дарсан, пунцовый, как море на закате, отчаянно пытался смотреть в сторону.

Я быстро затянула шнуровку и велела:

— Принеси сундук из соседней комнаты и можешь подождать там, пока я подберу платье для визита в «Лилию». Потом отправимся в город и подберем тебе что-нибудь поприличнее этих лохмотьев.

На этот раз Дарсан взглянул на меня с обидой, смешанной с оскорбленной гордостью. Я только вздохнула: разумеется, опять забыла про местный менталитет. Интересно, как здесь вообще умудрялась править исчезнувшая мать калифа?

Из соседней комнаты доносилось мерное похрапывание моего новоиспеченного слуги, время от времени прерываемое невнятным бормотанием и болезненным постаныванием. Сквозь тонкие муслиновые занавеси стыдливо проглядывала увядающая луна. Вдалеке пронзительно кричали павлины, и стучала, то приближаясь, то удаляясь, колотушка ночного сторожа.

Духота наполняла комнату и давила на виски. Я лежала поверх расшитого узорами покрывала, скрестив руки под затылком и глядя в шелковый полог громадной кровати. Сон обходил меня стороной, оставив наедине с луной и мыслями.

Мой план хромал на обе ноги. Я пускалась в абсолютно необдуманное предприятие, полагаясь лишь на свою смекалку и актёрские способности. У меня не было ни внутреннего плана дворца, ни сведений об охранных заклинаниях и возможных ловушках, лишь слова и домыслы Дарсана.

Будто услышав мои мысли, юноша вскрикнул во сне. Я с досадой хлопнула себя по лбу: совсем забыла про своё обещание! Значит, кроме розысков Камня, нам придется шататься по "Лилии" в поисках девицы.

Как же её имя?

Это при том, что у меня совершенно не было даже предположений о путях отступа из дворца.

На миг закралась крамольная мысль: не бросить ли парня на произвол судьбы, после того, как найду то, что нужно? Пусть сам ищет свою красотку, раз ему так хочется.

Однако от этой идеи пришлось отмахнуться. Несмотря на свои не всегда благородные поступки, мне претило обманывать доверившегося мне человека. Наверное, ещё не все в душе окаменело.

Я тяжело вздохнула и перевернулась на бок, бездумно водя пальцем по узорам покрывала. Мысль испуганной птицей метнулась в другую сторону: теперь меня занимал вопрос местного устройства.

Дарсан упоминал о странных законах, издаваемых калифом. Интересно, какой в них смысл? Чем помешали его величеству те же кошки (я слабо усмехнулась, вспомнив своё прозвище)? Может быть, он питает к ним неприязнь с детства? Но закон этот принят недавно. Открытая охота на красивых девушек... Что с ними делают там, в «Лилии небес»? Калиф свихнулся на почве государственной власти? Сумасшедший с браздами правления в руках хуже безумного капитана, направившего корабль в сердце бури.

Я вздрогнула и поёжилась. Несмотря на жаркую духоту, мне стало зябко.

С другой стороны не совсем похоже, чтобы во главе калифата стоял безумец. Народ живет неплохо, его не душат непомерными поборами, не устраивают бессмысленных

гонений на инакомыслящих, не пытаются сравнить с соседней Алдорией и княжеством Хайянь. Может быть, всем чудачествам его величества есть рациональное объяснение? Или его сдерживают визири?

Что ж, попробую разобраться в этом уже по прибытию во дворец.

Я зевнула. Веки набухли, становясь всё тяжелее и тяжелее, пока не закрылись совсем.

16 — **муаззин** — тот, кто провозглашает азаны (молитвы) с минарета, восхваляя Солнцеликого. Обычно это происходит пять раз в день: утром, в полдень, после полудня, вечером и ночью;

17 — **Солнцеликий (Элоах)** — Единый Бог калифата Ранаханн. Теории существования иных богов отвергаются; противником Элоаха выступает Эмир — Повелитель Демонов Нижнего Мира;

18 — **дэннар** — мелкая серебрянная монета калифата. 50 дэннаров равняются одному золотому альвэннару;

19 — **Дивные Сады** — загробный мир, благословенная обитель для тех, кто провел свою жизнь в верном служении Солнцеликому;

20 — **сайборон** — владелец караван-сарая;

21 — **зиндан** — подземная тюрьма в калифате;

22 — **тайгор** — шестипалый хищник с буро-желтой шерстью, похожий на пуму;

23 — **минсенкай-йо** — всеобщее наречие для жителей всех обитаемых земель;

24 — **хэннум (госпожа)** — почтительное обращение к женщине;

25 — **альвэннар** — золотая монета в Ранаханне;

26 — **Благословенный пророк** — единственный пророк, чьими устами говорил Солнцеликий. После смерти пророка все его слова были занесены в Священную книгу Ранаханна;

27 — **Хайсор** — столица Ранаханна;

28 — **айлэ** — фруктовый или травяной чай со специями, приготовленный на песке;

29 — нефритовые украшения, изготовленные особым образом, дают владельцу возможность подслушивать разговоры в том месте, где такое украшение размещено;

30 — **Кайташер** — степная страна, принадлежащая Воронам — племени кочевников. Вороны славятся искусством изготавливать украшения, покрытые особой светящейся в темноте эмалью, которые очень ценятся среди знати;

31 — **абана** — верхняя просторная женская рубаша из грубой домотканной материи, позволяющая выставлять напоказ лишь кисти рук и щиколотки ног;

32 — **ирмень** — маленькая экзотическая птица с ярким оперением;

33 — **литанэ** — Говорящие с Камнями. Разумная раса, имеющая людской облик, но обладающая способностью "разговаривать" с камнями и "видеть" при их помощи;

34 — **альхана** — крытая повозка;

35 — известная в Алдории поговорка, аналог "вернёмся к нашим баранам". Гхалга — небольшая лесная птица;

36 — **каэджаб** — верхняя женская одежда, включающая в себя головную накидку, наглухо закрывающую лицо за исключением глаз;

— Какова цель вашего визита во дворец, Каэрре-хэннум? — вкрадчиво спросил первый визирь калифата, внимательно глядя на меня исподлобья. Его минсенкай-йо был безупречен.

На первый взгляд седой мужчина, подстриженный по ранаханнскому обычаю — сзади кончики волос едва касаются плеч, а длинные пряди у висков достигают широкого пояса — излучал доброжелательность и искренний интерес. Но я ощущала кожей нешуточное напряжение, исходящее от него. Интересно, что же заставило его так нервничать?

Я лучезарно улыбнулась собеседнику, словно пределом моих мечтаний был ответ на этот вопрос. Улыбка вышла немного усталой: мне пришлось выдержать череду аудиенций и бесед со стражниками и визирями всех видов и мастей, ответить на совершенно одинаковые вопросы и превзойти себя в дружелюбии и велеречии, дабы убедить всех в том, что моё желание побывать во дворце безобидно и продиктовано лишь стремлением посмотреть на «Лилию Небес» изнутри и пообщаться с калифом лично. Что ж, сегодня голубка Гвиленны(37) вспорхнула мне на плечо, и теперь я разговаривала с первым визирем.

— Я очень рада оказаться в этом дворце, Аль Эхмат-эгга(38), — одобрительное выражение лица визиря показало мне, что он доволен тем, что я потрудились заранее выяснить, как его зовут. — Я столько читала о нём, о калифате. Да я буквально брежу Ранаханном!

«Тебе нужно изобразить неподдельный восторг», — строго сказала я себе. — «Представь, как ты достигаешь берегов Призрака».

Я почувствовала, как глаза вспыхнули ярким огнём восторга. Отнеся это на счет прелестей Ранаханна, визирь удовлетворенно склонил голову, показав, что готов выслушать мои дальнейшие восторженные излияния.

Мы сидели друг напротив друга на низких кушетках в приемном покое визиря — просторной комнате, изысканно отделанной яшмой и опалами. На стенах красовались фрески, изображающие сцены из Священной книги, а пол покрывали ковры с мягчайшим ворсом, поглощающим любые звуки. Ранаханн не зря славился на все четыре материка не только искусными оружейниками и ювелирами, но и непревзойденными ковровых дел мастерицами. Позади меня, как недвижимое изваяние, стоял Дарсан, а у двери дежурил рослый стражник с непроницаемым лицом. Очевидно, визирь рассудил, что хрупкая девушка и юноша далеко не самого атлетического сложения не представляют особой опасности. Аль Эхмат вальяжно раскинулся напротив меня, время от времени прикладываясь к трубке кальяна, от которого я вежливо отказалась.

Выпалив фразу и почувствовав, что в ней не хватает накала чувств, я всплеснула руками, будто бы охваченная взволнованным трепетом. Кисейная шаль, накинутая на плечи, всколыхнулась, на миг явив господину Аль Эхмату шею. Визирь заметно покраснел.

— Видите ли, эгга, — продолжила я медовым голосом. — Богатые люди иногда позволяют себе небольшие слабости. Я достаточно богата, чтобы время от времени баловать себя. Для кого-то отрадой является охота, для кого-то — веселые пиры с друзьями...

— А что отрада для вас? — хриплым голосом перебил Аль Эхмат, откладывая трубку кальяна, наклоняясь вперед и пожирая меня глазами. Если я смыслю толк в мужчинах, то можно считать, что и этот не устоял перед моими чарами.

Я расслабленно откинулась на широкую спинку кушетки, томно прикрыла глаза и мягко промурлыкала:

— А я, мой эгга, охотница за редкостями. Немного неожиданное увлечение для женщины, признаю, но кровь закипает, стоит мне увидеть древнюю амфору или статую, извлеченную с морского дна. Ну, а истинное счастье — добавить что-то в свою коллекцию редкостей!

Нет ничего приятнее, чем говорить правду. Пусть даже и капельку завуалированную.

Я порывисто вздохнула и резко выпрямилась. Шаль с легким шелестом соскользнула с моих плеч, явив взору визиря и охранника всю прелесть расшитой бисером и стеклярусом короткой кофточки Назиры, призванной скрывать, а на деле лишь подчеркивающей мои достоинства.

За моей спиной на Дарсана вновь напал приступ кашля. Глаза визиря и его охранника затуманились, обжигая меня недвусмысленными взглядами. Выждав ради закрепления эффекта пару ударов сердца, я стыдливо зарделась и накинула кисею на плечи.

Визирь глубоко вздохнул и начал:

— Каэрре-хэннум, я...

Закончить фразу ему не дали.

За его спиной распахнулась золочёная дверь, инкрустированная сердоликом. В комнате возник еще один обитатель "Лилии".

Не оборачиваясь, я почувствовала, как Дарсана пробила крупная дрожь. Даже без этого было ясно как день, кто перед нами.

На первый взгляд он показался просто огромным, потому что я смотрела на него снизу вверх. Потом стало понятно, что капитан Коннар выше меня лишь на голову.

На моём пути встречалось мало северян, но всех их роднило одно: густые, вьющиеся чёрные волосы, по-волчьи хищные черты лица и массивное телосложение. Капитан Коннар служил ярким образчиком северного народа, отличаясь от своих соплеменников разве что выдубленной жарким солнцем Ранаханна кожей и длинными волосами, не заплетенными по обычаям Севера(39) в косу, а свободно рассыпавшимися по плечам. На вид капитану было около тридцати лет, но угрюмое выражение лица и пронзительные глаза добавляли ещё лет пять.

По острому взгляду, который капитан метнул в нашу сторону, было понятно, что с ним лучшешний раз не связываться.

А ещё я поняла, что боюсь его. Этот страх рождался где-то глубоко внутри, заставляя конечности цепенеть, а язык — неметь. Это было неожиданно. Мало, кто на этом свете мог испугать меня, однако капитану Коннару это удалось, даже не приложив никаких усилий.

Дарсан скорчился за моей спиной и еле слышно прошептал:

— Хэннум, вы всё ещё уверены, что хотите во дворец?

— Уймись, — одними губами ответила я, продолжая очаровательно улыбаться визирю и краем глаза наблюдая за капитаном. Едва кивнув вытянувшемуся перед ним стражнику, тот подошёл к моему собеседнику и, наклонившись, что-то тихо сказал ему. Визирь виновато посмотрел на меня и, бросив вполголоса недовольное "Я же предупреждал вас!", вновь расплылся в улыбке:

— Каэрре-хэннум, я нижайше прошу прощения за столь неожиданное прерывание нашего разговора. Позвольте представить вам капитана дворцовой стражи Коннара. Капитан, это Каэрре-хэннум, она путешествует со своим слугой. В ближайшие два дня она

будет гостить в "Лилии", поэтому я лично прошу обеспечить ей полную безопасность и проследить, чтобы она провела эти три дня с полнейшим удобством.

Значит, мои усилия не пропали даром, и визирь уже всё решил. Кровь вскипела от облегчения и радостного возбуждения. Я смело подняла глаза на капитана, влюблённо улыбнулась и протянула руку.

— Чрезвычайно рада нашему знакомству, капитан.

Коннар на несколько мгновений замешкался с ответом, беспардонно разглядывая меня. В его глазах читался откровенный интерес, смешанный со снисходительной насмешкой. Что ж, его манеры объясняет то, что северные кланы воспринимают женщин как слабых существ второго сорта.

Моя ладонь утонула в пожатии огромной руки. Он сухо бросил без намёка на улыбку:

— Взаимно, Каэрре-хэннум.

Бросив быстрый взгляд на Дарсана, он резко развернулся и вышел. Золотые колокольчики над дверью тихонько звякнули.

Я перевела дух, чувствуя, как предательски трясутся поджилки. Мгновение назад мне отчаянно хотелось визжать и бежать из "Лилии", куда глаза глядят.

Вот только этого не хватало!

Перехватив взгляд недоуменного визиря, я обнаружила, что уже несколько долгих мгновений сижу абсолютно прямо, растянув губы в неестественной улыбке. Стряхнув с себя оцепенение, я устало повела плечами и вздохнула:

— Правильно ли я поняла Вас, Аль Эхмат-эгга, что мне всё-таки дозволено побывать на экскурсии по дворцу?

Первый визирь кивнул и, понизив голос, торжествующе сказал:

— Вы не ослышались, хэннум. Не отказывайте себе ни в чем, почувствуйте себя как дома в течение этих двух дней. Более того, я обещаю лично выхлопотать для вас аудиенцию у калифа!

Он сложил перед собой направленные в мою сторону ладони и устремил поверх них выжидающий взгляд. Внутреннее ликование нарастало толчками. Я даже испугалась, что оно может затуманить разум и отнять способность здраво рассуждать.

Внезапное наблюдение отрезвило меня. На виске визиря быстро-быстро билась синеватая жилка, а высокий лоб покрыли бисерины пота. Он нервничал ещё больше, чем в самом начале нашего разговора! Может быть, я сказала что-то не то? Или же, наоборот, он что-то не договорил?

Тем временем Аль Эхмат встал и жестом предложил нам с Дарсаном проследовать за ним.

— Где вы остановились, хэннум? Я прикажу слуге немедленно доставить в "Лилию" ваши вещи.

Я назвала караван-сарай, почувствовав, как внутри зародилось неясное предчувствие чего-то не совсем хорошего. Его тон начал казаться чересчур радушным, а глаза будто бы нарочно искали любой возможности встретиться с моими.

Словно визирь знал, что первый признак лжи — стремление отвести взгляд.

Однако он явно не подозревал, что преувеличенное заглядывание в глаза — это второй.

— Не нравится мне всё это, Каэрре-хэннум, — жалобным голосом сказал Дарсан, застывая около меня.

Я предупреждающе приложила палец к губам, тщательно исследуя выделенную нам комнату в восточном крыле дворца. Вернее, полторы комнаты — в дальнем углу за расписной ширмой виднелся дверной проем, за которым обнаружилось небольшое помещение для прислуги. Оно было обставлено значительно скромнее отведённой мне комнаты, однако после бедняцкой лачуги показалось моему спутнику верхом роскоши.

Что касается моей комнаты, то её убранство я бы смело зарисовала и отправила в Королевский театр Алдории для декораций к постановке каких-нибудь "Тайн Восточной ночи". Ковры искуснейшей ручной работы, тяжёлые золотые светильники, благовония, в изобилии кутившиеся из специальных подставочек, подушки, вазы с фруктами и сладостями, зеркала... Венчала эти ранаханские изыски гигантская кровать, в которой при желании уместилась бы целая команда пиратского корабля.

Дарсан вновь попытался заговорить, но я упреждающе покачала головой, взяла с резного столика у кровати лист желтоватой бумаги, перо и быстро написала:

"Нас могут подслушивать. Если хочешь что-то сказать — пиши".

Дарсан глянул на надпись. На его лице проступило непонимающее выражение: письменный минсекай-йо давался мне куда труднее устного. Я испугалась, что мой спутник меня не поймет, но его лоб разгладился, и Дарсан серьёзно кивнул. Затем он взял у меня перо и дописал, старательно выводя каждый символ:

"Ярайки. Они тоже умеют говорить".

Теперь пришла моя очередь морщить лоб. Заметив это, Дарсан быстро изобразил на бумаге странное существо, отдалённо смахивающее на двухголовую ящерицу. Тут я и поняла, что он имеет в виду.

Ярайки или, как их называли в Алдории, эккцеты — крошечные драконицы, уникальные не столько своей двухголовостью, сколько способностью запоминать и имитировать звуки. Их часто можно было встретить в больших городах, где они приводили в бешенство кошек, забираясь под крыши и мяукая оттуда, передразнивая птиц и попискивая крысой. В нашей стране никому ещё не приходило в голову испытать их искусство имитации именно человеческой речи. Похоже, ранаханцы оказались куда сообразительнее.

Эккцеты отличались чрезвычайной юркостью и потому могли находиться где угодно в нашей комнате.

Я с опаской огляделась и тяжело вздохнула: если они действительно здесь есть, осмотр помещения ничего не даст. Можно немного расслабиться и отдохнуть, дожидаясь приглашения к калифу.

Дарсан же ощутимо нервничал. Он быстро мерил шагами комнату, теребя в руках перо, и время от времени облизывал губы. Я молча следила за ним, пока не почувствовала, как от мельтешения начинает кружиться голова. Странно — я думала, что морская болезнь миновала ещё со времен плавания на корабле Сокола.

— Успокойся, — тихо сказала я. — Думай о приятном, и все тревоги уйдут.

Дарсан смерил меня гневным взглядом.

— Вам легко говорить, хэннум, — начал он, как вдруг раздался стук в дверь.

Юноша ничего не сказал, но судорога, пробежавшая по телу, поведала о его эмоциях красноречивее слов. Я поняла, что открывать придется мне: парень, и без того не находивший себе места, окончательно запаниковал.

— Иди в свою комнату, — посоветовала я. — День уже клонится к вечеру, так что вряд ли нас сегодня позовут к калифу.

Бросив на меня полный благодарности взгляд, Дарсан исчез в помещении для слуг, а я, навесив на лицо одну дежурную улыбку, распахнула дверь.

На пороге обнаружился склонившийся в три погибели слуга — пожилой ранаханец с густой чёрной бородой, которую кое-где прочертили полоски седины. На нём был ярко-белый халат и тёмно-красная феска со звездой, вышитой над глазом. Рядом стоял мой сундук, а в руках посетитель держал поднос, заваленный разнообразными яствами.

— Великий калиф Теймуран Восьмой счастлив приветствовать вас в своем дворце, Каэрре-хэннум, — монотонным речитативом произнес слуга и вытянул руки с подносом вперед. — Он шлёт вам эти скромные дары ранаханнской земли и приглашает завтра посетить его в Лазурном зале «Лилии» после полуденного азана. Меня зовут Тариб, на эти два дня я буду вашим личным слугой во дворце. У вас есть какие-нибудь распоряжения на сегодня?

Я с жалостью посмотрела на него и прикинула, что от долгого стояния в такой позе точно заболит спина: поднос даже на вид весил прилично. Интересно, как он один справился и с сундуком, и с калифским даром? Хотя ему могли помогать.

— Благодарю вас, Тариб, — улыбнулась я. — Передайте калифу мою глубочайшую благодарность. Я счастлива принять его приглашение. Что же касается распоряжений, то, возможно, нам понадобится что-нибудь через некоторое время. Как вас позвать?

Слуга сунул поднос выскочившему из комнаты Дарсану. Похоже, последний понял, что его опасения оказались призрачными. Тариб с явным наслаждением разогнулся и протянул мне миниатюрный нефритовый свисток в виде капли:

— Подуйте в него, хэннум, если что-то пожелаете. Я услышу, где бы ни находился.

Я с благодарностью приняла безделушку и спрятала её за пазуху. Тариб наклонился, коснувшись ладонями пола у моих туфель, и степенно удалился. Проводив взглядом его неестественно прямую спину, я задумчиво покрутила в пальцах безделушку. Подобные свистки были распространены в богатых домах Алдории — литанээ из дома Нефрит специализировались на подобных штуках, подстраивая их индивидуально под каждого слугу, дабы только он мог слышать зов хозяина.

Я торжественно повернулась к Дарсану:

— Видишь? Мы произвели неизгладимое впечатление на визиря, раз приглашение подоспело так скоро.

Парень пожал плечами. Он явно не разделял моей радости.

— Осмелюсь предположить, хэннум, что он рассчитывает получить с вас определенного рода... м-м-м... услуги.

Я плотно прикрыла дверь и нахмурилась:

— В какой-то мере я и рассчитывала вызвать у него подобные ожидания. Однако сдаётся мне, ты упомянул об этом неспроста.

Дарсан замялся, выразительно покосившись на лист бумаги. Не усмотрев в нашем разговоре ничего предосудительного, я легкомысленно махнула рукой — говори не таясь.

— Каэрре-хэннум, боюсь, первый визирь принял вас за блудницу, — запнувшись на последнем слове, выпалил юноша и покраснел. Не дождавшись от меня реакции, он продолжил:

— Видите ли, Священная книга предписывает женщинам придерживаться строгих правил поведения и одежды, а вы их почти все нарушили. Вот я и боюсь, что визирь мог превратно истолковать то, как вы себя вели.

— Я же чужеземка! — возмутилась я, прокручивая в голове наш диалог с Аль Эхматом. Кажется, секрет его напряженности был раскрыт.

Дарсан кивнул:

— Конечно, это извиняет вас, однако я думаю, что к встрече с калифом вам следует... м-м-м... подготовиться. Ему могут не понравиться ваши манеры.

— Какие, например? — нетерпеливо спросила я. Дарсан принялся загибать пальцы:

— Наши женщины не смеют смотреть в лицо мужчине, открыто кокетничать с ним, громко говорить или смеяться. Они не имеют права начинать разговор прежде, чем к ним обратятся. И уж конечно, — Дарсан вновь покраснел. — Они не носят таких нарядов.

— Но я-то взяла... в смысле, эту одежду мне одолжила подруга, а она родом из Ранаханна! — у меня пошла кругом голова от сказанного юношей. Похоже, я и в самом деле слегка переборщила с образом взбалмошной богатейки.

Дарсан пожал плечами:

— Наверное, ваша подруга, хэннум, надевала подобное лишь дома или при супруге. Странно, что она не просветила вас относительно правил приличия в Ранаханне. Поверьте, нам оказали неслыханную честь, пустив сюда, да ещё выделив слугу. Обычно о том, чтобы мужчина прислуживал женщине, невозможно и помыслить! На первый раз нам сошла с рук ваша дерзость, но впредь надо быть осторожнее.

Возразить было нечего, поэтому мне оставалось лишь ехидно заметить:

— Между прочим, ты сам ни словом не обмолвился относительно местных обычаев, когда мы только направлялись в "Лилию".

— А вы меня и не спрашивали! — дерзко парировал Дарсан, вздёрнув кверху подбородок. Затем, вспомнив о своём положении, он поспешно опустил голову, ожидая порицания.

Я миролюбиво протянула:

— Хорошо, давай забудем об этом. На этот раз нам предстоит предстать перед самим калифом, и я не хочу, чтобы он мог вообразить себе нечто более того, что есть на самом деле. Давай не мешкать. Расскажи мне всё о традициях и требованиях к поведению женщин.

Лицо Дарсана прояснилось.

— Как скажете, хэннум. Итак, прежде всего, вам нельзя надевать красное, зелёное и белое...(40)

Лазурный зал "Лилии Небес" получил своё название благодаря эмали цвета осеннего неба, которой были облицованы стены и потолок зала, плавно уходящий ввысь величавыми изгибами. При попадании в зал создавалось впечатление, что находишься внутри огромной полой луковицы, поставленной стоймя. На стенах сверкали белоснежные ажурные раны(41), запечатлевшие мудрые изречения Великого Пророка из Священной книги (я не поняла ни единого слова, Дарсан шёпотом пояснил мне, что в основном изречения, написанные на древнеранаханнском, содержат свод строгих правил и ограничений для любого правоверного). Раны перемежались небольшими — с ладонь — концентрическими кругами, заключёнными друг в друга. Они шли друг за другом в строгом порядке — самый большой — темно-синий, в нем — белый, и, наконец, самый маленький — ярко-жёлтый. Россыпь таких же кругов виднелась на потолке, создавая впечатление, что я нахожусь под обстрелом сотен глаз. Ощущение было не из приятных. Я невольно поёжилась.

— Это глаза великого Элоаха, да благословён будет он и Пророк его, — прошептал

Дарсан, благоговейно глядя вверх. — Они напоминают нам, что Лучезарный видит всё, даже самые сокровенные тайны и помыслы.

Я неопределенно пожала плечами. Теперь понятно, почему по прибытии в Ранаханн этот узор попадался мне на каждом шагу.

"Глаза" не вызвали у меня благоговейного восторга. Возникло лишь желание побыстрее покинуть Зал. К тому же дневной свет, мягко сочащийся из круглого отверстия в вершине "луковицы", падал на «глаза» таким образом, что казалось, будто зрачки шевелятся. Неприятный холодок вновь змейкой юркнул между лопаток. Я поспешила опустить глаза.

Мы стояли на пороге Лазурного Зала, смиренно ожидая калифа. Его царственная особа опаздывала. Перед нами сверкало пустое золочёное кресло. Изящные узоры на нём частично скрывала шкура неизвестного мне животного. Пустовал и Зал, если не считать двух стражников в длинных тёмно-синих халатах, подпоясанных витым золотым шнуром. Они стояли навытяжку по обе стороны двери и, почти не моргая, остекленело глядели перед собой. В руках стражники держали кривые ятаганы, нацеленные в потолок.

Их неподвижность заставила меня вспомнить, что среди пиратов Двух Океанов толковали о глиняных големах, находящихся в услужении ранаханнского калифа. Интересно, это живые люди?

С трудом поборов искушение дотронуться до стражника, я наклонилась к Дарсану, чтобы поделиться своим наблюдением, когда мелодично запели силлы(42). Широкие двери в противоположном конце зала, украшенные фамильным гербом калифа — пустынным тайгором, душащим змею — распахнулись. В Зал величавой поступью вошёл калиф, сопровождаемый первым визирем и тремя слугами, наигрывающими на силлах. В хвосте этой процессии горой высился капитан Коннар, угрюмый, как и в прошлый раз. При взгляде на него внутри всё захолонуло; не то чтобы появление капитана явилось сюрпризом, однако я до последнего надеялась, что у него найдутся дела поважнее присутствия на нашей с калифом неофициальной встрече.

Дарсан сдавленно вздохнул. Я ободряюще коснулась его руки. Он дёрнулся, как от разряда молнии.

— Спокойно, друг мой, — хладнокровно прошептала я. — Обратного пути нет.

Теймуран Восьмой оказался subtilным молодым человеком, вряд ли разменявшим третий десяток. Не знаю точно, можно ли ранаханским калифам брать в гарем родственниц, но у человека, стоящего передо мной, налицо были явные признаки вырождения: бесцветные, чуть навывкате глаза, жидкие тёмно-каштановые волосы и тощая бородка, которой, по всей видимости, придворные цирюльники пытались придать пышность, но не преуспели. Кожа у царственной особы была не смуглая, как у его подданных, а сероватая.

Невыразительная внешность калифа как назло подчёркивалась пышным одеянием: шёлковой белоснежной дисдасой(43), подпоясанной золочёным поясом, расшитым рубинами, поверх которой красовался ярко-алый парчовый жилет. Венчал роскошный туалет калифа причудливый медальон, похожий на двояковыпуклую линзу с матовой поверхностью. Она была оправлена в изысканную серебряную вязь и подвешена на толстую витую цепочку. Медальон меня заинтриговал. Я едва поборола желание прикоснуться к нему кончиками пальцев или хотя бы поближе рассмотреть его.

Скорее всего, его величество исподволь ощущал несоответствие собственной внешности

положению. Он сутулился, втягивая голову в плечи и поджимая губы, словно зверёк, почуявший опасность.

"Такой невзрачный, а красивых девушек увозит", — горько усмехнулась я. Будь он обычным человеком, красавицы на него бы не взглянули.

Тем временем Теймуран бесцеремонно разглядывал меня, чуть подняв голову — его затылок едва касался моего уха. Я сохраняла молчание, прижав правую ладонь к груди, чуть наклонив голову и смиренно опустил глаза в пол.

— Мы рады приветствовать Вас в Ранаханне, Каэрре-хэннум, — наконец соблаговолил произнести его величество на минсенкай-йо. Голос у него был низкий и звучный, но лишённый обаяния. Как ветер, завывающий в каминной трубе.

— Великое счастье не только посетить Вашу дивную страну, но и лицезреть её лучезарного правителя и его великолепный дворец, — почтительно пропела я, опускаясь перед калифом на колени и целуя подставленный перстень-печатку. Старинная работа, бирюза и роспись золотом по ней, такой потянет на сто дориев у подпольного ювелира.

Дарсан бухнулся на колени вслед за мной. Черты лица калифа разгладились, показав неподдельное удовольствие от моей хорошо продуманной лести. Правитель Ранаханна указал мне на низенькую скамеечку, услужливо поставленную одним из слуг перед креслом. Скамеечка была крайне неудобной, и, сидя на ней, приходилось задирать голову, чтобы свободно разговаривать с Теймураном Восьмым.

После взаимного обмена любезностями обстановка в Зале разрядилась. Первый визирь занял место позади трона калифа, не забывая бросать на меня пылающие взгляды. Я улыбалась ему краешком рта, мысленно благодаря Дарсана за полезные советы. Длинная, наглухо закрывающая шею и бюст темно-синяя абана из льна вместе с шёлковыми шароварами придавала уверенности. Волосы я скрутила в тугий узел на затылке и вдела в уши золотые серьги-кольца, решив не перебарщивать с украшениями.

Рядом с визирем стоял капитан Коннар, время от времени обменивающийся с ним сухими отрывистыми фразами. Похоже, эти двое недолюбливали друг друга и принуждены были держаться любезно исключительно по долгу службы.

В мою сторону капитан почти не смотрел, изредка скользя по мне колючим недоверчивым взглядом. Я ему не нравилась. Это сквозило в каждом его движении. Что это — чутьё опытного стражника? Интуиция, подсказывающая, что я не та, за которую себя выдаю? Неважно. Важно то, что капитан — пока единственный человек в "Лилии", представляющий реальную угрозу для нас.

— Кто сей юноша? — спросил калиф, кивнув на Дарсана. Я почувствовала, как тот сжался, и поспешила ответить:

— Мой слуга, о лучезарный калиф. Я купила его на невольничьем рынке в городе Алькутт несколько лет назад, совсем мальчишкой. Признаюсь, некоторое время досадовала, что переплатила — уж больно заморенным был, но сейчас не жалею — старательный, а главное, преданный.

Я толкнула Дарсана, и он понятливо осклабился в широкой улыбке. Калиф кивнул:

— Вы правы, хэннум. В наше время преданность — едва ли не наиважнейшее качество слуги. Как там сказано у Пророка, Аль Эхмат? — с этими словами Теймуран многозначительно посмотрел на визиря. Тот поспешил отвлечься от гипнотизирования меня и подобострастно склонился к своему господину:

— "Верный слуга подобен псу; он также следует за своим хозяином и ценит его жизнь"

превыше своей. Когда же настанет черед хозяина умирать, помрёт и пёс, дабы сопровождать его к престолу Лучезарного".

— Истинно так! — торжественно провозгласил калиф, а я вздохнула: вот уж не завидую местной прислуге, если даже смерть хозяина обязывает их последовать за ним.

Молчаливый слуга, точь-в-точь Тариб, только помоложе, внёс широкий поднос, заставленный вазочками с изысканными ранаханскими сладостями и кубками с прохладительными напитками. Подносом обнесли всех, начиная с меня.

— У вас красивое имя, Каэрре-хэннум, — медленно промолвил калиф, отхлебнув из своего кубка и пристально глядя на меня поверх него. — Насколько нам известно, "каэрре" на наречии Кайташеррских Воронов означает "кошка". Вы состоите в родстве с этим племенем?

Почва подо мной моментально стала зыбкой. Представляясь вымышленным именем первый раз, я брякнула то, что пришло на ум. С кочевниками я общалась какое-то время, но мне было невдомёк, что поверхностное знание их языка может сыграть со мной такую злую шутку.

Я отпила из кубка прозрачный медовый напиток, абсолютно не почувствовав вкуса. А калиф оказался полиглотом. Что это — намёк? Или желание втянуть меня в более пространный диалог? В любом случае придётся отвечать наобум с некоторой долей риска.

Я повела плечом, жалея, что не могу отвлечь внимания собеседника старым проверенным способом — "случайно" соскользнувшей лямкой, и открыто улыбнулась калифу:

— Честно говоря, впервые слышу о столь оригинальной трактовке. Спешу обратить внимание лучезарного калифа, что Каэрре — это имя рода. Моё имя, данное при рождении — Кассандра.

"Вот так. Вот и славно. Теперь главное не забыть и не запутаться, если вдруг кому-то из них придёт в голову окликнуть меня по имени", — подумала я, исподволь наблюдая за реакцией калифа. Тот, кажется, остался вполне доволен ответом, вполголоса сказал что-то визирю и нетерпеливым взмахом руки отослал его. Затем вновь приложился к кубку и посмотрел на меня, прищурившись.

— Откуда Вы родом, хэннум?

Я слегка расслабилась: можно на некоторое время отвлечься от придуманной легенды и позволить себе говорить почти правду.

— Из Алдории, о лучезарный, — мой родной остров Коннемара и впрямь состоял в подданстве алдорскому королю. — Поместье моё находится прямо у подножия Зеркальных гор.

Месторасположение своего "поместья" я выбрала не случайно — Зеркальные горы слыли живописнейшим местом, где любила селиться алдорская знать. В последнее десятилетие при дворе было чрезвычайно модным прихвастнуть наличием угодий именно там. Думаю, калиф наслышан об этом, и моё заявление не вызовет лишних подозрений.

— Мы очарованы, Каэрре-хэннум, — вальяжно промолвил Теймуран. — Вы столь же прекрасны, как нам и рассказывали о вас. Позвольте нам полюбопытствовать — что побудило столь прекрасную деву отдаться поискам редкостей, да ещё и в одиночку? Неужели одна лишь любовь к коллекционированию?

В тусклых глазах калифа зажегся едва уловимый огонёк жадного интереса.

— Одним коллекционированием сыт не будешь, — с достоинством ответила я. —

Подчас за редкости можно выручить очень неплохие деньги, особенно если хорошо знаешь, кому и что предложить. Что же касается возможных опасностей, то смею заверить лучезарного калифа — у меня надежная охрана. Я не боюсь никого и ничего. Думаю, лихим людям стоит крепко подумать прежде чем дерзнуть напасть на меня.

Капитан Коннар тихо фыркнул, поведя бровью с плохо скрываемым презрением. Калиф отставил кубок и в явном восторге трижды хлопнул в ладоши.

— Bravo, хэннум! Клянусь бородой Пророка, я впервые встречаю женщину, суждения которой по разумности почти равны мужским! — слово "почти" неприятно царапнуло, но я уже начала привыкать к обычаям Ранаханна. Тем временем, его величество продолжал:

— Достопочтенный Аль Эхмат передал мне, что Вы желаете осмотреть наш дворец. Мы окажем вам эту маленькую услугу и лично проведем по "Лилии"... Нет-нет, не стоит благодарить нас, — поспешно заметил калиф, когда я радостно привстала. — Это доставит нам одно лишь удовольствие. Следуйте за мной, Каэрре-хэннум. Не будем откладывать.

Теймуран Восьмой степенно поднялся и первым направился к дверям. Следом зашагал капитан стражи. Я задержалась, делая вид, что расправляю края абаны, шепнув Дарсану:

— Когда заглянем в гарем, сохраняй спокойствие, если увидишь Таллию. Помни: ты её не знаешь. Надеюсь, она догадается сдержать бурную радость?

— Я подам знак, — хрипло прошептал юноша и закашлялся. Наверное, от волнения, вызванного аудиенцией, у него пересохло в горле. Я сочувственно покачала головой и подала ему кубок:

— Пей. Сейчас начнется самое трудное и интересное.

— Умеее вы приободрить, хэннум, — слабо улыбнулся парень, жадно набрасываясь на питьё. Я подмигнула ему:

— Ещё как. Поторопимся, не будем заставлять лучезарного калифа ждать.

Дарсан немного отстал, расправляясь с питьём. Я поспешила к высоким — в два моих роста — искусно украшенным дверям. Там меня ждал небольшой сюрприз в лице капитана Коннара. Тот стоял в проходе, любезно придерживая створки. Этот жест так не вязался с его нескрываемой неприязнью, что не было сил сдержаться. Первоначальный страх перед северянином-великаном притупился, оставив вскруживший голову азарт. Мягко улыбнувшись застывшему изваянием наёмнику, я певуче произнесла:

— Капитан Коннар, я чем-то вас обидела?

Его чёрные брови сдвинулись к переносице. Капитан непонимающе воззрился на меня. Я поспешила уточнить:

— Мне постоянно кажется, что вы будто смотрите на меня с неудовольствием. Я бы не хотела, чтобы между нами возникло какое-то недопонимание, раз уж я проведу в "Лилии" какое-то время.

— Вам показалось, хэннум! — холодно перебил меня северянин. — Просто я боюсь, что вы сами не понимаете, во что ввязались.

Коротко поклонившись, капитан стремительно удалился, оставив нас с Дарсаном наедине с поджидавшим невдалеке калифом.

37 — **Гвиленна** — богиня удачи в коннемарском пантеоне. Изображается прекрасной рыжеволосой женщиной в зелёном платье с белой голубкой на плече. Считается, что если голубка Гвиленны сядет на плечо, человеку будет неизменно сопутствовать удача;

38 — **эгга (господин)** — почтительное обращение к мужчине;

39 — у подавляющего большинства кланов северных народов с давних времён

сохраняется обычай заплетать волосы в косу особым образом, указывая на свою принадлежность к тому или иному роду, семейное положение, название клана и т. д. Подобные косы носят не только мужчины, но и женщины;

40 — **красный** — цвет крови, **зеленый** — цвет войны и **белый** — цвет траура считаются сугубо мужскими и запретными для женщин расцветками в Ранаханне. Для мужчин наоборот приветствуется наличие этих цветов в одежде;

41 — **раны** — отдельные письменные фразы на языке Ранаханна;

42 — **силла** — народный музыкальный инструмент Ранаханна. Представляет собой небольшие — с мужскую ладонь — парные серебряные тарелки;

43 — **дисдаса** — традиционная мужская верхняя одежда, представляющая собой длинную рубаху в пол;

— Красиво, не правда ли?

— О да! — искренне выдохнула я. — Потрясающе!

Золотисто-алые лучи заходящего солнца дробились о крыши низеньких домов, отчего те сияли, словно новенькие золотые дории. Интересная традиция — настилать на верх строения медные полосы.

В густой, словно кисель, сиренево-оранжевой выси неба проплывали чёрные силуэты птиц, а внизу тоскливо перекликались муаззины, провозглашая вечерний азан с вершин минаретов. Прохладный ветерок ласково касался моего разгоряченного лица, принося с собой пряный аромат вечерних цветов, смешанный с запахом базилика и жарящегося мяса. Столица Ранаханна готовилась к наступлению ночи.

Мы с калифом стояли на самой высокой башне "Лилии", откуда с узкого балкона открывался изумительный вид на Хайсор. Глядя на этот древний город, раскинувшийся под ногами, я начала понимать, почему знаменитый алдорский поэт Афелион назвал столицу Ранаханна "прекрасным цветком, распустившимся в краю пустынь, песчаных бурь и засух". Хайсор и впрямь походил на цветок — прекрасный, пленительный и загадочный.

Я тряхнула головой и слегка улыбнулась собственным мыслям. Похоже, скоро влюблюсь в столицу Ранаханна и начну слагать поэтические оды городу. Не следует забывать, что я явилась сюда не за стихотворными изысканиями.

— Вас что-то рассмешило, Каэрре-хэннум? — с вежливым любопытством спросил Теймуран, внимательно глядя на меня. Я покачала головой:

— Красота Хайсора настолько поразила меня, о лучезарный, что я почувствовала в себе не испытываемую мной доселе тягу посвятить вашему городу какое-нибудь стихотворение.

— Вы пишете стихи?

Я рассмеялась:

— Немного, Ваше Величество. Прелесть столицы поразила меня в самое сердце, и я пожалуй, посвящу Хайсору несколько строк. Обещаю, что вы непременно прочтёте их!

Глаза калифа загорелись восторгом. Он стукнул себя ладонью по груди и воскликнул:

— Поверьте, о прекрасная хэннум, это самые прекрасные слова, что мы слышали за последнее время. Ничто так не ублажает слух властителя, как искреннее восхищение чужеземца его страной!

Я улыбнулась шире, изо всех сил стараясь передать нужное восхищение, с трудом подавив зевок. Восточное велеречие, в рамках которого некоторые вещи повторялись по нескольку раз, облачаясь в изысканные метафоры, начало меня утомлять.

Мы посвятили почти весь день исследованию дворца. Калиф провел нас с Дарсаном по целой анфиладе комнат, распахивая двери и демонстрируя такое пышное убранство, что на фоне его особняки алдорской знати казались жалкими коннемарскими лачугами. О да, мне доводилось бывать у власть имущих Алдории, правда не совсем в роли почётной гостьи.

Ближе к вечеру, когда голова пошла кругом, а роскошь великолепных залов слилась в единое цветастое пятно, Теймуран, загадочно улыбнувшись, пригласил полюбоваться столицей. "Вы видели "Лилию", — сказал он. — "Но поверьте, её красота ничто перед величием Хайсора". Я согласилась, досадуя на то, что нам так и не показали главного —

сокровищницы и гарема. Да, кое-где в залах висели картины и гобелены, представляющие из себя большую ценность, а по дороге в башню Дарсан чуть не опрокинул фарфоровую вазу работы хайаньских мастеров; даже на мой не очень наметанный глаз возраст безделицы насчитывал около пяти веков. Однако это были жалкие крохи; в сокровищнице калифа нас поджидала настоящая ценность.

Скорее всего, калиф приберегал визит в святая святых дворца на завтра. Не зря говорят, что лучше всего запоминается последняя фраза в разговоре; так и калиф, очевидно, в завершении моего визита в "Лилию" решил окончательно сразить меня собственным величием.

Как бы то ни было, сейчас я была вынуждена стоять на балкончике бок о бок с Его Величеством и поддерживать восторг при виде столицы. На узенькой площадке, огороженной коваными перилами, помещались только два человека, и Дарсан смиренно ожидал меня на лестнице.

Воодушевлённое созерцание великолепного вида Хайсора скоро совсем мне опостылело, а Теймуран и не думал покидать башню. Бурно жестикулируя, он пламенно рассказывал мне о грядущих перспективах своего правления и какие меры он предпримет в дальнейшем, дабы ещё более возвысить Ранаханн. Я слушала его вполуха, погрузившись в медитативное созерцание окрестностей и поневоле представляя себе разочарованный гнев повелителя Ранаханна от того, что его изливания не вызывают у меня ни трепета, ни интереса. Однако кто бы мог подумать, что за невзрачным фасадом правителя кроется такой энтузиазм и любовь к стране? Только повезло ли её жителям? Как бы властитель не перегнул палку в достижении благополучия для всех и каждого.

Кстати, о калифе. Его поведение казалось странным, а отношение ко мне — непонятным. Если остальных обитателей дворца, с которыми довелось пообщаться, я читала как открытую книгу, то Теймуран, если продолжить сравнение, был наглухо закрыт на всякий замок. Невинный флирт и кокетство, не выходящие за рамки приличия (я помнила наставления Дарсана), — моё главное оружие для расположения к себе лиц мужского пола — потерпели крах. Калиф вежливо улыбался, поддерживал тон светской беседы, но держался отстранено, не проявляя никаких признаков интереса — ни тайных, ни явных. Иногда возникало подспудное чувство, что он даже старается лишний раз не жестикулировать, чтобы ненароком меня не задеть. Лишь на балконе он позволил себе более сильные эмоции. При всём этом его поведение шло вразрез с его же стремлением всячески угодить мне и даже посвятить пару дней в угоду моему желанию совершить экскурсию по дворцу.

Это было непривычно и тревожно. Я было заподозрила его величество в любви к сильному полу. Однако никто из встреченных нами слуг, включая неотступно находившегося рядом Дарсана, не вызвал у Теймурана никаких эмоций. Может быть, он и вовсе евнух, а гарем для прикрытия?

Теряясь в догадках, я стояла на балконе, натянуто улыбаясь и глядя на собеседника. Муаззины смолкли, и наступил момент той особой тишины, какая обычно опускается на землю перед приходом ночи — звуки гложут в вязкой ткани сумерек, воздух колышет прохладный ветерок, а на небе вспыхивают первые звёзды. Солнце почти скрылось за горизонтом, бросив на нас прощальный золотисто-алый луч. Тот скользнул по щеке калифа, отразившись в его медальоне-линзе; его тусклая поверхность неярко вспыхнула и будто бы поглотила свет. Мгновение помедлив, солнце скрылось.

Повинуясь внезапному наитию, я сказала:

— Какой у вас необыкновенный медальон, о лучезарный. Прошу извинить меня за то, что дерзнула прервать Вас, но интерес мой слишком велик. Ломаю голову: что это за самоцвет?

Мой вопрос застиг Теймурана в момент страстного рассказа о строительстве Великой Мечети Элоаха. Калиф запнулся, недовольно нахмурился и суховаато ответил:

— Воистину, женщине присуще крайне неуместное любопытство. Как сказано у Великого Пророка... — он обернулся, явно ища подсказки визиря, но тот отсутствовал. Мне, задетой его отповедью, это показалось смешным. Я едва не прыснула, вовремя скрыв усмешку ладонью и сделав вид, будто чихаю.

Холодно пожелав мне здоровья, калиф торопливо сказал:

— На третий год нашего правления вернулись люди, отправленные ещё отцом в экспедицию к Забытым Пустошам.

Я кивнула, недоумевая, зачем родителю Теймурана понадобилось посылать людей в земли, даже не граничащие с Ранаханном? К тому же, об этой местности ходили недобрые слухи: это была единственная незаселенная территория на материке. Пустоши раскинулись на северо-восточном побережье, простираясь вглубь нашего материка вплоть до Кайташеррских степей, которыми полностью владело кочевое племя Воронов. Однако на Пустошах кочевники не селились, предпочитая держаться от них подальше. По слухам, распространяемым бродячими торговцами и музыкантами, эти земли представляли собой тоскливую равнину, занесённую песком и покрытую кучками голых, изогнутых под самыми невообразимыми углами деревьев. Картину дополняли рассказы пиратов, чьим судам иногда доводилось проходить мимо этих неприветливых берегов. Хлебнув лэя в таверне на побережье Двух Океанов, они говорили о странном песке Пустошей, мерцающем в темноте зеленоватым светом, о полупрозрачных тенях, скользящих меж мёртвых деревьев, и о громадных камнях, разбросанных по равнине, насколько хватало глаз. Не знаю, насколько правдивы были их рассказы. Сдаётся мне, трудноато разглядеть столько подробностей, просто проходя мимо берегов, да ещё не с самым сильным амулетом видения(44).

Интересно, что искали там люди калифа Аббаиса Шестнадцатого? И удалось ли им это найти?

— К сожалению, из похода вернулись не все, — продолжал наследник старого калифа. — Дорога к Пустошам далека и опасна. Ничего примечательного экспедиция не принесла. Кроме этого медальона.

Он с нежностью погладил выпуклую поверхность линзы. В очередной раз подавив желание последовать его примеру, я промолвила, будто невзначай:

— Уверен ли лучезарный, что эта безделица действительно найдена на Пустошах? Откуда ей там взяться?

Лицо калифа неумовимо помрачнело, а тон лишился ещё нескольких нот приветливости и обходительности.

— Хэннум, мы склонны доверять нашим слугам. Без доверия нет преданности, так, кажется, сказано в Священной Кни... — он вновь обернулся, но его верного советника рядом не появилось. Тогда Теймуран насупился — точь-в-точь ребёнок, у которого отняли игрушку — и сухо произнес:

— Мы благодарим вас за чудесную копанию. Мы распорядимся, чтобы вас проводили до ваших покоев, а завтра за вами зайдет слуга. Вы ещё не увидели всех чудес "Лилии".

Поняв, что сегодняшняя беседа окончена, я поспешила откланяться, пышно возблагодарив оказанную мне милость.

Интересно, почему он так взъелся из-за какого-то медальона?

"Не понимаю, Каэрре-хэннум. Почему нам не показали гарем?"

Перо скрипуче чиркало по пергаменту, оставляя неровный чёрный след и кляксы.

— На празднике главное блюдо всегда приберегают под конец, — вполголоса сказала я, вынимая шпильки и распуская узел волос. Дарсан невидяще посмотрел на меня и вновь яростно набросился на пергамент. Строчки змеились из-под его руки.

"Мне не доступно и другое, хэннум. Тетка рассказывала, что при дворе состоят несколько прорицателей. Они толкуют сны калифа, защищают его от дурного глаза и порчи. Ещё они предсказывают ближайшее будущее. Обычно мы видели их, когда калиф выходил к народу. Сейчас их нет".

Я успокаивающе похлопала разгоряченного паренька по плечу и ласково прошептала:

— Это не наша забота, Дарсан. Перестановки при дворе — не наше дело. Давай ложиться спать, завтра поиски должны подойти к концу.

Паренёк пару мгновений буравил меня тяжёлым взглядом, потом безнадёжно махнул рукой:

— Вам что-нибудь ещё нужно, хэннум?

Я устало улыбнулась и покачала головой:

— Ступай.

Лёгкая завеса из мелких бусин колыхнулась с тихим музыкальным позвякиванием. Скрипнула кушетка — Дарсан укладывался спать. Я зевнула, потянулась и изнеможённо упала на прохладное шёлковое покрывало, не снимая одежды. Минувший день, полный впечатлений, настолько утомил меня, что я решила немного перевести дух прежде, чем разбирать кровать.

Бескрайняя равнина, чьи границы размыты клубящимся по линии горизонта сизым туманом, простиралась вокруг меня, насколько хватало глаз. Воздух душный и спёртый; ни малейшего дуновения ветерка, будто вокруг застыло тёплое вязкое желе. И небо, такое же тяжёлое, свинцово-серое, как в Коннемаре, грозно нависающее над головой. Кажется, будто оно выгнулось вовнутрь пространства.

Под этим небом я почувствовала себя ничтожной букашкой и попыталась сдвинуться с места, но ноги не послушались. Слово ступни вросли в почву.

Где я? Что это за место? Как я здесь очутилась?

На небе нет ни звёздочки. Луны тоже не видно. Краем глаза где-то там наверху можно уловить неясное движение. Будто тьма, наполнившая небесную чашу, клубится и беспрестанно извивается в безумной пляске.

Сон это или явь? Чувствуя, как внутри начинает нарастать сосущий страх, я попыталась пошевелить хоть пальцем — тщетно! Холодное онемение разлилось по телу, отняв любую способность двигаться.

Земля под ногами дрогнула — едва уловимо, но всё же заставив редкие песчинки на поверхности всколыхнуться. Оглушающую тишину прорезал гулкий стук сердца. Земная твердь вновь пришла в движение, словно огромный червь пробирался под окаменевшим слоем почвы.

Если бы я только могла, то зажмурилась бы. Беспомощное ожидание — а вдруг этот "червь" выберется и проглотит меня? — оказалось куда страшнее неизвестности.

Внезапно всё прекратилось. Колебания почвы улеглись, а темень вокруг начала развеиваться. Приглядевшись, я быстро поняла, почему.

Над землёй стало разгораться тусклое, еле заметное зеленоватое свечение того мертвенного оттенка, какой испускают гнилушки в лесу. Оно разгоралось не постепенно, а резкими толчками, словно...

Пульсировало?

Свечение шло не от самой земли, а от появляющихся на её поверхности крохотных созданий величиной не больше ногтя. Они были похожи на плоские чайные блюдца, уменьшенные в несколько десятков раз; единожды возникнув, они, не шевелясь, застывали.

Мне стало так жутко, как не было ещё ни разу в жизни. Когда стремительно увеличивающийся ковер из "светлячков" подобрался к моим ногам, я напряглась изо всех сил, пытаюсь собрать всю свою силу воли, чтобы сорваться с места. Тщетно.

Рост "ковра" остановился за удар сердца до моих пальцев. Над самым плотным скоплением светлячков в воздухе померещилось движение. Все крохотные существа хлынули туда, и на месте уплотнения вырос бугор, все ярче и ярче пульсирующий зелёным так, что глазам было больно.

Мне не дали даже удивиться.

Бугор шевельнулся, и принялся расти, с поразительной скоростью принимая очертания... Человеческой фигуры?!

Удар сердца.

На боках фигуры вздулись две припухлости, выплюнувшие плети рук.

Удар сердца.

Внизу копошащаяся светящаяся масса одним махом разделилась на две ноги-подпорки.

Удар-удар-удар. Сердце начинает захлёбываться в безумном ритме страха.

По телу фигуры пробежала дрожь последней пульсации. Ослепительное сияние стухло, и плоское лицо приняло вмятые очертания.

Передо мной стоял Моррис Сокол.

Будь у меня голос, я бы закричала. Но губы не слушались, а голосовые связки не откликались на все попытки исторгнуть хоть какой-нибудь звук. Мне оставалось только безмолвно наблюдать.

Бывший возлюбленный неподвижно стоял передо мной, безжизненно опустив руки. Лицо его было страшно: ввалившиеся щёки, тонкие губы, обнажающие зубы в кривой усмешке, пустые глазницы, из которых сочилась мерцающая жидкость. В его облике не осталось ничего от того красавчика-пирата, которого я когда-то самозабвенно любила; сейчас это была скелетоподобная пародия на человека, обтянутая истлевшими лохмотьями некогда белоснежной рубашки и кожаных штанов.

Призрак вздрогнул и повел ввалившимся носом, как собака, принюхивающаяся к подачке. Чёрные провалы глазниц обратились ко мне. В голове прошелестел глухой голос:

"Здравствуй, крошка".

Высохшие губы пирата не шевелились, но слова отчетливо звучали в моём мозгу:

"Ты рада меня видеть?"

Говорить я не могла. Но что мешало попробовать ответить ему его же способом?

"Здравствуй, Моррис", — мысленно сказала я, стараясь сосредоточиться на

произносимой фразе и не отвлекаться на полнейшую нереальность происходящего.

Уголки рта Сокола разъехались в сторону.

"Раньше ты была более ласковой, крошка. Ты уже нашла замену мне? Интересно, у него ты глаза тоже выцарапаешь?"

Будь это под силу, я стиснула бы кулаки. Сам вид бывшего любовника внушал омерзение и гадливость, какие возникают при виде жирного червя.

"Уходи, Сокол. Ты мёртв".

"Разумеется", — оскал покойника стал шире. Ещё чуть-чуть, и кожа на щеках лопнет. — "Я мёртв по твоей милости. Быстро же ты утешилась, Мелиан. Надо было оставить тебя на твоём убогом островке. Я показал тебе почти весь мир — и какова была твоя благодарность?"

Я промолчала.

"Теперь ты ищешь Призрак. А кто натолкнул тебя на такую мысль? Ты украла мою мечту! Мою единственную цель в той никчемной жизни!"

"Теперь это моя цель. Моя мечта".

Сокол склонил голову набок. Голос в моей голове приобрел оттенок саркастического злорадства.

"А сумеешь ли ты найти его? Отыскать все вехи на своём пути, по которым ляжет одна-единственная дорога?"

"Я уже отыскала одну", — мне очень не хотелось что-то доказывать Моррису, но ответы так и рвались в сознание, стремительно обретая вид мыслей. — "Она здесь, во дворце калифа! И завтра я её заполучу!"

"Тц-ц-ц", — мертвец издевательски-укоризненно покачал головой. — "А сумеешь ли ты найти её? Подумай, крошка. Не кажется ли тебе, что ты ищешь чёрную кошку в тёмной комнате? Ведь у тебя всего-то и есть, что рассказ пьяного забулдыги да глупая самонадеянность. А если этой самой кошки не окажется в комнате — что тогда делать будешь?"

Боги, как же я ненавидела его. Чувство это нахлынуло внезапно и сполна, поглотив остатки страха, блуждающего во мне. Я ненавидела его за эти насмешки, за предательство, за то, что заставил меня убить его.

За то, что исковеркал мою душу.

Призрачные обрубки его рук протянулись ко мне узловатыми ветвями.

"Ты ещё пожалеешь о том, что сделала со мной, крошка".

"Светлячок" сорвался с гнилой ладони и упал мне на плечо.

Приступ панического ужаса болезненно сдавил мою глотку. Я выгнулась, хватая ртом спёртый воздух, выдавливая из легких едва слышный сип, и... проснулась.

Лёгкий ветерок шевелил занавеси на окнах, принося облегчение и обдавая лицо свежим дуновением. Мир вновь наполнился звуками: где-то в окрестностях дворца мелодично заливалась ночная птица; снизу доносилось приглушенное бормотание стражников "Лилии" и чей-то раскатистый храп.

Я лежала на боку, судорожно сжимая горловину абаны. Пропитанная потом одежда неприятно холодила тело. Левая рука, откинута в сторону, отозвалась неприятным покалыванием при попытке пошевелить ей. Ко лбу прилипли пряди волос, а в горле царапало, словно я наглotalась сухого песка.

Поморщившись, я перевернулась на спину, тяжело дыша и приходя в себя. Что это было? Кошмар? Они перестали мучить меня несколько месяцев назад. Тогда что же? Все выглядело настолько реальным... и Сокол...

Я хрипло вздохнула и обтёрла дрожащей ладонью лицо, липкое от пота. Пальцы нащупали две подсыхающие полоски на щеках. Неужели во сне плакала?

Неужели Сокол даже после смерти продолжает что-то значить для меня?

Я резко села на кровати и стянула абану. Пропитанные потом вещи, касаясь кожи, вызывали во мне брезгливую дрожь и неприятные воспоминания.

Швырнув одежду на пол, я накинула халат, взъерошила волосы и принялась жадно пить холодную воду из хрустального графина, заботливо поставленного на прикроватный столик. Вода немного отрезвила меня и прояснила прочно засевший в мыслях сумбур. Ночные страхи стали понемногу съезживаться, отступая в глубину комнаты. Постепенно неистовое биение сердца стало ровнее, замедлило ритм и перестало отдаваться в горле; вместо деревянной скованности возникло желание выйти из комнаты, подышать полной грудью и хорошенько обдумать происходящее.

Двери комнаты выходили в открытую галерею, с балюстрады которой открывался вид на внутренний двор "Лилии небес" — изысканный многоуровневый сад с миниатюрными прудиками, полными экзотических рыб, аллеями фруктовых деревьев и изящными статуями. Во время дневной экскурсии я не успела толком разглядеть и оценить кропотливую работу дворцовых садовников, и сейчас мне представилась именно такая возможность.

Втайне радуясь, что рядом нет калифа с его высокопарными речами и непонятными обидами, я облокотилась о перила галереи и поплотнее запахнула халат. Ранаханские ночи отличаются той особой прохладой, что приходит в жарких странах на смену дневному палящему зною.

В серебристо-молочном свете убывающей луны сад казался хайаньской акварелью, нарисованной на тончайшем шёлке. Казалось, только дотронься до него рукой — и волшебное очарование исчезнет. Каскадом звёзд белели внизу цветы сумеречной гайаты — растения с невзрачными листьями и огромными, похожими на фижмы алдорских придворных красоток, цветами. Они распускаются только после захода солнца и неистово благоухают, приманивая ночных бабочек.

Нежный аромат слегка успокоил меня. Я глубоко вздохнула и подняла голову, с наслаждением любясь таким родным куполом неба, чей бархат был усыпан гвоздиками звёзд.

Эмоции распирали грудь. Я стала тихонько напевать старую моряцкую песенку, услышанную когда-то от Одноглазого Тома, когда позади раздался голос:

— Вы не спите, Каэрре-хэннум?

Я испуганно поперхнулась, откашлялась и сердито ответила, не оборачиваясь:

— Капитан Коннар, неужели дворцовый этикет позволяет так бесшумно подкрадываться и пугать гостей?

Рядом со мной возникла массивная фигура северянина. Капитан облокотился на перила и тоже задумчиво уставился на сад. Я украдкой рассматривала его: он сменил бежевую с серебром дисдасу, в которой щеголял днём, на более простую, чёрную, и теперь напоминал огромного ястреба, приготовившегося схватить добычу. Его огромный рост вновь пробудил во мне совершенно ненужное ощущение хрупкости и незащитности, но я уже не чувствовала

ни малейшего страха.

— Я простой воин, хэннум, — сообщил капитан, то ли умело притворяясь, то ли действительно не замечая моих взглядов. — Все эти условности и правила — полная чушь. Мне платят за то, чтобы я следил за безопасностью дворца и его обитателей, а не расшаркивался по каждому пустяку.

Я почувствовала невольную симпатию к наёмнику и позволила себе слабую улыбку:

— Похвально.

Капитан повернул голову и пристально посмотрел на меня, прищурился чуть раскосые тёмные глаза:

— А вы так и не ответили, хэннум. Что вы тут делаете? Не хотелось бы поутру недосчитаться столь важной гостьи.

Я обезоруживающе развела руками, стараясь не выдавать напряжения:

— Вы угадали, капитан: мне не спалось. Тяжело, знаете ли, засыпать в незнакомом месте. Вот я и решила, что небольшая прогулка по свежему воздуху — это отличное лекарство от бессонницы. Могу ли я считать, что мы пришли к единому мнению?

Капитан тряхнул густой гривой волос и раскатисто рассмеялся:

— Каэрре-хэннум, то, что для вас легкая прогулка, для меня — еженощный обход дворца.

— Были случаи? — уточнила я, вспомнив его слова о важной гостье. Капитан вновь улыбнулся. Напряжение пошло на спад.

— Это дворец самого важного человека в Ранаханне, хэннум. Здесь нужно быть постоянно готовым ко всему.

Я побарабанила пальцами по перилам балюстрады и вспомнила ещё кое-что:

— Капитан Коннар, пока вы не продолжили свой обход, можно вопрос?

Наёмник склонил голову, внимательно глядя на меня.

— Этим днём вы сказали странную фразу, мол, я сама не знаю, во что ввязалась, но так и не пояснили, что вы имели в виду. Почему бы вам не сделать этого сейчас?

Северянин медленно повернулся лицом к саду. Его голос, прозвучавший после непродолжительного молчания, был низким и на редкость серьёзным:

— Я повторяю, хэннум: я воин. Воин не имеет право на ошибочные суждения и выводы, особенно если речь идет о его нанимателе. Просто позвольте дать вам небольшой совет: постарайтесь не проводить много времени наедине с калифом. Он стал странным в последнее время.

— Станным? — изумленно перебила я. Капитан гневно глянул на меня и с нажимом продолжил:

— Я не могу точно сказать, в чём заключается его странность. Это не бросается в глаза. Однако моё чутьё — а оно меня ещё никогда не подводило, поверьте — в последние полгода упорно твердит, что с ним неладно.

— Исчерпывающее объяснение, — вздохнула я. — Только оно как-то не очень вяжется с вашим грозным заявлением.

Ответом мне вновь стал раздражённый взгляд из-под нахмуренных бровей: капитан явно не переносил, когда ему перечили. Он помедлил ещё немного, а затем вдруг распрямился, отстегнул что-то от пояса и протянул мне:

— Возьмите это, хэннум. Надеюсь, вам оно не пригодится, но раз вы такая недоверчивая, пусть это станет гарантией вашей безопасности.

Я удивленно рассматривала простые кожаные ножны, в которые был вдет недлинный острый кинжал с рукоятью, замерцавшей инкрустацией в дрожащем лунном сиянии.

— Спасибо, но...

— Считайте это проявлением чувства долга капитана дворцовой стражи! — отрезал северянин столь безапелляционно, что мне не осталось ничего, кроме как принять подарок. — Носите его всегда с собой. Это мой личный кинжал, поэтому я даю его вам на время; вернёте перед отъездом. Спокойной ночи.

Капитан коротко поклонился мне и удалился размашистым, но абсолютно бесшумным шагом.

Я медленно вытянула оружие из ножен и задумчиво провела пальцем по холодному лезвию. Спасибо за предупреждение, капитан. Похоже, я судила о тебе слишком предвзято.

Надеюсь, завтра всё пройдет гладко.

Надеюсь, ты не будешь мне больше снится, Сокол.

44 — **амулет видения** — морской амулет, в который встроен самоцвет, как правило, кварц или лазурит, позволяющий владельцу видеть достаточно отдаленные от него предметы;

Белоснежная пена, вздымающаяся вокруг мириадами радужных пузырьков, нежно ласкала кожу и благоухала горной розой. Горячая вода с растворёнными в ней ароматическими солями обволакивала тело и вкрадчиво шептала что-то при малейшем движении. От кипящей воды в специальных чанах, расставленных вдоль изразцовых стен, поднимался пар. Очевидно, в воду были добавлены какие-то травяные настои, потому что от каждого вдоха голова сладко кружилась.

Я полулежала в небольшом бассейне, утопленном в мраморный пол первого отсека — химама — дворцовой бани, положив локти на вызолоченный бортик, откинув назад голову и прикрыв глаза. Мои плечи растирал один из прислужников химама; другой, низко склонившись, бережно массировал ступни. Я парила на вершине блаженства. Если уж жизнь дарит шанс почувствовать себя королевой, стяжающей все мирские блага, то тягчайшим грехом будет такой возможностью не воспользоваться.

До обещанного визита калифа оставалось ещё много времени. В конце концов, уже завтра меня не будет в "Лилии". Нет ничего зазорного в том, что я испытаю на себе все радости ранаханнского гостеприимства. К тому же, по истечении отвратительно проведенной ночи (после беседы с капитаном Коннаром мне так и не удалось сомкнуть глаз), отчаянно хотелось окунуться с головой в воду и смыть с себя все страхи и переживания, жадно тянущие ко мне свои липкие лапы из глубин сновидений. Едва дождавшись, когда солнце поднимется над горизонтом, я вызвала Тариба при помощи нефритового свистка и попросила проводить меня в купальню при дворце. К чести слуги нужно сказать, что он ни единым движением брови не выказал неудовольствия по поводу каприза заморской гостьи рано поутру и пообещал устроить всё в лучшем виде. Мне была обеспечена роскошнейшая ванна в химаме, два молчаливых прислужника и множество приятнейших мгновений, наполненных упоительным блаженством.

Дарсан проснулся, когда я стояла на пороге комнаты, собираясь в купальню. Сонно моргая глазами, он выслушал наставления относительно дальнейших приготовлений и поплёлся одеваться, пообещав сообщить мне, если случится что-то непредвиденное...

...Прислужник закончил с плечами и принялся размеренно расчесывать волосы костяным гребнем. Тем временем в помещение, окутанное душистым паром, неслышно вошел Тариб с подносом. На нём стоял высокий керамический кувшин и чашка. Если бы не привычка всегда быть начеку и отдыхать с полуприкрытыми глазами, я бы испугалась, когда слуга внезапно возник около химамщиков. Коротко кивнув им, он поставил рядом со мной свою ношу. Из носика кувшина потекло благоухание мяты и розмарина, и Тариб, повинувшись моему одобрителю кивку, наполнил чашку янтарной тягучей жидкостью. С благодарностью приняв её и сделав глоток восхитительного напитка, я спросила:

— Что это такое, Тариб?

— Нага-айлэ, хэннум, — почтительно ответил он. — Особый чай, который у нас пьют по утрам. Он бодрит и вызывает приток сил на целый день.

— Да уж, сейчас это мне просто необходимо, — вздохнула я, смакуя обжигающий напиток. Тариб неподвижно стоял рядом, почтительно сложив руки на поясе.

Чувствуя, как одурманенный недосыпом разум начинает проясняться, я допила нага-

айлэ и с благодарностью передала опустевшую чашку Тарибу. Тот принял её с поклоном, будто брать что-то из моих рук было для него неземным благом, и вопросительно взглянул на меня:

— Желает ли хэннум ещё чего-нибудь?

— Пожалуй, нет, — лениво протянула я. — Хотя... Ты не мог бы прислать ко мне служанку? Она помогла бы мне уложить волосы. Мой слуга совершенно ничего в этом не смыслит, да и вообще мужским рукам я прическу не доверю.

Тариб застыл. Поднос в его руке дрогнул. Чашка со звяканьем поцеловалась с кувшином.

— Хэннум, во дворце не прислуживают женщины, — сообщил он деревянным голосом.

— Правда? — не на шутку удивилась я, припоминая, что за всё время пребывания в "Лилии" мне на глаза не попадалось ни одной невольницы. — Почему же?

— Это приказ лучезарного калифа, — тем же тоном продолжил слуга.

Вот чудеса. Неужели калиф и впрямь благоволит к мужскому полу? Но тогда непонятно наличие гарема. Я хотела деликатно уточнить эту деталь у Тариба, однако заметила нечто, сбившее меня с мысли.

Химамщики, что делали мне массаж, стояли неподалеку и обсуждали что-то при помощи жестов. В воздухе мелькали смуглые пальцы, ловко складываясь в неизвестные мне узоры, а губы плотно сжимались, не пропуская ни звука. Оба были немы!

— Они вхожи в гарем лучезарного, — обронил непонятную фразу Тариб, правильно истолковав мой изумлённый взгляд.

— И что?

— Прислуге, приписанной к наложницам великого калифа, рассекают горло, лишая возможности говорить, — сумрачно пояснил Тариб. Я оторопела:

— Это же варварство!

Я умолкла. Конечно, варварство — с точки зрения обычного гражданина Алдории. Однако среди пиратов бытуют и более жестокие обычаи — скажем, выжигание глаз королевским соглядатаям или отрубание пальцев на ногах тем, кто бросил товарищей по команде в разгар боя.

Тариб бесстрастно глядел на меня и молчал. Я взволнованно произнесла:

— Но ведь раньше в "Лилию" допускалась прислуга женского пола! Мне рассказывал Дар... мой слуга.

— Это было при Аэллам-хэннум, матери лучезарного, — пожал плечами Тариб. — Тэймуран-эгга распорядился иначе.

Я схватилась за голову и принялась массировать виски. Очередное чудачество калифа. Такое ощущение, что они поджидают меня в каждом закоулке "Лилии". Создается впечатление, что все эти чудные законы и приказы продиктованы одним потаённым стремлением Теймурана. Знать бы ещё, чего он добивается.

— Хэннум желает ещё что-нибудь? — мягко повторил Тариб.

— Нет, — твёрдо сказала я, делая нетерпеливый жест рукой. Радужное настроение улетучилось под гнётом неясного страха, неприятно засосавшего под ребрами. — Пригласите сюда моего слугу, я хочу, чтобы он принес мне чистую одежду.

На самом деле я просто хотела увидеть лицо человека, не принадлежащего к обитателям "Лилии": после разговора с Тарибом все они стали казаться мне лицемерами.

Слуга низко поклонился, коснувшись пола, и направился к двери, властным мановением

руки позвав за собой немых химамишников. На пороге он замер и обернулся, будто хотел что-то сказать. В тот же момент в дверях появился запыхавшийся Дарсан, и Тариб ещё раз коротко поклонился и удалился.

Я досадливо стукнула кулаком по бортику бассейна: это ж надо было парню появиться так не вовремя! Не скрывая раздражения, я сухо спросила:

— Что-то случилось?

— Каэрре-хэннум, — выпалил Дарсан. — Вам прислали подарок!

Нежно-розовая айсанна(44) благоухала так, что аромат заполнял всю комнату. Среди огромных помпонообразных цветов стыдливо мелькали "жемчужинки" — мелкие, словно бусины, лишённые запаха цветы, прекрасно смотрящиеся в букетах.

Мы с Дарсаном задумчиво смотрели на огромную россыпь соцветий, каскадом вырывающихся из роскошной корзины.

— Думаете, это от калифа? — робко предположил юноша.

— Вряд ли, — спокойно ответила я: помпезный букет, произвел на меня впечатление, однако неизвестному дарителю следовало бы приложить к нему что-нибудь более существенное. Хотя почему сразу неизвестному...

Я протянула руку и осторожно выудила из буйства лепестков небольшой пергаментный прямоугольник, сложенный пополам. На нём был изображен затейливый вензель и герб: рука, держащая ятаган, на тёмно-зелёном поле. Развернув послание, я сразу узнала отправителя.

Первый визирь превзошёл самоё себя в изысканности речи. Восхваляя моё очарование и красоту, он тонко намекал на желание более близкого общения и приглашал почтить его вниманием сегодня же после захода солнца.

Я улыбнулась. Приятно, когда усилия не проходят даром, однако подобную дерзость я просто так визирю не спущу. Прикусив губу, я задумчиво посмотрела на юношу.

— Садись за столик, Дарсан, и пиши ответ. Визирю будет приятно, если мы обратимся к нему на родном языке.

— Каэрре-хэннум, так это цветы от него? А я не умею писать цветисто, — испугался парень.

— От тебя и не потребуется.

Я принялась ходить взад-вперёд по комнате, сплетая и расплетая пальцы. Дарсан послушно уселся за столик и занёс над листком пергамента перо.

— Пиши: "Эхмат-эгга, я восхищена вашим даром. Цветы прекрасны, как жаль, что век их недолог..." Написал? Дальше: "Увы, я не могу принять ваше предложение, ибо считаю, что молодой девушке не приличествует соглашаться на уединенное вечернее свидание, пусть даже с таким интересным человеком, как вы. Однако", — я подняла палец, призывая Дарсана к молчанию: он протестующе открыл рот. — "Однако я готова увидеться с вами утром перед моим отъездом. Приходите в..." Дарсан, ты запомнил какое-нибудь приметное помещение в "Лилии"?

Паренек пожал плечами и жалобно протянул:

— Калиф показал великое множество комнат, хэннум.

— Верно... — я постучала согнутым пальцем по верхней губе, и меня осенило. — Ладно. Пиши: "Приходите в ту комнату, где мы впервые с вами увиделись. Уверена, в этот раз у нас найдется гораздо больше тем для разговора". Написал?

Юноша аккуратно вывел последние слова и протянул мне пергамент; не глядя, я изобразила под ранами затейливую роспись, придуманную только что, и, дождавшись, пока чернила высохнут, бережно сложила листок. Придется использовать Тариба в качестве посыльного.

Дарсан взял другой листок и, хмурясь, нацарапал:

"Каэрре-хэннум, к чему это?"

Я лукаво взглянула на него и написала:

"Ничего страшного. Невинная шутка: я надеюсь, что к завтрашнему утру нас здесь уже не будет". Глаза Дарсана вспыхнули; несколько мгновений он рассматривал послание, будто сомневаясь в его подлинности, а затем вывел дрожащей рукой:

"Вы что-то придумали, хэннум?"

Я покачала головой. Парень разом сник, и я поспешила успокоить его:

"Только в общих чертах. Надеюсь, сегодняшний день прояснит всё до конца".

Дарсан прочёл и недоверчиво уставился на меня; я похлопала его по плечу и громко произнесла:

— Времени остаётся мало, Дарсан. Пойдем, поможешь мне выбрать подходящий наряд!

Пунктуальность Теймурана Восьмого оказалась выше всяких похвал: ровно в полдень с первым криком муаззина в дверь нашей комнаты требовательно постучали: явился посланник венценосной особы. Низко поклонившись, он проводил нас в крытую галерею в западной части "Лилии" — там уже ожидал властитель Ранаханна.

Его лицо показалось мне ещё более осунувшимся и серым со вчерашнего дня: его тоже терзали плохие сны? Так или иначе, на обходительности калифа это не сказалось: судя по его благодушной улыбке и светящимся энтузиазмом глазам, Теймуран Восьмой основательно подготовился к новой встрече с заморской гостьей.

Правитель был не один: его сопровождал огромный темнокожий невольник, одетый в шелковые бежевые шаровары, подпоясанные широким чёрным кушаком, и кожаную безрукавку, крест-накрест оплетённую ремнями. Иссиня-чёрная кожа выдавала в нём уроженца Набии — крохотного пустынного государства на границе с Ранаханном. Вернее, Набию и государством-то назвать язык поворачивался с трудом — это была территория бесплодных земель, населённая разрозненными дикими племенами. Говорят, население Набии постоянно сокращалось из-за пристрастия большинства граждан к людоедству. Так или иначе, из набийцев получались отличные телохранители и преданные слуги. Их нравы отличались своеобразием: они беспрекословно присягали на верность сильному противнику, сумевшему одолеть их, и служили ему верой и правдой до самой смерти. Этим часто пользовались венценосные особы. Например, в личной охране алдорского короля состояло шесть набийцев. И вот теперь я вижу, что и ранаханнский владыка не устоял перед искушением занять в свою свиту одного. Интересно, набийца тоже лишили дара речи?

Невольник смотрел прямо перед собой немигающим взглядом; на его непроницаемом лице не дрогнуло и мускула, когда калиф поздоровался со мной. Опасливо поглядывая на телохранителя, я низко поклонилась Теймурану, подобрала подол тёмно-синей галабены(45) и поцеловала подставленное кольцо. Вознеся хвалу Солнцеликому за то, что он послал нам столь великолепную возможность насладиться обществом друг друга, его величество хитро прищурился и торжественно произнёс:

— Хэннум видела почти все чудеса "Лилии". Но все они стыдливо блекнут перед

роскошью главной сокровищницы Ранаханна!

Я незаметно перевела дух. Мои ожидания оправдались. Калифские мысли потекли в нужном направлении. Прикинувшись изумленной, я прижала ладони к щекам и воскликнула:

— Неужели на свете может быть что-то прекраснее самой «Лилии»?

Теймуран засиял, как новенький золотой дорий. Скромно пожав плечами, он небрежно обронил:

— Придержите свой восторг, хэннум. Мы проводим вас в святая святых нашего государства и тогда, поверьте, изумление ваше возрастет тысячекратно!

Я округлила глаза, всеми силами выражая нетерпение и восторг, на деле чувствуя себя глупо. Наверное, со стороны я выгляжу пустоголовой девицей, только и способной, что смотреть в рот собеседнику, встречать каждое его суждение, порой далеко не самое умное, восторженными ахами, и превозносить до небес его ум. Большинство мужчин приходят в восторг от подобных глупышек: на их фоне кажутся себе всезнающими мудрецами. Это подстёгивает и замечательно развязывает язык. Именно поэтому, как бы это ни претило моей натуре, я вынуждена часто надевать эту маску.

Я не уважаю, просто не могу уважать мужчин, поддающихся на эту нехитрую уловку, рядом с которыми я вынуждена играть чуждую мне роль. Но, увы, слишком мало на этом свете тех, кто принял и понял бы меня такой, какая я есть.

И пока все они покидают меня.

Одноглазый Том сгинул в океане.

Сокола я убила сама...

...- Хэннум!

Я вздрогнула и, испуганно моргнув, очнулась от тягостных мыслей. На меня уставились две пары глаз: Дарсан — озабоченно, калиф — насторожённо. Набиец безучастно смотрел перед собой ничего не выражающим белесым взглядом. Меня пронзило жуткое предположение — не слепой ли он?

— Прощу прощения, о лучезарный, — слабо улыбнулась я. — Сегодня мне привиделся плохой сон. До рассвета глаз не сомкнула, вот голова и закружилась.

Насторожённость Теймурана моментально улетучилась. Законы ранаханнского гостеприимства велят истово заботиться о комфорте и благополучии гостя. Он сочувственно предположил:

— Хэннум, возможно, вам не стоит обременять себя ещё одной прогулкой по дворцу?

— Нет-нет, пусть лучезарный не беспокоится, — быстро произнесла я, опасаясь, как бы властитель и впрямь не передумал. — Всё в порядке, это лишь мгновенная слабость. Мне не терпится поскорее увидеть то, что великий калиф так превозносит!

Фраза прозвучала надуманно: сочиняла я её второпях. Однако калиф не заметил фальши: видимо, столь неприкрытый интерес гостыи к его сокровищам недюжинно польстил ему и затмил остальные соображения.

— В таком случае следуйте за нами, хэннум! — торжественно объявил он и величественно простёр руку вперед.

Изысканные коридоры и галереи опутывали внутренности "Лилии небес" хитроумной вязью, будто гигантский песчаный паук(46) задумал сплести свой кокон в самом сердце столицы Ранаханна. Если вчера я не заостряла внимания на этих бесконечных переходах-

закоулках, то теперь, силясь запомнить хотя бы примерный маршрут наших плутаний, порядком пала духом. Надежда на то, что я смогу отыскать сокровищницу самостоятельно, подёрнулась дымкой и начала таять. В какой-то момент мне стало казаться, что его величество умышленно ведёт нас извилистой дорогой: гостеприимство гостеприимством, но заморским гостям вполне может прийти в голову попробовать самим отыскать дорогу в сокровищницу.

Хозяин дворца возглавлял процессию, уверенным шагом минуя коридоры, устланные роскошными коврами, открытые галереи, увитые диким виноградом, широкие мраморные лестницы с золочёными перилами. Набиец неслышной кошачьей поступью следовал за своим господином. Я ни разу не увидела, чтобы его глаза обратились к нам или как-то отреагировали на мир вокруг. Это укрепило мою догадку.

Голос Теймурана эхом отражался от сводчатых потолков. Не умолкая ни на минуту, лучезарный рассказывал о своих прославленных предках и какие достойные поступки он совершит, чтобы по праву занять место в их числе. Очень скоро его слова слились в неразборчивое гудение, вызвав неприятную ломоту в висках.

Дарсан угрюмо шёл, держась на шаг позади: слуге не пристало передвигаться наравне с госпожой. Ощущая спиной, как растёт его уныние, я, уловив момент, шепнула:

— Держись, осталось совсем немного!

— Пустое это, хэннум, — с безнадёжностью пробормотал Дарсан. — Я был невероятнo глуп, когда согласился помогать вам. Да и вообще, с чего это я вообразил, что могу вызволить Таллию? Нужно ли это? Наверное, ей сейчас здесь гораздо лучше, чем в нашей убогой лачуге.

Будь мы наедине, я, не колеблясь, залепила бы парню пощечину. Не выношу, когда падают духом и опускают руки, особенно если дело близится к развязке.

— Тебе доводилось слышать о бирюзовых акулах, Дарсан? — вкрадчиво спросила я, пристально следя за разглагольствующим калифом.

Паренёк споткнулся, видимо, не ожидая этого вопроса, и несмело протянул:

— Н-нет.

— В таком случае я тебя просвещу. Бирюзовые акулы водятся на рифах, что тянутся между двумя океанами. Они маленькие, не длиннее локтя, однако опаснее гигантских чёрных акул и ядовитых скатов вместе взятых. Знаешь, почему?

— Н-нет...

— Если потерпевший крушение попадает в воды, кишацие этими тварями, они сразу не набрасываются, а окружают его и терпеливо ждут, когда их жертва выдохнется, устанет плыть и прекратит бороться за свою жизнь с океаном. Как только бедолага сдастся, они набрасываются на него и раздирают в клочья. Выбраться из окружения бирюзовых акул невозможно: твари тебя попросту не пропустят.

— К чему вы это мне рассказываете, хэннум? — потрясённо прошептал парень.

Я жёстко припечатала:

— К тому, что мы с тобой сейчас, Дарсан, и есть потерпевшие крушение. А все, кто находится в "Лилии" — бирюзовые акулы. Всё, чего они сейчас ждут, — это когда мы с тобой перестанем бороться и сдадимся им на милость. Ты готов стать обедом для акул, Дарсан?

— Н-нет, — в третий раз повторил юноша хриплым голосом. — Кто вы, хэннум? Откуда вам известно...

— Значит, прекрати жаловаться на жизнь в тот момент, когда победа уже близка, — шёпотом рявкнула я. Это прозвучало звонче, чем хотелось. Калиф мигом обернулся:

— Вы что-то сказали, хэннум?

— Вам послышалось, о лучезарный, — быстро ответила я. Дарсан умолк и больше не проронил ни слова.

Перед нами возвышалась стена, тёсанная из гигантского куска розового мрамора. Коридор, по которому мы пришли, уходил вниз, упираясь в неё и заканчиваясь тупиком. Со стены на нас грозно взирали два странных существа, вырезанные в камне: человеческую фигуру, замотанную в тунику, венчала голова хищной птицы с полным зубов клювом. За спинами птицеголовых застыли, взметнувшись ввысь, крылья; в руках их обладатели сжимали алебарды, скрещенные ровно посередине стены.

— Это Айгвар-эллы, могущественные стражники престола Солнцеликого Элоаха, да благословен будет он и Пророк его, — благоговейно прошептал калиф. — Когда-то Солнцеликий призвал их из Хаоса Забвения, дабы они помогли ему в борьбе с полчищами Эмира. Теперь Айгвары стерегут его престол.

Я уважительно кивнула: огромные птицеголовые чудища выглядели внушительно. Неудивительно, что с таким-то подспорьем в бою Элоах одержал победу. С другой стороны, может, у его противника не было подобных козырей на руках?

— У нас тоже есть Айгвары, подчиняющиеся нашей воле! — с величественным торжеством объявил калиф и воздел руки, возложив ладони на сжатые кулаки стражников Элоаха. Под его пальцами разлилось золотистое свечение. Алебарды Айгваров бесшумно сдвинулись, разомкнув крест и придя в вертикальное положение. Спустя удар сердца розовый мрамор стены от пола до потолка прорезала полоса, и обе половины начали плавно разъезжаться.

Я едва не застонала от разочарования. Обережные самоцветы! Худшее, что можно себе представить. Изготавливаются сильнейшими литанээ дома Гелиодор и настраиваются только на заказчика. Если самоцвета или стены, в которую он вделан, коснётся кто-то, решивший проникнуть в охраняемое помещение без ведома хозяина, его мигом парализует. Он будет обречен покорно ждать расправы без возможности пошевелить и пальцем. Признаться честно, я до последнего надеялась, что у сокровищницы дежурит живая охрана.

В образовавшийся проём хлынул поток мерцающего света. Мы с Дарсаном застыли на пороге, не в силах вымолвить и слова.

Теймуран Восьмой не обманул, превознося до небес величие и великолепие Ранаханнской сокровищницы. Мне довелось повидать и усыпанные золотом пещеры Муреновых островов(47), и несметные сундуки с драгоценностями хайанских князей, но то, что предстало моим глазам, потрясло великолепием.

Потолок сокровищницы уходил ввысь. Повсюду, куда только хватало глаз, сверкало золото. Много золота: россыпи старинных монет, украшения, кубки, слитки. Разноцветными грудками высились самоцветы, переливались невиданные ткани. Казалось, сокровищница бесконечна и охватывает собой всю "Лилию". Для пущего эффекта повсюду сияли светильники, ярко вспыхнувшие, как только отворились двери. Благодаря им сокровища Ранаханна блестели так, что больно было глазам. Магическое бездымное пламя дрожало и множилось в бесчисленных драгоценностях и слитках, заставляя те гореть подобно тысячам

солнц.

Оправившись от шока, я почувствовала сильнейший укол зависти, смешанный с досадливым разочарованием. Пригоршни монет из этой сокровищницы с лихвой хватило бы на оплату корабля и найма хорошей команды. Пока же мне приходилось выходить в море на небольшой посудине Назиры с горсткой матросов, околачивающих груши по тавернам Аэдагги.

Неприятный зуд пронзил ладони. Я с досадой потёрла их, жалея, что отсюда нельзя унести ничего, кроме Камня.

Кстати, о Камне.

Я обернулась. Дарсан стоял на пороге сокровищницы, потрясённо взирая на груды золота вокруг. Бедолага. Скорее всего, он не привык видеть такое обилие богатства, собранное в одном месте. В его глазах отражалось слепое восхищение и оглушённое созерцание.

Темнокожий раб застыл, прислонившись к стене у дверей и положив правую руку на рукоять ятагана, торчавшего из-за пояса. Вся его поза говорила о готовности в любой момент прийти на помощь господину.

На моё плечо мягко легла прохладная рука. Я вздрогнула, а калиф нетерпеливо сказал:

— Что же вы стоите, хэннум? Проследуйте, как гостя, первой в наше скромное хранилище ранаханнских богатств.

— Лучезарный калиф изволит лукавить, — нервно рассмеялась я. — Если вы изволите называть это собрание чудес скромным, тогда как же величать казну алдорского короля? Лачугой бедняка?

Теймуран Восьмой довольно прищурился от такой похвалы, как кот, поймавший жирную мышь, и сделал нетерпеливый жест рукой:

— Просим, хэннум!

И я первая сделала шаг вперёд.

Мы расхаживали по сокровищнице, останавливаясь возле громадных сундуков. Калиф погружал в них руки, пересыпал пригоршни монет или самоцветов из одной ладони в другую и говорил, говорил, говорил. Я даже не пыталась понять, о чём шла речь, тщательно рассматривая всё вокруг. Мои мысли занимал один-единственный вопрос: как найти Камень?

Теймуран горячо повествовал о чём-то, размахивая руками; Дарсан, ошарашенно озирающийся по сторонам, покорно внимал ему. Отойдя чуть в сторону, я начала напряжённо вспоминать подробности той неожиданной встречи, что год назад натолкнула Сокола, а затем и меня на мысль отправиться на поиски Призрака...

...За окном таверны "Улыбка сирены" хлещет дождь, с шелестящим шорохом швыряя капли на стекло. Ветер свистит, заставляя океанские волны с грохотом обрушиваться на прибрежные скалы, а пальмы гнуться под беспощадным натиском. "Улыбка сирены" пустует — в такую непогоду мало кто сюда заглядывает; лишь старый однорукий трактирщик Эйрл дремлет, уронив голову на стойку.

Мы с Соколом сидим за блестящим, отполированным тысячей локтей и кружек, столом. Перед нами дрожащее пламя свечей выхватывает из сумрака сморщенное лицо Энди Безбрового — неудачливого пирата, любящего ввязываться в разные сомнительные авантюры и редко ловившего удачу за хвост. Прозвище свое Энди получил, ввязавшись в

пьяную стычку с Ранилем Сивым: изрядно набравшись, два пирата решили выяснить отношения при помощи старого проверенного способа — на саблях. Превосходно владея оружием, Сивый одним махом оставил незадачливого пьянчужку без штанов, а вторым отсёк ему кусок кожи на лице вместе с бровью. С тех пор прозвище стойко закрепилось за Энди. Незлобивый человек, он каждый раз вспыхивал огнём ярости и лез в драку, стоило кому-нибудь назвать его Безбровым.

Он нечасто выходил в океан на пиратский промысел, предпочитая околачиваться по тавернам и постоялым дворам, жадно слушая байки и небылицы старых морских волков. Особенно Энди интересовали рассказы о спрятанных где-то на краю мира несметных сокровищах или затерянных в океанских пучинах городах, бережно хранящих тайны, которые подарят постигнувшему их человеку власть над всем светом.

Энди никто не воспринимал всерьёз: разве можно обращать внимание на слабоумного? Его считали кем-то вроде деревенского дурачка, и если брали в команду, то лишь в качестве помощника кока или драильщика палубы. Безбровый не возражал и покорно выполнял свои обязанности, развлекая матросов рассказами. На сей раз Энди зачем-то понадобился моему возлюбленному, и вот мы сидим напротив него. Моррис пытливо смотрит на Энди, нетерпеливо сжимая глиняную кружку с лэем и небрежно обнимая меня за плечи. Я, разомлев от душной теплоты помещения, прижимаюсь к Соколу, не понимая, зачем нам вообще понадобился Безбровый. Тот, жадными глотками опустошая уже третью по счёту кружку, напротив, всем своим видом выражает энергичность и энтузиазм.

— Не сомневайся, капитан. Дело верное, — шепчет Энди, перегнувшись через столешницу. Меня обдает мерзким запахом гнилых зубов и дешёвого алкоголя. Я морщусь, зажимая нос.

— А откуда мне знать, что это не очередная твоя сказочка? — скептически шепчет в ответ Сокол.

На лице Энди отражается обида. Он рывком отодвигается, возвращаясь на свое место.

— Призрак существует, Сокол. Раз в месяц, той ночью, когда звезда Дракона загорается особенно ярко, этот остров возникает из океанских глубин. Он держится на плаву всего лишь ночь, однако тому, кто ступит на него в это время, откроется ключ к такому сокровищу, какого ещё не видывал свет. Говорят, сам Великий Дракон спрятал его там.

— Допустим, — лениво протягивает Сокол, но я чувствую, как судорожно сжались его пальцы на моём плече и понимаю: мой любимый загорелся этой историей. — Но у меня два вопроса: откуда ты сам узнал про этот самый Призрак, и где доказательства того, что он существует?

Энди торжествующе хлопает в ладоши, радуясь тому, что его слушают с интересом:

— Не так давно я встретил умирающего от старости нищего служителя храма Дракона(48). Я облегчил его страдания, и в знак благодарности он поведал мне о Призраке, а также о том, как добраться до него.

— И как же? — быстро уточняет Сокол, и я чувствую напряжение, охватившее его тело. Моррис поверил Энди, ведь всем известно: служители храмов Дракона не станут рассказывать небылицы. Храм налагает на них заклятие-обет: позволивший себе сказать неправду драконопоклонник лишается возможности говорить, а после смерти влачит жалкое существование в виде бесформенной тени. Не знаю, каким способом Энди "облегчил" страдания несчастного, но если уж тот чего и поведал, то можно не сомневаться в его правдивости.

Безбровый приосанивается и напускает на себя важный вид.

— Существует три вехи, указывающие путь одна к другой, — свистящим шепотом говорит он. — Драконопоклонник поведал мне, что первую не так давно заполучил в свою сокровищницу правитель солнечного Ранаханна. Как он это сделал и где добыл вежу, считавшуюся утерянной, неведомо. По словам старика, первая вежа — это небольшой прозрачный Камень янтарного цвета.

— И как же он укажет путь к остальным вехам? — насмешливо спрашивает Сокол, но в голосе его сквозит быстро растущая уверенность. Энди пожимает плечами:

— Старик умер у меня на руках, рассказав только про Камень. Думаю, он и сам не знал. Так ты возьмешь меня в команду, чтобы отправиться за Камнем, Сокол?

Тон Энди меняется. В нём звучит жадность и нетерпение. Прищурившись, он смотрит на моего любимого пирата: не иначе, как тоже разгадал его напускное безразличие.

Моррис позволяет себе короткий смешок:

— А у тебя скорый ум, Энди. Видать, ты уже все заранее за меня решил.

Пьянчужка потирает руки и смущённо улыбается. Его улыбка выглядит жалкой, будто бледное брюхо снулой рыбы вспороли тонким ножом. Я ёжусь от омерзения, передёргиваю плечами и теснее прижимаюсь к Моррису; тот ободряюще стискивает моё плечо. Энди разглядывает меня стремительно мутнеющим взглядом и повторяет, стараясь, чтобы заплетающийся от лэя язык как можно чётче выговаривал слова:

— Ты возьмешь меня в команду, Сокол? Я же всё тебе рассказал. Только я не хочу драить плоски или держать в руках вонючую тряпку. Сделай меня боцманом! А потом разделим сокровище по-братски...

— Конечно, возьму. Будешь моим первым помощником, — покровительственно кивает Моррис и лезет за пазуху. Быстрое движение — и на стол, звеня и подпрыгивая, летит золотая монета. — Держи. Купи себе ещё выпивки и ступай отдыхать. Через три дня встречаемся здесь же. Но только чур о Призраке больше никому ни слова, понял?

Сморщенное лицо забулдыги изображает живейшее оскорбление, и он так яростно мотает головой, что сальные пряди вздымаются вокруг лица, будто змеи. Моррис кивает, хлопает ладонью по столу — знак того, что условия Энди приняты, и тот становится членом команды. Затем пират поднимается, помогает мне встать, и мы оба направляемся наверх, в нашу комнату в «Улыбке».

— Ты поверил ему? — нерешительно спрашиваю я. — По нему же видно, что это лгун, каких ещё поискать. За кружку лэя он тебе и не таких сказок понапридумывает. Как думаешь, был тот старик на самом деле?

— Я верю ему, малышка, — глаза Сокола затуманены: он явно думает о чём-то другом. — Не зря я подцепил его сегодня в порту, где он пытался рассказать эту историю Маквису Красноглазому. Маквис слишком туп, чтобы отделить правду от вымысла, а я мигом почуял: на сей раз рассказ этого недоумка Энди — чистая правда от начала до конца. Призрак существует, крошка, и мы с тобой обязательно найдем его. Мы будем богаты, Мелиан, сказочно богаты. Ты хочешь стать богатой?

Не дожидаясь ответа, Сокол подхватывает меня, заливающуюся счастливым смехом, и взлетает по ступенькам на второй этаж.

На следующий день Энди Безбрового нашли с перерезанным горлом в сточной канаве на задворках "Улыбки сирены".

Ещё через день Сокол объявил о наборе команды для отправки в Ранаханн.

А ещё спустя неделю пал от моей руки.

...Воспоминания о бывшем возлюбленном на миг затуманили глаза слезами и заткнули горло колючим комом. Я сделала над собой усилие и заставила их отступить. Что было, то прошло. Назад пути нет. Мне остается лишь искать Камень среди этого великолепия ранаханнской сокровищницы, уповая на то, что Безбровый говорил правду.

И покойный Энди не подвел меня.

Медленно шагая по сокровищнице, дотрагиваясь до всего, куда дотягивалась рука, я споткнулась об угол какой-то картины, едва виднеющийся из-под слоя золотых монет. Повинуясь больше наитию, чем здравому смыслу, я наклонилась и принялась разгребать монеты.

Из-под мерцающих золотых кругляшей прямо под ноги выкатился небольшой шар размером чуть больше кулака. Я тут же подхватила его и поднесла к глазам, не веря своей удаче.

В том, что это был тот самый Камень, сомневаться не приходилось. Именно таким его и описывал Энди: янтарно-жёлтый, почти прозрачный, с тёмными вкраплениями, он напоминал застывшую каплю мёда. Ощувив реальность своей мечты, человек не может сразу это осознать, так и я заворожённо разглядывала находку, отказываясь верить в её существование.

— Вы заинтересовались чем-то, Каэрре-хэннум?

Звучный голос калифа грубо низверг меня с небес на землю. Я с трудом заставила себя оторваться от Камня и, натянув на лицо улыбку, повернулась к властителю Ранаханна.

— Скорее меня удивило и заинтриговало предназначение этой безделицы, — я продемонстрировала Теймурану Камень. — Что это такое? Видимо, это представляет собой нешуточную ценность, раз ваше величество велели поместить её сюда!

Калиф прервал мои разглагольствования и властно забрал Камень. Я с тоской наблюдала, как он вертит его в руках и рассматривает на просвет.

— Признаться, хэннум, мы и сами толком не знаем, что это такое, — озадаченно выдал он. — Помнится, это было в заброшенном храме на одном из островов Лотоса(49). Мы были там несколько лет назад с военным походом. Первый визирь тогда предположил, что это, наверное, какая-то редкость, и убедил нас забрать это во дворец. Но никаких особых свойств: ни магических, ни драгоценных, мы у него не обнаружили. Наверное, это просто украшение.

Калиф пренебрежительно подкинул Камень на ладони.

Решение пришло мгновенно.

— Ваше величество!

От волнения мой голос слишком громко прозвенел под сводами сокровищницы. Дарсан, разглядывающий крупный изумруд, вздрогнул и испуганно отшвырнул его от себя. Теймуран недоуменно посмотрел на меня:

— Вы что-то хотели, хэннум?

Я медленно опустила на одно колено, склонив голову перед властителем Ранаханна, и заговорила, вкладывая в голос всё кипящее внутри волнение и трепетное желание:

— Да простит лучезарный калиф мою дерзость, но мне бы очень хотелось иметь какую-то вещь в память о визите в "Лилию". К тому же, что может быть соблазнительнее для такой любительницы редкостей, как я, чем столь загадочный предмет?

Я протянула дрожащие пальцы, сплетённые в молящем жесте, перед собой.

Законы ранаханнского гостеприимства написаны самим Пророком и остаются нерушимыми даже для самых закоренелых преступников. Один из них гласит: "Благословен будет дом, привечающий гостя, и трижды благословен — хозяин, осыпавший гостя дарами и милостями; не откажи гостю своему в любой его просьбе, и да воздастся тебе это сторицей". Об этом законе мне когда-то поведал Одноглазый Том, и сегодня память сослужила мне хорошую службу.

Скорее всего, именно этот закон заставил калифа отбросить все дела и показать чересчур любопытной гостье дворец.

То ли Теймуран Восьмой не посмел нарушить заповедь Пророка, то ли Камень в его глазах действительно не представлял никакой ценности, но он, удивлённо вскинув брови, протянул прозрачный шар мне, сопроводив это задумчивыми словами:

— Право, хэннум, женщины не перестают нас поражать. Вы могли попросить в дар любую драгоценность, однако предпочли столь ничтожную безделицу.

— Увы, — пожалала я плечами, поднимаясь с колен и ощущая в руке приятную теплоту Камня. — Вы правы, о лучезарный, даже мне порой непонятны мои прихоти.

Калиф не удостоил меня ответом. Лицо его побледнело, а глаза расширились. Приоткрыв рот, он с ужасом смотрел на что-то за моей спиной. Я мигом обернулась, ища предмет его испуга, но не увидела позади ничего особенного.

Кроме картины.

С обрамлённого изысканной рамой полотна на меня надменно смотрела пожилая черноволосая женщина в богатой галабене нежно-сиреневого, словно летнее небо на закате, цвета. За её плечом стояла русоволосая девушка в черной дисдасе, какую носят дворцовые стражники. Глаза девушки были обращены к её товарке по картине. В отличие от первой, явной уроженки Ранаханна, русоволосая больше походила на коренную жительницу северных окраин Алдории, если судить по цвету волос и толстой косе, спускающейся с плеча. Интересно, что же так напугало калифа?

— Ваше величество? — тихо позвала я застывшего Теймурана. Он вздрогнул и, не обращаясь ни к кому, выпалил:

— Это моя мать. Аэллам-хэннум. С ней бывший капитан дворцовой стражи, Моэранна-хэннум.

Он поднес руку к лицу, словно пытаюсь укрыться от взгляда матери, закашлялся и, развернувшись на каблуках, выскочил из сокровищницы.

Мы с Дарсаном переглянулись в недоумении и последовали за ним.

Калифа мы нашли, поднявшись по коридору, ведущему от сокровищницы. Теймуран Восьмой стоял, опёршись о балюстраду открытой галереи, и тяжело дышал. Рядом с ним маячил безмолвный темнокожий раб. Услышав наши шаги, калиф, вздрогнув, обернулся. Передо мной мелькнуло лицо, искаженное напряжением, но при виде нас его черты разгладились. Трясущаяся рука Теймурана поднялась к груди и стиснула медальон.

— Простите нас, Каэрре-хэннум, — чуть дрожащим голосом произнес калиф. — Право, мы не знаем, что на нас нашло...

— Немудрено, что у лучезарного закружилась голова. Сокровищница великолепна, только вот свежего воздуха в ней недостаёт, — тактично ответила я. Мне было не до причуд Теймурана — боится портретов — и морской демон с ним. Мало ли, кто чего боится. Гораздо важнее было то, что половина — самая трудная половина дела сделана. От

осознания этого мне хотелось петь, плясать, а то и вовсе порхать по воздуху. Счастье портила только легкая досада от мысли, что, если бы не обещание Дарсану, мне даже не пришлось бы разрушать свою красивую легенду. Спокойно покинула бы «Лилию» завтрашним утром, и в памяти обитателей дворца осталось бы лишь приятное воспоминание об обворожительной Кассандре Каэрре. Теперь же придется придумывать, как проникнуть в гарем калифа.

Калиф с огромной благодарностью посмотрел на меня и устало махнул рукой:

— Надеюсь, хэннум не будет в обиде, если на этом мы закончим нашу экскурсию? Мы чувствуем необходимость передохнуть.

Калиф умел преподнести неприятные сюрпризы. Обманутый в своих ожиданиях Дарсан шумно вздохнул за моей спиной. Я почувствовала, как на смену эйфории пришла громадная усталость.

— Ваше Величество, — мягко возразила я, тщетно пытаюсь хоть как-то подтолкнуть калифа в нужном направлении. — Понимаю, за сегодня я и так испытала на себе вашу безграничную милость. Всё же дерзну попросить вас разрешить мне завершить осмотр этого несравненного дворца знакомством с вашим знаменитым гаремом. Мне бы так хотелось хотя бы разок, хотя бы одним глазком посмотреть на тех знаменитых красавиц, о которых поэты слагают стихи, а менестрели...

— Нет!

Ответ прозвучал резко и категорично. Я запнулась на полуслове. Дарсан попятился.

Теймуран сгорбился над балюстрадой, хмуро глядя на нас исподлобья. Гнев и подозрительность в его глазах не на шутку испугали меня, и я поспешила кротко склонить голову:

— Простите, ваше величество. Похоже, я всё же преступила границу вашего терпения.

— О, хэннум, мы не гневаемся, — процедил Теймуран. — Однако просим вас удалиться. Нам нужен отдых. Благодарим вас за чудесно проведённое время, надеюсь, вы насладились всеми красотами нашей скромной обители. Когда вы отбываете?

— Завтра с утра, — пытаюсь нащупать нужный тон разговора, осторожно ответила я.

— Мы велим подготовить экипаж и грамоту, по которой вас доставят в любое место в Ранаханне. Оставшийся день можете провести, как вздумается, однако запомните: в "Лилии" есть несколько мест, где не должна ступать нога чужака. Гарем — это одно из них. Засим мы откланиваемся. Вас проводят.

Теймуран извлёк из-за пояса свисток — точь-в-точь такой же, что вручил мне Тариб — и подул в него. Затем, стискивая медальон, поспешил прочь, взметнув длинными полами тёмно-синего бархатного жилета. Следом бесшумно скользнул молчаливый набиец.

Я рассеянно проследила за ними, прикусив губу и постукивая по ней пальцами. В голове вихрем летели идеи. Одна ярким мотыльком заметалась перед внутренним взором. Чем больше я её обдумывала, тем больше она мне нравилась.

На Дарсана было жалко смотреть: он привалился к мраморной колонне, держась за переносицу дрожащими пальцами и глядя на меня осоловелыми глазами.

— Что же делать, хэннум? — хрипло спросил он. — Вы достали то, что вам нужно, а как же теперь мы с Таллией?

Я покровительственно улыбнулась ему:

— Судьба любит играть с планами людей. Именно поэтому никогда нельзя терять головы, а нужно суметь вовремя изменить их, чтобы выиграть.

— То есть, вы хотите сказать, что знаете, как вызволить Таллию? Мы же даже не знаем, где находится этот гарем, да будет он проклят Эмиром!

Я покачала головой и поднесла палец к губам, заметив, что к нам спешит слуга, вызванный калифом. Схватив Дарсана за плечо, я наклонилась к его уху и промурлыкала:

— Зато я знаю тех, кто покажет нам дорогу в гарем!

44 — **айсанна** — цветок, похожий на пион, но с более длинными и узкими лепестками; обладает преимущественно светло-розовым или белым окрасом и тонким ароматом;

45 — **галабена** — длинное женское платье в Ранаханне, отличается широким покроем и практически бесформенным силуэтом; как правило, украшается всевозможной вышивкой из стекляруса и бисера;

46 — **песчаные пауки** — большие, размером с ладонь взрослого мужчины, пауки, преимущественно чёрного или серого цвета, живущие в песках Ранаханнской пустыни. Отличаются тем, что при размножении паучихи плетут общий — на две-три самки — кокон, откладывая в него яйца. Выводясь, паучата оплетают кокон изнутри тонкими паутинками, а уже потом выбираются наружу;

47 — **Муреновые острова** — архипелаг во Втором Океане, где были найдены пещеры, битком набитые золотыми слитками. Пещеры тут же подверглись разграблению. Происхождение золота так и осталось неизвестным;

48 — храмы, построенные сектой, поклоняющейся Великому Дракону — мифическому существу, после прихода которого, по поверьям многих, возник мир;

49 — **острова Лотоса** — группа островов на юго-востоке от княжества Хайань. Своё название получили благодаря множеству рек, заросших лотосами;

Щёлкнула застежка ремня; с визгом затянулась шнуровка на высоких сапогах. Тряхнув волосами, я зачерпнула горсть заколок из отделанной шёлком лазурной шкатулки Назиры и принялась скручивать узел на затылке. Дарсан, обматывающий талию широким поясом, неодобрительно следил за моими действиями, пока не отважился написать на клочке пергамента:

"Не пристало слабой женщине рядиться в мужскую одежду.

Я хмыкнула и быстро вывела ответ:

"Друг мой, тут не до приличий. Убегать, путаясь в длинной юбке или шароварах, тяжело. Сегодняшней ночью нам, возможно, придется спешно покинуть дворец, и я не хочу, чтобы на пути возникла хоть малейшая помеха".

"Не нравится мне ваш план, хэннум. Слишком опасно", — упрямо написал Дарсан и взглянул на меня. Я подняла брови и пожалала плечами: есть соображения получше?

План мой не отличался особой изощрённостью. Нам не известно расположение гарема, но я знаю тех, кто может нас проводить туда: немые химамишки. И пусть они начисто лишены дара речи, это не мешает им ходить. Не мытьем, так катаньем я добьюсь того, чтобы нас проводили в гарем. Остальное — дело случая; голубка Гвиленны сопровождала нас в сокровищнице, уверена, не оставит и теперь. Как говорят на Аэдагге: "Суди о дне по рассвету, а о добыче — по абордажу".

О том, что судьба любит гармонию и часто подкидывает какую-нибудь неприятность в противовес удаче, я старалась не думать.

Вылазку я намеревалась предпринять после захода солнца, когда вся челядь уляжется спать. Конечно, велик был риск натолкнуться в коридорах дворца на капитана Коннара. Я твёрдо зареклась думать о худшем стечении обстоятельств, чтобы не терять боевого настроения. Если всё сложится, как надо, внизу нас будет ждать экипаж: калиф обещал сегодня прислать грамоту, а обставить всё как спешный отъезд из дворца ничего не стоит.

Причёска была готова. Я натуго перетянула получившийся узел чёрной сеткой. Не стоит идти с распущенными волосами на ответственное дело, нельзя дарить возможному противнику шанс захватить тебя в плен. Поколебавшись, я заткнула за край сапога кинжал капитана Коннара. Да, перед отъездом я обещала вернуть его, но искать наемника по всему дворцу нет ни времени, ни желания. Оставляю где-нибудь на видном месте, чтобы при обходе "Лилии" капитан сам нашёл своё оружие.

Дарсан, отдуваясь, подтащил к двери массивный сундук с нарядами Назиры. Этому сундуку было призвано сыграть решающую роль. Дарсан заверил меня, что Таллия легко поместится в нём.

Дотянув ношу до выхода, парень утёр пот дрожащей рукой и молча удалился. Поднятые плечи и резко ссутулившаяся спина говорили о том, что Дарсану нелегко переносить тягостное ожидание развязки. Известно, что нет ничего ужаснее оттягивания неизбежного. У хайанских дзиран(51) есть даже пытка ожиданием: испытуемого запирают в темнице и, сообщив ему день расправы, начинают его откладывать раз за разом, изводя бедолагу неопределенностью. Это становится настолько невыносимым, что, говорят, многие несчастные призывают к себе смерть самостоятельно, разбивая голову в кровь о каменные

стены темницы.

Я потерла пальцами виски и вздохнула. Намеченное для начала вылазки время подкрадывалось мучительно медленно. Пришлось призвать на помощь всю силу воли и напомнить себе о цели визита в Ранаханн, а также о том, что он почти подошёл к концу.

Камень, бережно спелёнатый, как младенец, в одну из лучших шалей Назиры, покоился на дне сундука, прикрытый одеждой. Я твердо решила заняться им после прибытия в Аэдаггу. Разгадывание его загадки может отнять уйму времени, которого у нас нет.

От Камня мысли перекинулись на более важные предметы. Если все сложится удачно (я не утерпела и суеверно щёлкнула пальцами четырежды над каждым плечом(52)), уже к утру я буду на борту посуды Назиры. Надеюсь, команда помнит моё строгое распоряжение держать судно наготове в течение пяти дней после того, как я отправлюсь в Хайсор. Пятый день как раз истекает завтра.

Я опустилась на кушетку, обитую бархатом, и, глубоко вздохнув, прикрыла глаза. Сердце колотилось как сумасшедшее. "Нервы", — тоскливо подумалось мне. Близость развязки пьянила и тревожила одновременно; судя по бледному лицу Дарсана, выглянувшего из своей комнатухи, нервы мучали не одну меня.

Близился вечер. Лиловые тени, отбрасываемые мебелью в комнате, удлиннились. В золотисто-оранжевых лучах солнца дрожали пылинки; стояла мёртвая тишина. Даже город за стенами дворца словно погрузился в сонное оцепенение.

Калифскую грамоту не несли. Это тревожило и наталкивало на невесёлые мысли. Что, если Теймуран всё же раскрыл меня? Или позабыл о своём обещании?

Память подкинула яркий образ калифа, каким он предстал в нашу последнюю встречу. Ссутуленный, затравленно глядящий на меня исподлобья, стискивающий перила балюстрады. Интересно, почему же нас удостоили столь высокой чести, и его величество посвятил два дня совместным прогулкам по дворцу? Решил лично проследить, чтобы заморская гостья не умыкнула какую-нибудь безделушку?

Последняя мысль показалась мне смешной. Я закашлялась, сдерживая рвущееся наружу глупое хихиканье. Дарсан обеспокоенно взглянул на меня, но промолчал. На его лице отражались терзающие парня тяжелые думы. Конечно же, а как иначе? Он нарушил законы калифата, дерзнул проникнуть во дворец правителя и теперь посягает на одну из его наложниц. Неизвестно, кому из нас сейчас хуже. Любопытно, кстати, что он собирается делать потом, после побега со своей невестой? Думаю, калиф быстро догадается, кто стоит за расхищением гарема, и начнет искать — если не Дарсана, то Таллию точно. Так что же предпримет юноша?

Повинуясь наитию, я нацарапала этот вопрос на клочке пергамента и протянула Дарсану. Тот непонимающе взглянул на меня, но протянутое взял, и, скользнув глазами по написанному, несмело улыбнулся. Затем, неуклюже прижимая пергамент к стене, быстро вывел ответ и вернул клочок мне.

"В приграничных землях недалеко от Кайавата(50) есть поселения бедуинов. Туда калифские шпионы точно никогда не заглянут. Я думал обосноваться там или же вовсе бежать в Алдорию".

Я прочла и одобрительно кивнула пареньку. Не буду расстраивать его расспросами и уточнениями: уверен ли он, что бедуины или алдорский король примут его с распростёртыми объятиями? И примирится ли Таллия с перспективой вновь влачить нищенское существование, особенно после того, как хлебнула роскошной жизни во дворце?

Мне на колени упал ещё один клочок пергамента; развернув его, я вновь увидела почерк Дарсана:

"Осмелюсь и я задать несколько вопросов, хэннум. Кто вы такая? Откуда вы? Выглядите, как богачка, но действуете и объясняетесь совершенно неподобающим для богачей образом. И шар этот ваш..."

Я подняла голову и испытующе посмотрела на юношу. Он невольно съёжился, но глаз не опустил. Немного подумав, я принялась за ответ, останавливая на миг перо после каждого слова.

"Пусть твои догадки и домыслы остаются при тебе, Дарсан. Ты хороший парень, но у меня нет привычки открывать душу перед каждым встречным. Не обессудь".

На лице Дарсана не отразилось ни удивления, ни разочарования после того, как он это прочитал; скорее смиренная покорность. Подумав немного, он вновь что-то черкнул.

"Каэрре-хэннум, вы назвали своим настоящим именем?"

Я почувствовала слабый укол раздражения. Похоже, парень начинает забывать о правилах приличия и о том, что проникновению во дворец и будущим освобождением (надеюсь, удачным) невесты он обязан мне. Такая настырность с его стороны просто недопустима!

Наверное, все эти эмоции оказались слишком заметными. Дарсан выхватил из моих пальцев злосчастный клочок пергамента и разорвал его в клочья.

— Простите меня, хэннум, — пробормотал он. Я укоризненно покачала головой:

— Любопытство — опасная штука, Дарсан. До добра оно часто не доводит.

Деликатный стук в дверь прервал мою воспитательную сентенцию. Видимо, желая искупить провинность, юноша молнией кинулся к входу и распахнул створки. Я же мигом накинула на себя халат: не хочу, чтобы прислуга увидела заморскую гостью в неподобающем наряде и донесла об этом калифу.

На пороге, подобострастно склонившись, стоял незнакомый слуга, кудрявый юноша лет двадцати, одетый в молочно-белый халат, подпоясанный тёмно-синим кушаком.

— У меня послание для Каэрре-хэннум от великого калифа, — нараспев произнес он, слегка картавя. Его высокий голос напомнил назойливый писк комара, и я почувствовала лёгкую неприязнь к этому слуге. Как бы то ни было, послание принято получать непосредственно в руки, и я, стараясь поплотнее придержать края халата, проследовала к двери, высоко держа голову.

Вблизи молодой слуга оказался под стать своему голосу — с тонкими, расплывчатыми чертами лица и маленькими, глубоко посаженными бесцветными глазами. С сожалением вспомнив представительного Тариба, я удостоила гостя легким кивком и сухо поинтересовалась:

— И где же послание?

Слуга вновь отвесил низкий поклон и протянул пергамент, аккуратно свёрнутый трубкой и перетянутый шёлковой лентой. От меня не укрылось, как его колючие глаза цепко скользнули по моей фигуре.

— Это дорожная грамота, о достопочтенная хэннум, — подобострастно произнес он. — Кроме того...

Бросив косой взгляд на молчаливо стоящего рядом Дарсана, слуга достал из-за пазухи небольшой продолговатый флакон, украшенный затейливой золотистой вязью. За жёлтым стеклом покачивалась янтарная жидкость, а навершие флакона венчала сургучная печать в

виде уже поднадоевшего Глаза Элоаха. Вновь поклонившись, юноша вручил сосуд мне и торжественно произнёс:

— Лучезарный калиф просит прощения за то, что столь внезапно и невежливо прервал экскурсию. В знак извинения он шлёт хэннум этот флакон мирисэлли.

Я бережно приняла дар лучезарного, стараясь как можно аккуратнее сжимать узкое горлышко двумя пальцами. Мирисэлли — баснословно дорогие духи. Пять капель можно продать за тридцать золотых дориев, а за флакон алдорские модницы и озабоченные поисками жениха девушки придушат любого. Всё дело в особом свойстве мирисэлли. Свое название духи получили от мирисса — кактуса, растущего в ранаханских пустынях. В сочетании с чарами, известными только местным парфюмерам, духи приобретали волшебный аромат, способным, по слухам, накрепко привязать к счастливой обладательнице мирисэлли любого мужчину. Однако действие это длилось недолго — до полного выветривания аромата; впрочем, наверное, некоторым хватало и этого.

Я осторожно поставила флакончик на миниатюрный столик у двери. Тратить мирисэлли на всякие глупости вроде привлечения мужчин мне совершенно не хотелось. Я уже прикидывала, как с толком потрачу состояние, которое получу после продажи этих духов. Следовательно, до прибытия на Аэдаггу их нужно беречь как зеницу ока.

Эти размышления настроили меня на благодушный лад. Я взглянула на молодого слугу с большей благосклонностью. Его внешность стала казаться не такой уж и отталкивающей.

— Передай его величеству мою глубочайшую признательность за столь щедрый дар, — медленно произнесла я, стараясь сохранять достоинство. — И скажи, что время, проведённое во дворце, стало для меня истинным наслаждением.

Слуга приложил руку к сердцу, откланялся и неторопливо удалился. Когда его шаги в коридоре утихли, Дарсан шумно выдохнул и плотно прикрыл дверь.

— Ну, что ж, — задумчиво произнесла я, поглаживая выпуклые стенки флакона. — Пришло время звать Тариба.

— Что желает хэннум?

Я бесстрастно взглянула на склонившегося передо мной пожилого слугу, ощущая, как кровь в венах закипает от предчувствия авантюры, в которую нам предстоит пуститься.

— Тариб, — хрипло выдохнула я, стараясь унять предательскую дрожь в голосе. — Сегодня ночью я вынуждена уехать из дворца. Срочные дела. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы мои вещи, — я кивнула на стоящий у двери сундук. — Отнесли вниз и погрузили в экипаж, а его заложили парой драконидов.

Если Тариб и удивился, то на его смуглом лице ничего не отразилось. Наверное, за долгие годы службы он привык к эксцентричным выходкам господ. Или, быть может, этикет не позволял слугам выражать эмоций по поводу распоряжений хозяев.

— Будет сделано, хэннум, — кратко ответил он. — Что-нибудь ещё?

— Да. Перед отъездом я хотела бы ещё раз побывать в химаме "Лилии". Желаю вновь испытать это неповторимое блаженство. Пришлите ко мне одного из тех химамщиков, которые прислуживали в прошлый раз, и подготовьте всё к омовению.

На сей раз чёрные брови Тариба дрогнули, словно собираясь взметнуться вверх, но хозяин удержал их в прежнем положении.

— Как пожелает хэннум, — бесстрастно проговорил он. — Ваше распоряжение будет исполнено как можно быстрее.

— Благодарю вас, — сердечно сказала я, отчаянно жалея, что Тариба нельзя взять в свою команду. — И ещё. Я хочу, чтобы всё было устроено так, чтобы наш отъезд из «Лилии» остался в тайне.

В тёмных глазах слуги мелькнуло понимание, и он медленно произнес тоном, в котором звучало намного больше приязни, чем пару мгновений назад:

— Конечно, хэннум. Как вам будет угодно.

Я кивнула, давая понять, что разговор окончен, и Тариб удалился. Задумчиво глядя на закрывшуюся за ним дверь, я почувствовала укол совести: из всех обитателей "Лилии" этот человек был самым приятным несмотря на разницу в статусе.

С небес на землю меня вернул Дарсан, настойчиво подсовывающий мне очередной клочок пергамента.

— Что там ещё? — недовольно нахмурилась я, разворачивая его.

"Хэннум, вы открыто разговаривали об отъезде. Неужели вы уже не боитесь, что вас услышат?"

Я так и ахнула. Хмурый Дарсан кусал губы. Разозлившись на себя из-за глупейшей оплошности, я принялась лихорадочно размышлять.

Если отринуть наиболее опасную фразу про отъезд в тайне ото всех, то ничего особо крамольного сказано не было. Уехать я могу в любой момент — грамота есть, Камень подарил сам Теймуран. Единственное, что остается — обещанное визирю свидание, да я и не собиралась на него приходить. Пусть помучается в ожидании, авось в следующий раз не будет навязывать свое общество приезжим девушкам. Моя же неосторожно оброненная фраза про отъезд вполне может быть объяснена чрезвычайной торопливостью. Невежливо получается, однако куда более невинно, чем то, что мы на самом деле собираемся проверить.

Всё это я кое-как начеркала на пергаменте и отдала Дарсану. Прочтя и немедленно разорвав записку, он лишь глубоко вздохнул и покачал головой в знак явного неодобрения. Я примиряюще улыбнулась. Эх, Дарсан, плохой бы из тебя получился пират. Слишком уж ты мнителен.

Наш молчаливый диалог был прерван очередным стуком в дверь.

Прежде чем Дарсан направился туда, чтобы открыть, я схватила его за рукав и прошипела на ухо:

— Когда они потащат сундук вниз, отправишься с ними и накрепко запомнишь, где стоит наш экипаж. Мы ведь не хотим блуждать по дворцу в самый ответственный момент, верно?

— Верно, — прошелестел в ответ Дарсан.

— Вот и славно. Вперёд! — я легонько подтолкнула паренька к двери.

На Хайсор опустилась ночь. Умолкли муаззины, утонули в чернильной тьме звуки голосов, звяканье оконных ставен и лай собак; с моря повеяло прохладой, смешанной с запахом гниющих водорослей и цветов гайаты.

Я нервно меряла шагами комнату, время от времени покусывая согнутый палец. Прошло уже много времени с тех пор, как за Дарсаном закрылась дверь, а мой помощник так и не возвращался. Неужели путь до стойл драконидов такой долгий? Или его перехватили по дороге и теперь пытаются, выведывая, куда он держит путь? Я замерла на мгновение, делая пару глубоких вдохов и унимая панику. Похоже, мнительность Дарсана, которому

мерещились враги под каждой кроватью, передалась и мне. Верно говорят: с кем поведёшься...

Додумать мне не дал предмет моих размышлений. Дарсан влетел в дверь, запыхавшийся и покрасневшийся.

— Хэннум, я... — хрипло начал он, затем, спохватившись, схватил пергамент и вывел дрожащей рукой: "Я не опоздал? Стойла находятся дальше, чем я думал".

Я ободряюще потрепала его по плечу и написала в ответ:

"Всё в порядке. Время ещё есть. Ты запомнил точное расположение нашего экипажа?"

"Да. Его подведут к главной аллее сада, она ведет к воротам. Я упросил их сделать так: сказал, что вы очень торопитесь и не хотите ждать".

Я беззвучно хмыкнула и довольно улыбнулась.

"Молодец. Быстро учишься решительности".

Скулы паренька чуть зарделись — не то от удовольствия, не то от стыда. Ещё бы, получить похвалу от женщины — сомнительная радость для ранаханнского мужчины. Дав ему пару мгновений, чтобы перевести дух, я натянула — прямо поверх так не одобряемого Дарсаном "мужского" костюма — тёмно-синюю галабену на случай, если мы столкнемся в коридорах "Лилии" со стражниками или слугами.

Или капитаном Коннаром.

Я замерла на удар сердца, ощутив ледяную твёрдость клинка за обшлагом сапога. Нечаянная встреча с капитаном сулит нам большие неприятности. Вряд ли северянин поверит в сказочку о том, что нам взбрело в голову совершить очередной полуночный променад по дворцу. С другой стороны, я всегда могу сказать, что искала именно его для возврата одолженного мне оружия.

Впрочем, дальше тянуть время и размениваться на ненужные думы было нельзя. Пришла пора действовать.

Я сделала глубокий вздох, поправила галабену и размашисто вывела на клочке пергамента, с неудовольствием ощущая, как мелко подрагивают пальцы:

"Пойдем, Дарсан Я думаю, химамам уже готов".

Юноша тряхнул волосами, нахмурился и принял серьезный вид.

Мы ещё не знали, что ждёт нас впереди.

Жемчужно-белые клубы горячего пара окутывали химамам. В воздухе разливался изысканный аромат благовоний — видно, Тариб лично проследил, чтобы купальня для отъезжающей гостьи была подготовлена идеально.

Как жаль, что все эти труды пропадут даром.

Я заметила застывшую у изразцовой стены фигуру химамамщика. Как только мы вошли, он моментально вынырнул из-за паровой завесы и раболепно склонился передо мной. Я успела заметить мелькнувшее на его лице изумление по поводу того, что мы с Дарсаном даже не удосужились раздеться. Глядя на его смуглую спину, сквозь кожу которой проступали острые бугорки позвоночника, я вспомнила наставление Одноглазого Тома.

"Если задумала что-то — действуй без промедления, девочка. Стремительная атака, внезапное нападение — и победа будет на твоей стороне; обескуражь противника, не дай ему опомниться и не останавливайся ни на мгновение, пока не добьёшься того, чего хотела".

Мысленно поблагодарив старого пирата, я коротко велела:

— Посмотри на меня!

Химамщик повинился. Он был невысокий — чуть выше моего плеча, и щуплый; с огромными глазами, на дне которых плескался смутный страх. На тонкой, как ветка ивы, шее змеился белёсый шрам.

Глядя ему в глаза, я жестко произнесла, чётко выговаривая слова:

— Нам не нужен химама. Проводи нас в гарем калифа.

Я и не думала, что лицо человека может быть настолько пластично: за несколько мгновений черты юноши исказила целая буря эмоций от неопишуемого изумления до плохо скрываемого ужаса. Химамщик яростно замотал головой так, что я испугалась, как бы его тонкая шея не переломилась. Дарсан сжал кулаки, но я предостерегающе подняла ладонь и положила руку на худенькое плечо прислужника. Оно оказалось прохладным и липким от выступившего пота. Юноша вздрогнул, умоляюще посмотрел на меня и попытался беззвучно произнести что-то.

"Н... не н... на... адо", — едва разобрала я и сочувственно покачала головой:

— Прости, дружок, но я не отступлюсь. Видишь ли, у моего спутника, — я кивнула на Дарсана. — Калиф подло умыкнул невесту и заточил в своём гареме. Я считаю, что так поступать нехорошо. Девушку нужно вернуть. Теймуран добровольно на это не пойдёт, поэтому мы решили действовать сами, — прислужник отчаянно дёрнулся, пытаюсь вырваться, но я лишь сильнее сжала пальцы. Его кости казались по-птичьим тонкими. Напустив на себя гневный вид для острастки, я сурово продолжила:

— Если ты откажешься проводить нас или попытаешься сбежать, я пожалуюсь лично капитану Коннару на то, что ты пытался обесчестить меня. Твоё лицо я запомнила. Ты ведь знаешь нрав капитана Коннара?

Я была наугад, не имея ровным счётом никакого представления о точной иерархии слуг во дворце. Вдруг капитан не имеет никакого отношения к химамщикам, и парень сейчас беззвучно рассмеётся мне в лицо?

Однако риск оказался оправданным. Удар попал в цель. Лицо паренька посерело, и он вздрогнул: видимо, капитана в "Лилии" опасались. Либо покушение на честь заморских гостей сулило некую неизвестную мне страшную кару.

Лицо прислужника выразило покорное смирение, сквозь которое проглянула обречённость, и он с заметным усилием кивнул.

— Ты проведешь нас? — тщательно маскируя ликование, уточнила я. Химамщик снова склонил голову.

— Замечательно, — удовлетворённо сказала я, отпуская его плечо. — А теперь вперёд — в гарем. И помни, только попробуешь поз... хм... подать кому-нибудь сигнал о помощи — пеняй на себя.

Прислужник замотал головой и приложил ладони к груди, показывая, что о таком он и подумать не посмеет. Дарсан восхищённо прошептал мне в спину:

— Как у вас всё так легко получается, хэннум!

— Не сглазь, — сухо осадил я его.

И словно в воду глядела.

Вопреки нашим ожиданиям слуга не двинулся по коридору. Отступив на пару шагов вправо от двери химама, он подошёл вплотную к стене и приложил маленький кулон, болтающийся на шее, к одному из Глаз Элоаха. Часть стены мигом скользнула в сторону, открыв тускло освещенный проем. В нём угадывалась лестница, круто ведущая вниз.

Химамщик ступил на первую ступеньку и сделал приглашающий жест рукой.

— Ловушка? — с сомнением в голосе поинтересовался Дарсан. — Как думаете, хэннум?

Я была настроена более оптимистично:

— Скорее всего, тайный ход, ведущий к гарему. Я угадала? — химамщик слабо улыбнулся и кивнул. — Тогда ступай первым.

Прислужник низко поклонился и поспешил вниз, стуча смуглыми пятками по ступеням. Мы не отставали, бдительно озираясь по сторонам.

Лестница, оказавшаяся достаточно короткой, привела нас в широкий коридор с выложенными глазурью стенами. Вездесущие Глаза уставились на нас, отчего возникло неприятное ощущение, что мы попали в кольцо многоглазых чудищ. В их зрачках вспыхивали и меркли отражения тусклых магических светильников — овальных кусков кварца, внутри которых теплились желтые магические огоньки. Они загорались при нашем приближении и медленно угасали, стоило нам миновать их, отчего в коридоре царил мягкий золотистый полумрак. Слабо пахло благовониями.

Коридор извилисто петлял, иногда разделяясь на несколько отдельных проходов. Похоже, во дворце была целая система тайных ходов — то тут, то там в стенах мелькали проёмы, ведущие в другие "рукава" нашего пути. Заблудиться в этой паутине было легче легкого, и я мысленно похвалила себя за сообразительность, которая помогла нам и найти проводника и добраться до гарема, укрывшись от зорких глаз капитана.

"С другой стороны", — подумалось мне. — "Что мешает этому самому проводнику выскочить из хода первым и запереть дверь? Кто потом найдет наши кости?" По крайней мере, на его месте я бы так и сделала. Наверняка за привод незваных гостей в калифский гарем полагается суровое наказание, и соблазн избежать его слишком велик.

Меня прошиб холодный пот. Спина покрылась мурашками, несмотря на два слоя одежды. Я с подозрением посмотрела на смуглую спину вышагивающего впереди прислужника и тихо сказала Дарсану:

— Поравняйся с ним и постарайся не отставать!

Юноша, чьи мысли, судя по затуманенному взгляду и пылающим щекам, блуждали далеко, вздрогнул и прибавил шагу, настигнув ничего не подозревающего о моих мрачных мыслях химамщика. Тот с удивлением посмотрел на него, но не выказал ни малейшего неудовольствия. Я перевела дух. А ещё ругала Дарсана за мнительность!

Казалось, что мы провели в блужданиях по коридору много времени. Я уже начала волноваться о том, что нас водят кругами, когда очередной крутой поворот хода уперся в глухую стену, расписанную, как и всё остальное, Глазами. Наш проводник сжал в ладони свой кулон, протянул его к стене и замер, умоляюще глядя на меня. То ли он надеялся в последний раз убедить нас изменить решение, то ли просто хотел дать время отдышаться — не знаю. На всякий случай я сдвинула брови и безапелляционно указала на последнюю преграду между нами и калифским гаремом. Юноша обречённо прикрыл глаза и коснулся кулоном стены.

Будь я Теймураном Восьмым, первое, что делала бы при визитах заморских гостей — показывала им гарем, ибо истинное кошунство скрывать столь дивное место, потрясающее своим великолепием, от людских глаз.

Первое, что пришло на ум, когда мы вышли из тайного хода — "золотая клетка для диковинных птиц". Огромное помещение, отделанное золотом и сияющее самоцветами так,

что болят глаза, напомидало именно клетку, наглухо запертую, дабы никто не посмел нарушить покой прекрасных невольниц его величества.

Многочисленные кушетки, пуфы и вазы живых цветов теснились вокруг нас. Ноги тонули в дорогих коврах, а в центре бил, искрясь и переливаясь в свете сотен магических светильников, фонтан. Стены зала были испещрены изящными дверцами, вьющимися спиралью чуть ли не до потолка. К тем, что находились выше пола, вели ажурные позолоченные лестницы. Нетрудно было догадаться, что за дверьми скрывались комнаты обитательниц гарема.

Вся эта роскошь и вычурное великолепие ошарашивало и сбивало с толку в первый момент, но, слегка придя в себя и оглядевшись, я почувствовала, что мне становится дурно.

В зале отсутствовали окна. Замкнутое пространство, куполом нависающее надо мной, напомидало гигантскую перевёрнутую чашу. Мигом стало трудно дышать, воздух показался спёртым и кислым, а голова закружилась так, что я схватилась за стену.

— Всё в порядке, хэннум? — обеспокоенно спросил Дарсан. Я раздражённо отмахнулась, хватая ртом воздух, и выдавила:

— Всё отлично. Где твоя невеста? Ищи её, и будем убираться отсюда.

Мы огляделись.

Со всех сторон к нам стекались разноцветные стайки калифских наложниц. Сначала мне показалось, что они опасаются приближаться к нам и потому медлят, однако затем я заметила странность в их движениях. Девушек словно погрузили в вязкий кисель и заставили идти, преодолевая его сопротивление. Их шаги отличала неестественная плавность, а руки — деревянная неподвижность. Приглядевшись, я отметила необыкновенную красоту каждой из девушек. Но эта красота будто бы ускользала от глаз, словно на её обладательницу накинута тонкую кисейную простыню.

И они молчали. Глухая тишина, нарушаемая лишь журчанием фонтана, давила не хуже нависающего над головой потолка. Мне сразу же захотелось закричать, расколотить что-то, чтобы нарушить это мёртвое молчание.

На Дарсана жутковатая обстановка гарема тоже произвела впечатление, потому что он сглотнул и схватил меня за руку, явно ища поддержки. Я легонько пожалала его сухую горячую ладонь и вновь посмотрела на девушек. Те застыли в паре шагов от нас и теперь стояли плотной стеной живых статуй — прекрасных, но неживых. Десятки немигающих взглядов усиливали впечатление, и я невольно отступила назад.

— Хэлль подери, что с ними творится? — вырвалось у меня, а Дарсан выпалил в унисон:

— Где Таллия?! Где моя невеста?!

Химамщик, о котором я уже успела забыть, тронул моего помощника за рукав и начал бурно жестикулировать, указывая рукой в сторону. К нам спешили его товарищи. Тихо порадовавшись появлению настоящих, не "замороженных" людей, я скорбно покачала головой:

— Мы не понимаем.

Немой паренек насупился и обратил свой пыл на товарищей. Хмурясь и переглядываясь, те вскинули руки. Завязалась оживленная немая перепалка.

— Где Таллия? — заметно нервничая, повторил Дарсан, пристально разглядывая каждую из наложниц. — Хэннум, её тут нет!

— Может быть, она в какой-нибудь комнате? — тихо предположила я, не сводя глаз с

мелькающих в воздухе рук прислужников. Дарсан озадаченно посмотрел вверх, затем — вновь на меня:

— Может быть...

Его прервал наш молчаливый проводник. Понурился, он отделился от компании товарищей и неохотно, как мне показалось, приблизился к нам. Согнувшись в раболепном поклоне, химамщик коснулся ладонями мягкого ковра, выпрямился и, умоляюще глядя на меня, беззвучно шевельнул губами:

— К..ка...

— Что? — озадаченно нахмурилась я.

— К...ка...ли...

— Калиф?

Прислужник энергично закивал и замахал руками, попеременно указывая то на Дарсана, то на ближайшую стену. Внезапно до меня дошло:

— Таллия у калифа?!

— Что?! — взревел Дарсан, напряжённо прислушивающийся к моим словам. Молодой слуга съёжился и отпрянул от него, да и мне стало не по себе: таким зверским стало лицо юноши. Сорвавшись с места, он бросился на ни в чем не повинного немого, встряхнул его и заорал:

— Отведи меня к ней! Немедленно!

Я хотела его осадить: дело принимало серьёзный оборот. Ссориться с калифом, нарушая его уединение с наложницей, не хотелось. Но гримаса ярости на лице Дарсана и моё внутреннее чутьё подсказывали, что парень вполне может убить, если мы будем медлить. Оставалось лишь пожать плечами и сухо приказать:

— Оставь его, Дарсан. Если убьёшь, вряд ли они согласятся отвести нас к калифу.

Тяжело дыша, юноша с усилием разжал руки. Потирая худенькие плечи, на которых наливались синяки, прислужник жестом позвал к себе одного из товарищей. К нам подошел худощавый мужчина, чуть повыше нашего проводника, но с такими же затравленными глазами. Приложив руку к сердцу, он низко поклонился мне и простер ладони к противоположной стене, как и его товарищ, кивая на Дарсана.

— Ты проводишь нас к ней? — выпалил мой спутник, судорожно сжимая и разжимая кулаки. На его смуглых щеках ходили желваки, а чёрные глаза метали молнии. Я подумала, что с парня сдастся кинуться напролом, сокрушая стены в поисках любимой.

Внезапно на меня накатила глубокая, щиплющая горло, горечь. Полгода назад я бы точно так же кинулась спасать Сокола, попади он в беду.

Но бросился бы он выручать меня?

Не допуская ответа и разозлившись сама на себя, я стиснула зубы. Подошедший к нам прислужник поманил нас за собой. Я с сомнением посмотрела на него: уж слишком быстро они согласились, и остановила готового рвануться вперед Дарсана:

— Погоди.

Парень замер и с ненавистью уставился на меня. Не обращая на него внимания, я обратилась к слуге:

— Зачем вы помогаете нам? Разве вас за это не накажут?

Ответом мне стал наполненный какой-то невероятной грустью и смирением взгляд тёмных глаз. Мужчина помедлил несколько мгновений, затем открыл рот и беззвучно произнёс:

— Уходите. Поскорее.

— Вы добиваетесь того, чтобы мы забрали своё и покинули вас? — с облегчением поняла я.

Слуга прикрыл глаза, будто дивясь моей проницательности и показывая, что именно это он и имел в виду. Затем он дёрнул подбородком и повторил приглашающий жест — на сей раз куда более настойчиво.

Последнее, что мы увидели перед тем, когда створки в стене захлопнулись — блистающий зал калифского гарема, наполненный десятками ослепительных красавиц, застывших в своей прелести, как восковые куклы.

Их головы даже не повернулись нам вслед.

В этот раз путь по тайному ходу не отнял у нас много времени. Коридор, по которому мы шли, ничем не отличался от предыдущего, разве что светильники при приближении вспыхивали чуть ярче. Дарсан нёсся вперед, едва не наступая на пятки проводнику. Наверное, его подталкивало безрассудное желание увидеть любимую или же стремление во что бы то ни стало вырвать её из рук Теймурана. Когда мы приближаемся слишком близко к предмету наших давних вожделений, опьянение близкой встречи кружит голову и заставляет спешить, стремясь как можно быстрее приблизить долгожданный миг.

В отличие от юноши я не чувствовала никакого ажиотажа. Роскошные интерьеры "Лилии" и её напыщенные обитатели наскучили мне. Мыслями я давно унеслась в открытое море и взяла курс на Аэдаггу.

Когда мы приблизились к стене, перекрывающей выход, я жестом попросила проводника подождать, и с облегчением скинула с себя тяжелую галабену, оставшись в брюках и рубашке. При виде этого маневра Дарсан поджал губы, но неудовольствия высказывать не стал: сейчас такие глупости не имели значения. Прислужник неодобрительно цокнул языком и приблизил кулон к стене, выжидающе глядя на меня.

Отшвырнув галабену подальше, я глубоко вздохнула и кивнула:

— Пора!

Покои калифа уступали залу гарема по размерам, но смело могли посостязаться с ним в великолепии. Ковры, невесомые муаровые занавеси, изысканные украшения, картины в золочёных рамах, тонкие ароматы благовоний — будь я неискушённым зрителем, была бы полностью сражена открывшимся моим глазам зрелищем. Однако за все время пребывания в "Лилии" ранаханнская роскошь успела порядком примелькаться, и я взглянула на комнату Теймурана без особого интереса, обратив внимание лишь на главное украшение покоев — громадную кровать под полупрозрачным балдахинном. Собственно, даже не помпезно-вычурное ложе привлекло наше внимание, а те, кто на нём находился.

В комнате хватало света, чтобы разглядеть через опущенные полупрозрачные занавеси черноволосую девушку, неподвижно лежащую навзничь на бархатном покрывале. Кровать располагалась прямо перед проходом, из которого мы вынырнули, и нам удалось разглядеть лишь бледное лицо девушки и часть её оголенного плеча. Все остальное скрывала фигура Теймурана, обнажённого по пояс. Он сидел на коленях спиной к нам, нависая над ней. Тело калифа мелко подергивалось, и это навело меня на мысль, что мы ворвались в покои Теймурана в самый неподходящий миг, и что за прерванный акт калифской любви нам грозит наказание похуже, чем зиндан.

Однако спустя удар сердца я поняла, что в позе калифа есть что-то неестественное.

Ещё спустя удар я осознала, что именно.

Акт любви не совершают с безвольно мотающейся на плечах головой.

Я замерла, чувствуя, как внутри нарастает, пульсируя, дурное предчувствие. К сожалению, моих спутников ничего подобное не остановило.

Увидев свою Таллию (в том, что это была именно она, сомневаться не приходилось благодаря изображению из Камня Памяти), юноша позабыл всё на свете и со сдавленным криком метнулся к ложу калифа. Я не знаю, что он рассчитывал сделать — схватить девушку или сбить её похитителя с ложа — но то, что произошло дальше, в его планы явно не входило.

Привлечённый звуком голоса калиф как-то странно развернулся, выворотив туловище и оставив ноги неподвижными. Мотнув головой, он уставился на нас тяжелым взглядом исподлобья. Поймав этот взгляд, Дарсан вскрикнул и отпрянул. Его нога скользнула по ковру, и он неуклюже опрокинулся на спину. Я замерла, не в силах шелохнуться от сковавшего меня приступа паники вперемешку с отчаянным нежеланием верить в происходящее. Глаза моего недавнего экскурсовода подёрнулись мутной дымкой, какая бывает у снулой рыбы, а по коже, блестящей от испарины, время от времени пробегали волнообразные судороги, которые и заставляли тело его величества подергиваться. Но меня испугало не это.

Медальон Теймурана, что так притягивал внимание, приобрёл необыкновенный оливково-пепельный оттенок. Казалось, безделушка живет своей независимой от обладателя жизнью. В ней, как в зеркале провидца, извивались и метались белёсые тени, а поверхность рябила, как вода, над которой проносится птица.

Меня опять пронзило сильное желание дотронуться до медальона, но шорох за спиной его спугнул. Стряхнув с себя наваждение, я резко обернулась и увидела давешнего прислужника. Тот торопливо протискивался обратно в коридор, ведущий к гарему. На сей раз лицо немого слуги выражало ничем не прикрытое злорадное удовлетворение. Поймав мой взгляд, он отвесил явно издевательский поклон и исчез. Стена с шорохом встала на своё место.

— Чтоб тебя демоны Хэлля сожрали! — в сердцах закричала я, осознав, что напускная покорность слуг не зря показалась мне подозрительной. Они легко обвели нас вокруг пальца, оставив наедине с ненормальным калифом.

Ненормальным? Или...

Предчувствие опасности нахлынуло с удвоенной силой, и я вновь обернулась — как раз вовремя, чтобы столкнуться нос к носу с выросшим передо мной Теймураном Восьмым. Не дав мне опомниться, он с хрустом раззявил рот и прошипел:

— Кто тебя сюда звал? Я же сделал все, чтобы ноги твоей больше не было во дворце!

"Что происходит?" — хотела спросить я, но калиф не дал вымолвить и слова. Он взмахнул руками, и из медальона вырвалось зеленоватое сияние, в мгновение ока поглотившее меня.

Чёрное небо. Сизый туман на горизонте. Потрескавшаяся земля, испускающая бледно-зелёный свет.

Я знаю это место. Я уже была здесь.

Только вместо Сокола передо мной странное, бесформенное существо размером с

драконида, похожее на сгусток серой слизи, отхаркнутой из глотки большого. Его даже нельзя назвать уродливым — уродливо то, что имеет внешность, а это лишь клубящаяся слизь, без остановки перетекающая из одной формы в другую. На том месте, где должна быть голова, колыхается двояковыпуклая линза калифского медальона.

Придя в себя и проморгавшись, я обнаружила, что сижу на земле, беспомощно раскинув ноги. Отвратительное создание замерло, вытянувшись во весь рост на расстоянии нескольких шагов от меня. Как только я протёрла слезящиеся глаза, существо содрогнулось всем "телом", плавно обратило свой глаз-медальон ко мне и стремительно метнулось вперед, замерев на расстоянии вдоха от моего лица. Не успев не то что испугаться — осознать происходящее, я заморожено смотрела, как моё отражение плавает в медальоне калифа, искажённое до неузнаваемости.

Тварь яростно прошипела:

— Зачем ты вернулась? Почему не убралась прочь, когда получила свой Камень?

От существа исходил мерзкий запах — что-то вроде аромата тухлых яиц, смешанных с гниющими отбросами. В горле запершило, и я закашлялась, не поняв сначала, о чём идет речь. Спустя несколько мгновений меня осенило, и я просипела, часто моргая от выступивших слёз:

— Откуда ты вообще знаешь о Камне? Кто... Что ты вообще такое? Как я тут оказалась? Где калиф?

Существо слегка — будто бы в удивлении — отклонилось назад, дёрнуло "головой", и на меня обрушился сильнейший поток ледяного ветра, распластавший тело по земле и отшвырнувший его на несколько шагов назад. Спустя удар сердца он утих. Я обнаружила это лишь по быстро потеплевшему воздуху и возможности вновь вздохнуть полной грудью. Потирая ушибленный затылок и чувствуя, как внутри нарастает гнев, я сделала ещё одну попытку приподняться, чтобы вновь столкнуться лицом к лицу с тварью.

— Как ты смеешь, девчонка, — проклокотала она, толчками надвигаясь на меня. Я торопливо отползала на спине. — Как ты смеешь дерзить мне, задавая свои глупые вопросы? Запомни — здесь, в этой части Междумирья властвую лишь я, повелитель забытых земель Лах'Эддина. Ты обязана мне отвечать и повиноваться!

"Интересно, как оно говорит?" — внезапно подумала я. Пока существо выплёвывало свою тираду, меня больше занимало разглядывание его головы. Ничего похожего на рот под глазом-медальоном видно не было, однако скрипуче-низкий голос эхом отдавался в пространстве отчётливо и гулко, словно нас заключили в гигантский стеклянный сосуд.

Существо смолкло и угрожающе нависло надо мной. Поняв, что оно ждёт ответа, а промедление грозит мне ещё одним порывом ветра, я осторожно сказала:

— Камень — не единственное, что интересовало меня в "Лилии". Нам была ещё нужна наложница калифа, Таллия. Она невеста моего слуги, которую похитили по приказу Теймурана.

Существо не ответило, безмолвно застыв передо мной. Я полусидела, опёршись на согнутые в локтях руки, опасаясь лишней раз пошевелиться и лихорадочно соображая, что делать дальше.

— Это было моей ошибкой, — наконец, медленно проговорило существо. — Я вижу самые сокровенные, самые страстные желания людей, но мне и подумать не могло, что ты будешь стараться ради какого-то там невольника...

— То есть, на его мысли и желания ты внимания не обратил? — вырвалось у меня.

Я допустила оплошность. Гневно взвизгнув, тварь нервно дёрнулась. Поток ветра больно ударил в грудь, заставив поперхнуться воздухом. Меня вновь кинуло назад, а мой мучитель ринулся следом. Краем глаза заметив, как отвратительная серая масса с шуршанием скользит по высохшей земле, я кое-как откатилась вбок, не желая, чтобы она дотронулась до меня. Что-то подсказывало: это будет чревато большими неприятностями.

— Паршивая девка! — рывкнула тварь, замерев. — Не смей отвечать мне в таком тоне! Ты даже не представляешь, на что я способен!

Отодвинувшись еще ненамного, я уставилась на существо, которое не спешило меня преследовать. Почему оно медлит? Копит силы, намеренно запугивая меня, или просто хочет поболтать? И тут меня осенило: это создание упомянуло, что когда-то было повелителем каких-то там земель. Может быть, сыграть на этом и попробовать разговорить его? Глядишь, получится немного потянуть время, а то и выведать, есть ли отсюда выход.

Если подумать, выбора всё равно нет. Придется действовать по наитию.

— Ты говоришь, — осторожно начала я. — Что был властителем... прости, забыла, какой именно страны. Не могу взять в толк, что же тебя привело в Ранаханн?

— Лах'Эддин, — разъяренно прошипела тварь, вытягиваясь над землёй и обращая взгляд медальон ввысь. — Ты недостойна даже произносить это название. Тысячи лет назад это была великая страна! Добрая половина мира дрожала от ужаса, едва заслышав это название, а вторая половина молила своих богов, чтобы лахэддинские воины не ступили на их земли! Теперь же всё, что осталось от величия моей страны, — выжженная пустыня, именуемая глупцами вроде тебя Забытыми Пустошами.

В голове появились какие-то проблески. Я ахнула:

— Это туда старый калиф послал своих людей!

— Верно, — промурлыкала тварь, свиваясь кольцами. В её скрипучем голосе мелькнули нотки удовлетворения. — Я не знаю, что они искали среди развалин, однако, к моему великому счастью, в руки одному из них попал мой медальон, — "голова" существа шевельнулась.

Я почувствовала, что нащупала что-то в нашем разговоре, и решила подстегнуть собеседника:

— Медальон-то здесь при чём?

— При жизни я достиг многого, — с нескрываемой гордостью сообщило существо. — Передо мной приоткрылись многие тайны мироздания. Незадолго до конца жизни я постиг главную из них: я узнал, как обмануть Смерть.

Тело твари замерцало от дрожи. Помолчав несколько мгновений, существо продолжило:

— Когда за мной явилась Милосердная Жница(53), она забрала лишь тело. Чувствуя её приближение, я привязал свой дух к медальону. Оставалось только набраться терпения и ждать, пока не попадётся новое, молодое тело, с которым я мог бы заново начать полноценную жизнь.

Его повествование оказалось захватывающим. Я на миг отвлеклась от собственных дум. Загадки, окружавшие фигуру калифа, начали потихоньку разрешаться.

— И этим телом был калиф Теймуран? — задумчиво пробормотала я.

— Именно, — с удовольствием подтвердила тварь. — Как только он взял медальон в руки, я понял — вот оно! С его помощью я не только обрету новую плоть, но и построю царство, ещё более величественное и могущественное, чем Лах'Эддин!

— Ты вселился в калифа?

— Не совсем, — хохотнул мерзкий комок слизи. — Для обретения плоти мне нужны были жертвы, чья жизненная сила питала бы меня и наполняла соками моё новое тело. Мне удалось проникнуть в разум Теймурана и убедить его помочь мне. Он согласился не сразу, но те перспективы, что я открыл перед ним, то могущество, что я посулил, победили. Он оказался слишком слаб и труслив. Мне не пришлось долго ждать, чтобы он начал собирать урожай из тех, кто смог бы пожертвовать своей жизнью для моих целей.

Жуткая догадка озарила меня:

— Гарем?!

— А ты быстро соображаешь, — довольно проскрипела тварь. — Молодые девственницы во все времена почитались сильнейшим источником энергии и жизненных соков. Пришлось слегка поработать над их сознанием, чтобы они не догадались, почему их товарки не возвращаются из спальни господина. Это сущие мелочи по сравнению с тем, что благодаря им я постепенно стал обретать плоть.

"Ах ты, гадина", — внезапно горько подумала я, с сожалением вспомнив "замороженных" девушек. — "Интересно, скольких ты уничтожил во имя своих мерзких "целей"?"

Преодолев отвращение к пульсирующему передо мной комку слизи, я тихо спросила:

— Поэтому слуг, что были вхожи в гарем, лишили дара речи? Чтобы они не разболтали остальным то, что могли ненароком увидеть? А как же остальные слуги и помощники калифа? Их ты тоже заморозил?

Тварь настолько увлеклась рассказом о своих "подвигах", что даже не стала насыпать на меня шквал ветра за дерзкие расспросы. Вместо этого она удовлетворённо кивнула и произнесла:

— Насчёт слуг ты верно подметила, а вот остальных трогать было нельзя — мало ли, заметит кто неладное за пределами дворца... Пока я слаб, не могу этого допустить. Когда же бразды правления Ранаханном окажутся в моих руках, всё изменится.

Складно излагает, ничего не скажешь. Не давая паузе в разговоре затянуться, а твари — опомниться, я поспешно спросила:

— И как же ты с ними поступил? Заколдовал? Запугал?

— Зачем такие сложности? — удивилось существо. — Простейший отвод глаз — и человек не замечает многих вещей. Это хорошо действует на мужчин, но никогда не срабатывало с женщинами, которые успели вкусить мужской ласки.

Вот, значит, как. Выходит, и у визиря, и у капитана Коннара глаза застилала пелена. Всё, что они замечали — некие "странности" с калифом. Я припомнила ту нервозность, с которой Аль Эхмат разговаривал со мной при первой нашей встрече. Я-то самонадеянно списала её на собственную неотразимость, а он наверняка попросту боялся, что калиф навредит приезжей гостье!

Выходит, и служанок удалили из "Лилии", потому что они не подчинялись гипнозу твари. Да и прорицателей отослали подальше, дабы они ничего не заподозрили. Интересно, те нелепые законы калифа тоже издал под влиянием непрошеного советника?

— Запрет на кошек и прогулки под полной луной — твоих рук дело?

— На роду мне было предначертано, что кошка принесёт мне смерть, — монотонно ответило создание. — Зачем рисковать? А полнолуние... Когда всходила полная луна, я слабел, и не хотел, чтобы кто-нибудь случайно пробрался во дворец.

— Что же случилось с матерью калифа? — тихо спросила я. — Её тоже выгнали?

Тварь вздрогнула, хищно выгнулась и прошипела:

— Проклятая старуха! Не прошло и дня после моего прибытия, как она всё поняла! Пришлось заставить её замолчать! Та девка Моэранна пыталась её защитить, но не смогла — опоздала.

— Куда же вы дели старую хэннум? — безнадежным голосом спросила я: "Лилия Небес" стала настоящим гнездом древних тварей, ненормальных призраков и сыновей-убийц. Как я могла спокойно провести там два дня? Даже Аэдагга, пристанище воров и пиратов, показалась мне куда как милее и уютнее.

— Она замурована в одной из стен подземелья дворца, — безразлично ответило существо. — А Моэранна сбежала. Ей-то вряд ли кто-то поверит, мы об этом позаботились. Зато Теймурану пришлось помучаться, но он уже слишком ослаб, чтобы сопротивляться.

— И что же, ты всегда сопровождал его? — уточнила я, вспомнив, как калиф нервно реагировал на любые посягательства или разговоры о медальоне.

— Конечно, — скрипнуло существо. — Я следил, чтобы он не сказал или не сделал чего лишнего.

Воцарилось молчание. Тварь принялась монотонно раскачиваться на "хвосте", как маятник. Шевельнув затекшей ногой, я неожиданно ощутила дискомфорт в одном из сапог.

Кинжал! Клинок, одолженный капитаном Коннаром! Может быть, с его помощью мне удастся выбраться из этой дыры? Я покосилась на существо и принялась очень медленно сгибать ногу, стремясь добраться до кинжала. С оружием в руках будет проще, и...

Тварь резко повернула ко мне "глаз" и злобно прорычала:

— А потом появилась ты! Пришлось тратить время на пустую болтовню, на то, чтобы водить тебя по дворцу, исполнять все твои прихоти! А всё от того, что тебя нельзя было отпустить бродить везде в одиночку — мало ли, что увидишь, мало ли, что потом расскажешь в своей стране! О, Проклятые Боги, я сделал всё, чтобы ты осталась довольна, забрала то, что хотела, и убралась из дворца, так нет же, явилась прямиком в гарем!

Я не нашлась, что ответить, продолжая с осторожностью подтягивать ногу к себе. Предчувствие опасности запыхало внутри, подсказывая, что пустыми разговорами мой омерзительный собеседник не ограничится.

Так и вышло.

Существо распласталось по земле и с утробным шипением метнулось ко мне. Я чуть не потеряла равновесие, но вовремя вскочила. Пошатываясь и подволакивая затекшую ногу, я похромала прочь.

Тварь остановилась и злорадно хмыкнула:

— Зачем убегать, девчонка? Отсюда тебе нет выхода. Сейчас или чуть позже я все равно до тебя доберусь. Хочешь немного поиграть? Давай, побегай, развлеки меня, ведь тебе осталось трепыхаться совсем недолго.

Я промолчала. Отойдя на почтительное расстояние, я снова попыталась извлечь из сапога кинжал, но не успела. Тварь скользнула за мной, сделав очередной выпад.

Увернувшись от мерзкой слизи, я столкнулась с... воздухом. Он словно сгустился и подобно пружине отбросил меня назад, едва не заставив потерять равновесие. Выругавшись, я ощупала ладонями невидимую "стену". Так и есть — прозрачный барьер тянулся вправо и влево от меня, похоже, выгораживая кусок того пространства, где мы с тварью мило беседовали.

Я импульсивно обернулась: мой преследователь замер невдалеке и пристально следил

за моими действиями. Поймав мой взгляд, он довольно пророкотал:

— Убедилась? Тебе отсюда не выбраться.

— Ах ты, мразь, — еле слышно процедила я. Мое терпение иссякло: бестолковая беготня по замкнутому пространству истощили его запасы, а подобраться к твари в открытую я опасалась. Остановиться и достать клинок тоже не представлялось возможным. С гадины станется наброситься на меня со спины, да и куда бить, я тоже не имею понятия. Лезвие кинжала запросто увязнет в мерзкой слизи.

Существо, именующее себя правителем ЛахЭддина, неотступно следовало по пятам, но движения его стали более плавными и ленивыми: видимо, первый порыв гнева прошёл, и теперь тварь решила поиграть со мной, как кошка с мышкой, ожидая, когда я выдохнусь и добровольно покорюсь неизбежному.

Не дождётся!

У меня созрел план — отчаянный, не дающий никаких гарантий на удачу, но единственный, таивший в себе крохотный шанс на спасение.

В очередной раз отпрыгнув от слизистого щупальца, я картинно подвернула ногу. Преувеличенно громко застонав, я повалилась на колени, так, что сапог с кинжалом оказались в непосредственной близости от руки, и с надрывом в голосе вскрикнув:

— Не-ет!

Тварь, довольно заурчав, кинулась вперёд.

— Добегалась, девчонка! — прошипела она, в одно мгновение настигнув меня. Серая слизь коснулась сапога и поползла вверх. Счет пошёл на удары сердца.

Шершавая рукоять кинжала сама прыгнула мне в руку. Не отрывая взгляда от твари, я выплюнула ей в "лицо":

— Катись к Хэллю!

И, перекатившись на спину, с размаху вонзила клинок в "глаз" создания.

Никакой уверенности, что это сработает, у меня не было. Но кинжал вошёл в медальон на удивление легко. Он с чваканьем пронзил упругий, словно желе, материал, и погрузился в него почти полностью. На поверхности осталось торчать лишь рукоять. Нечленораздельно взвывая, тварь отпрянула и забилась в конвульсиях на месте, тщетно пытаясь избавиться от своего страшного украшения. Отодвинувшись как можно дальше, я утирала пот, ожидая развязки.

И она не заставила себя долго ждать.

Взвизгнув тонко, как раздавленная мышь, тварь бесформенным кулем осела на землю и вспыхнула знакомым бледно-зелёным светом. Мощный язык вихря слизнул меня с земли и затянул прямо во вспышку.

Меня крепко приложило обо что-то твёрдое и швырнуло на ворсистую поверхность. Вскрикнув от боли, я попыталась принять сидячее положение, прижав ладони к гудящей голове. Кое-как разлепив веки, я обнаружила, что вернулась в опочивальню калифа и теперь сижу на ковре, прислонившись спиной к кровати. Похоже, об её край я и ударилась. Напротив меня сидел на коленях Дарсан. Он обнимал лежащую с закрытыми глазами черноволосую девушку, крепко прижимая её к себе. "Таллия", — шепнул мне внутренний голос. — "Её зовут Таллия".

С трудом поборов головокружение, я попыталась улыбнуться, неподдельно обрадовавшись знакомому лицу и тёплому сиянию магических светильников. Нужно как

можно скорее выбросить из памяти всю мерзость, приключившуюся в Междумирье.

«Однако какая ирония судьбы», — подумалось мне. Как ни старался правитель Лах'Эддина, предначертание достигло его. Он пал от руки Кошки.

Дарсан ответил на мою улыбку слабой усмешкой и кивнул на что-то лежащее между нами. Сначала оно показалось мне странного вида мешком, но потом я с ужасом опознала калифа Теймурана. Тот лежал на животе, безвольно раскинув ноги. Одну руку калиф простер к стене, а на другую уронил голову.

— Ваше величество... — тихо позвала я, чуя огромную беду.

— Он мёртв, хэннум, — прохрипел Дарсан низким голосом, словно его горло сдавила чья-то рука. — Это вы его убили.

— Что?!

Не поверив ушам, я вскочила на четвереньки и, поднатужившись, перевернула властителя Ранаханна на спину. Тот грузно, как драконид, опрокинулся навзничь и остался лежать, уставившись в потолок невидящими глазами, которые успела затянуть мутная пленка смерти. Злополучный медальон покоился на его груди. Из него торчал кинжал капитана Коннара, утопленный в царственную плоть практически полностью. По обнаженному боку калифа стекала, застывая на глазах, тонкая струйка крови.

Я громко охнула и отшатнулась, потрясенно глядя на Теймурана. Видят боги, я этого совсем не хотела! Как такое вообще могло произойти, если я сражалась с тварью?

— Вы не виноваты, хэннум, — подал голос Дарсан. — Я видел, что случилось. Вы исчезли на несколько мгновений, а он... Он превратился в чудовище. В огромного слизняка. Потом он тоже исчез, и появился уже с... с этой штукой в груди...

Дарсан закашлялся и умолк. Я потёрла пальцами виски, чувствуя, как они наливаются тупой болью. Выходит, спасая свою шкуру, я оборвала жизнь калифа. Пусть безгрешным его назвать трудно, но не стоит забывать, что действовал он не по своей воле.

Я встrepенулась, стряхнув ненужное самобичевание. Потом, все эмоции и переживания потом!

— Нужно бежать отсюда, хэннум, — тихо сказал юноша. — Если нас поймают у тела калифа, то бросят на растерзание голодным тайгорам. И это ещё самое лучшее, на что можно надеяться.

— Да, — выдавила я. — Ты прав. Пора уносить ноги. Что с твоей невестой?

Юноша с тревогой глянул в неподвижное, как у куклы, лицо девушки:

— Она дышит, но еле-еле. Свалилась без чувств, когда калиф вернулся, — Дарсан кивнул на тело Теймурана.

— В таком случае хватай её на руки, и побежали! — резко велела я, поднимаясь. От резкого движения перед глазами всё поплыло, но я волевым усилием заставила себя удержаться на ногах. — Сможешь?

Вместо ответа Дарсан глянул на меня со смесью обиды и гнева, бережно подхватил Таллию и с готовностью кивнул.

На двери, ведущей из покоев калифа, обнаружился массивный засов в виде головы тайгора. Отодвинув в сторону тяжёлые портьеры, за которыми она пряталась, я осторожно приоткрыла дверь и выглянула наружу.

Коридор, освещаемый мертвенно-бледным светом луны, пустовал. Слегка осмелев, я приоткрыла дверь шире. По бокам дверного проема, беспомощно раскинувшись, лежали два

стражника, судорожно сжимая в руках алебарды. Вздвогнув от неожиданности, я пригляделась к ним и поняла: похоже, их постигла участь Таллии. Скорее всего, смерть склизкой твари повлекла за собой и исчезновение чар, наложенных на обитателей дворца, что вызвало обморок. Хоть какая-то польза от этой гадины.

Распахнув дверь, я шепотом подозвала Дарсана и указала на неподвижных охранников:

— Видишь? Вот наш шанс унести ноги, пока никто не пришел в себя.

— Что это с ними, хэннум? — озабоченно спросил Дарсан, наклонившись над стражником. Я дёрнула юношу за локоть и ехидно спросила:

— Хочешь дождаться их пробуждения и спросить?

— Нет!

— Тогда бежим!

...Мы бежали так, словно свора демонов Хэлля висела у нас на пятках, проносясь мимо роскошных залов, изысканных балконов и галерей; сбегая вниз по широким лестницам, устланным мягкими коврами. Везде лежали в беспомощности люди: стражники и слуги. "Лилия" казалась гигантским могильником, застывшим под ночным небом в своей мрачной красоте.

Наверное, пробежка по дворцу отняла у нас немного времени, но мне эти мгновения показались вечностью. Спустившись на первый этаж, мы не нашли выхода из дворца, и я, недолго думая, запустила в ближайшее окно стоящей неподалеку тяжелой вазой. Окно с мелодичным звоном взорвалось россыпью осколков. Мы отпрыгнули, чтобы не попасть под этот "дождь".

— Передай мне Таллию и полезай первым, — коротко приказала я.

— А вы её удержите? — испугался юноша. Я тяжело посмотрела на него и рявкнула:

— Живо!

Дарсан подскочил и бережно опустил девушку на мраморные плиты пола. Я осторожно подхватила её под мышки. Мой спутник оторвал у своей дисдасы полу, обмотал ладони, чтобы уберечь их от осколков, и перемахнул через подоконник, с глухим стуком приземлившись снаружи.

— Всё в порядке, Каэрре-хэннум! — донёсся до меня его приглушенный голос.

— Замечательно, — пробормотала я. Не выпуская Таллию, я локтем сбила торчащие из оконной рамы осколки, залезла на неё и, поднатужившись, с огромным усилием втащила девушку следом. Переведя дух, я перекинула ноги и осторожно спустилась на землю. Подскочивший ко мне Дарсан мигом принял у меня свой драгоценный груз.

Отдышавшись, я огляделась: мы выбрались в дворцовый сад. Прямо перед нами раскинулся буйно цветущий куст гайаты, от запаха которой моментально закружилась голова. Бездонное небо, усыпанное звёздами и увенчанное луной, уже подернулось светлой каймой с востока. По правую руку на противоположной стороне сада тянулась дворцовая стена. Я вопросительно взглянула на Дарсана. Наморщив лоб, он нервно оглядывался по сторонам.

— Главная аллея там, — ткнул он пальцем влево. — Видите ту арку в стене? Это главный выход из дворца. Он ведёт прямо к ней.

— Так чего же мы ждем?

Кое-как продравшись сквозь кустарники и растения (не удивлюсь, если в спешке по нашей вине погибло множество редких цветов), мы выбрались на широкую усыпанную светлым песком дорогу. Она вела напрямик к дворцовой стене.

Драконюхи не обманули Дарсана. Неподалеку от нас стоял экипаж — драпированное светлыми занавесями сооружение, покоящееся на двух широких колёсах. Два дракониды в упряжке заметно волновались, перебирая на месте мощными когтистыми лапами и недовольно пофыркивая. Подойдя ближе, мы увидели причину: один из драконюхов лежал у левого колеса лицом вниз. У его руки валялся кнут. Недолго думая, я подняла его и сунула в руки Дарсану:

— Полежай на козлы. Побудешь кучером. Как только выберемся за ворота, бери курс на порт.

Дарсан понятливо кивнул, без лишних вопросов помог мне залезть в экипаж и затянуть Таллию. Забравшись внутрь, я осторожно уместила девушку на мягкой скамеечке, плотно запахнула занавеси и примостилась рядом, придерживая её за плечи. Сундук Назиры стоял напротив, но выбрасывать оттуда вещи уже не имело большого смысла. Конечно, это лишний груз, но и лишние деньги, причём неплохие.

Снаружи раздался свист кнута, повелительный окрик Дарсана, цоканье когтей и шорох песка под колёсами: мерно покачиваясь, мы покатали к воротам. Внезапно Таллия вздрогнула и тихо застонала; почувствовав, как сердце уходит в пятки, я крикнула:

— Прибавь ходу, Дарсан! Заставь их двигаться быстрее!

И прошептала:

— Я не хочу потерять всё в паре ударов сердца от выхода.

— Как скажете, хэннум! — напряженно крикнул юноша и хлестнул поводьями драконидов. Экипаж дёрнулся и заскользил вперед.

Таллия застонала ещё громче, её веки дрогнули.

И тут мы остановились.

— Хэлль тебя раздери! — закричала я. — Что там ещё случилось?!

Занавеси впереди раздвинулись, и передо мной возникло обеспокоенное лицо Дарсана:

— Ворота заперты, хэннум!

— Что?!

Отпихнув от себя девушку, я выскочила наружу и разочарованно присвистнула: громадные устремленные ввысь ворота, испещрённые плохо различимой в потемках резьбой, были плотно закрыты. До моего слуха донесся низкий стон, и что-то тёмное заворочалось у подножия стены: это приходили в себя стражники.

На миг я потеряла почву под ногами. Нет ничего хуже, чем стремиться к чему-то и упустить за миг до победы. Руки затряслись, а в горле набух горький комок.

"Дура, идиотка, немедленно прекрати!" — со злостью одернула я себя. — "Не время для паники! Выход есть всегда, нужно просто хорошо искать!"

И я его увидела.

На правой створе ворот над моей головой едва заметно мерцал полукруг, выложенный аметистами. Увидев его, я утробно застонала от радости: это была ещё одна разновидность бережных самоцветов. К счастью, я знала, как с ней управляться. Нужна была только грамота со специальной печатью. Именно такую прислал мне калиф.

Я лихорадочно сунула руку за пазуху, и меня прошиб холодный пот: грамоты не было! Чуть не зарыдав от ярости, я принялась ощупывать всё вокруг, и пальцы коснулись шершавого пергамента. Не теряя времени даром, я подлетела к воротам и с размаху приложила грамоту калифской печатью к аметистовому полумесяцу. Тихо заскрипев, створы

начали убийственно медленно распахиваться.

Стоны и шевеления у ворот усилились. Во дворце тревожно запели силлы.

Подскочив к экипажу, я нырнула внутрь и выкрикнула:

— Гони, гони что есть мочи!

— Вы необыкновенны, хэннум! — потрясённо пробормотал Дарсан и стегнул драконидов.

Светало. Корабли с поскрипыванием покачивались на воде. Сонно вскрикивали чайки, переругиваясь с матросами, снующими по причалу. В воздухе витал аромат плесени и гнилой рыбы, смешанный с дивным запахом моря.

— Эй, Кошка! — по-алдорски окликнул меня Сайрус Щука, один из членов моей команды. — Пошевеливайся! До того, как солнце поднимется над горизонтом, нам нужно отбыть!

— Я плачу тебе не за то, чтобы ты указывал мне, что делать! — раздражённо крикнула я в ответ. — Можно подумать, первый раз в море! Лучше сами пошевеливайтесь, лентяи!

Сайрус недовольно пробормотал что-то и скрылся за бортом.

— Что он сказал, хэннум? — недоуменно спросил меня Дарсан на минсенкае.

— Что пришла пора прощаться, — мягко улыбнулась я ему.

Мы стояли на скользких досках причала. Дарсан обнимал испуганно жавшуюся к нему Таллию, закутанную в одну из шалей Назиры, а я пристально смотрела на них, в глубине души жалея о скором расставании. Волей-неволей я успела привязаться к храброму помощнику.

Лёгкую грусть притупляло острое желание рухнуть в койку и уснуть до самой Аэдагги.

— Куда вы теперь? — спросила я, нарушив неловкое молчание.

— На запад, к бедуинам, — прямо ответил Дарсан. Таллия кивнула и уткнулась лицом в его грудь.

— А на что будете жить? — вкрадчиво спросила я.

Девушка несмело улыбнулась и, взглянув на жениха, робко ответила нежным голоском:

— На мне остались кое-какие украшения из дворца. Их хватит на первое время.

Я внимательно посмотрела на Таллию, запунцовевшую под моим взглядом.

— Ты помнишь что-нибудь о времени, которое провела в «Лилии»?

В огромных девичьих глазах зажёгся огонек страха. Она прошептала:

— Все было как во сне. Будто один бесконечный кошмар. Гарем. Другие девушки. Я не помню их лиц, их словно стерли. Потом меня повели к нему. Я оказалась в каком-то странном тёмном месте, и он превратился в... в...

Продолжать она не смогла: её задушили рыдания. Дарсан крепче обнял её, осуждающе глядя на меня.

— Значит, туда он затаскивал всех, — задумчиво пробормотала я, вспоминая свою невольную вылазку в Междумирье. Интересно, что же всё-таки это за место? И как я очутилась там в своём сне? Мои мысли перепрыгнули на другое. Я тихо вскрикнула, прижав ладонь ко рту.

Я совсем забыла про кинжал. Он так и остался торчать в груди калифа.

"Это мой личный кинжал, поэтому я даю его вам на время. Вернёте перед отъездом", — прозвучал у меня в ушах голос капитана.

Что ж, клинок я ему вернула. Правда, своеобразным способом. Только вот первым его

найти может вовсе не капитан. Получается, по моей вине его обвинят в убийстве? Угрызения совести на миг кольнули меня и отступили.

Капитан — сильный человек, да и кто посмеет заподозрить его, зная его безоговорочную преданность калифу? К тому же, это уже не моя забота!

Тряхнув головой и избавившись от неприятных мыслей, я вновь обратила свой взгляд на стоящую передо мной пару.

— Не беспокойтесь за нас, хэннум, — пробормотал Дарсан. — Когда мы покидали комнату калифа, я прихватил это.

Он продемонстрировал массивную золотую цепь и пару изящных колец-печаток.

— Этого с лихвой хватит нам на пару лет, а дальше будет видно.

Я расхохоталась и хлопнула юношу по плечу:

— Молодец, Дарсан! Думаю, вы точно не пропадёте!

Помедлив, юноша несмело пожал мне руку, а Таллия, всхлипнув, повисла на шее.

— Спасибо вам, хэннум! — жарко прошептала она мне в ухо. — Мы никогда не забудем вас!

— Да чего уж там, — обняв девушку в ответ, я с трудом высвободилась из её объятий. — Кстати, экипаж заберите себе — мне он всё равно ни к чему, а вам пригодится.

Вместо слов Дарсан приложил скрещённые ладони к груди и низко поклонился. Таллия схватила мою ладонь и стиснула её, преданно глядя мне в лицо. Глаза её горели.

— Пришла пора расстаться, — помедлив, повторила я. — Думаю, у вас всё будет хорошо. Прощайте! Скоро солнце взойдет полностью.

— Мы ещё увидимся, хэннум? — крикнул мне вслед Дарсан, когда я поднималась по трапу.

Замерев на миг, я обернулась и серьёзно ответила:

— Вряд ли.

...Волны шумели за кормой, омывая борта корабля, который медленно разворачивался, отходя от ранаханнского порта и готовясь выйти в открытое море. Я стояла на корме, опираясь коленом о сундук Назиры. В нём покоился тщательно завернутый в шаль Камень. Стиснув края борта, я пристально наблюдала за плавно поднимающимся над горизонтом солнцем.

Впереди меня ждали новые приключения.

50 — **дзиран** — привилегированное сословие воинов в княжестве Хайань;

51 — ритуал, помогающий отогнать сглаз удачи;

52 — **Кайават** — городок на западной границе Ранаханна;

53 — **Милосердная Жница** — богиня смерти в космогонии Лах'Эддина. Обычно изображается женщиной, укутанной в чёрные одежды, с серпом в руке; им она срезает колосья жизней;

Часть II. Пляска тьмы

Глава 6

На Аэдаггу надвигался сезон дождей.

В такое время не хотелось выбираться дальше каморки, отгородившись от внешнего мира наглухо запертой дверью. Когда синеву неба начинала медленно поглощать унылая серая пелена — верный предвестник надвигающихся ненастий — на душе становилось совсем тоскливо. Просыпалась грусть по оставленному давным-давно дому, на ум лезли непрошенные воспоминания, и вставали перед глазами каменистые пейзажи Коннемары. Злясь на себя за излишнюю сентиментальность, я старалась отвлечься, заняться чем-нибудь, но всё валилось из рук. Хотелось лечь на продавленную кровать, отвернуться к изъеденной дrevоточцами стене и уснуть.

И тогда, вытаскивая себя из пучины тоски, я начинала напевать, вспоминая коннемарские песенки и сочиняя свои.

Однако в этот раз всё было совсем по-другому.

Наступления сезона дождей я даже не особо заметила: все мысли были заняты Камнем и его загадкой. Иногда из глубин памяти всё же поднимались воспоминания о случившемся, и меня начинали мучать кошмары. Бездыханный калиф с кинжалом в груди и телом, подрагивающим от конвульсивных судорог, вдруг открывал мутно-серые глаза без зрачков, и, шлепая губами, пытался что-то сказать. Тварь из Лах'Эддина, возникая в непроглядно-чернильной темноте, извивалась, пытаясь подобраться ближе. Её глаз-медальон был сломан пополам, и из трещины сочилась буро-жёлтая слизь, чей отвратительный запах долетал до меня даже из снов.

К кошмарам мне было не привыкать — после случая с Моррисом они снились ещё чаще, и я с грехом пополам научилась различать разницу между сном и явью и просыпаться без криков и мерзкого озноба по всему телу. Хуже кошмаров были муки совести, которые периодически вгрызались в мозг, заставляя вновь и вновь прокручивать в голове ранаханские события и терзаться сомнениями: "А если бы тварь удалось убить, не причинив вреда Теймурану?" Умом я понимала, что это был единственный способ уничтожить мерзкое создание и освободить Ранаханн от грозящей его народу участи быть под властью чудовища Забытых Пустошей, но... Но.

Вспоминала я о капитане Коннаре, который невольно спас мою жизнь. Если бы не его кинжал, я бы пополнила ряды бесследно сгинувших в чреве монстра девушек.

Воспоминания о клинке невольно наталкивали и на другие размышления.

Стало ли известно осиротевшим без своего повелителя обитателям дворца, кто владелец оружия, в неурочный момент оборвавшего жизнь Теймурана? Если да, то я могу лишь посочувствовать капитану и пожелать, чтобы всё обошлось благополучно. Глупо, конечно: если всё сложится наихудшим образом, что в этом благополучного? С другой стороны, как я могу помочь капитану, будучи далеко? Я всё равно не создалась в совершенном: своя шкура дороже.

Эти нелёгкие думы, терзающие меня вперемешку с угрызениями совести, привели к тому, что я начала покрываться гусиной кожей при одной мысли о капитане. Уверенность,

что рослый северянин отнюдь не обрадовался бы, вновь встретившись со мной, крепла каждый раз, когда я вспоминала о нём. Лишь осознание того, что это вряд ли возможно, немного успокаивало меня и давало передышку.

Минуло три недели с момента моего возвращения из Ранаханна. Всё это время я посвятила возне с первой вехой, которая, по словам старого драконопоклонника, должна была указать путь ко второй.

Беда была в том, что старик не дал Безбровому Энди подробных инструкций по обращению с Камнем: либо не знал, либо из пропитой памяти Безбрового всё выветрилось. Имея на руках лишь слова о том, что "Камень укажет путь к следующей вехе", теперь я пыталась самостоятельно нащупать верную дорогу, блуждая в крошечной тьме беспочвенных и порой совершенно безумных догадок, не имея под рукой даже лучины.

Я крутила Камень в ладонях, пытаюсь нащупать хотя бы малейшую вмятину или выступ: вдруг он полый внутри и имеет некий хитроумный механизм для открывания? Бесполезно. Камень с лёгким шуршанием тёрся об руку, но его округлые бока оставались идеально гладкими.

Я провела много времени, лежа на ветхом покрывале, положив Камень перед собой и напряженно вглядываясь в его янтарно-прозрачные глубины, надеясь разглядеть там ключ к разгадке. Тщетно. Мутноватая внутренность вехи оставалась равнодушно-бездвижной. От постоянного напряжения у меня начало щипать глаза, и перед внутренними веками поплыли оранжево-зелёные круги.

Однажды, устав от бесплодных попыток, я уснула рядом с ним, но ничего так и не случилось. Открыв глаза, я увидела Камень на прежнем месте, всё такой же холодный и равнодушный.

Я катала Камень по шербатовому полу, подталкивая ногами. Кидала в воду. Бросала в огонь. Даже капала на него кровью из надрезанного пальца. Ничто не приносило результат. Камень оставался глух к моим попыткам, и, каждый раз испытывая неудачу, я чувствовала себя безумцем, пытающимся забраться на отвесную скалу с телом, облитым маслом.

В один из таких беспросветных дней, задумчиво глядя на унылую серость, сочащуюся сквозь окно, я с растущим отвращением подумала о Камне. Что же я делаю не так? Может быть, существует ещё какой-нибудь предмет, без которого тайна вехи не откроется? От этих мыслей меня пронизал озноб, ледяной ладонью погладивший между лопаток. Передёрнув плечами, я сердито оглянулась на сиротливо лежащий на койке Камень. Вряд ли. Иначе старик упомянул бы и о нём.

Я вновь повернулась к окну и принялась остервенело накручивать на указательный палец тёмный локон. Я точно что-то упускаю, только что именно? Внутреннее чутьё подсказывало: разгадка элементарна. Просто кощунственно то, что я никак не могу додуматься до неё.

Знать бы ещё, что она из себя представляет!

Оставив в покое волосы, я до крови прикусила согнутый мизинец. Боль обожгла кожу, и вдруг меня осенило. Сердце учащенно забилося, а в животе появилась томная сладость предвкушения, смешанная со страхом перед возможностью ошибки.

Догадка была проста. Если Камень — это и впрямь камень, тогда что мешает мне обратиться к тому, для кого мир любого камня на свете открытая книга?

Иным словом, к литанээ.

Обычно Говорящих с камнями можно найти лишь в мало-мальски крупных городах,

однако волею случая на Аэдагге коротал свои дни один литанээ — Микаэль Аметист. Рассказывали, что на его долю выпала незавидная судьба — связавшись в юности с дурной компанией и работая на какого-то пиратского капитана (имя Микаэль называть наотрез отказывался), литанээ вскоре сам попал в его шайку и принялся бороздить моря в поисках лёгкой добычи. Вольная жизнь, весёлые товарищи, льющийся без остановки хмельной лэй и сотни портовых красоток — всё это вскружило голову юноше и заставило позабыть мирную сухопутную жизнь и Дом.

Лишь потеряв ногу в потасовке с морским пилозубом(55) и осев на Аэдагге, Микаэль начал осознавать, что добрая половина его жизни прошла в беспутном кутеже, драках и пиратских набегах. Возвращаться в Алдорию ему было нельзя. Однажды в пылу битвы он прирезал какого-то особо приближенного к королю чиновника, и за голову пирата-литанээ назначили немалую награду. На Аэдагге же Микаэля хорошо знали и уважали за смелость и щедрость.

Подлечив ногу (вернее, то, что от неё осталось) и придя к выводу, что прежняя жизнь морского разбойника ему претит, а он умеет лишь Говорить с камнями, Микаэль решил заняться ювелирным делом — то есть тем, от чего в своё время сбежал в море. Сначала изготовление самоцветных амулетов и талисманов показалось ему страшно скучным, но от природы литанээ не уйдешь. Постепенно бывший пират втянулся и даже начал получать удовольствие от работы. Требуя за свои услуги куда меньшую плату, чем алдорские литанээ, Микаэль вскоре оброс обширной клиентурой из числа бывших собутыльников и товарищей по команде.

С Микаэлем я познакомилась год назад, когда Моррису потребовалось изготовить новый амулет видения взамен утерянного. Вначале высокий смуглый человек неопределённого возраста со впалыми щеками и радужными — как у всех Говорящих — глазами, показался мне слишком чопорным и высокомерным. Пообщавшись с ним, я поняла, что это только маска. Микаэль не желал никого пускать в душу и предпочитал держать дистанцию, будучи на самом деле вполне приветливым и дружелюбным. Пару раз он предлагал мне сделать личный малый амулет из кошачьего глаза от дурного глаза и порчи, обещая значительно сбить цену, но я медлила, предпочитая вежливо отнекиваться. В сглаз я не верила, да и не было в ту пору у меня явных недоброжелателей.

Теперь, вспомнив про Микаэля и его предложение, я усмехнулась. В свете недавних событий его упоминание об амулете показалось чуть ли не пророческим. "Связи между вещами глубже, чем кажутся", — говорили мне монахи монастыря Белой девы(56) в Хайане, и с каждым новым витком моей жизни я всё больше и больше верила им.

Итак, Микаэль.

Литанээ жил через две улицы от меня в относительно тихом Жестяном квартале. По крайней мере, убийства и пьяные дебоши случались там в два раза реже, чем на всей остальной Аэдагге. Глянув в окно, затянутое мутной плёнкой бычьего пузыря и отметив, что, судя по проблескам солнца, пробивающимся меж серых облаков высоко в небе, до вечера ещё далеко, я принялась заворачивать Камень в изрядно поистрепанную шаль Назиры, застегивать блузу и натягивать юбку. Нетерпение и радостное возбуждение, запевшее внутри при мысли о литанээ, подсказали, что я на верном пути.

Я тщательно надвинула капюшон плаща на голову, подобрала длинную полу и неторопливо направилась в сторону Жестяного квартала, стараясь не подходить близко к

кособоком домам, чьи наклепленные друг на друга этажи грозно нависали над улицей. Их окна тускло мерцали подслеповатыми бельмами. То одно, то другое распахивалось, и наружу высывалась взлохмаченная голова, орущая непристойную песню, полуголая девица, зычно зазывающая к себе, или рука, выплескивающая на выщербленные булыжники ведро с помоями. Солёный запах моря и водорослей перебивал едкий "аромат" кислятины и подгорелого мяса, сочившийся из таверны "Песнь сирены", мимо которой я прошла.

...После случившегося с Соколом меня, едва не потерявшую рассудок от шока, приютил старый Одноглазый Том. Не знаю, чем я приглянулась ему, но старый пират поселил меня у себя и стал заботиться, словно о родной дочери. Даже обучил кое-каким приёмам владения саблей и ножом.

— Тебе уготована жизнь в жестоком мире, — часто повторял он, вкладывая в мою руку оружие. — На Аэдагге женщинам приходится несладко, так что будет нелишним, если научишься постоять за себя.

Том никогда не говорил, что заставило его взять меня под крыло, кормить, учить и оберегать. На мои расспросы он отмалчивался или отмахивался, но я часто ловила на себе взгляд его глаза. В нём скользило сочувствие и... жалость, что ли. Я же испытывала к старику нечто вроде дружеской привязанности. Нельзя сказать, что он заменил мне отца, но Том пришёл на помощь в трудный миг, и за это я чувствовала благодарность. Он терпеливо возился со мной, приводя в чувство после пережитого шока, и не сделал ни единого гнусного поползновения.

Жаль, что я так и не успела сказать ему "спасибо".

Старый Том погиб вместе с кораблем "Морской ветер", на котором отправился в Хайань. Понятия не имею, что ему там понадобилось. Старик не посвятил меня в свои планы, а лишь легко поцеловал в лоб и пообещал вернуться как можно скорее. Обещания своего он не сдержал. В ночь после отплытия "Ветра" разыгрался страшный шторм, и корабль пошёл ко дну на корм морским чудовищам. Об этом нам рассказал единственный выживший — Аймак Крыса, которого спустя три дня подобрала в океане дрейфующим на обломке мачты. Пережитое наградило его белой, как луна, сединой и заиканием. Кое-как придя в себя, Крыса поведал нам о жутком шторме, о разваливающемся, словно картонный домик, "Ветре" и о какой-то чёрной тени, будто бы метавшейся в грохочущем небе над разыгрывающейся бедой. Выслушав Крысу, пираты перебрали в разговоре всех известных им монстров и чудищ, мифических и реальных, но так и не решили, кто же это мог быть. Пришлось сойтись на том, что разыгрался не только шторм, но и воображение Крысы.

В тот момент я тихо сидела в стороне, напряженно пытаюсь уловить малейшие детали обсуждения. К горечи от осознания полнейшего одиночества примешивалось острое ощущение себя лишней в этом мире.

Вместе с Томом ушла последняя опора, надёжное плечо, на которое я могла опереться. Я чувствовала себя крохотной песчинкой, попавшей в бурные волны океана.

Пиратское братство теперь отторгло меня: единственная ниточка, связывающая нас, оборвалась. Оставались ещё мои песни; морские бродяги любили слушать их, собираясь вечерами по тавернам, но в остальном меня сторонились. Том был лишь одной из причин; другой стала неискоренимая пиратская суеверность.

Матёрые морские волки, не боявшиеся ни богов, ни чудовищ, пасовали перед миром духов и привидений. Из пиратских баек и поверий о призраках можно было бы сложить здоровенный том на радость увлекающимся народным фольклором учёным мужам из

Алдории. Призраков на Аэдагге боялись так отчаянно, что придумывали различные ритуалы, чтобы не навлечь на себя гнев бестелесного духа.

Когда я убила Сокола и Волка, пираты мигом разнесли слух о некоем довлеющем надо мной проклятием. Не желая мириться с тем, что слабой женщине, место которой в постели или весёлом доме, удалось в одиночку справиться с двумя бывальыми искателями приключений, морские братья мигом придумали причину — всему виной злой дух, вселившийся в меня и моими руками зарезавший товарищей. Кто-то даже рассказывал, что видел, как рядом со мной мелькает чей-то призрачный силуэт. Разумеется, никого рядом со мной не было, но это не мешало обитателям Аэдагги придумывать всё новые и новые сказки о проклятой сыновьями Хэлля(57) Дикой Кошке. Конечно, эти слухи больше работали в мою пользу, нежели против: ни один пират не смел и пальцем до меня дотронуться. Но всё же неприятно ощущать себя человеком, полностью оторванным от мира.

Иногда, закрыв глаза, я словно воочию наблюдала одну и ту же картину: в бушующем море, с рёвом вздымающем к небу горбы волн, беспомощно болтается одинокая фигурка старика, упорно цепляясь корявыми от вздувшихся вен руками за обломок палубы. Ураганный ветер свистит над ним, швыряя в лицо пригоршни солёных брызг, но потерпевший кораблекрушение и не думает сдаваться. Сверкает молния, озаряя океан молочно-белым светом. На удар сердца в разрыве туч мелькает гигантская плоская тень, заслонив робко выглянувшую луну.

Океан опустел.

Всё, что у меня осталось от Тома — старый обшарпанный сундук, украшенный потёртым вензелем какого-то давно забытого алдорского вельможи, да угловая комнатка в доме на окраине Весёлого квартала(58). Это обиталище больше похоже на большую коробку. В нем помещается только продавленная койка, пара полок и колченогий стол. Но я готова молиться за упокой Тома всем известным и неизвестным богам: без крыши над головой в моём незавидном положении пришлось бы туго.

Попадавшиеся навстречу пираты иногда вскидывали ладони или что-то буркали в знак приветствия, но большинству было не до меня. Их пальцы сжимали пузатые бутылки с лэем, а к груди некоторых с пьяным хохотом липли размалёванные девицы в вызывающе-ярких потрёпанных нарядах. Практически всех я знала в лицо.

До дома Микаэля оставались считанные шаги, когда, огибая покосившуюся под тяжестью этажей лачугу, я столкнулась с Рыжей Энн — соседкой по дому в Весёлом квартале. Скорее всего, Энн была ненамного старше меня, но разгульная жизнь портовой проститутки и неумеренное потребление лэя сделали её похожей на усыхающее яблоко, густо обмазанное белилами и румянами. Своё прозвище Энн получила вовсе не из-за цвета волос — они были желтовато-белыми, как выгоревшая на солнце солома — а благодаря густой россыпи веснушек, обильно покрывающих тело.

Рыжая нетвёрдо вышагивала одна в сторону Квартала, покачиваясь и прижимая к себе ополовиненную бутылку. Судя по её довольному виду и маслянисто блестящим глазам, ей попался щедрый клиент, не только оплативший услуги девицы, но и от души угостивший её выпивкой.

— Здравствуй, Кошка, — заплетающимся языком произнесла Энн, заметив меня. — Куда это ты собралась на ночь глядя?

Я посмотрела на светлое небо. Кажется, в пьяных глазах Рыжей уже давно стемнело.

— По делу, — кратко ответила я, заглядывая через плечо соседки: в нескольких шагах

от нас маячила дверь литанээ. Оставалось только отделаться от непрощенной собеседницы, не нарвавшись на пьяный скандал. Энн неплохо относилась ко мне, потому что я не была её коллегой по ремеслу, однако с неё станется затаить злобу и устроить какую-нибудь пакость. В отличие от пиратов портовые проститутки никогда не страдали суеверными предрассудками.

Рыжая икнула. Меня обдало ароматом перегара и дешёвых цветочных духов, которыми бродячие торговцы торгуют на разлив.

— Брось ты свои дела, — миролюбиво пробормотала она. — Пойдем в "Три меченосца". Там сегодня играет какой-то заезжий менестрель и проставляется Саймон Чёрный. Он сегодня вернулся.

Я тяжело вздохнула: в данный момент меня не интересовал ни Саймон, ни все менестрели мира вместе взятые. Тем не менее, от Рыжей нужно было избавляться.

— Откуда вернулся? — добавив в голос каплю заинтересованности, спросила я. Энн вытаращилась на меня так, словно видела в первый раз.

— Кошка, ты на каком свете обитаешь? Чёрный давно хотел взять купеческий морской караван, и ему это удалось. Вот и зовет всех в "Меченосцы", обещает по кружке лэя и ломтю вяленого мяса, чтобы отпраздновать его удачу.

Вопреки ожиданиям её слова задели меня за живое. Я изобразила живейший восторг, с досадой отметив, что возня с Камнем вышвырнула меня из течения событий. О клятве Саймона я ничего не слышала, с головой погрузившись в разгадывание загадки первой вехи. Новости на Аэдагге проходили мимо, и мне, привыкшей быть в курсе всего, это очень не понравилось. Чёрный мне и не снился, но оказаться опять в гуще событий захотелось. Решение пришло моментально.

— Вот что, — сказала я. — Пожалуй, я загляну к вам, но позже. А сейчас мне пора.

Полностью удовлетворившись моим решением, Энн кивнула, точнее, неуклюже уронила голову на грудь, и побрела прочь. Её подрагивающая рука время от времени подносила к губам бутылку, а походка была неровной, будто Рыжая ступала по извивающейся змее. Я проводила соседку взглядом, пожала плечами и поспешила к дому Микаэля.

— Кошка? Какими судьбами?

Литанээ выпрыгнул мне навстречу из сумрака комнаты, опираясь на два неровно сколоченных костыля. Остаток его левой ноги беспомощно болтался в туго завязанной узлом штанине, но её обладателя нельзя было назвать беспомощным. Несмотря на сухощавость, Микаэль обладал сильными руками и острым умом, позволяющим не только выживать, но и неплохо зарабатывать на Аэдагге.

— О, хайлэ(59), Мик, — кивнула я, плотно прикрывая дверь. — Я к тебе по делу.

— Сразу хватаешь Хэлля за глотку(60), — поморщился литанээ и потёр подмышку, которая, видно, ныла от долгого общения с костылем. — Проходи, в дверях дела не обсуждаются.

Он посторонился. Я прошла в комнату, куда более просторную, чем моя, но заваленную каким-то хламом: старыми полуистлевшими свитками, ящиками, в которых тускло поблескивали самоцветы, чучелами и скелетами неизвестных мне животных. Микаэль походил на птицу кайгу, украшающую гнездо всем, что приглянется.

— Травяного чаю, Кошка? — литанээ смахнул со скамьи, приставленной к грубо сколоченному верстаку, пыль и приглашающим жестом указал на неё. — Присаживайся.

— Ты живешь на Аэдагге много лет, Мик, — усмехнулась я, выполняя его просьбу. — Неужели ты до сих пор не понял, что здесь принято предлагать гостям кое-что покрепче?

Литанээ рассмеялся, обнажив потемневшие от некогда бурно потребляемого лэя зубы.

— Только не тебе, Кошка. Останки моего безвременно почившего воспитания не позволяют предложить даме крепкий хмель.

Это было чистой правдой: несмотря на дикие нравы и уклад пиратской общины, обтачивающие каждого новичка, как морская вода — гальку, Микаэль умудрился сохранить те крохи тактичности и манер поведения, что прививаются во всех Домах литанээ. От пиратской жизни ему досталась хитрость и изворотливость, а ещё — неистребимая любовь к наживе.

Пока литанээ возился, разжигая очаг, я задумчиво смотрела на его скособоченную влево спину, прикидывая, как бы получше объяснить цель визита. Распространяться на тему сокровищ не стоило. Морского разбойника в Микаэле было больше, чем литанээ. Аметист вполне мог отправиться на поиски вех сам.

Не придумав ничего стоящего, я вздохнула и решила начать разговор с чего-нибудь отвлеченного — авось в процессе беседы осенит:

— Мик, ты встречал своих после того, как покинул дом?

Спина литанээ на мгновение напряглась, но Аметист ответил абсолютно спокойным голосом, не поворачивая головы:

— Нет. Вряд ли они обрадовались бы мне. Представляю себе их удивление — пропащий сын дома Аметист вдруг решил вспомнить заветы предков и вернуться к родовому ремеслу! Да не где-нибудь, а в самом сердце пиратского гнезда, на Аэдагге! Думаю, отца, если он ещё жив, хватит удар, а глаза сестёр и брата станут величиной с золотой дорий.

Я хмыкнула, представив себе выражения на лицах своей родни, узнай они, какую жизнь веду я. Впрочем, не ручаюсь, что им было бы не всё равно.

— Ты ничего не слыхал о своих? Неужели ни разу не захотелось поинтересоваться?

— А какой в этом толк? — в голосе литанээ прорезались обречённые нотки. — Скорее всего, они давно похоронили меня, да и я уже много лет не чувствую себя полноценной частью Дома Аметист. Так, рыбешкой, отделившейся от стаи и прибившейся к косяку пилозубов.

Я не нашлась, что ответить на эту неожиданную исповедь.

Микаэль покончил с очагом. Ровно загудело жаркое золотистое пламя. Литанээ повесил над ним котелок с водой.

— Ну, Кошка, — спокойно сказал он, рывком преодолевая расстояние до меня и опускаясь напротив. — Так что у тебя за дело? Не прикидывайся, что решила навестить меня исключительно ради интереса к моей родословной. Выкладывай, иначе мне придется накинуть лишние серебрушки за бестолково потраченное время.

Поняв, что уже не отвертеться, я извлекла из-за пазухи аккуратно завернутый в шаль Камень, бережно распеленала его и положила на колючий верстак перед Микаэлем, приготовившись импровизировать.

— Мик, — серьёзно сказала я, кладя ладони на теплую от моих объятий поверхность Камня. — Не скажу тебе, что это такое и зачем мне это понадобилось. Я просто хочу узнать, камень ли это, и есть ли в нём что-то необычное.

Микаэль понимающе кивнул, разглядывая веху, и с укоризной промолвил:

— Кошка, первое, что я говорю клиентам: мне неинтересны ваши тайны и помыслы,

только платите деньги. Думаешь, я не в курсе, что на Аэдагге чем меньше ты знаешь, тем крепче твой сон?

Его слова успокоили меня, но я решила всё же не открывать перед ушлым литанээ всех карт. Я примиряюще улыбнулась и легонько подтолкнула Камень к Аметисту. Тот занёс над ним мозолистые ладони, но не опустил их не сразу, испытующе глядя на меня.

— Кошка, эта штука, похоже, сделана из янтаря, а мы не работаем ни с ним, ни с жемчугом.

— Мик, я не знаю, из чего сделан этот шар, — начиная сердиться на нерасторопного литанээ, процедила я. — Давай выясним и это.

Аметист пожал плечами. Предупредив, что мзду возьмет в любом случае, он опустил ладони на полупрозрачный Камень и прикрыл радужные глаза. Я сжала шероховатую поверхность верстака, подавшись вперед и жадно глядя на Говорящего. Белки его глаз быстро задвигались под тонкими, вздрагивающими веками, а плотно сжатые губы болезненно искривились. Микаэль резко открыл глаза, заставив меня вздрогнуть, и озадаченно уставился в пространство перед собой.

— Ничего не понимаю, — медленно проговорил он, поглаживая веху. — Эта штука определенно имеет отношение к самоцветам, но она не дает понять, к каким именно!

Я недоуменно наморщила лоб:

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь ли... — литанээ рассеянно посмотрел на очаг, выругался и, ловко вскочив на костыли, прыгнул к нему, не прекращая говорить. — Видишь ли, для литанээ при использовании литовидения каждый камень поёт свою Песнь, помогающую определить, что он из себя представляет и как лучше работать с ним. Это детали, тебе неинтересно. Янтарь и жемчуг не имеют Песни потому, что они плоды живых существ, а не осколки Ожерелья(61). Песнь же твоего камня слышна очень неотчетливо, словно она пробивается сквозь толщу воды. Я никогда раньше с таким не сталкивался!

Повисла тишина, прерываемая позвякиванием старого чайничка. Сноровисто действуя одной рукой, Аметист насыпал туда травяную смесь и залил кипятком из котелка. По комнате поплыл нежный аромат болотной аюры(62). Я жестом предложила помочь, но Микаэль возмущенно помотал головой. Пока он неловко ставил на верстак глиняные кружки, я тихо спросила:

— Это единственное, что ты видишь в нем необычного?

— Разве этого мало? — удивился Микаэль. — Кошка, ты достала где-то камень, сопротивляющийся литовидению, и ещё недовольна?

Я разочарованно промолчала, стиснув зубы. Конечно, в глазах литанээ это выглядит настоящим чудом, только мне-то какой резон? Вооружившись только этим знанием, вторую веху не найдёшь.

Литанээ разливал по кружкам пахучий травяной чай, а я с тоской наблюдала за ним, подперев голову рукой. Придется начинать свои изыскания вновь. А я так уповала на помощь Аметиста!

От невеселой перспективы и ощущения топтания на одном месте начала побаливать голова. Я отхлебнула немного аюрного чая, абсолютно не ощущая вкуса, и, уткнувшись взглядом в шершавые серые доски верстака, принялась тихонько напевать себе под нос, чтобы успокоиться.

Верстак вздрогнул. Подняв голову, я увидела, как Микаэль смотрит на Камень,

опёршись руками о его поверхность. Во взгляде литанээ сквозила тревога, смешанная с озадаченностью.

— Повтори это ещё раз, — отрывисто попросил он.

— Повторить что?

— Спой, что пела! Неважно, что.

Я удивилась, но просьбу его выполнила. Литанээ оттолкнул чашку и вновь вцепился в Камень.

— Поразительно, — пробормотал Микаэль. — Он отвечает! Стоило тебе запеть, как его собственная Песнь стала громче, а внутри что-то ожило!

Я почувствовала, как внутри лопнула туго натянутая струна. По жилам растеклось тёплое чувство эйфории. Неужели мы нащупали какую-то нить, ведущую к разгадке?

— Изумительно, — бормотал литанээ, вертя в руках Камень. — Вот что, Кошка, ты уж прости, но я просто не могу отдать тебе этот камень сейчас! Оставь мне его хотя бы до завтра, а? Я хочу изучить его и понять, что же такое с ним происходит!

Я с огромным сомнением посмотрела на Микаэля. Литанээ выглядел так, будто встретил женщину своей мечты. Он держал Камень перед фанатично горящими глазами, бережно ощупывая его кончиками пальцев и беззвучно шепча что-то. В глубине души я прекрасно понимала и разделяла его чувства. С другой стороны, если вспомнить, с каким трудом мне удалось добыть эту вежу и чего стоил побег из Ранаханна, то сопереживание Микаэлю быстро сходило на нет.

— Не знаю, Мик, — с тяжелым вздохом призналась я. — Видишь ли, этот камень мне очень дорог. Не хочу доверять его кому бы то ни было. Уж не обижайся.

Лицо Аметиста обиженно вытянулось.

— Кошка, я прошу оставить его мне всего лишь на одну ночь! — тихо проговорил он, стискивая Камень в ладонях. — Я даже могу не брать с тебя денег. Завтра с утра зайдешь и заберёшь его. Даю слово.

В его тоне все яснее и яснее сквозили безумные нотки. Я слегка испугалась. Литанээ становятся ненормальными, когда дело касается мёртвых самоцветов, будто мир живых их не интересуется!

Заметив или ощутив моё сомнение, Микаэль подлил масла в огонь.

— Подумай сама, — вкрадчиво сказал он. — За ночь я могу обнаружить ещё что-нибудь интересное в этом камне!

Я почувствовала, как чаша весов накренилась в сторону литанээ. В самом деле, ведь именно Микаэль обнаружил что-то внутри Камня! Возясь с вехой в одиночку, я часто пела, но ничего похожего не замечала. Я вновь взглянула в молящие глаза Аметиста и приняла решение:

— Ладно! Но только на одну ночь. Завтра с утра я приду за ним.

— Я знал, что ты меня поймешь! — возликовал было литанээ, но я жестом оборвала его и продолжила:

— Деньги ты получишь, и не отнекивайся. Мне не нужны подачки, но нужен залог. То, что послужит гарантией возвращения моего Камня в целостности и сохранности.

Восторженное выражение на лице Аметиста потускнело, и он, не раздумывая, вытянул из-под ворота рубашки какой-то кулон на цепочке и протянул мне со словами:

— Разумное решение. Ты мне не доверяешь?

— Я никому не доверяю, — отрезала я. — Что это?

Микаэль помедлил с ответом и негромко сказал:

— Знак моего Дома. Аметистовый Глаз. Самая дорогая для меня вещь — единственное, что осталось на память о Семье.

Я рассмотрела кулон: действительно, он был сделан в форме серебряного глаза со зрачком из мерцающего сиреневого самоцвета. Значит, Аметист всё же не отрекся от своих родных полностью.

Я залпом допила травяной чай и поднялась со скамьи.

— Спасибо за гостеприимство, Микаэль! Завтра жди меня сразу после восхода солнца. Очень надеюсь, что тебе удастся отыскать в Камне что-нибудь ещё.

— Береги кулон, — тихо промолвил Микаэль, умоляюще глядя на меня снизу вверх.

Я подняла руку к груди. Безделушка легко скользнула за кромку лифа.

— Не переживай, Мик. Главное, чтобы моя вещь была у тебя в такой же сохранности.

Темнело. На Аэдаггу быстро опускалась ночь, овеивая остров прохладным дыханием и зажигая в небе первые звёзды. С моря доносились чьи-то покрикивания и мерный скрип кораблей, покачивающихся у причала. Высоко в небе тоскливо кричала припозднившаяся чайка. Я стояла на пороге дома Микаэля, зябко кутаясь в плащ. Ноги, обутые в лёгкие плетёные сандалии, начали мёрзнуть, а руки покрылись мурашками, но домой я не спешила, погружившись в раздумья.

Таверна "Три мечехвоста", о которой говорила Рыжая Энн, недалеко отсюда — нужно лишь дойти до конца Жестяной улицы и повернуть направо. Почему бы не позволить себе передышку и не отправиться туда? Повозиться с Камнем теперь предстоит Микаэлю, а я заслужила несколько мгновений веселья!

Из таверны доносился нестройный хор голосов. Я без труда опознала зычный бас Алистера Беспалого, хрипловатый хохот Рыжей Энн и пронзительные вскрикивания Сайруса Щуки. Похоже, добрая треть всей Аэдагги гуляла у Саймона. Что ж, будет грешно остаться в стороне от общего веселья!

Брезгливо обогнув чье-то пьяное тело, валяющееся в луже блевотины у дверей и втайне порадовавшись, что подол юбки не достигает земли, я толкнула тяжёлую отсыревшую дверь таверны.

Первое, что меня поразило при входе — действительно небывалое количество пиратов вперемешку с проститутками, толпившихся внутри. Все столы, уставленные кружками и заваленные солониной с овощами, были буквально облеплены морскими бродягами. Большинство посетителей из тех, кому не хватило места, топтались в проходе. Напирая друг на друга и вытягивая головы, они всматривались куда-то в противоположный конец зала. Шум стоял такой, что приходилось кричать.

Я высмотрела недалеко Сайруса Щуку, протолкалась к нему и дёрнула за рукав.

— Что случилось?

Сайрус обернулся и приветственно проорал:

— О, хайлэ, Кошка! Слыхала про нового менестреля? Это какое-то...

Над толпой прокатился мелодичный звук, будто кто-то тронул пальцами несколько струн. Разноголосый хор моментально стих. Установилась такая тишина, что до моего слуха донёсся стук собственного сердца.

Не успела я прийти в себя от изумления, как струны запели вновь, рождая неизвестную

мелодию. В ней слышалось дыхание леса и стук когтей драконидов, шелест птичьих крыльев и журчание ручья. Мелодия вводила в транс, обволакивая и рождая расплывчатые дивные образы. Через несколько мгновений в перезвон струн вплёлся голос — глубокий и сильный, заставляющий слёзы наворачиваться на глаза, а тело дрожать от восхищения.

Менестрель пел о далёких землях и родном доме, который был вынужден покинуть. Я стояла, обомлев и прижав ладони к щекам, чувствуя, как из глаз струятся невольные слёзы. В какой-то момент, очнувшись от странного забытья, я огляделась и увидела, что все — абсолютно все: суровые и жестокие морские волки, размалёванные проститутки, продавшие душу за звонкую монету, оборванные вонючие бродяги застыли в едином восторженном порыве, полуприкрыв глаза и запрокинув голову. На их лицах плавало одинаковое выражение невероятного счастья и восхищения; кое у кого, как и у меня, на щеках поблескивали ручейки слёз. Это зрелище воскресило в памяти наложниц калифа Ранаханна. Я почувствовала давно забытую панику. Неужели в качестве менестреля к нам явился очередной доморощенный владыка Лах'Эддина?

Не теряя ни мгновения, я принялась пробираться вперед, безжалостно распихивая локтями присутствующих. Они не замечали меня, чуть покачиваясь в такт дивной мелодии, в которую я отчаянно пыталась не вслушиваться. Протиснувшись мимо превратившегося в статую Алистера, я вынырнула из толпы к стойке хозяина таверны, облегчённо перевела дух и только тогда обратила внимание на менестреля.

Облокотившись на покрытую мутными разводами столешницу, на высоком стуле сидел темноволосый молодой человек в синей рубахе со шнурованной горловиной и черных штанах, заправленных в стоптанные запылённые сапоги. Вся его поза — задумчиво опущенная голова, пальцы, будто бы самостоятельно перебирающие струны небольшой лютни, чуть ссутуленная спина — говорила о том, что сейчас он не видит и не слышит ничего вокруг, для него существует лишь мир, нарисованный его песней. Он не очнётся, пока не закончит её.

Вряд ли он может быть ещё одним воплощением твари с Забытых Пустошей. Тогда в чём же кроется причина происходящего? Я ощутила слабый приступ зависти. Пиратская публика никогда не принимала мои песни с таким восторгом. Каким же секретом владеет этот музыкант?

Последние аккорды песни прервали мои мысли. Дотронувшись до струн в последний раз — мягко и бережно, будто благодаря лучшего друга — менестрель опустил свой инструмент и поднял голову.

Оторвавшись от завистливых дум, я невольно отметила про себя, что бродячий музыкант слишком красив для своего занятия. Правильные, утончённые черты лица в обрамлении чуть вьющихся густых тёмных волос до плеч больше подходили какому-нибудь богатому вельможе с родословной, уходящей вглубь столетий. Но чем больше я разглядывала его, тем больше росло внутри беспокойство. Что-то ещё крылось в этом человеке, какая-то жуткая тень, искажающая его красоту.

Не догадываясь о моих мыслях, музыкант встал и отвесил лёгкий поклон. Таверна взорвалась криками и свистом. На сей раз в них звучало неподдельное восхищение, несвойственное пиратам. Кто-то, заходясь в ажиотаже восторга, колотил кружкой об стол. Я с досадой почувствовала, как моя ревность к популярности менестреля усиливается.

"Молодец, парень!", "А веселое знаешь что-нибудь?", "Сыграй-ка песенку поживее, пока Серый не пришел!" — доносилось со всех сторон. Чуть раздвинув губы в улыбке, певец

поднял руку, прося внимания. Буря восторга поутихла.

— Спасибо вам за тёплый прием, — негромко проговорил он, но его голос, казалось, заполнил всё помещение, доносясь до самых дальних уголков таверны. — Но, увы, мне пора. Я покидаю Аэдаггу на рассвете, и у меня осталось несколько неотложных дел.

Его последние слова заглушил гвалт, на сей раз недовольный. Менестрель поморщился и приготовился ещё что-то сказать, как вдруг Сайрус Щука, выскочивший из толпы следом за мной, истошно заорал пьяным голосом:

— Ну, и убирайся с Аэдагги! У нас тут есть певцы и получше, правда, Кошка?

Меня застали врасплох. Но я была польщена, что обо мне не забыли в пылу восхищения песнями менестреля. Не сдерживая самодовольства, я кивнула. Пираты обрадованно загоготали, а музыкант недоумённо посмотрел на меня, чуть сдвинув брови. Однако Сайрус не собирался на этом останавливаться и прокричал:

— Кошка, ну-ка, покажи этому красавчику, как ты умеешь петь! Пусть он узнает, что такое настоящая аэдаггская песня!

Толпа оживилась. Раздались подбадривающие выкрики и рукоплескания. Менестрель сдержанно улыбнулся мне и шагнул в сторону. Не успела я и слова сказать, как добрый десяток рук поставил меня на самый крепкий стол в "Трёх мечехвостах". Оттолкнув наиболее назойливых поклонников, я отряхнула юбку, отбросила на спину волосы и оглядела толпу. Десятки глаз жадно пожирали меня. Распалённые лэем и песней менестреля пираты явно хотели услышать что-то своё, знакомое. И я знаю, что им нужно!

Я откашлялась, выпрямилась и, бросив горделивый взгляд на бесстрастно взирающего на меня менестреля, запела старую пиратскую песню о том, что все дороги в этом мире ведут на Аэдаггу. Рёв десятка глоток на миг сбил меня с толку, но никто этого не заметил: моряки упоённо подхватили припев. Растворившись в песне, я забыла обо всем на свете, чуть пританцовывая на скользкой столешнице. Хлынувший со всех сторон восторг, пусть и пьяный, взбудоражил кровь и вскружил голову.

Острое чувство опасности окатило меня ледяным потоком. Вместе с ним пришло настойчивое ощущение чьего-то пристального взгляда. Поперхнувшись словами песни, я резко обернулась и замерла, чувствуя, как стол уходит из-под ног.

В дверях таверны стоял капитан Коннар.

Наши глаза встретились. Он нехорошо улыбнулся и поклонился, по ранаханнскому обычаю скрестив руки на груди.

55 — **пилозуб** — разновидность акулы. Обладает вытянутыми челюстями, усеянными несколькими рядами скошенных к глотке зубов; при захвате жертвы "перемалывают" её при их помощи;

56 — **Белая дева/Дева Луны** — верховная богиня в космогонии княжества Хайань; считается покровительницей плодородия, весны и любви;

57 — **сыновья Хэлля** — верховные демоны Нижнего мира в космогонии Алдории. Всего их шесть, покровительствующих основным человеческим порокам;

58 — **Весёлые кварталы** — кварталы, где живут проститутки;

59 — традиционное алдорское приветствие;

60 — аналог — брать быка за рога. Источник — алдорская легенда о Саане-избавителе, великом герое, победившем бога Хэлля и загнавшем его в Нижний мир. Саан победил, ухитрившись моментально схватить бога за глотку — самое уязвимое его место;

61 — Легенда, записанная в Хрониках литанээ, гласит, что их род берёт своё начало от

Алайи — Праматери, родившейся в Мёртвых снегах на окраине мира. У Алайи было ожерелье из самоцветов, которое она сорвала со своей шеи, как только оказалась под животворящим солнцем; это ожерелье она подбросила высоко вверх. Взмыв в воздух, оно порвалось, и самоцветы рассыпались пригоршней разноцветных сверкающих звёзд. Их подхватил ветер и в мгновение ока разметал по четырем материкам. Каждый самоцвет, упав на землю, дал начало Семье литанээ, одарив каждую семью уникальными свойствами каждого отдельно взятого камня. Например, роду Сапфиров была дана способность наделяния мудростью, Дому Берилл — просветлять разум и насыпать болезни на врагов и т. д;

62 — **аюра** — болотное растение, обладающее тонким, лимонно-мятным ароматом; внешне похожа на гибрид ромашки и мелиссы;

Сказать, что встреча потрясла меня — значит, утверждать, что тропический ливень — безобидный дождик. Дыхание перехватило, а на месте мыслей в голове образовалась звенящая пустота. Я не испытывала такого ужаса с того момента, как увидела в кошмарном сне Сокола!

Время замедлило своё течение. Вокруг всё стало несущественным, кроме наёмника. Он оставался у двери и в упор разглядывал меня.

И тут я совершила самый глупый поступок за последнее время.

Я с трудом заставила себя подавить приступ паники, спрыгнула со стола и нырнула в толпу. Сквозь шум и гам не было слышно ничего, но твёрдая уверенность, что капитан всенепременно захочет потолковать со мной по душам, преследовала по пятам и заставляла ускорять шаг. Этот разговор вряд ли обернётся чем-то хорошим.

В "Трёх меченосцах", как и в большинстве таверн острова, позади стойки трактирщика находился неприметный чёрный ход на случай, если кому-то из гостей понадобится срочно ретироваться.

Например, мне.

Не обращая внимания на недоумённые взгляды и ощущая погоню кожей, я обогнула стойку слева, столкнувшись с давешним менестрелем. Он хотел что-то спросить, но я досадливо отмахнулась и, пробормотав извинение, скользнула за полки, уставленные мутными бутылками с выпивкой. Там виднелась едва заметная щель, из которой слабо тянуло свежим воздухом, перебивающим "ароматы" таверны. Наугад ощутив стену и нашарив пальцами небольшое углубление, я изо всех сил дёрнула на себя дверцу и опрометью бросилась во тьму переулка, кое-где прорезаемую жёлтым дрожащим светом магических светильников.

Проскочив пару кварталов, я забились в укромное место — угол, образовываемый домами, скрытый в глубокой тени от нависающей сверху пристройки. Сердце колотилось как бешеное, но всё же удалось немного отдышаться и собраться с мыслями. Тело съёжилось от холода — в преддверии сезона дождей ночи становились холодными, а плащ я в спешке оставила в "Трёх меченосцах".

Какого Хэлля я кинулась прочь? Вот уж глупость так глупость! Я расписалась в том, что не только знаю капитана Коннара, но и прекрасно поняла его жест и явно враждебное ко мне отношение. Уверена, что, не поддайся я панике, вполне смогла бы уболтать капитана или вообще притвориться, что впервые его вижу!

Сверху сочилась вода. Пара капель попала на разметавшиеся по плечам волосы. Раздражённо смахнув их, я потёрла виски и продолжила размышлять, чувствуя, как внутри крепнет злость на саму себя.

Что же теперь делать? Запереться дома как трусливая мышь, боясь лишней раз высунуть нос наружу? Ходить по улицам с оглядкой и хорониться от каждого шороха? Я скрипнула зубами и стиснула кулаки. Да уж, моя неразумность меня же загнала в ловушку!

Мимо моего укрытия прошли два пирата. Судя по заплетающейся походке и запаху лэя, они изрядно набрались. На всякий случай, вжавшись в стену, я проводила их взглядом. Лёгкий ветерок коснулся разгоряченного лица. Это слегка остудило взбудораженный разум

и вернуло к жизни. В самом деле, чего мне бояться? Пираты вряд ли выдадут капитану, где я живу, так что просто постараюсь не попадаться ему на глаза и разузнать, надолго ли он прибыл на Аэдаггу и что вообще тут делает.

Принятое решение успокоило меня и вселило уверенность. Тугой комок в груди ослаб. Глубоко вздохнув запах моря, я гордо вскинула голову и зашагала к своему дому...

...Чтобы, завернув за угол, лицом к лицу столкнуться с капитаном Коннаром.

Он был огромен. Полутьма переулка добавляла ему роста и массивности. Наёмник возвышался надо мной, как саблезубый северный медведь. Чёрные волосы, по-прежнему не собранные в косу, разметались по широким плечам, усиливая сходство. Взирая на него снизу вверх, я почувствовала, как решимость споро покидает сердце, а ноги врастают в землю. Теперь больше всего на свете мне захотелось оказаться подальше от этого проклятого переулка. Желательно в своей каморке, плотно укутавшись в одеяло. Малодушно? Плевать! Я предпочту уцелеть, чувствуя себя последней трусихой, чем хлебнуть полную чашу неприятностей с гордо поднятой от ощущения собственной храбрости головой.

Однако пути не было — ни назад, ни вперёд, ни даже вбок.

Первым молчание нарушил капитан. Он вновь с нескрываемой издёвкой поклонился мне и насмешливо проговорил:

— Здравствуйте, Каэрре-хэннум. Меньше всего ожидал увидеть вас именно здесь. Или, может быть, правильнее назвать вас Дикой Кошкой Мелиан?

В его тоне kloкотала ярость. Я сделала вывод, что после моего побега из Ранаханна ему пришлось нелегко. Больше чем уверена: это по моей вине.

Выхода не было, и мне оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре.

— Здравствуйте, капитан Коннар, — ослепительно улыбнулась я. — Честно говоря, меньше всего ожидала увидеть вас здесь. Неужели вы решили сменить хлебную должность капитана дворцовой стражи на сомнительные удовольствия пиратской жизни?

Зря я взяла такой тон. Несмотря на полутьму переулка, я абсолютно ясно увидела, как лицо капитана помрачнело. Он громко скрипнул зубами, стиснув массивные челюсти.

— Мне давно следовало догадаться, что ты из себя представляешь! — его голос хрипел, как плохо смазанное колесо. — Но я был слеп!

Я попыталась воспользоваться моментом и шагнула в сторону. Северянин качнулся следом, и мне пришлось снова замереть на месте. Тогда я решила вовлечь его в более содержательный, чем обмен любезностями, диалог. Глядишь, и заговорю наёмника так, что смогу улизнуть.

— В Ранаханне вы были более любезным, капитан, — мягко промурлыкала я. — К чему эта беспричинная ненависть? Мы вполне можем решить все наши разногласия мирным путём и разойтись по-дружески...

Ох, зачем я только это сказала! Капитан не дал мне договорить. Он шагнул ко мне и занёс руку, такую огромную, что легко мог бы свернуть мне шею. Я попятилась, но наёмник крепко схватил меня за плечо и стиснул, заставив закричать от боли.

— Знаешь, что в Ранаханне делают с убийцами? — глухо спросил он, нависая надо мной. Чувствуя, что вопрос чисто риторический, я помотала головой, соглашаясь подтвердить или опровергнуть всё что угодно, лишь бы убраться невредимой из страшного переулка.

— Чан с кипящим маслом. Стоит опустить туда человека на несколько ударов сердца,

как кожа начинает слезать клочьями, обнажая нежное мясо. После этого он быстро становится похож на зажаренного перепела, — капитан произнес эту фразу с жестоким наслаждением. Было темно, но я видела, как слабо поблескивают его зрачки. Интересно, ему доводилось своими руками отправлять человека на эту жестокую расправу?

— Только убийце самого калифа нечего рассчитывать на такую лёгкую смерть, — неумолимо продолжал северянин. — Меня ожидала куда более худшая кара. Мне хотели вырвать глаза и отсечь руки, а затем швырнуть в змеиную яму. Я сразу понял, что во всем виновата одна проклятая ведьма! Она пробралась во дворец, околдовала всех, воткнула нож в сердце калифа и исчезла. Мне сказочно повезло с друзьями, а не то змеи до сих пор переваривали бы меня!

Он ещё крепче стиснул плечо. На этот раз я не стала кричать, а только глухо зашипела от боли. Спорить с ним было бесполезно. Убеждать и что-то доказывать тоже.

Но, может быть, стоит попытаться?

— Ты знаешь, кем на самом деле был твой драгоценный калиф? — гневно процедила я. — В нём сидела одна из самых мерзких тварей, которых я когда-либо видела! Она пожирала ни в чем не повинных девушек и едва не сожрала меня, кабы не твой кинжал. Кто даст гарантию, что потом она не принялась бы и за вас?

Коннар молчал, не сводя с меня ничего не выражающих глаз. Я решила, что он начинает остывать и вкрадчиво продолжила:

— В каком-то смысле Ранаханн мне обязан. Я спасла его народ от участи влачить жалкое существование под началом безумной нежити с изнанки мира.

Капитан встряхнул меня и прорычал:

— Дура! Неужели ты не понимаешь, что мне плевать на Ранаханн со всеми его калифами и жителями вместе взятыми? Я наёмник, понимаешь? У наемников нет привязанностей, нет хозяина, они выполняют ту работу, за которую им платят! И, клянусь всеми богами Амальганны(62), я выполнял её хорошо! Пока не появилась ты, золотоглазая ведьма!

Пока он выплёвывал мне в лицо обличающую тираду, я молчала, сжавшись в комок и боясь лишней раз пошевелиться. Его последние слова меня задели. Мои глаза и впрямь карие с золотистым отблеском, вот только почему...

— Почему ведьма? — тихо спросила я. — Во дворце мне была нужна одна-единственная вещь. Я же не виновата, что всё так обернулось.

Бывший капитан гулко расхохотался, запрокинув голову. Я с тоской смотрела на него.

— Потому, что только ведьма способна легко проникнуть в тщательно охраняемый дворец! Тебе ведь ничего не стоило прикинуться знатной дамой, верно? Ты просто околдовала всех вокруг и заставила их подчиниться своей воле!

Северянин рывком притянул меня к себе, нависнув в ударе сердца от лица.

— Ты, ведьма, — хрипло проговорил он. — Накинула на меня свои чары. Я забыл обо всём, что мне было дорого, даже о своей Аннике! А ведь после её смерти я поклялся никогда не забывать свою невесту! Ты заставила меня вообразить, что моя единственная задача — оберегать твой покой. И чем ты отплатила мне за всё это? Тем, что выставила убийцей? Тем, что своими руками столкнула в змеиную яму?

Его горячее дыхание опалило щеки. Горячечные откровения наемника пробудили во мне слепой ужас, и я вдруг чётко и ясно осознала, что за ними последует. Так смотрел и говорил со мной Волк, когда Моррис привел меня к нему, ещё такую глупую и наивно

верящую в любовь.

Я не ошиблась.

Капитан прижал меня спиной к осклизлой стене дома и, шагнув следом, впился в губы грубым поцелуем, удерживая на месте сильными руками. Меня будто парализовало. Все пережитое и надёжно похороненное в глубинах памяти, выплеснулось на её поверхность, заставив тело оцепенеть. Я не сразу сообразила, что происходит, а, сообразив, принялась яростно сопротивляться, пытаюсь вывернуться из железной хватки северянина.

Тщетно. Он был непоколебим. С тем же успехом я могла бы попытаться сдвинуть с места валун.

Я намертво сжала губы, отчаянно пытаюсь не поддаваться его настойчивым попыткам проникнуть сквозь них. Спину вытянула холодная плеть отвращения: его рука скользнула по моей груди, с треском разорвав блузу сверху донизу.

Кулон Аметиста с печальным звяканьем упал на землю.

Я глухо зарыдала от омерзения, отказываясь признавать, что это происходит на самом деле. В этот момент я от всего сердца возненавидела северянина, горячо желая добраться и до его глаз, когда словно из другого мира, прошелестел тихий голос:

— Оставьте миледи.

Хватка капитана тут же ослабла. Мне удалось глотнуть воздуха, едва сдерживая сильнейшее желание отплевется.

Коннар отпустил меня и обернулся. Я опёрлась о стену, чтобы не упасть от внезапно нахлынувшей слабости, и дрожащей рукой стянула на груди разорванные края блузки. Губы щипало. Я принялась яростно тереть их. Мне удалось украдкой поднять кулон и заглянуть за массивную фигуру моего мучителя.

В просвете переулка виднелся смутно знакомый силуэт. Темнота мешала разглядеть его во всех подробностях, но меня посетила слабая надежда на то, что всё ещё может обойтись.

— Ты с ума сошел, певец? — проревел северянин, тяжело дыша. — Ступай, куда шёл, и не лезь не в свое дело!

Силуэт не пошевелился. Я моментально сникла. Вряд ли бродячему музыканту есть до меня дело. К тому же, массивные кулаки Коннара кого угодно напугают.

Однако менестрель оказался не из пугливых.

— Отпустите миледи, — мягко повторил он и сделал шаг вперёд. — Я очень сомневаюсь в том, что ей нравится подобное обращение.

Коннар замер и разразился громким хохотом, который показался мне зловещим.

— Как ты ее назвал, музыкант? Это она-то — миледи? — он обличающе ткнул пальцем в мою сторону. — Тоже мне, нашёл благородную даму! Разувай глаза, это же ведьма! Портовая шлюха со сладким голосом, пиратская подстилка!

От его слов во мне забурлило и потекло по жилам что-то тёмное. Страх и порождённое им оцепенение улетучились в один миг, уступив место гневу. Сузив глаза, я подалась вперёд, когда что-то неуловимое промелькнуло в воздухе, принудив меня остановиться и немного овладеть собой.

В гнетущей тишине было слышно, как капает, просачиваясь откуда-то сверху, вода. Менестрель не торопился с ответом, но я кожей почувствовала разлитое между нами троими напряжение. Наконец темноту прорезал его голос — абсолютно спокойный, отчеканивающий слова с убийственно-размеренными паузами:

— Прежде всего, она женщина. То, что вы, воспользовавшись тем неоспоримым

преимуществом, что даёт вам сила, подняли на неё руку и попытались обесчестить, говорит лишь о том, что вы подлец и трус, способный на удар исподтишка.

Не ручаюсь, что северянин понял и половину из этой цветистой фразы. Признаюсь, я и сама поразила непривычному велеречию бродячего музыканта. Но удар попал в цель — спустя удар сердца капитан выпрямился во весь свой огромный рост и рявкнул:

— Ты посмел назвать меня трусом?! Жалкий сопляк!

Забыв про меня, он бросился на менестреля. Я испугалась теперь уже за певца. Они были одного роста, но на фоне могучей медвежьей фигуры северянина музыкант казался тонкокостным юношей, который сломается от первого же удара кулака. «Если на моей совести будет ещё одна смерть ни в чем не повинного человека, уйду к монахам Белой Девы и приму обет молчания», — строго сказала я себе. Хватит с меня и той порции кошмаров, что приходят почти еженощно.

Дальше события разворачивались совершенно неожиданным образом.

Увидев несущегося на него Коннара, музыкант не дрогнул и даже попытался уклониться. Дождавшись, когда наёмник замахнет на него, менестрель легко взметнул руку вверх и принял громадный кулак северянина на раскрытую ладонью. Длинные пальцы мигом сомкнулись вокруг сжатой руки Коннара, и время словно мгновенно остановилось.

Я не сразу поняла, что происходит. Бывший капитан глухо зарычал, пытаясь если не завершить начатое, то хотя бы выдернуть руку из хватки музыканта. Тот стоял, хладнокровно и, как мне показалось, с вежливым любопытством глядя на противника. По переулку пронёсся слабый ветерок. На грани тишины я уловила едва различимый шепот, отозвавшийся тонким звоном в ушах. На несколько ударов сердца Коннар замер, а затем принялся яростно высвобождать кулак.

Менестрель молчал и не двигался, пристально наблюдая за противником.

Звон в ушах усилился. Отпустив разорванную блузку, я прижала ладони к голове, силясь отгородиться от назойливого звука, вгрызающегося в мозг.

Внезапно всё прекратилось. Звон исчез. Менестрель отпустил руку северянина, и тот с хриплым рёвом отшатнулся от него. Затем Коннар хрипло вздохнул, сплюнул на землю и, бросив сквозь зубы: "Ещё встретимся, Кошка!", испарился за углом.

Мы с менестрелем остались одни.

Честно признаться, после увиденного я испугалась музыканта едва ли не больше, чем Коннара. Снова пришла мысль о том, что незнакомец вполне может оказаться каким-нибудь очередным тёмным колдуном. Мне едва ли не захотелось, чтобы северянин вернулся.

Я вжалась в осклизлую стену, покрытую плесенью, и стала замороженно наблюдать за менестрелем. Примерно также мышь смотрит на болотного лайзарда(63). Ей прекрасно известно, что общение закончится у него в желудке, но мышь не в силах ничего поделать.

Помедлив пару мгновений, музыкант вздохнул и начал расстегивать куртку.

Я чуть было не разревелась. Прав был Коннар: я дура. Понадеялась на помощь, а ему нужно от меня всё то же самое. Ненавижу!

Как же я их всех ненавижу!

Расстегнув куртку, менестрель... протянул её мне.

— Накиньте на плечи, миледи, — тихо сказал он. — Вам, верно, холодно.

Смысл его слов не сразу дошел до меня. Я не шевельнулась, оцепенело глядя на него. Видимо, поняв моё состояние, менестрель подошёл ближе и мягко опустил куртку мне на плечи.

— Она, конечно, старая и вытертая, — виноватым голосом сказал он. — Но никакой другой у меня нет.

Когда мягкая кожа коснулась покрытых мурашками плеч, что-то внутри меня оборвалось. Все переживания бурным потоком хлынули на поверхность, и по щекам потекли ручьи слёз. Я зарыдала в голос и уткнулась лицом в грудь музыканта.

Немного помедлив, он мягко обнял меня за плечи.

По улицам Аэдагги гулял ветер, принося с собой капли дождя. Мне он уже не казался таким пронизывающим. Куртка менестреля приятно грела и надёжно оберегала от холода с тем лишь неудобством, что мне была явно велика. Руки тонули в чересчур длинных рукавах, а полы спускались ниже пояса, отчего я чувствовала себя завернутой в тёплый мешок.

Музыканту, шагающему рядом со мной в одной рубахе, ветер тоже был будто нипочем. Он ни словом не обмолвился после произошедшего в переулке, лишь обронив, что проводит меня до дома. Я не возражала: после пережитого навалилась безумная усталость. Хотелось скорее добраться до дома, упасть в койку и забыться тяжелым сном.

Однако через некоторое время молчание начало меня немного утомлять. Мне выпала возможность получить ответы на некоторые вопросы. Кто знает, может быть, завтра он уже покинет Аэдаггу, а я так и не узнаю, почему...

— Почему ты помог мне? — сорвалось с языка.

Если музыкант был удивлен внезапностью вопроса, то он этого не показал.

— Я мог бы сказать, что шел за вами от таверны, миледи, — усмехнулся он. — Да только это неправда. Все гораздо прозаичнее. Дом, где мне любезно предоставили комнату, находится на пути мимо того переулка, где... хм...

— Я поняла, — торопливо перебила я его. — И ты решил просто так, за здорово живёшь помочь незнакомой девушке? Прости, но во все эти рыцарские порывы я не верю.

Менестрель развел руками:

— Верить или не верить — это ваше дело, миледи. Я не мог пройти мимо. Теперь моя совесть чиста, и, поверьте, взамен я ничего не попрошу.

Я смешалась от внутренних противоречий. Мысль, что мне решили помочь абсолютно бескорыстно, была в новинку. Последние годы общения с мужчинами научили меня, что полностью доверять им нельзя. Ни при каком раскладе.

Расплата может оказаться слишком горькой.

— Спасибо, — осторожно сказала я. — И всё же мое знакомство с капитаном Коннаром убедило, что это человек опасный и сильный. Как тебе удалось справиться с ним, да ещё так легко?

— Миледи... — начал менестрель, но я нетерпеливо перебила его. Это обращение резало слух.

— Брось! Какая я тебе миледи? Миледи танцуют на балах, закутанные в шелка, а я просто Мелиан. Мелиан Дикая Кошка, искательница приключений без роду и племени. Вот так-то.

Менестрель развел руками:

— Сила привычки. С ней ничего не поделаешь.

Я глубоко вздохнула:

— Уж постарайся. Поверь, таким титулом ты обижаешь меня гораздо сильнее, чем кап... чем Коннар.

На улице было темно, и я скорее почувствовала, чем увидела, что менестрель улыбнулся.

— Я запомню это, Мелиан, — учтиво сказал он.

Отчуждение, повисшее между нами, начало понемногу улетучиваться.

— Вот и славно, — удовлетворенно сказала я, — а теперь, раз уж ты такой вежливый, то нехорошо заставлять девушку ждать ответа на свой вопрос.

Менестрель пожал плечами:

— В этом приёме нет ничего хитрого. Я видел, как его часто используют кочевники, и решил, что и мне полезно было бы его освоить. Весь секрет в том, чтобы особым образом захватить пальцы противника и надавить на определённые точки.

Я заинтересованно посмотрела на него и попросила:

— А ты можешь научить меня этому приему? Думаю, он мне пригодится.

Музыкант не торопился с ответом. Он долго глядел в сторону, а потом тихо произнес:

— Вам, прости, тебе придется очень долго этому учиться.

По его тону я поняла, что обучение не состоится, и разочарованно вздохнула. Мы некоторое время шли в молчании, пока мой спутник не произнёс:

— Если уж говорить о том малоприятном человеке, поспешу заверить — больше он не сможет тебя и пальцем тронуть. Без твоего на то согласия, разумеется.

Его слова прозвучали так весомо, что я моментально насторожилась:

— Это ещё почему?

— Просто поверь мне, — кратко ответил менестрель. Мне не оставалось ничего другого, как выполнить его просьбу. Что-то с ним явно было не так, но что именно, выяснять не хотелось.

Я уже не в первый раз убеждалась, что чужие тайны лучше обходить стороной.

Завернув за угол, мы вышли к покосившемуся дому, на верхнем этаже которого находилась моя комнатка. Дождь усилился. Кутаясь в куртку, я в который раз порадовалась, что менестрель не прошёл мимо.

Я легонько тронула его за рукав:

— Мы пришли. Спасибо тебе огромное, что проводил. И за всё остальное тоже спасибо.

На миг закралась крамольная мысль, что менестрель может намекнуть на продолжение знакомства уже в комнате наверху, но она исчезла почти сразу же, как появилась. Я готова была поклясться, что в ночной тьме, едва разгоняемой светом фонарей, на лице музыканта мелькнуло облегчение.

— Будь осторожна, Мелиан, — мягко сказал он и, слегка поклонившись, исчез в ночи, оставив меня стоять на пороге в глубокой задумчивости.

Лишь задвигая засов на двери, я сообразила, что не вернула своему спасителю куртку.

Мало того, я даже не спросила, как его зовут.

Вопреки ожиданиям я проснулась на рассвете от глухо рокочущих раскатов грома где-то вдалеке. За окном серело утреннее небо, и шелестел дождь. За тонкой стенкой еле слышно похрапывала соседка. Интересно, как давно Рыжая вернулась к себе?

Мысли о ней заставили меня подробно и в красках вспомнить вчерашний день. Куртка менестреля, оказавшаяся в свете наступающего дня и впрямь потрёпанной, тёмно-рыжей, воскресила в памяти и другие малоприятные подробности. От воспоминания я вздрогнула и закуталась в старое одеяло. Вспыхнуло желание провести весь день, не высовывая носа за

дверь. Я едва не поддавалась ему, пока взгляд не выхватил из полумрака комнаты сиротливо поблескивающий на ветхом столике кулон.

Микаэль Аметист. Казалось, я была у него сто лет назад. Он будет ждать меня сегодня. Возможно, у него получилось выведать у Камня ещё что-нибудь!

Осознание этого заставило меня лихорадочно выскочить из тёплой постели и начать поспешно искать одежду, вытаскивая заботливо припрятанные в тайнике деньги.

Лицо Микаэля несло на себе отпечаток бессонной ночи. Кожа посерела и обтянула череп, а под потускневшими глазами залегли чёрные круги. Однако Аметист держался бодро и поприветствовал меня с преувеличенной — как мне показалось — радостью.

— О, хайлэ, Кошка! Чаю?

— Спасибо, обойдусь на этот раз, — сухо отказалась я, проходя в его обитель и тщательно прикрывая дверь. Попусту тратить время на чаепитие не хотелось, да и настроение не особо к этому располагало.

Мик пожал плечами и запрыгал на костылях следом.

— Есть хорошие новости? — нетерпеливо поинтересовалась я, примостившись на прежнем месте у верстака. Микаэль задумчиво посмотрел на меня и неуверенно протянул:

— Можно и так сказать. Лучше показать.

Он извлек из скрипучего шкафа Камень, укутанный в шаль Назиры, и подскочил к столу, бережно прижимая его к боку.

— Мне так и не удалось услышать его Песню. Вот если бы ты оставила его ещё на денек...

— Это исключено, — отрезала я, уловив в голосе Мика просящие нотки. Литанээ тяжело вздохнул:

— Жестокая ты, Кошка. Ладно. Я обнаружил кое-что другое!

Усмехнувшись при виде того, как я нетерпеливо наклонилась вперёд, он вытащил из-за пазухи грубо выструганную старую флейту и извлек из неё несколько не сильно мелодичных звуков, жестом велел мне наблюдать за Камнем. После песни безымянного менестреля "музыка" Микаэля напомнила скрипение плохо смазанной уключины. Я поморщилась, но произошло то, что заставило меня позабыть о подобных мелочах.

Как только зазвучала флейта, внутри вехи что-то замерцало. Через пару ударов сердца это "что-то" переросло в неровное золотистое сияние, пульсирующее внутри Камня в такт скрипучим наигрываниям Микаэля. Стоило ему опустить инструмент, как всё прекратилось. Сияние померкло, словно внутри Камня задули свечу.

Я шумно выдохнула и откинулась на спинку скамьи.

Микаэль хмыкнул и потёр руки, видимо, очень довольный эффектом.

— Музыкант из меня, конечно, тот ещё, — с явно притворной скромностью сказал он. — Но эксперимент удался.

— Можно сделать так, чтобы он сиял сильнее? — жадно спросила я, исподволь чувствуя: вот оно. Похоже, путь ко второй вехе нашупан. Ещё бы знать, как по нему пройти!

Микаэль сокрушенно покачал головой:

— Я играл перед ним почти всю ночь после того, как это обнаружил. Перепробовал много разных мелодий. Результат одинаковый. Но, похоже, это мерцание не зависит ни от продолжительности игры, ни от её содержания.

Я кивнула, с внутренним трепетом чувствуя, как приходит озарение:

"А что, если нужно сыграть какую-то определенную мелодию? На определённом инструменте? Не может ли он быть второй вехой?"

По жилам растеклась обжигающая волна азартного нетерпения. Я спросила хриплым от волнения голосом:

— Сколько я должна тебе за труды, Мик?

— Я не взял бы с тебя и медяка, согласишься ты оставить мне этот камень ещё ненадолго, — грустно протянул Аметист. — Но это, как я уже понял, невозможно. Тогда три золотых — за срочность. Сверху ничего не накидываю, учти.

Я слушала его вполуха, дрожащими руками отсчитывая монеты. В любой другой ситуации я бы ожесточенно торговалась. Литанээ заломил чересчур высокую цену. Сейчас же мне было всё равно. Пододвинув требуемое к Аметисту, я положила сверху кулон:

— Возвращаю в целости и сохранности, Мик. Как и договаривались. Спасибо за труды!

— Да чего уж там, — невесело произнес Аметист, забирая свою драгоценность и деньги. — Заходи ещё...

Я махнула ему на прощание рукой и поспешила к двери, чувствуя, как бешено колотится сердце.

— Кошка! — негромко окликнул меня Микаэль. Я замерла на пороге и обернулась.

— Когда этот камень тебе уже не будет нужен, принеси его снова мне, хорошо?

Я рассмеялась:

— Договорились, Мик. Сберегу его специально для тебя!

Дождь ещё накрапывал, и я поёжилась. Тонкая ткань платья не спасала от промозглой погоды. Я заторопилась домой, крепко держа Камень.

Не успела я сделать и пары шагов, как заметила в противоположном конце улицы знакомую фигуру. По выщербленным бульжникам быстро шагал мой вчерашний спаситель. Вопреки неприятным воспоминаниям, связанным с ним, я почувствовала смутную радость и даже шагнула вперед, подняв руку для приветствия. Менестрель тоже заметил меня, улыбнулся и ускорил шаг, направившись в мою сторону.

— Здравствуй, Мелиан, — мягко сказал он, подойдя ко мне. — Рад, что у тебя всё в порядке.

— Как ты узнал...о-о-ох, Хэлль!

Слова застряли в горле, как только я подняла голову и впервые посмотрела на его лицо при свете дня. Только со всей пугающей ясностью я поняла, что же в менестреле мне казалось неправильным и жутким.

Его глаза. Чёрные. Абсолютно чёрные, словно у молодого человека не было зрачков, а лишь бездонная тьма, полностью заливающая радужку. От этого его красивое лицо казалось отталкивающим, вселяя в сердце страх своей противоестественностью.

Это могло означать только одно.

Менестрель был вампиром(64).

Я закашлялась и отшатнулась от него как от прокажённого.

На Коннемаре ходили легенды о вампирах. Их представляли этакими порождениями Хэлля. Пугали, что они могут пробраться ночью в дом и выкрасть из люльки младенца. "Отмеченным вампиром" называли того, на чьём теле было много родинок. Верили, что это отметины от клыков кровососа. Говорят, однажды какую-то женщину даже сожгли, а всё из-за того, что на её шее возникло несколько родимых пятен.

Сама я в эти сказки не особо верила, но вампиров опасалась, полагая, что легенды на пустом месте возникнуть не могли. Однако в реальности столкнуться с представителем этого племени мне довелось только сейчас.

Судя по изменившемуся лицу менестреля, он прекрасно понял мою реакцию.

— Мелиан... — начал он, делая ко мне шаг. Я вновь отпрянула в сторону, оступившись на торчащем из земли куске брусчатки. Молодой человек удержал меня за локоть, но я поспешно выдернула руку.

— Мелиан, — успокаивающим голосом повторил менестрель, поднимая ладони. — Прошу тебя, успокойся. Это моя вина. Мне следовало сказать тебе раньше о том, кто я. Клянусь, я не причиню тебе ничего дурного! Да и зачем делать это именно сейчас? Вчера времени было с лихвой.

Я незаметно перевела дух. Страх отступил, и я начала соображать более трезво. Резон в его словах был. К тому же, я не слышала, чтобы кого-то нашли с прокушенным горлом во время пребывания менестреля на Аэдагге. Но поверить ему до конца помешала моя подозрительность, и я нехотя произнесла:

— Хэлль тебя знает. Может быть, ты решил сразу не нападать, а приберечь меня ради особого случая.

Менестрель склонил голову набок и посмотрел на меня так, что я сразу почувствовала, какую глупость сморозила.

— Мы вовсе не такие монстры, какими нас иногда рисуют, — с плохо скрываемой горечью проговорил он. — Я читал человеческие [книги](#) о вампирах и слышал много историй. Иногда попадались забавные, но по большей части, — он усмехнулся, — сущие выдумки. Я прекрасно понимаю твой страх. Но ещё раз прошу: поверь, тебе не нужно меня бояться. Все эти сказки так и остаются сказками. К тому же, сегодня я покидаю Аэдаггу, и, скорее всего, мы увидимся очень нескоро. Если увидимся вообще.

Его последние слова выдернули меня из оцепенения. Я оказалась права. Надолго он на нашем острове не собирался оставаться. Отчего-то я почувствовала лёгкое разочарование и укол совести, вдруг вспомнив, что куртку-то ему я так и не вернула!

Последняя мысль заставила меня нервно рассмеяться. Музыкант недоумённо посмотрел на меня и чуть виновато улыбнулся. Страх, стиснувший сердце, испарился. Я поверила ему уже во второй раз. Наверное, вампиры обладают каким-то особым даром убеждения.

Или же мне попросту хотелось ему верить.

— Продолжаешь свои странствия? — спросила я первое, что пришло в голову, чтобы замять неловкость.

В странных глазах менестреля отразилась благодарность.

— Можно сказать и так. Я отправляюсь на второй материк. Говорят, он ещё полностью не исследован и таит в себе много загадок, так что совмещу приятное с полезным. А что будешь делать ты?

Я посмотрела на него и вдруг ощутила сильнейший порыв поделиться своей историей. Нервно оглядевшись по сторонам и убедившись, что улица пуста, я выложила, запинаясь и периодически теряя нить повествования, почти всю историю своих изысканий, Камня и вех, умолчав лишь о некоторых подробностях ранаханнских приключений. Молодой человек внимательно выслушал мой сбивчивый рассказ и произнес лишь одно слово:

— Корниэлль.

— Что? — растерялась я.

— Корниэльль, — терпеливо повторил музыкант. — Самый крупный после столицы город Алдории. Там находится одна из старейших на материке библиотек, а в ней свитки магистра Лейницца. Это единственный мудрец, который занимался исследованиями Прихода Дракона и секты драконопоклонников. Мне кажется, что ключ к разгадке тайны твоего Камня — это инструмент, имеющий прямое отношение к Дракону, а сведения о подобном могут содержаться только в этих свитках. Искать обители сектантов бесполезно — женщин туда не пускают, да и вряд ли монахи захотят делиться своими тайнами.

Я потрясённо глядела на него. Ещё утром я и придумать не могла, что делать со сведениями, полученными от Мика, а тут мне преподносят готовый ответ на блюдечке!

Угрызения совести усилились.

— Спасибо тебе, — тихо сказала я, понунив голову. — Извини за мои подозрения. Удачи в путешествии. И прости, что не вернула куртку.

Менестрель негромко рассмеялся:

— Пустяки. Раздобыть куртку дело нехитрое. Только не вздумай искать меня лишь затем, чтобы её вернуть. Желаю и тебе найти твоё сокровище!

Он тепло улыбнулся и пошёл прочь, когда я вспомнила ещё кое-что и крикнула ему вслед:

— Постой!

Менестрель остановился и вопросительно взглянул на меня.

— Как твоё имя?

По лицу вампира скользнула лёгкая тень. Он коротко ответил:

— Кристиан.

62 — **Амальганна** — царство богов в космогонии северных народов;

63 — **Лайзард** — хищная ящерица размером с кошку; водится в болотах, питаясь мелкими грызунами. Обычно гипнотизирует жертву взглядом, беспрепятственно пожирая её;

64 — одной из отличительных черт вампиров является цвет радужки глаз: у мужчин чёрный, сливающийся со зрачком; у женщин — сиреневый;

Я расстелила карту на полу, испещрённом жилами щелей, придавила её по краям булыжниками и начала обдумывать свой дальнейший маршрут, водя пальцем по шершавому пергаменту. За окном шелестел дождь. Комнату наполнял тот особый серовато-сизый сумрак, какой бывает при плотно затянутом тучами небе. Очертания предметов расплывались и тонули в сонной дрёме, нагоняя тоску. Мне было не до непогоды. Передо мной стояла серьёзная и ответственная задача: продумать, как в кратчайшие сроки и при наименьших затратах добраться до Корниэлла, лежащего, если верить карте, довольно далеко от побережья.

На первый взгляд, ответ напрашивался сам собой: сесть на корабль, следующий в сторону Алдории, высадиться в любом порту и воспользоваться скачком драконицы(65) — благо, перевалочные пункты есть в любом мало-мальски уважающем себя порту. Очень разумная и трезвая идея на первый взгляд. Однако мне было доподлинно известно, что алдорские драконюхи, работающие на пристанях, задирали цены едва ли не втридорога, пользуясь тем, что возможность в мгновение ока добраться до любой точки Алдории в высшей степени соблазнительна.

Я покосилась на слегка выступающую доску в полу. Под ней хранились все мои сбережения — пятьдесят золотых дориев, сорок серебряных и несколько слитков. Отдельно лежал бережно завернутый в бархат флакон мирисэлли. Добрую половину моего состояния составляла выручка от продажи нарядов Назиры. Не так давно я рассудила, что кипа вещей занимает слишком много драгоценного места в моей камерке, и быстро нашла покупателя. Вернее, покупательниц — проститутки Аэдагги всё же были женщинами и не могли устоять перед красивыми тряпками.

Любовно погладив доску, я вновь вернулась к карте, чувствуя, как внутри нарастает отвращение к бесполезному разглядыванию.

К Корниэллю тянулось множество трактов. Он стоял на перекрестье четырёх из пяти крупнейших алдорских путей и напоминал паука, засевшего в центре паутины. Поездка верхом на дракониде или в двуколке займет не менее трёх дней. Если нанять айолу(66) и отправиться по Айласе — реке, пересекающей Корниэлле почти ровно напополам — получится и того больше. На карте Айласа сильно походила на капризно извивающуюся змею, чьи "петли" охватывали уж слишком большую территорию.

Я тяжело вздохнула, села и, подтянув колени к подбородку, с тоской уставилась в окно, в которое билась беспросветная дождливая мгла. Теплившийся на подоконнике огарок свечи не разгонял сумрак, а лишь усиливал тоску. Подобным виделось мне и будущее: неясным, неопределённым и пугающим.

Похоже, у меня не оставалось другого выхода, кроме как воспользоваться драконицей, если я не хочу тянуть с прибытием в Корниэлле. Не то чтобы я боялась, что меня кто-то опередит в поисках — вряд ли кому-то могла прийти в голову идея искать сокровища Дракона именно сейчас. Скорее, меня подхлестывало и гнало вперёд нетерпение и желание поскорее отыскать вторую вежу. Всё больше и больше верилось, что искать её мне суждено в библиотеке Корниэлла.

— В Алдорию? А зачем тебе в Алдорию, Кошка?

Дик Сваальд, невысокий коренастый пират, отставил в сторону выщербленную кружку рыбного бульона и сумрачно глянул на меня левым глазом. Его правая глазница, ссохшаяся и сморщенная, пустовала. Её содержимое Дик потерял, но далеко не в доблестном поединке с пятью королевскими гвардейцами, как он любил рассказывать. Однажды мне довелось стать невольной свидетельницей пьяного рассказа Дика о том, как дело обстояло на самом деле. В тот день Сваальд хлебнул лэя больше обыкновенного. Было поздно, и почти все его собутельники давно храпели под столами таверны "Зов ветра", а одноглазый пират всё ещё сидел за столом, покачиваясь, как хайаньская куколка, и обводя мутным взглядом окрестности. Именно в тот самый момент, когда он уже был готов упасть головой на столешницу, в "Зов ветра" вошла я, ища Сокола. Стол, за которым, пьяно раскачиваясь, восседал Дик, стоял ближе остальных к двери, и взгляд пирата кое-как сфокусировался на мне. Уж не знаю, кем я привиделась ему: родной матерью, давно забытой женой или случайной подругой, только Дик нетерпеливо махнул рукой и сипло проорал:

— Поди сюда!

Это было время, когда я ещё побаивалась аэдагтской публики, а без присутствия рядом Морриса чувствовала себя и вовсе незащищённо, поэтому мне не оставалось ничего, кроме как подчиниться.

— Плохо мне, — прохрипел Сваальд, когда я с опаской опустила на лавку напротив. — Всё наперекосяк... А ведь был лучшим рыбаком...

И Дик поведал боявшейся пошевелиться мне о своей жизни и честном рыбацком труде в деревушке на берегу Русалочьего залива(67); о том, как умерла от чёрной немочи(68) его жена, забрав с собой детей, а Дик от горя подался в пираты. О том, как гигантский меченосец лишил его глаза, когда Дик вышел в море с сетями в последний раз. Громадная рыба, скользкая от ила и водорослей, извернулась в его руках, когда рыбак выпутывал её из сети, и ткнула своим костяным носом прямо в глазницу.

Закончив свой рассказ, путанный и местами невнятный из-за заплетающегося языка, Дик со стуком упал головой на стол и захрапел, а я, крадучись, покинула таверну. Сокола я так и не нашла. Лишь много позже, уже после его смерти я узнала, что он провел тот день в объятиях какой-то высокородной дамы, привезённой из Алдории в качестве заложницы.

Теперь же Сокол покоился на дне океана, а Дик Сваальд сидел напротив меня, свирепо зыряка одним оком и явно не догадываясь, что мне известна вся подноготная его фанфаронства.

Мне даже было немного его жаль.

Выдержав взгляд пирата, я спокойно ответила:

— В корниэлльскую библиотеку хочу наведаться, Дик.

При слове "библиотека" Сваальд откинул голову и гортанно загоготал:

— Никак, в учёные решила податься, Кошка? А читать-то умеешь? Или же будешь просто любоваться на закорючки?

Довольный своей шуткой, он повторил её погромче. Его зычный хохот подхватило полтаверны.

Почувствовав, как внутри плеснуло раздражение, я стиснула кулаки, до крови впившись ногтями в ладонь и постаравшись не измениться в лице. Ему ни в коем случае нельзя было показывать, что его насмешки задела меня, иначе потом житья не даст. Я вскинула голову и весело ответила:

— А ты, Дик? Умеешь отличать эти закорючки от червяков? Так, может, прокатишься со мной до Корниэлла, сможешь разобраться, что к чему!

Сваальд побагровел, а под сводами "Зова ветра" вновь прокатился хохот, теперь уже вызванный его замешательством.

Читать я умела. На Коннемаре эддре обучал нас, деревенских ребяташек, азам чтения и письма. Не боги весть что, конечно, ведь в нашем распоряжении была лишь скудная библиотека коннемарского храма, но и этого хватило. Почти все пираты на Аэдагге кичились безграмотностью и с презрением относились к тем, кто хоть как-то умел отличать одну букву от другой, считая их зазнавшимися выскочками. Именно поэтому я старалась лишней раз не козырять собственными навыками.

Я примиряюще улыбнулась одноглазому пирату и повторила вопрос.

— Какой корабль в ближайшее время идет к Алдории или хотя бы мимо?

Дик одним залпом выхлебал бульон, насупился и буркнул:

— Есть один. "Крыло ворона". Он пойдет мимо алдорских берегов, и может ссадить тебя там, если договоришься с капитаном.

Я возликовала про себя: капитаном "Крыла" был Андрус Войге, старый друг Одноглазого Тома. Андрус хорошо знал меня и вроде бы неплохо относился. Во всяком случае, есть надежда, что он не обдерёт меня как липку.

— Где его можно найти?

Дик пожал плечами:

— Недавно тут был, а там Хэлль его знает.

Я разочарованно прикусила губу, барабаня пальцами по столу. Искать Андруса по всем тавернам и борделям Аэдагги не хотелось. Сидеть и терпеливо ждать его здесь — тоже.

В вихревой поток мыслей ворвался скрип скамьи, застонавшей под чьей-то тяжестью.

Я подняла голову и обомлела: напротив сидел Коннар, оттеснивший боязливо сжавшегося Дика. Поймав мой взгляд, он криво усмехнулся и поднял руку в знак приветствия.

На смену радостному предвкушению мигом пришла глухая ярость, смешанная с лёгким уколом опаски: а ну, как менестрель попусту обнадёжил меня, когда сказал, что северянин больше не представляет угрозы?

— Что тебе надо? — гневно прошипела я, прикидывая, сколько времени мне понадобится для того, чтобы улепетнуть из "Зова ветра".

Коннар осклабился. Меня передёрнуло.

— Я слышал, ты ищешь Андруса, и знаю, где он. Более того, я даже знаю, когда он отправляется в Алдорию. Ведь он за этим тебе нужен?

Я прищурилась, скрещивая руки на столе, и сухо обронила:

— Предположим. И что с того?

Коннар ответил мне таким же прищуренным взглядом и коротко зыркнул в сторону Дика. Тот кивнул дрожащей головой и мгновенно испарился. Я почувствовала неладное и обернулась, чтобы оценить расстояние до двери. Удивительное дело — в этот момент оно показалось увеличенным едва ли не вдвое.

Я повернулась и вновь натолкнулась на пристально разглядывающие меня тёмные глаза северянина.

— Кошка... — начал он, протягивая ко мне руку. Я инстинктивно отпрянула, а бывший капитан скривился:

— Да не бойся ты! Я тебя не трону.

— Я ничего и никого не боюсь, — мрачно сказала я. — Да вот только у нас уже был неприятный опыт общения, и я бы не хотела его повторять. Счастливо оставаться!

Я решительно вскочила, всем своим видом показывая, что продолжать разговор нет желания. Северянин немедленно поднялся вместе со мной, заставив противный холодок пробежать по спине.

— Зря уходишь, — примирительным тоном сказал он, не отставая от меня ни на шаг, пока я, стараясь не оборачиваться, спешила к двери. — Так и будешь убегать при каждой нашей встрече?

Я поёжилась и глухо пробормотала:

— Очень хочется надеяться, что следующей нашей "встречи" не будет!

Положив руку на дверную ручку, я дернула её на себя, но Коннар придержал дверь рукой.

— Отпусти! — процедила я.

— А если я хочу принести свои извинения за произошедшее? — послышался над ухом голос Коннара. Спина покрылась мурашками от мощи, волнами исходящей от него. Подавив безумное желание обернуться и расхохотаться ему в лицо, я саркастически заметила:

— Боюсь, одних твоих извинений будет недостаточно. Дай мне пройти и можешь катиться к Хэллю! Плакать не буду.

Замерев на удар сердца, бывший капитан выдохнул мне в затылок:

— Ведьма!

И отпустил дверь.

— Мерзавец! — не осталась я в долгу и выскользнула на улицу.

Отдышавшись, я глубоко вдохнула прохладный воздух, напоённый влажностью, и попыталась взять себя в руки. В конце концов, совсем скоро я отплыву с Аэдагги. Надеюсь, наши пути с бывшим капитаном ранаханнской стражи больше никогда не пересекутся. Эта мысль успокоила меня и придала сил. Для того чтобы претворить эти планы в жизнь, требовался самый пустяк — отыскать Андруса и уговорить его взять меня на корабль.

Поиски друга покойного Тома заняли почти весь день. Когда на землю стали опускаться мутные от влаги сумерки, я почувствовала, что нахожусь на грани отчаяния. Пирата не было в его любимой таверне — "Крике чайки", куда, по словам Тома, он часто захаживал; у проститутки Нэн, к которой меня отправил владелец "Крика", когда я поведала ему о цели своих поисков. Не было Андруса и в его комнатухе в Кожевенном квартале.

Порядком приуныв, я слепо бродила по улочкам Аэдагги, полностью отдавшись на волю случая и питая безумную надежду, что, если тому суждено сбыться, то судьба сама столкнет меня с Андрусом.

Как ни странно, но надежда оправдалась. Вильнув, очередной грязный переулочек вывел меня в порт, где с мерным скрипом покачивались на воде пиратские судна. Большинство из них пустовало. Вряд ли кому-то придёт в голову выходить в море с приближением ночи, да ещё и в дождь. Кое-где было заметно шевеление: то там, то сям по палубам прохаживались одинокие матросы, не то выполняя роль соглядатая, не то попросту слоняясь от безделья. Пару раз меня окликнули, но я ограничилась лишь вялым кивком. Не хотелось точить с кем-то ляды и тратить время на ерунду.

Корабль Андруса я узнала сразу. Это был не очень большой бриг с необычно вытянутым

носом, на котором намалевали огромный птичий клюв и перья. По бокам корабля горели два желтых глаза, мутно светящиеся в сгущающихся сумерках. "Порошок из лунных медуз(69)", — смекнула я, подробно разглядывая "Крыло". — "Наверное, Андрус велел добавить его в краску". Представляю, какое ошеломляющее впечатление производит корабль на атакуемые суда, когда внезапно возникает из мрака с горящими жутким мертвенным светом "глазами".

Палуба «Крыла» пустовала, однако стоило мне взглянуть в сторону капитанской каюты, как я поняла: мои скитания по Аэдагге не прошли даром.

В иллюминаторе теплится свет.

Беспрепятственно поднявшись на корабль, я столкнулась с неожиданной помехой у каюты капитана. Около дверей стоял высокий хайанец, одетый в одни лишь матросские шаровары. Тусклые отблески магических светильников поблескивали на желтоватой коже. Лезвие кривой сабли, которую он сжимал в кулаке, бросало блики, отражая свет луны. Раскосые, ничего не выражающие глаза пристально следили за мной, пока я подходила. Этого парня я раньше на Аэдагге не встречала, и, признаюсь, от одного его непроницаемого вида становилось не по себе. Но мне нужно попасть к Андрусу, и я это сделаю.

— Капитан там? — кивнула я на дверь, подойдя к "охраннику" ближе.

Он выдержал небольшую паузу и медленно, будто у него затекла шея, кивнул.

— Тогда, я полагаю, можно войти? — мягко уточнила я.

Ещё одно непродолжительное молчание — и вновь кивок, близнец предыдущего. То ли хайанец плохо знал алдорское наречие, и ему требовалось время, чтобы перевести в уме мою фразу, то ли он попросту был не очень смыслёным.

— Спасибо, — стараясь вложить в свой тон как можно больше искренности, поблагодарила я. Меня не покидало ощущение, что я пообщалась с каменным изваянием. В ответ "изваяние" неопределённо дёрнуло плечом, и я увидела, как его раскосые глаза сверкнули жёлтым. Боги милосердные, да это же оборотень!

На миг позабыв об Андрусе, я во все глаза уставилась на хайанца. За всю свою жизнь я встречала оборотней пару раз. Присутствие одного из них на Аэдагге стало сюрпризом, да ещё каким. Подумать только, как мне везет в последнее время: то вампир, то оборотень. К тому же, это был оборотень из Хайана, а всем известно, что хайанские рыси кардинальным образом отличаются от алдорских волков и окутаны множеством легенд и поверий.

Не обращая внимания на мой заворожённый взгляд, хайанец не торопился ни принимать свою звероформу, ни заводить разговор. Скользя по мне ничего не выражающим взглядом, он еле заметно кивнул на дверь каюты и устремил взгляд вникуда. Наступив на горло любопытству, я толкнула дверь.

Андрус сидел за старым столом, заваленным свитками и заставленным бутылками. Прямо над ним покачивался круг, подвешенный к потолку. Его сплели из соломы и украсили морынь-травой(70) — оберегом степняков, защищающим от злых духов.

Андрус Войге был кочевником из Воронов, невесть как попавшим в пиратское братство. О своей жизни он распространяться не любил, но обычаи и поверья своего народа свято чтит, даже в море надевая не удобную моряцкую одежду, а тяжёлые кожаные штаны и жилет — привычную для Воронов униформу.

Когда я вошла, Андрус повёл бровью, но ничего не сказал. Он сидел полубоком к столу,

держа в одной руке бутылку, а в другой круглый, слегка поблескивающий предмет. Пират то и дело подносил его к глазам, затем откидывался на спинку стула и отхлёбывал из бутылки плескающуюся там мутную жидкость. Он повторил эту операцию трижды, пока я вытаскивала в середину каюты колченогий стул и усаживалась.

В гробовой тишине шептала вода, ласково омывая борта.

— Знаешь, что это? — внезапно спросил Андрус, резко поворачиваясь ко мне и суя под нос содержимое ладоней. Я торопливо отодвинулась и осторожно взяла этот предмет, запоздало обнаружив, что держу...

— Глаз?

Жалея, что приличия не позволяют его тут же вышвырнуть, я брезгливо поморщилась и быстро вернула владельцу то, что и впрямь оказалось глазом. Явно не человеческим. Он походил на большое яблоко с червоточиной-зрачком на левом боку, и мог бы сойти за стеклянный или каменный, если бы я интуитивно не почувствовала, что он настоящий.

Андрус кивнул, забирая свою собственность, и пояснил:

— Глаз кайташеррского тура, которого можно часто встретить в степях. Эта тварь огромна настолько, что когда стоишь перед ним, кажется, что сам Хэлль легко спрячется в его тени!

Я вздохнула и подперла подбородок рукой, приготовившись внимать словам пирата. Я совершенно не понимала, какое отношение имеет ко всему глаз, и почему Андрус начал разговор столь странным образом. Но если это поможет мне договориться с ним, то почему бы и не послушать?

Андрус вновь приложился к бутылки, удовлетворенно рыгнул и продолжил:

— Когда тебе исполняется тринадцать, тебя отправляют в степь. Одного. Без кольчуги. Твой клан не примет тебя, пока не вернешься с добычей.

Он снова продемонстрировал мне глаз и подкинул его в руке. Я понятливо изобразила восхищение. Удовлетворившись этим, пират закончил:

— Я убил его на седьмой исход луны, когда уже начал околевать от голода. Знаешь, Кошка, ведь с собой тебе не дают никакого оружия кроме копья, а им запрещено добывать пищу. Оно предназначено только для Рогатого! Мы долго бились — я и сам не знаю, как мне удалось проткнуть ему сердце. Однако в какой-то момент он упал, а я вытащил его глаз.

Пират умолк, уставившись в пустоту, затем тряхнул начинающими сесть космами и проговорил:

— Все эти годы он странствовал со мной. Наш шаман обмакнул его в жидкий песок(71), чтобы глаз стал твердым и не испортился. Теперь это мой талисман.

Я перевела дух. Значит, в руках у меня побывал всё же не совсем настоящий глаз. Но в глубине души все равно ворочалось отвращение, и я украдкой вытерла пальцы о подол юбки.

Андрус крутанул поблескивающий шарик и глухо проговорил, на сей раз, явно ни к кому не обращаясь:

— Иногда мне кажется, что я в нём что-то вижу. Какие-то места, где никогда не был. А иногда я вижу там её.

— Кого? — с тоской уточнила я, чувствуя, что сейчас рассказ свернёт в русло трагичной повести о несчастной любви. Бывший Ворон свирепо воззрился на меня и хлопнул ладонью по столу. Я вздрогнула.

— Мою дочь! Мою Сабину! В тот год, когда я отправился прочь, шло как раз её тринадцатое лето. Вот-вот должен был наступить её День Рогатого!

Я хотела возмутиться варварским обычаем отправлять девочку на подобное предприятие. Но потом вспомнила, что у Воронов размыты границы пола, и женщины считаются ровней мужчинам.

Лицо Андруса, чьи щёки были испещрены россыпью черных точек(72), дышало раздражением. Буквально мгновение спустя это выражение исчезло. Передо мной вновь возник знакомый пират — полноватый, сутулый, своими взъерошенными чёрными волосами и скрипучим голосом и впрямь напоминающий ворона. Он слегка поморгал, сфокусировал взгляд на мне и вдруг спросил так, будто впервые увидел:

— Кошка? Что тебе надо?

— Да уж явно не твои воспоминания о былом, — усмехнулась я. — Ещё чуть-чуть, и ты, чего доброго, в знак уважения к предкам кинулся бы на меня.

Андрус устало прикрыл глаза:

— У меня нет сил на долгие разговоры, Кошка. Говори, зачем пришла, и проваливай.

Его взгляд, брошенный на бутылку, свидетельствовал, что он хочет остаться наедине с выпивкой и тенями прошлого. Я приступила к делу:

— Дик Сваальд сказал, что "Крыло" скоро отправляется в плавание, и его путь пройдет мимо берегов Алдории. Мне нужно знать, сколько ты возьмёшь, чтобы доставить меня туда.

Андрус задумчиво посмотрел на меня, катая в пальцах глаз тура, и поскрёб застарелый шрам, рассекающий подбородок надвое.

— Сваальд чуток ошибся. Я не просто пройду мимо берегов, а зайду в один из южных портов — там мой приятель уже приготовил для меня партию живого товара из Набии. Взять тебя? Почему нет... Гони два золотых дория и плыви с нами хоть за солнечную околицу(73).

— Сколько? — ахнула я. — У тебя есть хоть капля уважения к памяти твоего покойного друга, ты, старая ворона? Два дория! Да за такие деньги я обогну весь первый материк!

Возмущалась я картинно. Два дория — стандартная плата за поездку на корабле, но мне из принципа захотелось хоть как-нибудь сбавить цену.

Андрус сложил руки на животе и причмокнул нижней губой.

— Два дория. Исключительно из-за уважения к памяти усопших.

Мы ещё немного попрепирались и сошлись на дории и тридцати серебрушках. Андрус шумно перевел дух и неодобрительно посмотрел на меня. Довольная собой, я уточнила:

— Когда отправляешься?

— Послезавтра на рассвете, — был ответ. — Если хочешь с нами, советую приходиться затемно. Не выношу бесполезных задержек и ждать тебя не буду.

Я кротко кивнула, поднялась с места и вдруг вспомнила кое-что, упомянутое пиратом.

— За живым товаром отправляешься, Войге? Решил свернуть на узкую тропу работорговца?

Взгляд Андруса моментально заледенел.

— Это не твое дело. Я согласился взять тебя с собой не для того, чтобы ты лишний раз распускала язык!

Его тон ни на миг не напугал меня. Работорговцев я не любила почти так же, как насильников.

— А этот, — я кивнула на дверь, — твой охранник. Его ты тоже у кого-то купил?

Лицо Войге разгладилось. Взгляд смягчился.

— Нет, — пророкотал он, — Акира случайно прибил к команде, когда мы были в

одной хайаньской деревушке. Он умолял меня взять его с собой, ну, я и решил, что оборотень в команде никогда не помешает.

Я нахмурилась: довольно-таки странное решение(74) для моряка. Впрочем, это не мое дело.

— Спокойной ночи, Андрус, — задумчиво пробормотала я, берясь за ручку двери.

— И тебе того же, Кошка, — сонным голосом отозвался Войге. — Жду тебя послезавтра. Оплата вперёд!

Весь день, отделявший меня до отплытия "Крыла", я посвятила сборам. Разумеется, я не собиралась взваливать на плечи объемный мешок или увесистый сундук, набитый бесполезными вещами; главной заботой была безопасность моего жилища на время отсутствия. Прежде всего я заглянула к Микаэлю на предмет охранных амулетов. Тот все ещё хандрил и предпринял ненавязчивую попытку одолжить у меня Камень хотя бы на полдня. Однако я была непреклонна: не сейчас. Только когда вернусь.

Затем я занялась продумыванием собственного образа, под личиной которого собиралась явиться в Корниэлль. До Алдории вполне могли дойти слухи о загадочной Каэрре-хэннум. Нельзя было допустить, чтобы кто-то вдруг опознал её во мне, поэтому я решила идти от противного. Сначала я хотела и вовсе переодеться в мужской костюм, однако, поразмыслив, отказалась от этой идеи. Мужская роль чревата скорым разоблачением, да и налагает на носящую его определённые правила поведения. Гораздо проще и разумнее не изображать из себя невесть что, а лишь слегка приукрасить правду. Давно известно, что лучше всего спрятано то, что лежит на самом виду.

Я решила, что оденусь обычной жительницей юга Алдории, которую ну очень интересуют всё, что связано с древними религиозными культами и историей Дракона. В Корниэлле я проездом, и моя цель — визит в библиотеку. Как ни крути, вполне стройная легенда, объясняющая и мой интерес к древним свиткам, и то, что я явилась именно с южных окраин страны. Довольная своей изобретательностью, я улыбнулась и сунула в парусиновую сумку крепко завязанный узелок с деньгами. Пригодится, чтобы обзавестись необходимым облачением в Корниэлле.

И всё же слабый червячок сомнения подтачивал уверенность в успехе всего предприятия. Поколебавшись немного, я сунула в сумку мужские штаны и рубашку — просто так, на всякий случай.

В ночь накануне отплытия разыгралась буря. Волны вздымались и с шипением, долетавшим до моего дома, яростно вгрызались в берег, а струи дождя косо хлестали по стенам, принося с собой холод и стылую влагу. Аэдагга утихла в беспокойном сне, и, немного пометавшись от волнения, я последовала её примеру.

Этот сон отличался от моих обычных кошмаров. В нём не было тьмы и чудовищ. Был лишь унылый серый день, едва забрезживший над берегами Коннемары.

Я стояла на безлюдном побережье своей родины, зябко кутаясь в чёрное рваное покрывало, наброшенное прямо на голое тело. Где-то впереди, теряясь в густом тумане, мерно шумело море, и в его шуме будто бы слышались чьи-то тоскливые голоса. Босые ноги больно покалывал чёрный песок, перемешанный с обломками ракушек, и я боялась сделать шаг, чтобы не изрезать ступни в кровь. Однако что-то подсказало мне, что бояться нечего — этот песок безобиден. Успокоившись, я повернулась и побрела в сторону деревни,

поминутно увязая в топкой массе.

Деревня встретила меня молчанием и ледяным ветром, сквозившем среди закопченных остовов хижин. Над ними курился лёгкий дымок, отравляющий чистый воздух. Ветер, молчание и чёрные скелеты развалин — всё, что окружало меня. Беззвучно покачивалась створка ворот, висящая на одной петле. Деревенская стена бесследно исчезла, и ворота стояли посередине пустыря.

Перед ними я остановилась, сильнее стянула на шею лохмотья и огляделась вновь. Местность вокруг ещё поддавалась узнаванию, а вот более далекие окрестности тонули в клубящемся тумане, откуда прорывались отголоски чьих-то протяжных криков.

Мне стало неуютно, но никакого страха или отвращения — как тогда, с тварью калифа, — я не почувствовала. Скорее, захотелось узнать, зачем же я сюда попала и что тут произошло.

Неясные стенания превратились в отчетливый гул. Показалось, что кольцо тумана начало стягиваться, а в блёклой пелене замелькало что-то чёрное. словно некое гигантское животное пыталось вырваться из призрачных объятий прямо ко мне. Зрелище пугало и завораживало одновременно. С усилием заставив себя оторвать от него взгляд, я почувствовала ещё одно движение, на сей раз совсем рядом. Что-то подкрадывалось со спины, и, сжав кулаки, я быстро обернулась.

Чуть склонив голову, меня, не мигая, разглядывала сумасшедшая старуха Молли-Энн. Та самая, которую я так испугалась в памятный день встречи с Моррисом.

Боги, как же давно это было...

— Что тебе надо? — мой голос показался мне хриплым карканьем, а шершавый язык еле шевелился, выталкивая слова.

Старуха встряхнулась, как неряшливая мокрая птица. Её лохмотья — точь-в-точь как мои — заплескались вокруг высохшего тела неопрятными обрывками. Молли-Энн двинулась вперед, выставив перед собой узловатый коричневый палец.

— Ищи синие глаза! — прошамкала она вместо ответа. Я поспешно отступила прочь, но старуха продолжала наступление. Из её беззубого рта, окруженного сталактитами и сталагмитами бородавок, полилось бессвязное:

— Бойся его. Ищи его. Он проведёт тебя по твоему пути. За ним — пустота, боль и мрак. Синеглазый уже рядом, он оградит тебя, но будь начеку, ибо внутри подстерегает страшная опасность...

Как и два года назад, её голос звучал странно низко, будто доносясь из глубокой бочки. Не обращая на это внимания, я перебила её, желая побыстрее избавиться от жуткой старухи и, в то же время, разузнать больше:

— Кто рядом? Кого мне нужно бояться и искать?

И вновь Молли-Энн не удостоила меня ответом, а лишь простёрла дрожащую руку, напоминающую корявую ветку, куда-то поверх моего плеча.

Я покорно посмотрела в ту сторону.

Посередине дороги, ведущей сквозь деревню, виднелся неясный силуэт. Его очертания размывались, и он слегка колыхался, словно отражение на тихой глади воды. Я тут же забыла про старуху с её бестолковым лепетом. Ноги сами понесли меня вперед.

Стоило мне приблизиться, как фигура, словно сотканная из чёрного дыма, с тихим шелестом повернулась вокруг своей оси.

На меня уставились два ярко-синих глаза, ослепительно пылающих на том, что можно

было бы назвать головой существа...

...Я проснулась от собственного крика.

Буря не утихала. Ночной мрак уже успел запустить холодные влажные лапы под моё одеяло. Только мне было не до этого. Пережитый кошмар — если это вообще можно было так назвать — оставил в душе какие-то непонятные ощущения. Страх прокатился по телу колючей волной и быстро сменился жгущим внутренности интересом. На место тоскливому унынию пришло и вовсе непонятное ощущение эйфории, заставляющей сердце то замирать в сладостной истоме, то пускаться в дикий пляс. В вещие сны я верила, и этот явно относился к таковым, но он был слишком путаный и сумбурный, чтобы дать однозначное предсказание будущего.

Да что же это такое?

Забыв о холоде, я выкарабкалась из койки и подошла к разохшемуся платяному шкафу. Там, в потаённом уголке хранилась завёрнутая в пергамент сандаловая коробочка с костяными и-дзэри(75). Мы с Моррисом привезли их из путешествия к берегам княжества Хайань. Немного освоив гадательное искусство, я иногда обращалась к ним, чтобы получить ответы на свои вопросы.

А сейчас у меня как раз назрел вопрос, требующий немедленного ответа. Может быть, именно и-дзэри прояснят то, что пытался донести сон?

Я расстелила пергамент на наиболее чистом участке пола, зажгла маленький магический светильник и принялась бережно раскладывать миниатюрные плоские костяшки.

Первые две кладутся к краю пергамента, обозначая навершие треугольника. Это — будущее. Оно неопределённо и туманно, поэтому таблички следует вынимать наугад, повинаясь слепому случаю.

Ещё две извлекаются из-под низа колоды и кладутся в левый угол. Левая сторона — нехорошая, поэтому здесь место неприятностям, горестям и обидам, которые готовит грядущее.

Две последние таблички берутся из середины, девятая и десятая с начала колоды. Они кладутся на правый угол треугольника, символизируя все приятные сюрпризы, которые сулит будущее.

Закончив расклад, я придирчиво оглядела получившийся треугольник — он вышел слегка кривобоком — и, вздохнув, приготовилась к главному. Следовало сжать остатки стопки табличек в руках и, сосредоточившись, сформулировать вопрос. После этого вытащить из руки одну, наугад, и положить ее в центр фигуры. Затем можно было переворачивать остальные из треугольника "лицом" вверх и по очереди смотреть, какие сочетания символов получаются вкупе с вытасченной из руки табличкой. Обычно ответ получается достаточно ясный — при условии, что вы умеете толковать хайанские символы.

Итак...

"Что ждет меня в ближайшем будущем?"

Мысленный вопрос прозвучал так ясно, что я невольно прижала пальцы ко рту, проверяя, не слетел ли он ненароком с языка. Еще раз вздохнув, я разжала ладонь и ласково погладила пальцем по гладкой стопке табличек. Одна показалась мне теплее остальных, и, не колеблясь, я вытащила её, положила в центр треугольника и принялась нетерпеливо переворачивать остальные товарок. Через несколько ударов сердца я озадаченно опустила

на колени и задумалась. Расклад получился какой-то странный и неопределённый, несмотря на то, что грамотой хайанского гадания я владела достаточно хорошо.

Может быть, дело в самом вопросе? Я могла бы спросить что-то более конкретное, но все события последнего времени указывали на одно — будущее меня ждёт бурное, и размениваться на мелочи не хотелось. Хотелось узнать всё и сразу. Однако таблички либо вращались, либо капризничали, не желая открывать истинной картины грядущего.

Мне досталось "шесть стеблей" — бесконечная дорога, что, в сущности, было предсказуемо. Но дальше начинались странности.

Дзиран и венки листьев слева, вместе с моей табличкой, недвусмысленно намекали на некую опасность, которую нес молодой мужчина. В то же время шесть колосьев и рысь справа обещали, что в дороге меня подстерегает беда, которая принесёт удачу.

Я потёрла виски и начинающие слезиться от недосыпа глаза. Беда, несущая удачу? Те, кто придумал и-дзэри — большие шутники, хотя, может быть, я что-то неправильно понимаю?

Верхние таблички и вовсе вносили сумятицу в получившийся расклад. Это был корень и радуга — два диаметрально противоположных по значению символа, недвусмысленно указывающие на то, что мой путь вполне может закончиться невероятной удачей и нешуточной опасностью.

Я с сомнением посмотрела на безмолвные костяшки и одним махом сгребла их в кучу. В самом деле, на что я рассчитывала? На то, что они откроют мне, кто же такой этот Синеглазый и чего от него ждать? Или укажут единственно верный и кратчайший путь к мечте? Я в сердцах швырнула безделушки в коробочку и вернула её на место. В конце концов, что мне до этого гадания и каких-то там снов, если предстоит сделать следующий шаг во вполне реальном поиске?

Светало. Моросил холодный дождь, залетающий за воротник и неприятно стекающий по шее. Море было беспокойным. Волны то и дело с шумом хлестали подгнившие доски причала, с шорохом растекаясь по ним и оседая россыпью мелких моллюсков и лохмотьями бурых водорослей. Пахло сыростью и солью.

Я стояла у трапа "Крыла Ворона", дожидаясь Андруса, чтобы вручить монеты и предупредить дальнейшую торговлю по этому поводу. Голова была гулкой и пустой. Заснуть так и не удалось. Остаток ночи я провела, лежа на спине и уставившись в одну точку.

Порывы ветра трепали куртку менестреля, которую я в последний момент решила накинуть на плечи, и неширокие холщовые штаны. Я мысленно похвалила себя, что стянула волосы в узел. Не хотелось бы ещё и отбрасывать с лица пряди. Одной рукой я придерживала дорожную сумку со своими нехитрыми пожитками, перекинутую через плечо.

Мимо сновали матросы "Крыла", то и дело бросая пару-тройку слов. Я отделялась незначительными фразами, нетерпеливо поглядывая на покачивающееся на волнах судно.

Скрип досок и голос Войге, негромко спорящего с кем-то, приободрил меня. Широко улыбнувшись, я обернулась и застыла. Рядом с Андрусом возвышался Коннар, надевший, как и кочевник, кожаные штаны и жилет, и опоясанный коротким мечом. Он хищно улыбнулся мне и протянул:

— Доброе утро, Кошка! Разве капитан Войге не предупредил, что берет ещё одного пассажира?

65 — **скачок драконицы**: в отличие от драконидов, драконицы обладают крыльями,

что позволяет им летать и совершать межпространственные скачки. Конечная точка задается при помощи амулета-ориентира, который надевает на себя путник;

66 — **айола** — речное двухмачтовое судно с косыми парусами;

67 — **Русалочий залив** — залив на западном побережье Алдории. Назван так потому, что на его берегах часто находят мертвых русалок, выбросившихся на песок. Причина тому неизвестна;

68 — болотная чума;

69 — **лунные медузы** — медузы, обитающие у берегов Аэдагги. Размерами превосходят голову взрослого мужчины. Названы так потому, что в свете Луны начинают фосфоресцировать; если поймать медузу и высушить ее определенным образом, она превратится в порошок, светящийся в темноте;

70 — **морынь-трава** — степное растение, состоящее из длинного узловатого стебля, усыпанного жёсткими листьями и невзрачными белесыми цветами. В засушенном виде ядовито;

71 — стекло;

72 — отличительная черта Кайташеррских Воронов — чёрные точки на щеках. По легенде, Ворон-Отец коснулся щеки первого кочевника своим крылом, оставив отпечаток и отмечая начало нового племени;

73 — горизонт (кайташеррск.);

74 — вода не держит оборотней, и они камнем идут ко дну;

75 — **и-дзэри** — хайаньские гадальные прямоугольные таблички. Изготавливаются преимущественно из кости или ольхи. Набор табличек обычно состоит из 88 штук, из которых 34 — изображения, а 54 разделены на три набора символов разной масти. Масть изображает три части священного растения Княжества Хайань — бамбука, олицетворяющего предвидение, будущее, удачу и бесконечную жизнь: масть стеблей, масть листьев и масть корней.

Зеленоватая вода рассерженно шипела, разбиваясь о борт "Крыла ворона". На лице оседали солёные брызги, пахнувшие водорослями. Серебристые рыбки юркими стрелками скользили в морской глади, едва касаясь спинками поверхности. Я стояла, опираясь о борт локтями, и задумчиво разглядывала их. Тяготы и заботы жизни не беспокоили этих тварюшек. Единственной проблемой рыбок было не попасться на зуб более хищным товаркам.

Иногда мне хотелось превратиться в такую вот рыбку. Или птицу, чтобы взмыть высоко-высоко в небо, оставив все тревоги на земле.

И больше никогда не возвращаться.

— Этих рыб называют морскими иголками, — раздался рядом голос, который я страстно желала не слышать вовсе.

Бывший капитан ранаханнской стражи, а теперь обычный наёмник Коннар поднялся на палубу "Крыла ворона" день назад, и теперь неотступно следовал за мной, куда бы я ни направилась. Иногда он просто не сводил с меня колючего взгляда, стоя в отдалении и беседуя с капитаном или матросами, а иногда внезапно возникал рядом, как, например, сейчас. Единственным спасением от него была каюта. Захлопнув дверь и задвинув тяжёлую щеколду, я чувствовала себя свободной от настойчивого внимания северянина. Тем не менее, нельзя было провести взаперти все пять дней пути до алдорских берегов, и поневоле приходилось терпеть.

Однако раньше северянин не предпринимал попыток завязать разговор.

— Мы их называли змейками, — сухо ответила я, не меняя позы. Коннара не смутил тон. Он приблизился и встал рядом, повторив мою позу.

— Помнится, совсем недавно мы стояли точно так же в Хайсоре, — небрежно бросил он, не уточняя, кого я имела в виду под словом "мы".

— Да уж, в то время ты был куда более учтивым, — не удержалась я от шпильки. Дыхание наёмника стало тяжелым. Видно, Коннару не понравился мой ответ, но от ответной любезности он удержался. Тогда я решила повернуть беседу на другую тему:

— Тоже решил заделаться работорговцем? Или Андрус нанял охранять товар?

Несколько мгновений Коннар помолчал. Потом произнёс, чётко разделяя слова, словно обдумывая каждое:

— Видят боги Амальганны, я пытался извиниться. Ты сказала, что одних слов будет недостаточно. Там, откуда я родом, не принято оставаться с непрощённым грехом. Поэтому я решил последовать за тобой, куда бы ты ни направлялась!

— Нет! — вырвалось у меня.

Пираты, сидящие на бочках напротив, прервали разговор и уставились на нас. Мне было всё равно. Я вцепилась руками в волосы и глухо застонала. Кто меня тянул за язык?

Слегка успокоив не самые добрые чувства, бушующие внутри, я мрачно спросила Коннара:

— За каким Хэллем ты мне сдался?

Наёмник дёрнул могучим плечом и коротко хохотнул:

— А хотя бы для охраны! Не знаю — пока, по крайней мере, — что ты там задумала, но

уверен, что слабой женщине с этим не справиться.

Меня это задело и не на шутку разозлило. Терпеть не могу, когда кто-то пытается подчеркнуть своё превосходство надо мной. Если уж этот кто-то вздумал давать советы, как я должна себя вести, то пусть засунет их подальше!

— Эта, как ты выражаешься, слабая женщина в одиночку одолела чудовище с изнанки мира, — сухо сказала я, чувствуя, как голос дрожит от кипящего внутри гнева. — Может быть, в ваших деревнях женщины и сидят покорно дома, превращаясь в скудоумных клуш, но это не значит, что и все остальные должны быть на них похожи! Я привыкла во всем полагаться на себя. Избавь меня от своих услуг.

Сделав паузу, я глухо добавила, не глядя на него:

— Да и без твоих извинений я прекрасно проживу! Порасспрашивай на досуге матросню "Крыла", пусть скажут, откуда Дикая Кошка получила своё прозвище. Может, тогда хоть что-нибудь поймешь. К тому же, кто знает, что тебе взбредёт в совместном путешествии. Вдруг опять перепутаешь меня с какой-нибудь очередной невестой!

Последнее я сказала зря, но уж больно хотелось посильнее уколоть наёмника в ответ на его слова. На скуластых щеках Коннара вздулись желваки. Чёрные глаза нехорошо сузились, и он рявкнул:

— Ты пожалеешь, что посмела открыть свой рот!

С выводами он опоздал: я уже пожалела. Но было поздно. Я попятилась; наёмник схватил меня за предплечье и дёрнул, как вдруг его лицо исказила гримаса страшной боли. Выпустив мою руку, громадный северянин осел на колени, стискивая голову ладонями и хрипло рыча. Внезапность происходящего испугала меня, и где-то глубоко внутри шевельнулась жалости к недавнему обидчику, корчащемуся у моих ног. Я тихо спросила:

— Что случилось?

Коннар резко вскинул вверху голову. Я ахнула: из его глаз сочилась кровавая жидкость, подсыхая на щеках бурыми ручейками. Пара ударов сердца — и страшное выражение смертельно раненного зверя сошло с его лица: кажется, боль схлынула. Выругавшись на неизвестном мне языке, бывший капитан поднялся на ноги, шатаясь, как пьяный. Мотнув густой гривой волос, он устремил на меня мутные глаза и прохрипел:

— Твой дружок — колдун.

Уточнять, что Кристиан мне не дружок, не стоило. К тому же, он вовсе не колдун, а вампир, да и виделись мы всего два раза. Меня затопило чувство какого-то тихого умиротворения, смешанного с суеверным страхом: значит, менестрель не обманул, сказав, что без моего согласия северянин не сможет до меня дотронуться. Вот только понимать его следовало буквально.

Коннар и впрямь не мог коснуться меня.

На Первый океан опустилась ночь, накинув на беспокойные волны шёлковое покрывало штиля. Она принесла с собой ту особенную прохладу и умиротворение, которое бывает только на открытой воде, когда чувствуешь себя безнадежно оторванной от твёрдой земли, и весь мир сжимается до размеров палубы корабля. На короткое время именно он становится твоим миром, а все, что ждет тебя дальше, кажется призрачным и недостижимым.

Эти мысли неспешно, как сонные змеи, шевелились в голове, пока я сидела на ветхом ящике, поставленном впритык к борту. Я обнимала согнутые ноги, запрокинув голову вверх и разглядывая раскинувшийся над сонным океаном небесный шатёр. Там, наверно,

перемигивались звёзды, и неспешно плыл рогатый месяц, кажущийся больше, чем обычно. Иногда, отбросив мысли о грядущем, я отыскивала в звёздных скоплениях знакомые с детства созвездия: Лапу Тайгора, Щит Лиара, Гребень Русалки. По правую руку переливалось красным цветом Око Хэлля. Давным-давно эддре Лэйдон говорил нам, тогда ещё малолетним испуганным ребятишкам, что когда-нибудь наступит Закат времен, и Око Хэлля вспыхнет и разрастется, мгновенно поглотив наш мир.

Тряхнув волосами, я отогнала невесёлые мысли и вновь уставилась на ночные светила. Интересно, что же всё-таки заставляет эти огоньки зажигаться в небе? Алдорские храмовники учат, что это зерна из Священного колоса Трёх Богов, которыми они засеивают небесное поле. Когда люди гневают их, одно зерно срывается вниз. Стоит полю опустеть, как наступят Тёмные времена.

В Княжестве Хайань верят, что по ночам небо становится таким ярким, что Белая Дева жалея людей, набрасывает на него свое шелковое покрывало, дабы ночной жар неба не испепелил мир. Но Чёрный змей Тэ-рэцу однажды захотел насолить богине и подослал мышей, чтобы те сгрызли покрывало. Мыши испугались гнева Девы и наделали лишь крохотных дырочек в шёлке, из которых и прорывается ослепительно-белый свет настоящего неба.

А у племен набийцев витает одно общее поверье, что звёзды — это глаза врагов великого вождя Шимура, которые он собрал за бесчисленное количество битв. Слепые враги неопасны, рассудил Шимур, и, чтобы они не сумели вернуть себе свои глаза, рассыпал их по небу.

Я вздохнула и поморщилась: ночную идиллию нарушали нестройные выкрики и гогот, то и дело выплескивающиеся со стороны компании матросов, пристроившихся неподалеку от меня. Перевернув пустой бочонок и водрузив на него магический светильник, они играли в "монетку под горой", время от времени сбиваясь на моряцкие побасенки, самыми приличными из которых были имена героев. На меня они не обращали никакого внимания, поэтому я невольно вздрогнула, когда один из пиратов выкрикнул моё прозвище.

— Эй, Кошка! — довольно благодушно проревел матрос внушительных размеров. Его вид натолкнул меня на мысль, что ему, наверное, не страшен даже самый сильный шторм: будет болтаться на волнах, как пробка.

Его лицо показалось мне незнакомым. Я ограничилась сухим кивком головы и неохотным:

— Чего тебе?

— Спой нам ту песню... Которая про деревню на берегу!

Сердце неприятно ёкнуло. Эту песню я сочинила через три дня после убийства Сокола, и на свою беду пела её несколько раз в пиратских забегаловках. Незатейливая на первый взгляд, песенка имела огромный успех, но я её недолюбливала. В ней собралась вся моя горечь по безвозвратно канувшим в забвение счастливым временам.

Смахнув не вовремя навернувшиеся на глаза слезы, я категорично отрезала:

— Нет!

Пираты недовольно загудели:

— Да ладно тебе!

— Кошка, не жмись! С тебя не убудет, а душа просит веселья!

Песня и впрямь получилась весёлой. Вернее, её мелодия была таковой — задорной, лихой, искрающейся отчаянной радостью.

Поняв, что они не отстанут, я махнула рукой и встала:

— Хэлль с вами, пусть будет по-вашему.

Матросы обрадованно загудели. Я подошла поближе, откашлялась и запела о том, как девушка из деревни на берегу острова, затерянного в Двух океанах, влюбилась в капитана пиратского корабля. Его команда хотела ограбить её деревушку, и она вместе с остальными встала на её защиту. Капитан влюбился в неё и предложил уплыть с ним.

Я чувствовала, как с каждым куплетом предательский звон в голосе нарастает, а к концу сквозь пение и вовсе стали прорываться отголоски рыдания. Так никуда не пойдет, строго сказала я себе, злясь на собственную чувствительность. Нужно немедленно взять себя в руки!

Похоже, никто из пиратов на это внимания не обратил. Последовала привычная реакция: свист, топот и одобрительные выкрики. Я коротко кивнула и устало опустилась рядом с толстым матросом.

— Хорошая песня, — одобрил он, поблескивая маленькими глазами, едва видневшимися из-за щек. Я пожалала плечами:

— Наверное.

— Споешь ещё что-нибудь?

— Я... — продолжать выступление не было никакого желания. Я хотела отделаться привычной отговоркой про внезапно охрипший голос, но тут к нам присоединился ещё один голос:

— Мне тоже понравилось, Кошка.

Из темноты появилась огромная фигура наёмника-северянина. Растолкав недовольно заворчавших матросов, явно не рискующих высказывать своё недовольство открыто, он уселся напротив, по-ранаханнски скрестив ноги и, пристально глядя мне в глаза, произнёс:

— Кажется, я начал понемногу понимать тебя.

Возбуждённый шепот, вызванный появлением северянина, быстро унялся. Матросы мигом завели с ним разговор, явно смекнув, что бывалый наёмник сможет поведать им немало интересного. Про меня опять забыли, чему я страшно обрадовалась: можно было спокойно посидеть и послушать, а не говорить самой.

Оживленно жестикулируя и время от времени бросая на меня быстрые взгляды, Коннар рассказывал о своих похождениях. Скитания по ледяным пустыням Торосса(76), схватки с огненными змеями, исследование самых отдалённых уголков недосыгаемого третьего материка... Я поморщилась. Уверена, большую часть этих рассказней можно считать пустопорожней болтовней, рассчитанной исключительно на то, чтобы произвести на меня впечатление. Другая часть баек вполне может сойти за правду, только преувеличенную в несколько раз. Интересно, где он научился так складно и цветисто излагать всю эту чушь?

Пираты слушали речь северянина с немым восхищением. Их лица походили на абсолютно одинаковые маски хайаньского театра Нэ, застывшие в гримасе благоговейного восторга.

— А тебе доводилось встречаться с Пожирателем волн? — выдавил толстый почитатель моих песен.

Коннар запнулся и недоуменно посмотрел на него:

— С кем?

— С Пожирателем Волн, — обиженно уточнил матрос. — Говорят, он живёт за краем

Двух океанов, разинув пасть, широкую, как двадцать материков, и непрестанно глотает волны, перемалывая своими зубищами, размером с гору, корабли!

— Очень интересно, — презрительно откликнулся Коннар. — Думаю, встретиться мне подобное чучело, вряд ли я сидел бы тут и разговаривал с вами!

Толстяк озадаченно умолк и насупился, а мне в голову пришла шальная мысль.

— Раз уж ты везде побывал и столько повидал, — с вкрадчивой мягкостью начала я. — Не видел ли ты человека или существо с ярко-синими глазами?

Северянин недоверчиво посмотрел на меня, словно не веря, что я заговорила с ним первая, и неохотно ответил:

— Не доводилось. Да и вряд ли такой есть. Сама посуди: у оборотней глаза желтые, у вампиров — чёрные и фиолетовые, у ракшасов(77) — оранжевые, а у демонов, — тут он сделал быстрое движение правой ладонью, будто смахивая что-то с себя(78). — У демонов они ярко-красные. А тебе какая печаль?

— Просто так, — небрежно пожала я плечами. Разочарования не было, но крохотный огонёк надежды погас. Коннар, прищурившись, продолжал буравить меня взглядом, и я поневоле отвела глаза. Сейчас мне всё больше и больше казалось, что увиденное во сне сном и оставалось, обманчивым миражом. Глупо искать встречи с Синеглазым в реальной жизни.

Нить разговора подхватил приятель толстяка — коренастый коротышка, смахивающий на обезьяну. Сходство усиливалось благодаря густым рыжим бакенбардам, обильно растущим вокруг лоснящейся, как блин, физиономии. Важно причмокивая губами, он завел повесть о собственных приключениях, явно намереваясь если не переплюнуть, то хотя бы сравняться с северянином. Как на грех, коротышка принялся рассказывать историю о своей встрече с русалкой и морским демоном. Историю, которую я до этого слышала раз двадцать, и каждый раз — с новыми подробностями и новым главным героем.

Не сдержавшись, я тихонько захихикала, прикрыв лицо ладонью. У Коннара промелькнула улыбка. Мне тут же стало неприятно, и я согнала с лица радостное выражение.

— ...сказал демон, — рассказывал приземистый пират, важно обзревая слушателей, когда корабль вдруг вздрогнул и начал медленно крениться набок, будто столкнувшись с чем-то.

Загомонив и схватившись за оружие, пираты повскакали с мест. В тусклом свете магических светильников замерцали лезвия сабель и кинжалов. Коннар вытащил из-за пояса короткий меч, всем своим видом показывая, что готов. Вот только к чему?

Палуба накренилась ещё больше. Над кораблем прокатился, вибрируя, низкий рык, смешавшийся с истошными воплями дозорного, застрявшего в "вороньем гнезде" наверху. Поднялась суматоха. Моими мыслями завладела исключительно сохранность Камня, лежащего в каюте. Перед глазами живо встала картина: моё сокровище выскользывает из шали, катится по полу трюма, со скорбным плеском проваливается в пробоину и погружается в воду. От ужаса мне стало дурно. Расталкивая пиратов, я кинулась к каютам, едва удерживая равновесие. Коннар что-то крикнул мне вслед, но я даже не обернулась. Оттолкнув пухлого матроса, возникшего на пути, я подскочила к крышке люка и дернула прохладное кольцо на себя, не сразу поняв, почему доски под ногами вновь пришли в движение.

Ноги не удержались на скользкой поверхности. Я неуклюже повалилась на бок, не разжимая пальцев, и больно ударилась локтем. Над головой вновь пронесся рык,

одновременно напоминающий волчий вой, всхлипывание пустынной сайги(79) и рёв тайгора.

Только на этот раз он прозвучал совсем близко от меня.

В поисках источника звука, я обернулась и похолодела, чувствуя, как ладонь, держащая кольцо люка, судорожно сжалась. В паре ударах сердца от меня через борт корабля переваливалась мешкообразная туша, размером с хорошего быка. Шлепая по доскам палубы чем-то, по звуку похожим на мокрую тряпку, она с причмокиванием втягивала воздух.

Матросы кинулись врассыпную от чудовища. Лишь несколько смельчаков попытались навалиться на него и заставить убратся восвояси. Чудище будто бы и не заметило их. Небрежно махнув толстыми отростками лап, оно отшвырнуло от себя матросов с той небрежностью, с какой красноголовка(80) выплёвывает шелуху от шишек. Пираты с проклятиями покатались по палубе, отчаянно пытаясь ухватиться за что-нибудь. Неведомый зверь, издав утробное рычание, неуклюже пополз в мою сторону. Палуба задрожала от колыхания его жирного тела. Пахло гнилью и тухлой рыбой.

Я не закричала. В миг опасности на меня иногда нападало оцепенение, и, вместо того, чтобы спастись, я застывала на месте и загнипотизированно смотрела на угрозу.

Так и вышло на сей раз. Лишь спустя пару мгновений я обрела способность двигаться и говорить. Будучи твёрдо уверенной, что, стоит мне повернуться к нему спиной, как он немедленно в неё вцепится, я кое-как поднялась на дрожащие ноги и попятилась в сторону носа, стремясь оказаться как можно дальше от морской твари. Однако у последней на меня имелись явно другие планы.

Не успела я сделать и пары шагов, как чудище содрогнулось. В мою сторону метнулась одна из его лап, показавшая завидную способность вытягиваться на приличное расстояние. Я отпрыгнула, но, видно, недостаточно поспешно: вокруг голой лодыжки обвилось что-то склизкое и холодное. Я попыталась вывернуться, но тварь оказалась сильнее: сдавив ногу так, что хрустнули кости, она потянула щупальце на себя. Не удержавшись, я упала, а, спустя удар сердца, по коже словно вытянули огненной плетью. Мышцы ноги одеревенели, и она перестала подавать признаки чувствительности.

— Хэлль тебя раздери! — заорала я, пиная тварь свободной ногой и отчаянно нащупывая в палубе щели, за которые можно было бы зацепиться. Напрасно: пальцы скользили, а чудище сосредоточенно подтягивало меня к себе, удовлетворенно порывивая.

Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. У меня перед внутренним взглядом встала лишь туманная пелена горечи и страшной обиды на то, что мне предстоит умереть здесь, на этой грязной палубе, не осуществив свою мечту.

Остров Дракона так и останется недостижимым.

На долю мгновения я совершенно отчетливо увидела перед собой пару синих глаз, горящих, будто огоньки над морем в бурю.

Это придало сил. Я принялась извиваться с удвоенной злостью. Тварь будто и не заметила моих усилий. Напрягая жирное тело и шурша брюхом по доскам, она рывками подтаскивала меня все ближе. Осознав, что помощи ждать неоткуда, я лягнула её в последний раз, вложив в удар все силы, и обреченно прикрыла глаза, ожидая, что на моей лодыжке вот-вот сомкнутся острые зубы.

Этого не последовало. Вопреки невеселым ожиданиям, хватка чудища ослабла, а лапа обмякла настолько, что сама соскользнула с моей ноги. Я осторожно приоткрыла глаза и увидела тварь, неподвижным кулем лежащую в ударе сердца от меня. Её лапа вывернулась в

неестественном положении, и, приглядевшись, я поняла, что она отрублена. На корабельный настил аккуратно струилась тёмная кровь, собираясь в медленно расползающуюся лужу. От неё исходил отвратительный гнилостный запах. Я закашлялась и прикрыла лицо ладонями.

— Это мангор, — небрежно бросил Коннар, выдергивая из туши твари короткий меч. — Обычно они водятся в глубине. Странно, что он решил выбраться на поверхность.

Северянин поднес магический светильник поближе к бездыханному телу, которое еще слегка подёргивалось. В светло-жёлтых отблесках я сумела разглядеть узкие, как сосновые иглы, прорези глаз, нижнюю челюсть, сильно выдающуюся вперед, и острые клыки. При мысли о том, что буквально несколько мгновений назад меня бы легко нанизали на них, я почувствовала дурноту. Кое-как подтянув колено к груди, я принялась растирать ногу, устремив взгляд в пол. Мне не хотелось смотреть в глаза наёмнику, спасшему мне жизнь. От осознания того, что совсем недавно этот самый "спаситель" едва меня не изнасиловал, на душе становилось гадко.

— Оберни ногу тряпкой, вымоченной в солёной воде, — бросил, помолчав, Коннар и отошёл помогать матросам избавляться от тела чудища.

Я не стала смотреть ему вслед.

До каюты меня довёл Андрус, прослышавший о ночном происшествии.

— Правильно говорят, что баба на корабле не к добру, — сказал он, качая головой. Я ковьяляла рядом, ухватившись за любезно подставленный локоть. Пират предложил услуги в качестве носильщика, но я отказалась. Почему-то не хотелось выглядеть совсем беспомощной на глазах у северянина.

Хотя, казалось бы, куда уж беспомощнее.

— Так прикажи выбросить меня за борт! — огрызнулась я, едва не плача от боли: при каждом движении лодыжку будто пронзали раскалённые иглы.

Андрус обиженно посмотрел на меня, вызвав лёгкий укол совести.

— Ты чего такое болтаешь-то, Кошка? Что мне на том свете Том скажет? Это ж я так болтаю, по-стариковски да по-дружески.

Я не ответила. Сегодняшний поступок наёмника поверг меня в некоторое смятение. Он вызвал смутную идею, шевельнувшуюся на границе сознания, но пока чётко не оформившуюся.

Этой ночью — вернее, в тот её отрезок, что остался до рассвета — мне плохо спалось. Я ворочалась на узкой койке, натягивая на себя засаленное одеяло, поминутно проваливаясь в тяжёлую дремоту и тут же выныривая из неё, покрывшись холодным потом. Нога уже не болела, обильно натёртая солью. Остался лишь нестерпимый зуд, словно под кожу забрались тысячи мелких болотных мошек и прогрызли в ней ходы. Я выла, стиснув зубы, и до крови раздирала ногтями лодыжки. Это дарило мимолетное облегчение, но потом зуд возвращался вновь. К тому же, где-то там, на границе сна, меня подстерегали обрывки сновидений, теснясь и толкаясь в гулкой от недосыпа голове. Перед глазами возникала мерзкая морда морской твари, короткий меч Коннара, покрытый липкой кровью, и чёрные глаза наёмника, в которых обида граничила с тревогой.

Как бы мне ни претило это признавать, северянин оказался прав. В одиночку предпринимать путешествие за второй вехой — дело рискованное. А ну как нападение чудища — это только начало? В Ранаханне рядом со мной был верный Дарсан, и, хоть

тайгоров кусок(81) работы проделала я, без помощи юноши пришлось бы туго. А тут выпал такой шанс получить и содействие, и профессиональную защиту абсолютно бесплатно, да ещё и на добровольной основе без нежелательных поползновений с его стороны.

Чем больше я обдумывала эту заманчивую возможность, тем больше она мне нравилась. Останавливало лишь одно: как сказать об этом Коннару, не потеряв лицо и не выглядя при этом полнейшей дурой?

Я перевернулась на правый бок, прикусив согнутый палец.

Буду действовать по обстоятельствам. По крайней мере, способность к импровизации ещё ни разу меня не подводила.

Лучи утреннего солнца всю купались в морских волнах, когда я поднялась на палубу. Моё появление прошло незамеченным: матросы яростно надраивали доски в том месте, где морское чудовище вползло на корабль, Андрус стоял у штурвала, перебрасываясь короткими фразами с боцманом и Акирой, а Коннар неподвижно замер у борта спиной ко мне. Я бесстрастно оглядела его могучий торс и подумала, что, пожалуй, мне пришлось единственно верное решение. Дело оставалось за малым.

— Эй, Кошка! — громко окликнул меня бывший Ворон. Я вздрогнула от неожиданности. — Подойди сюда! Разговор есть.

Я ощутила лёгкое раздражение. Не люблю, когда в мои планы вмешиваются, заставляя отодвигать важные дела. Но Андрус пока ещё капитан на «Крыле ворона», и не стоит забывать, что именно благодаря ему я скоро окажусь в Алдории. Пожалуй, нужно проявить вежливость.

— Хин аш'най, Войге, — тепло улыбнулась я, выполнив просьбу капитана. Тот недовольно поморщился, давая понять, что я не к месту решила блеснуть познаниями в его родном языке.

— И тебе доброго утра, Кошка. Завтра с утра мы подойдем к берегам Алдории, если ветер останется благоприятным. Там мы с тобой и распрощаемся.

— Ты меня для этого сюда позвал? — кротко уточнила я, присаживаясь на моток каната. Андрус вновь метнул на меня гневный взгляд. Похоже, капитан "Крыла" находится не в самом лучшем расположении духа.

— В том числе, — пробурчал он и жестом попросил боцмана удалиться. Тот сбежал с капитанского мостика по лестнице, громко топоча деревянными башмаками. Акира проводил его ничего не выражающими глазами и устремил взгляд на меня, храня гробовое молчание. Я невольно поёжилась и вполголоса обратилась к Андрусу:

— Может быть, стоит отослать и твоего оборотня перед прощанием?

— Он останется, — недовольно бросил капитан. — В конце концов... А, ладно, с этим тянуть нет толку!

Оглянувшись на хайанца, он пошарил за пазухой и торопливо сунул мне что-то. Я обескураженно посмотрела на блеснувший в лучах солнца предмет на ладони. Это был небольшой кулон в виде ольхового листа, в центре которого тускло мерцала капелька жёлтого агата. Металл, из которого был сделан кулон, имел красноватый оттенок.

— Что это? — удивленно спросила я. Странен был не сам выбор подарка, а то, что Андрус так внезапно расщедрился.

— Это тебе на память! — раздражённо сказал Войге. — И в знак уважения к Одноглазому Тому.

— Не лги, — вдруг послышался тихий голос. Пират поперхнулся, побагровев. Я изумленно взглянула на оборотня. До этого ни разу не слышала, чтобы он позволял себе прерывать чей-то разговор. Хайанец коротко поклонился мне, протянув перед собой горизонтально сложенные ладони, и невозмутимо продолжил:

— Этот кулон хранился у Андруса достаточно давно. Честно говоря, я не знаю, где он его достал. Но, увидев тебя, я понял, что предназначение этой вещи — оберегать твой покой...

— Подожди-подожди, — ошеломленно перебила я его. — Что значит "предназначение вещи" и "увидев меня"?

В раскосых глазах Акиры не отразилось не единой эмоции. Речь по-прежнему текла спокойно-размеренно, с заметным хайаньским акцентом:

— Мой народ верит, что любая вещь, появляющаяся в жизни, имеет своё предназначение. Желтый агат уберезет тебя от злых духов и нечистой силы, дурного глаза и ядовитых укусов. Рядом с тобой витает угроза, которая связана не то с тёмным колдовством, не то с чьим-то проклятием. Этот амулет послужит неплохой защитой.

Я поражённо молчала, глядя на оборотня. Его слова воскресили в памяти тварь из Лах'Эддина. Неужели перед гибелью она успела наградить меня сомнительным сюрпризом в виде порчи или сглаза? Или же Акира намекает на другой источник опасности? Во всяком случае, от такого подарка, да ещё преподнесенного из благих побуждений, отказываться невежливо. Выяснение деталей по поводу проклятия можно оставить на потом.

Я сжала пальцы и тепло улыбнулась хайаньцу, повторив его поклон:

— Спасибо. А больше ты ничего не чувствуешь... ну... связанного со мной?

Парень покачал головой:

— Мы чуем только влияние злых духов или вмешательство тёмных сил. Ничего точнее сказать не могу. Купи медную цепочку и носи амулет, не снимая, на левой руке. Уверен, он принесёт тебе не только защиту, но и удачу!

— Брехня это все, — неожиданно взорвался Андрус, о котором я уже успела забыть. — Ну, сама подумай, как какой-то камушек защитит тебя от колдуна? Носи его, как побрякушку, он больше ни на что не годен. Журавлика послушать, так эти его духи день-деньской бродят среди нас, ища, кому бы насолить. Он и мне сегодня с утра все уши пропел, мол, отдай ей эту штуковину, отдай ей эту штуковину!

Войге грязно выругался, сплюнул и умолк. Лицо Акиры осталось непроницаемым, но в глазах мелькнула жалость. Я только вздохнула: наверное, Андрус не верил в свойства оберегов и амулетов. Интересно, как же он тогда общается с литанээ?

Пряча подарок в складках юбки, я вдруг вспомнила последние слова Войге и не удержалась от вопроса:

— Почему это Акира — Журавлик?

— Потому, что я принадлежу клану О'Дзуру, — опередил хайанец капитана с ответом. — Наш тотем — журавль(82).

Он закатал рукав тёмно-синей рубахи и продемонстрировал правую руку. На внутренней стороне локтя красовалась красная татуировка: танцующий журавль, запрокинувший голову с полуоткрытым клювом.

Андрус на это угрюмо промолчал, а я не стала продолжать расспросы.

Готова поклясться, что полное имя Акиры — Акира О'Дзуру-тэн(83). И это объясняло ту легкость, с которой он отправился в морское путешествие.

Хайаньские кланы оборотней весьма неохотно воспитывают своих незаконнорожденных отпрысков и стремятся избавиться от них при любом удобном случае.

Я легко сбежала по ступенькам капитанского мостика на палубу. Матросы уже разошлись, но Коннар всё ещё стоял, тяжело навалившись на борт. Бриз шевелил чёрные волосы, змеями разметавшиеся по широким плечам. Напряженная спина без слов говорила о том, что северянин, как и Андрус, сейчас совершенно не в духе. Моих планов это не отменяло. Глубоко вздохнув, я подошла к наёмнику, встала рядом, облокотившись спиной о борт, и лучезарно улыбнулась.

Коннар медленно повернул голову, еле слышно хмыкнул, отодвинулся и вновь устремил взгляд на бегущие мимо "Крыла Ворона" волны.

— Хороший сегодня денек, правда? — непринужденно сказала я.

— Чего тебе надо, Кошка? — мрачно спросил бывший капитан стражи калифа, всем своим видом демонстрируя, что не разделяет моего веселья.

Я рассмеялась. Наверное, чересчур звонко, потому что Коннар поморщился.

— Почему я не могу просто так подойти и начать разговор? Обижаешь, капитан. Впрочем, ладно, сознаюсь, — я подняла ладони в знак примирения. — Я пришла поблагодарить тебя за спасение моей жизни. Удивительно, что на этом корабле оказался только один человек, способный на такой смелый поступок.

Я чувствовала себя мерзко. Точь-в-точь актриса на сцене захудалого балагана, играющая плохую роль. Слова были насквозь надуманными. Я не выносила лести и лицемерия, но в данном случае было необходимо смягчить северянина прежде, чем приступить к сути дела.

— Надо думать, — нехорошо усмехнулся наёмник. — На этой посудине собралось сплошное отребье, не способное даже сделать шаг навстречу опасности!

Я тихо возликовала: похоже, моя лесть подействовала. Коннар разговорился. Хороший знак.

— Благодарность принята, — кивнул северянин. — У тебя всё?

— Да, пожалуй, — лениво протянула я, откинувшись назад и полуприкрыв глаза, внимательно наблюдая за собеседником. Черты его лица исказило жестокое разочарование. Я поняла, что решающий момент настал, и безразлично повторила:

— Пожалуй, всё. Право, о чём ещё можно говорить, ведь ты, кажется, твёрдо передумал сопровождать меня в Алдорию.

Коннар вскинул на меня глаза так стремительно, что дикий рогач, перед носом которого помахали букетом аланий, умер бы на месте от зависти(84). Я спокойно выдержала его горящий взгляд, лучезарно улыбаясь.

— Что это ещё за игры, Кошка? — хрипло спросил наёмник. — Если не ошибаюсь, именно ты первой отказалась от моего предложения!

— Каждый имеет право на ошибку, — промурлыкала я, одаривая северянина самым ласковым взглядом, на который только была способна. Внутри бушевала ущемлённая гордость, требующая немедленно прекратить этот фарс. Я жёстко наступила на неё, строго сказав себе, что конечная цель оправдывает любые средства. Почти любые.

Густые брови северянина сшиблись на переносице. Он процедил сквозь зубы:

— Любопытно. Ты слишком резко изменила своё мнение. Сдается, не узнай ты о том, что со мной сделал твой дружок, на меня бы и не взглянула. Это так? Отвечай!

Последнее слово он оглушительно рявкнул. Я невольно отступила на шаг, но тут же

овладела собой.

Я больше не боялась его. То ли это была заслуга Кристиана, то ли беспомощность северянина передо мной добавила храбрости, но теперь я могла безбоязненно смотреть наемнику в глаза, не заботясь о его реакции. Пожав плечами, я спокойно произнесла, проигнорировав его вопрос:

— Просто показалось, что в путешествии мне и впрямь будет одиноко. Да и твой последний поступок несколько изменил моё мнение о тебе. Он почти убедил, что я могу доверить тебе жизнь.

Это уже была правда. Но безбожно приукрашенная.

Северянин опустил голову и стиснул массивные кулаки. В тишине слышалось только его шумное дыхание. Я терпеливо ждала.

— Ты и впрямь настоящая ведьма, Кошка, — сумрачно выдавил он наконец. — Я не знаю, что ты делаешь со мной, как играешь, будто кошка с мышью, но от своего слова отступить не могу.

Оттолкнувшись от борта, он опустился на одно колено, прижал правую руку со сжатым кулаком к груди и медленно проговорил, пристально глядя мне в глаза:

— Я клянусь защищать и оберегать тебя до тех пор, пока ты сама не освободишь меня от данного слова, или же я не паду в бою. Принимаешь мою клятву?

Я сдержанно кивнула, не испытывая никакого благоговения. Это была обычная клятва наёмников перед их временным господином. Правда, после этого полагалось ударить по рукам, но ввиду определенных обстоятельств, северянин не стал протягивать мне ладонь. Очевидно, решил, что это пойдет вразрез с моим желанием.

В этом он не так сильно погрешил бы против истины.

Мы закрепили соглашение короткими поклонами. Даже без рукопожатия слово наёмника являлось нерушимым. Отныне я могла не опасаться предательства или хитрости с его стороны.

— Встретимся на палубе, когда "Крыло" подойдет к причалу, — коротко бросила я напоследок и поспешила к каюте — собираться в дорогу.

— Не бойшься, что чары твоего дружка скоро спадут? — насмешливо крикнул вслед Коннар. — Уж тогда ты никуда от меня не денешься!

Я застыла на месте, будто пораженная молнией. Эта мысль раньше не приходила в голову. Но начало положено, и отступать уже поздно. Что-то подсказывало, что на Кристиана можно положиться, и я расхохоталась в ответ:

— Думаю, что к этому моменту я буду уже далеко!

Лиэнн — один из самых дальних от столицы южных портов Алдории встретил нас буйством красок, многолюдностью и пестротой цветов. В их благоухании утопали многоярусные дома, облепившие холмы, начинающиеся неподалёку от побережья.

— Даже не верится, что в такой красоте ведется торговля людьми, — задумчиво пробормотала я, наблюдая, как неумолимо сужается полоска воды между "Крылом Ворона" и причалом.

Коннар, статуей застывший за спиной, сохранил ледяное молчание. Толстый пират, тот самый, что просил меня спеть, миролюбиво заметил, проходя мимо:

— Брось, Кошка. В этой жизни всегда так: либо торгуешь ты, либо торгуют тобой!

Довольно загоготав, он пошел дальше. Вздрогнув от отвращения, я уставилась вперёд.

Когда "Крыло Ворона" пришвартовалось, и на доски причала бросили трап, ко мне подошел Андрус. Его лицо выглядело ещё более недовольным и припухшим. На сей раз Акиры с ним не было.

— Прощай, Кошка, — пробасил он, источая запах лэя. — Не слушай ты, что там нёс Журавлик. У их братии вечно какие-то странности на уме. Имей в виду, я буду проходить мимо этих берегов через пару лун(85). Если не уедешь отсюда, могу прихватить с собой.

— Спасибо, Андрус, — улыбнулась я старому пирату. — Об этом не забуду. Прощай и передай мой поклон Жу... Акире. Как бы то ни было, кулон мне понравился.

Бывший кочевник пробормотал что-то неразборчивое, но я уже спрыгнула на алдорскую землю. Могучий северянин молчаливой тенью скользнул следом.

76 — **Торосс** — страна вечных льдов на севере первого материка;

77 — **ракшасы** — разумная раса. Внешне похожи на очень высоких худых людей с непропорционально длинными руками, черной кожей и ярко-оранжевыми глазами. Имеют способность сливаться с окружающей средой, как хамелеоны;

78 — традиционный у северных народов жест, отгоняющий демонов и злых духов;

79 — нелетающая пустынная птица размером с тыкву. Брачный крик самца пустынной сайги похож на всхлипывающие рыдания;

80 — **Красноголовка** — небольшая птица с раздвоенным клювом, питающаяся шишками и орехами;

81 — аналог — "львиная доля";

82 — хайаньские кланы оборотней разделяются по принадлежности к тому или иному тотему — духу-защитнику клана;

83 — кланы оборотней-рысей, как правило, растят бастардов до определённого возраста, а затем изгоняют их. Красный цвет татуировки, изображающей клановый тотем, и постфикс "-тэн" — знак принадлежности обладателя к бастардам;

84 — **дикий рогач** — травоядный зверь, похожий на чёрного быка с двумя парами рогов. Запах алании — горного цветка с мелкими ярко-красными соцветиями и пушистыми листьями — сводит его с ума и заставляет впадать в неистовое бешенство;

85 — лунных циклов;

Решив перекусить и выработать дальнейший план действий, мы сидели в портовой таверне «У наяды». Таверна не отличалась каким-то особенным порядком или уютom, но народ туда не спешил, а значит, мы могли не опасаться лишних ушей.

Бывший капитан ранаханнской гвардии сидел напротив меня, скрестив на груди могучие руки и пристально глядя в глаза. На его лице была написана насмешка, разбавленная снисхождением: так старый тайгор смотрит на беспокойно вертящегося у его лап котенка, раздумывая, прихлопнуть мальчика сразу или подождать. Я хранила спокойный, чуть отстраненный вид, мягко улыбаясь ему. Коннар насуплено хмурил брови, значит, моя улыбка действовала ему на нервы. Подавать вид, что я напугана или растеряна, нельзя ни в коем случае: это лишь раззадорит его и укрепит в уверенности, что он полноценный хозяин положения. Я пыталась определиться с манерой поведения: рядом со мной находился уже не растерянный Дарсан, боявшийся каждого слова, а закалённый в боях воин, одного неосторожного движения которого хватило бы, чтобы с лёгкостью снести мне голову. Разговор с ним походил на прогулку по полю с огнецветами(86) — шаг в сторону, и неосторожный путник останется без ноги.

Признаться, я уже жалела о том, что ввязалась в эту авантюру с северянином. Раньше я никогда не имела дела с наёмниками и не представляла, насколько далеко распространяются права в отношении него. Вдобавок, я никак не могла разобраться с эмоциями, которые Коннар у меня вызывал. С одной стороны, он спас меня от мангора, с другой — стойкая неприязнь, кипящая внутри, упорно перебивала все зачатки благодарности.

Убьёт ли он, если я ему прикажу? Ограбит первого попавшегося, на которого укажет мой палец? Стоило раз и навсегда прояснить все вопросы, а также дать понять, что я его госпожа, пусть и временная, чтобы он не держал себя со мной, будто с провинившейся служанкой.

Я отпила разбавленного лэя, поморщившись от кислого вкуса, чуть отдающего плесенью, и, внутренне собравшись, вкрадчиво начала:

— Перед тем, как мы куда-то отправимся, я бы хотела обсудить кое-какие детали.

Коннар откинулся на спинку скамьи и скептически вскинул чёрные брови, мол, давай, обсуждай. Я продолжила, чуть повысив голос и стараясь не обращать внимания на выражение его лица:

— Признаюсь честно: мне в новинку путешествовать вместе с тем, кто присягнул мне на верность. Пусть я и не плачу тебе, но всё же хочу знать: насколько далеко можно зайти, приказывая тебе сделать что-то?

— Я поклялся защищать тебя, — пожал плечами наёмник. — Если твоей жизни будет угрожать серьёзная опасность, я сделаю всё, чтобы её отвести.

— Даже убьёшь?

Губы Коннара вновь искривила снисходительная усмешка:

— Даже убью. Только не воображай, что я буду резать глотки направо-налево только потому, что тебе этого захотелось. Я не хорь(87), и никогда не буду пачкаться ненужной кровью!

Я перевела дух. У бывшего капитана, несмотря ни на что, всё же имелось какое-никакое благородство.

— Мне не нужны чужие жизни. Просто я не уверена, что задуманное мной пройдет гладко. Именно поэтому я и решила удостовериться в твоих возможностях.

Северянин дёрнул плечом и, запрокинув голову, одним махом выпил всё содержимое своей кружки. После этого он со стуком поставил её на стол и вновь воззрился на меня начинающим тяжелеть взглядом.

— Кстати, об этом, — хрипло проговорил он. — Ты не сказала мне, куда мы направляемся, а просто притащила в эту дыру. Так и будешь держать меня в неведении или всё-таки попробуешь научиться мне доверять?

Я заколебалась. С одной стороны, открывать карты было рановато, с другой — не сообщая подробностей, я рисковала нарваться на серьезную обиду с его стороны, что существенно осложнило бы наше дальнейшее путешествие.

В конце концов, я же не обязана посвящать его во все тонкости моего плана.

— Нам нужно перебраться в Корниэль, — уклончиво ответила я. — Там находится библиотека, а в ней хранится то, что мне нужно.

— Не скажешь, что именно? — сумрачно уточнил наёмник, не сводя с меня глаз. Я отрицательно покачала головой.

— Это всё, что тебе нужно знать.

Коннар мрачно кивнул, оглянулся на стойку трактирщика и внезапно хлопнул широкой ладонью по столу, рявкнув при этом так, что я невольно вздрогнула:

— Ещё лэя! И если это будет такое же пойло, как и в прошлый раз, я залью его тебе в глотку и заставлю поить свиней изо рта!

Трактирщик — сухопарый мужчина с округлым животом — заметно побледнел и, заискивающе закивав, ринулся за стойку. Оттуда донеслось позвякивание бутылок.

"Наверное, не привык иметь дела со вспыльчивыми северянами", — безразлично подумала я, наблюдая, как ходят желваки на скулах моего спутника. Интересно, что его так взбесило? Неужели моё нежелание откровенничать? Так или иначе, мне тоже поневоле придется привыкать к его тяжёлому характеру.

На столе возникли две кружки, до краев наполненные напитком, чей аромат не шёл ни в какое сравнение с вонью предшественника. В воздухе витал запах молодой листвы с едва уловимым грушевым оттенком. Я догадалась, что ради нас хозяин "Наяды" откупорил бутылку дорогого ирли-лэя(88) явно из своих личных запасов. Наёмник коротко кивнул, мол, давно бы так, и пододвинул одну из кружек к себе. Я последовала его примеру. Ирли-лэй и впрямь оказался восхитительным: сладковато-терпкий вкус и пряное послевкусие придали сил и улучшили настроение. Коннар смягчился и уже не смотрел на меня зверем.

— Как ты планируешь добраться до Корниэля? — вкрадчиво спросил он. Я сладко потянулась и подавила зевок: от спиртного клонило в сон.

— Скачок драконицы, — пояснила я. Северянин вновь помрачнел.

— Что-то не так?

— Не доверяю я этим скачкам, — выдавил он, не глядя на меня. — Три года назад мой друг и я... В общем, нам нужно было как можно быстрее убраться из одного места. Неподалеку находилось стоянка дракониц, ну, и... Я перенесся благополучно, но Арман... мой друг...

Коннар вздохнул, отодвинул кружку и глухо продолжил, уставляясь в окно:

— Когда он появился, я сначала не понял, что случилось. На нём не было лица. Не было лица в прямом смысле, понимаешь, Кошка? Кожа слезла с него как перчатка. На меня смотрел череп, обтянутый кровоточащим мясом!

Мне стало не по себе.

— Я поняла. Не продолжай.

— Он упал на землю и больше не поднимался, — жёстко сказал Коннар, не слышавший или не пожелавший услышать мою фразу. Помолчав немного, он перевел на меня потемневшие от воспоминаний глаза и веско подытожил, будто рубанув сплеча:

— Вот почему я не доверяю скачкам. Есть другой путь?

Я почувствовала лёгкое раздражение и ответила резче, чем хотелось бы:

— Есть — по реке. Но вот в чём загвоздка: моё дело не терпит отлагательств. Нравится ли это тебе или нет, но мы отправимся драконицами. Твоего друга жаль, не спорю. Я не знаю, что с ним произошло, но знаю, что такие случаи единичны. Это моё последнее слово.

В воздухе повисло напряжение. Коннар прищурился и скорее прошептал, чем проговорил:

— Ведьма.

— Напомни, пожалуйста, кто из нас наёмник, а кто господин! — ласково промурлыкала я.

Стук дверной щеколды не дал нашей перепалке перерасти в крупную ссору. В "Наяде" появились двое: жилистый мужчина в запалённых, потрепанных штанах и залатанном кафтане и его спутник — крепкий парень в щеголеватой белой рубаше и кожаных бриджах, заправленных в шнурованные сапоги. На прилизанных волосах последнего плотно сидела широкополая шляпа, а на поясе висел, покачиваясь, пристёгнутый к ремню кнут. Поприветствовав хозяина, он с видом превосходства оглядел таверну. Его взгляд остановился на мне, и, расплывшись в восхищённой улыбке, он отвесил шуточный поклон, приподняв шляпу. Его спутник лишь безучастно пожал плечами и направился к самому дальнему столу.

Коннар стиснул кулаки и начал подниматься из-за стола. Я поспешила остановить его.

— Успокойся! Не стоит кидаться на каждого, кто на меня посмотрит.

Я легко кивнула щеголю и напустила на себя безразличный вид. На лице парня отразилось недоумённое разочарование, и он ретировался к своему спутнику.

— Знаешь, кто это, Кошка? — перегнувшись через стол, уточнил северянин. — Этот, с кнутом — работорговец. Имени не знаю, но встречал пару раз, когда наведывался в Набию. Мерзкий тип, из тех, кто полосует рабов за малейшую провинность. Второй мне незнаком, но, думаю, эти двое — волки из одной стаи.

Я вздохнула. К работорговцам я относилась прохладно, но без ненависти. В конце концов, каждый зарабатывает на жизнь так, как умеет. Занятия других — не моё дело, любому мерзавцу рано или поздно всё содеянное вернется сторицей.

— Мне абсолютно безразлично, кто они и что здесь делают. Нас это не касается. Я просто прошу тебя впредь не бросаться в бой, не дождавшись моего одобрения. Мне не нужны неприятности!

Наёмник фыркнул, но промолчал. Я вновь покосилась на незнакомцев: они сидели, близко придвинувшись друг к другу, и рьяно что-то обсуждали. Тот, кого Коннар назвал работорговцем, то и дело бросал на меня заинтересованные взгляды. Перехватив мой, он толкнул спутника в бок и без зазрения совести ткнул пальцем в мою сторону. Эта бестактность мне совершенно не понравилась. Я повернулась к северянину:

— Думаю, стоит поторопиться. Перед скачком я хотела бы заглянуть к местному портному и подобрать себе приличное платье. В том, что надето на мне сейчас, появляться в Корниэлле не то, что стыдно, но и опасно.

— Хочешь, чтобы я побыл в роли твоего носильщика? — усмехнулся Коннар. Я пожалала плечами:

— Это не обязательно. Можешь ожидать меня в порту. Не думаю, что выбор платья займёт много времени.

— Надеешься от меня избавиться? — хмыкнул наёмник, вставая со скамьи и поправляя на поясе короткий меч. — Не дождешься, Кошка. Если я дал клятву, то буду следовать ей до конца. Если хочешь поторопиться, тогда предлагаю идти. Мы и так засиделись слишком долго.

В Лиэнне всё дышало приближающимся летом, цветом и благоухая. Низенькие глинобитные дома увивал плющ и дикий виноград, а васильковая синева неба, глубокого, как перевернутый купол, будоражила сердце. В такой обстановке мысль о том, что совсем рядом клокочет и бурлит рабовладельческое гнездо — Большой Базар Лиэнна — отравляла всю радость существования, а в аромате огромных, как блюдца, наирий(89) мерещился запах гнили и разложения. Базар находился в восточной части города и тянулся по его краю, как уродливая опухоль. К счастью, место, куда мы направлялись, лежало в противоположной стороне. Я втайне радовалась этому.

— Думал, что перед тем, как отправиться в торговые ряды, мы заглянем на стоянку дракониц, — будто размышляя вслух, произнёс Коннар. Как и положено верному телохранителю, он держался на полшага позади, зорко оглядывая окрестности и не забывая время от времени высказывать замечания. Прохожие — по большей части, женского пола — провожали массивную фигуру северянина заинтересованными взглядами. Молодые девушки, державшиеся группками по три-четыре человека, либо густо краснели, либо сбивались плотнее друг к другу и начинали возбуждённо перешёптываться, несмело показывая пальчиками в сторону наёмника. Я внимательно присмотрелась к их одежде, отметив про себя детали фасона. Они носили длинные платья с неглубоким квадратным вырезом и широкой юбкой, начинающейся прямо под грудью. Волосы же почти у всех были забраны наверх, составляя красивую причёску — "корону" из косы, кругом уложенной на затылке.

— Кажется, ты пользуешься успехом, — увильнув от прямого ответа на вопрос, шутливо сказала я. Ситуация забавляла. Ужимки девушек, каждая из которых была ненамного младше меня, казались глуповатыми. Как бы ни силилась, я не могла представить себя на месте одной из них — это означало полнейший крах самоуважения.

Северянин хмыкнул.

— Так всегда бывает. В этом мы с тобой схожи. На мужчин ты действуешь так же. Эти глупышки не стоят и одного твоего...

— Я хочу сначала купить всё необходимое, а потом раз и навсегда покинуть Лиэнн! — громче, чем надо было, перебила я, испугавшись, что он начнет развивать начатую тему и вновь вынудит пускаться в изнурительные объяснения.

— Как скажешь, — кратко бросил Коннар после паузы и умолк. На сей раз надолго.

Лиэннские Торговые Ряды в отличие от Базара, который был беспорядочным скопищем грязных палаток и шатров, представляли из себя длинную, пронизывающую почти всю

северную окраину города, улицу. По обе стороны мощёной дороги громоздились трёхэтажные дома, поставленные так близко друг к другу, что между ними почти не оставалось просвета. На первых двух этажах шла оживлённая торговля; на третьем, как правило, проживали сами торговцы. Говорят, бывало так, что в одной и той же комнатухе сменялось несколько поколений торгового люда, не высывавшего нос дальше Рядов. На этой улице я была лишь однажды вместе с Соколом, что и позволило быстро отыскать Ряды. Как и раньше, они меня оглушили.

Через Лиэнн пролегал один из основных алдорских торговых путей, начинающийся от порта и тянущийся вглубь страны, по Лиэннско-Бертоновскому тракту. По этому пути в страну стекались товары из многих стран: ранаханские торговцы везли шелка и драгоценности; их шаракские(90) коллеги — мешки пряностей и благовоний; выходцы из мелких северных стран и княжеств — бивни и меха. Попадались даже хайанские торговцы жемчугом, но крайне редко. Уроженцы этой страны предпочитали держать лавки в алдорских городах, а не скитаться по торговым трактам, рискуя жизнью, товаром и кошельком.

В Торговых Рядах оседала малая толика привозимого, зато выбор был велик и разнообразен. Местные торговцы закупали у проезжающих сородичей товары небольшими партиями и по дешёвке, разбавляя выбор местными диковинами: лиэннской хлопковой тканью и поделками из стекла. Вот и получалось, что, зайдя наугад в одну из лавок, можно было запросто сойти с ума от непривычки. Кипы тканей и гроздь бус соседствовали с россыпями пряностей, гирляндами восточных сладостей и блестящими переливами шёлка. На улице легче не становилось: каждый торговец считал своим долгом стоять у двери и зычно зазывать толпящийся народ, перекрикивая конкурентов. Особенно наглые даже пытались хватать за руку и тащить в свою лавку, но присутствие Коннара моментально отбивало это желание.

— Зайдите ко мне, госпожа! Дханаямом(91) клянусь — таких тканей вы не встретите больше ни по ту, ни по эту сторону континента! — надрывался тощий как жердь торговец, по плечи замотанный в расписную парвани(92).

— Твои ткани годны только для устилания коровников, — насмешливо ответил сосед, с лёгкостью перекричав его. — Ко мне, ко мне, госпожа! У меня закупает украшения сам король, но перед вашей красотой они меркнут!

Дойдя до середины Рядов, я обречённо заткнула уши. Сориентироваться и выбрать что-то в таком гвалте казалось невозможным. Мне чудилось, что стоит только ступить за порог какой-нибудь лавки, как налетевшие продавцы разорвут меня в клочки подобно стервятникам.

Я уже совсем отчаялась, когда увидела неприметную лавочку с запylёнными окнами и жестяной вывеской над дверью, изображающей портновский нож. Это был единственный дом в Рядах, хозяин которого не лез вон из шкуры, стараясь заполучить к себе как можно больше посетителей. По правде сказать, и хозяина-то рядом не было. Лишь покачивалась чуть приоткрытая дверь. Обрадовавшись возможности немного перевести дух в тишине, я махнула рукой в сторону лавки:

— Туда! — и первая стала продираться сквозь толпу.

— Пропусти меня вперёд! — резко потребовал северянин и, не дождавшись моего ответа, легко оттеснил прохожих в сторону, шагнув за порог первым. Возмущение, взметнувшееся во мне, мгновенно улеглось, когда я вспомнила, что нанимала Коннара для

охраны. Лишняя осторожность с его стороны не помешает.

В лавке было сумрачно. Затянутые пыльной пленкой окна пропускали мало солнечного света, отчего очертания предметов расплывались и тонули во мраке. Я нерешительно остановилась на пороге, вдыхая затхлый воздух, в котором витали слабые ароматы лаванды, а северянин хозяйским шагом прошел вглубь, скрипя половицами и внимательно оглядываясь.

— Ни Хэлла не видно! — выругался он. Его перебил резкий женский голос:

— Я могу вам чем-то помочь?

Наёмник выхватил короткий меч. Помещение озарил ярко-жёлтый свет магического светильника, который держала в руках женщина, стоявшая в дальнем углу комнаты. Она была уже немолода: смуглое лицо бороздили морщины, а в прямых чёрных волосах, шалью окутывавших её плечи, пролегли седые нити. Женщина держалась прямо, будто проглотив жердь. Свободный бордовый балахон, подпоясанный золотистым шнуром, волочился за ней по полу.

— Повторяю вопрос, — жёстко сказала она. — Что вы делаете в моей лавке?

— Я заметила вашу вывеску, — поспешно сказала я, не дав Коннару вымолвить ни слова. — Ищу портного или торговца, у которого могла бы купить хорошее готовое платье. Мне нужно не роскошное, но удобное. Такое, которое не рассыпалось бы после дня носки. Оно обязательно должно быть местного покроя и фасона!

Женщина повернулась и смерила меня оценивающим взглядом. Заглянув в её глубокие тёмные глаза, я поёжилась и почувствовала себя очень неудобно. Будто бы вернулась в пору своего пятилетия и стояла перед матерью, ругающей меня за разлитое молоко.

— Есть такие платья, — медленно произнесла хозяйка лавки, не сводя с меня глаз. — Пожалуй, я подберу то, что вам понравится.

Она поставила светильник на круглый стол у окна и указала на небольшое кресло рядом:

— Присаживайтесь. Сейчас принесу то, что есть. А вам, — она беззастенчиво ткнула пальцем в сторону Коннара, которому едва доставала до плеча. — Лучше убрать свою железку, выйти и подождать снаружи.

— Да как ты... — начал побагровевший от ярости наёмник, но я вмешалась:

— Побудь на улице. Уверена, здесь мне ничего не грозит. Случись что, я крикну.

Наёмник с лязгом задвинул меч в ножны и, процедив: "Надеюсь, ты знаешь, что делаешь", исчез, хлопнув дверью. Хозяйка тоже ушла.

Я проводила Коннара взглядом и спокойно опустилась в тесноватое кресло. Несмотря на первоначальную робость перед незнакомкой, опасности я не чувствовала. Скорее, любопытство и здоровый интерес. Мне впервые представилась возможность осмотреть внутренности лавки. Чем-то она напомнила комнату литанээ Мика. С тем исключением, что вместо разнообразного барахла здесь громоздились кипы аккуратно свернутых в рулоны тканей, а по стенам висели пахучие мешочки с лавандой. Скорее всего, для отпугивания моли. Пока я осматривалась, вернулась хозяйка, неся несколько платьев, шуршащих по полу длинными юбками. Мельком взглянув на меня, женщина небрежно бросила их на стол, выудила из общего вороха одно и продемонстрировала мне, держа перед собой на вытянутых руках.

Из общения с торговцами всех видов и мастей я твёрдо усвоила одно: никогда и ни под

каким видом нельзя выражать свой восторг по поводу товара. Неосторожное восхищённое восклицание — и цена взлетает до небес, а сбить её становится крайне сложно.

Именно поэтому, когда передо мной заколыхался невероятно красивый, отделанный жемчугом и золотой вышивкой наряд, точь-в-точь повторяющий фасоны местных жительниц, я сохранила на лице отрешенно-скучающее выражение. Нарочито небрежно оглядев платье, покачала головой.

— Не подходит.

Хозяйка нахмурилась, но промолчала. Отложив забракованный вариант, она вытащила второй, ещё роскошнее. Передо мной предстало светло-розовое, как закат, платье, покрытое тончайшей серебряной паутинкой вышивки, представляющей из себя узор из мелких крестиков. В ответ на безмолвный вопрос я тяжело вздохнула:

— Не то. Совершенно.

На самом деле это платье понравилось мне с первого взгляда, но восторженные фантазии о том, как неотразимо я бы в нём выглядела, в корне пресекались одной-единственной мыслью: в Корниэлле должна появиться не сногшибательная красавица-богатеяка, а ничем не примечательная жительница южных окраин. Такая вызовет гораздо меньше интереса, и вряд ли кому-нибудь запомнится.

— Может быть, померяете хоть что-нибудь? — не скрывая нетерпения, раздражённо спросила хозяйка. — Или вы пришли сюда просто поглазеть? Я таких не люблю.

Её тон меня удивил. Обычно торговцы общаются с посетителями, придерживаясь льстительно-вкрадчивых интонаций, даже если в глубине души они терпеть не могут клиента. Я же натолкнулась на почти неприкрытую враждебность. Нарываться на ссору не хотелось, и я решила уладить всё мирным путем:

— Я думаю, нам не стоит спорить. Возможно, мы просто недопоняли друг друга. Я постараюсь объяснить более подробно, что хочу. Видите ли, мне нужно платье, но самое простое, которое позволило бы не выделяться из толпы и не привлекать лишних глаз. Прошу прощения, если чем-то обидела вас в начале нашего общения, и искренне надеюсь на вашу помощь.

Говорить многословно и цветисто, при этом приятно улыбаясь, меня научил Сокол. "Мягкая лесть и обходительность откроют гораздо больше замков, чем грубая сила", — любил повторять он.

Хозяйка долго молчала, всматриваясь мне в лицо. Наконец, уголок её губ дернулся, а неприступное выражение лица смягчилось.

— Маритт, — бросила она.

— Что? — удивилась я.

— Маритт, — с нажимом повторила женщина. — Так меня зовут. Извини, если была резка. Обычно в мою лавку заглядывают только те, кто хорошо знает меня или кого хорошо знаю я. Случайные посетители вроде тебя забредают очень редко. Я этому рада: мне, как и тебе, ни к чему лишние соглядатаи.

— Мелиан, — представилась я. Её неожиданное откровение и резкий переход на "ты" сбили меня с толку. — Так вы покажете мне то, что я прошу?

Маритт кивнула и вновь исчезла за дальней дверью. Когда она вернулась, в руках было именно то, что я искала: светло-серое платье, украшенное только чёрной шёлковой ленточкой, нашитой под грудью, и незатейливым цветочным узором того же цвета, пущенным по краю подола.

— Примерь, — произнесла женщина, протягивая платье. — Не боги вещь что, конечно, но лучше, чем ничего.

Видимо, Маритт была опытной портнихой потому, что платье село, как влитое, а бесстрастное зеркало отразило преображенную меня, почти неотличимую от местных жительниц. Разницу составляла лишь прическа: нужно было придумать, как заколоть волосы в ту самую "корону", столь любимую встреченными нами местными девушками.

Я попыталась собрать что-то похожее на затылке, но потерпела неудачу: пряди рассыпались по плечам. Маритт, молча наблюдавшая за моими мучениями, снисходительно улыбнулась:

— "Венок Бриссы" делается просто. Если хочешь, могу помочь. Не волнуйся, я не возьму с тебя за это лишнего медяка. Просто стой неподвижно.

— Бриссы? — уточнила я, наблюдая в зеркало, как женщина возится с моими волосами. Её руки действовали слаженно и ловко, быстро выстраивая прическу из беспорядочных прядей.

— Богиня зимы. Говорят, что она носит на голое волшебный венок, в который воткнуто веретено, помогающее управляться с метелью.

Помолчав, она добавила:

— Спасибо, хоть веретеном не украшаются.

— Я знаю, кто такая Брисса, — почти одновременно с ней выпалила я. — Просто удивило, что жительницы Лиэнна, южного города, вдруг решили почитать богиню зимы!

Маритт пожала плечами — это их дело. Заколов последнюю прядь, она отступила на шаг назад, довольно оглядывая своё творение, и удовлетворённо кивнула:

— Вот теперь хорошо.

Я наклонилась к зеркальной поверхности, придирчиво оглядывая себя и восхищаясь мастерством угрюмой хозяйки лавки. Преображение в жительницу Лиэнна закончилось. Надеюсь, в Корниэлле не встретятся излишне любопытные люди, которым вздумается выведать всю мою подноготную.

— Если надумаешь назваться лиэннийкой, — вдруг тихо проговорила Маритт. — Веди себя более скромно. В этом городе девушки не смеют смотреть так смело и прямо, как ты. И ладони старайся держать в рукавах. У нас считается неприличным выставлять их напоказ.

Я замерла. Сердце захолонуло. Неужели я чем-то выдала себя? Украдкой взглянув в зеркало, я поймала внимательный взгляд Маритт.

— С чего вы взяли, что я собираюсь кем-то притворяться? — возмутилась я, с ужасом чувствуя, как фальшиво это прозвучало. — Просто мне нравится местная манера одеваться и причёсываться во...

— Твои заботы — это только твои заботы, мне они неинтересны, — перебила женщина. — Ты мне понравилась, и я хочу тебя предостеречь на всякий случай. Теперь собирайся и уходи. С тебя причитается тридцать восемь серебрушек.

Резко взмахнув юбкой, она удалилась. Я поспешила следом.

Маритт стояла, опираясь костяшками пальцев на круглый стол, задумчиво глядя в мутное окно. Ощущая робость перед этой странной женщиной, я отсчитала требуемое и осторожно пододвинула к ней поблескивающую горку монет.

— Спасибо за всё! Старую одежду я оставляю здесь. Можете её сжечь.

— Будь осторожна, — ровным голосом произнесла хозяйка лавки. — Когда-то мне тоже

пришлось убегать. Я помню весь тот страх, что преследовал меня. Никакие гончие в мире не сравнятся с тем, что грызёт тебя изнутри.

— Боюсь, я вас не совсем понимаю, — протянула я. Столь внезапное откровение удивило меня. — Уверяю, я ни от кого не убегаю. По крайней мере, пока!

— Я ненавижу этот город, — глухо процедила Маритт, не отрывая глаз от окна. — Эти душные дома, этих напыщенных жителей, это палящее солнце...

В её голосе прозвенели нотки плохо скрываемого безумия. Я опасливо попятилась к выходу, гадая, успею ли я закричать. Женщина продолжала:

— Я живу здесь уже тридцать лет. Тридцать лет вдали от детей, которые даже не знают своей матери. Вдали от родных мест. И до сих пор по ночам я просыпаюсь в страхе, ожидая, что откроется дверь, и на пороге появится он.

— Кто? — осторожно уточнила я, оглядываясь через плечо на выход. Маритт коротко хохотнула:

— Мой муж. Знаешь, откуда я?

Она уставилась на меня. Я вынужденно покачала головой. Наверное, все мои эмоции отразились на лице, потому что хозяйка уже спокойнее произнесла:

— Ты меня боишься? Не стоит. Это лишь воспоминания. Твоё появление их пробудило!

Она отошла от стола и нервно заходила по комнате, покусывая губы. Слова полились из неё бесконечным потоком, перемежаясь истерическими всхлипами:

— Ты слышала о горских поселениях в Мраморных горах? Я родилась в одном из них. Мы строили дома прямо на отвесных склонах, как гнезда ласточек. Если ребенок появляется на свет хилым, его выбрасывают вниз прямо из окна. Мне повезло родиться здоровой, а вот в другом не повезло.

Остановившись на мгновение, она отрывисто взглянула на меня невидящими глазами и возобновила своё хождение.

— Такие, как я, считаются проклятием для всей деревни. Их либо приносят в жертву Осу, богу гор, либо отдают тому, кто изъявит желание. Обычно таковых не встречается. Мало кому захочется иметь дело с проклятой. Но на мою долю нашелся один — полоумный Халитт. Ума у него и впрямь не доставало, зато жестокость была в избытке. Он взял меня в восемь лет, а в десять я уже родила ему двоих детей.

Я невольно прижала ладонь к губам. Её рассказ показался мне страшной сказкой. О горских племенах я знала немного, но представить подобное было сложно.

— А в чём заключалось ваше проклятье? — не утерпела я, выхватив паузу из рассказа. Маритт замерла и, невесело усмехнувшись, подняла правую ладонь.

Только теперь я заметила, что на ней было шесть пальцев.

— У нас считается, что лишний палец — это метка злых духов, — грустно сказала женщина, от которой не укрылось моё потрясение. — Поэтому, когда Халитт колотил меня за провинность, настоящую или примерещившуюся ему, никто и не думал заступиться. Однажды он подвесил меня за ступни над пропастью, а однажды чуть не отрезал лишний палец раскалённым ножом. В конце концов, я не выдержала этого и сбежала. Не помню, как добралась до Лиэнна, как попала в услужение одной портнихе. Жизнь словно застыла на месте. Я сижу в этой лавке, стараясь лишний раз не показываться наружу, и боюсь, что однажды Халитт явится за мной.

Я незаметно перевела дух. Женщина моргнула и сгорбилась.

— Не знаю, зачем я всё это тебе рассказала, — пробормотала она. — Наверное,

почувствовала в тебе что-то близкое. У тебя ведь тоже есть что-то в прошлом? То, что не даёт покоя и сковывает сердце? Не отвечай... Я просто хочу надеяться, что у тебя всё будет хорошо.

Я протянула руку и на мгновение сжала её ладонь.

— Мраморные горы далеко, — тихо сказала я. — Не думаю, что твой Халитт отыщет путь сюда спустя столько лет. Не хорони себя. Даже самая непроглядная ночь не может длиться вечно.

Маритт вскинула на меня безумноватые глаза, кажущиеся огромными из-за расширившихся зрачков. Тепло улыбнувшись ей, я забрала свёрток со своими вещами и плавным шагом покинула лавку, чувствуя, что всё внутри рвётся наружу, к яркому солнечному свету и глотку свежего воздуха.

Коннар ждал меня у дверей, приклонившись широкой спиной к стене и скрестив руки на груди. Оглядев меня с ног до головы, он неодобрительно скривил губы и пробормотал — негромко, но так, чтобы долетело до моих ушей:

— Ты стала похожа на блудницу в наряде храмовницы.

Отметив про себя "блудницу" — в прошлый раз он употребил более грубый вариант этого слова — я усмехнулась и ответила в тон:

— Какую только работу не приходится выполнять наёмникам — даже оберегать покой таких, как я! Своему следующему господину можешь смело хвалиться тем, что выполнял приказы не только калифов, но и блудниц.

Чёрные глаза северянина сощурились от гнева.

— Ты бы заговорила по-другому, — прохрипел он, отходя от стены. — Если бы прежде кое о чем узнала!

— И что же заставило бы меня покорно сносить твои дерзости? — насмешливо протянула я, направляясь по Рядам в обратную сторону, к порту. Солнце уже перевалило через зенит и стало приобретать золотисто-оранжевый оттенок — верный признак надвигающегося вечера. Поток прохожих и случайных зевак в Рядах заметно поредел, а крики торговцев утратили былую силу. В воздухе повеяло ароматом жареного мяса. Я ощутила болезненный спазм в желудке. Визит к Маритт отнял гораздо больше сил, чем думала. Малодушно захотелось завернуть в ближайший трактир, однако я строго осадилась себя, решив поужинать в Корниэлле. Задерживаться в Лиэнне не хотелось.

— Помнишь того работорговца из "Наяды"? — вполголоса спросил наёмник, прибавив шагу и поравнявшись со мной. — Кажется, я видел в Рядах его с дружкой.

Почувствовав, как нехорошо ёкнуло сердце, я нахмурилась и серьёзно уточнила:

— Ты в этом уверен?

— Готов поклясться Мечом Каноха(93), — уверенно ответил Коннар. — Я хорошо запоминаю лица и видел их в толпе не один и не два раза. Они слонялись туда-сюда, будто что-то вынюхивали. Правда, потом исчезли.

Я задумалась. Северянин не шутил. Клятва Мечом была одной из самых серьёзных у его народа. Интересно, что могло понадобиться работорговцу в Рядах? Конечно, велика вероятность того, что он попросту что-то покупал.

А если нет?

Тогда моё внезапное перевоплощение может вызвать лишние вопросы.

— Что будем делать? — тихо спросила я, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Не вертеть головой, — мрачно ответил северянин. — И попытаться запутать следы. Ты ведь собиралась к стоянке дракониц? Попробуем найти обходные пути!

— В незнакомом городе? — усомнилась я. — Не боишься, что заблудимся и сами заведём себя в ловушку?

— Положись на меня, — усмехнулся северянин. — Когда-то я был лучшим следопытом в своём поселке. Главное — держаться нужного направления.

Оставив Торговые Ряды позади, мы свернули в первый же проулок, ответвляющийся от основной улицы и змеёй уходящий на северо-восток. Стоило отойти от яркой обители торговцев и покупателей, как показалось, что мы переместились в совершенно другой город без помощи драконицы.

Лиэннские переулки, крохотные улочки и тупики — всё то, что таилось в недрах города подалеже от глаз прохожих, представляли собой достаточно жалкое зрелище. Я увидела одноэтажные домишки, осыпающиеся на глазах, грязное месиво под ногами, лохани с помоями, беззастенчиво выставленные за двери. Нос уловил "аромат" отхожих мест, и, тихо выругавшись, я прикрыла лицо ладонью. Коннар иронично оглянулся на меня, но промолчал. Он шёл впереди, настороженно озираясь по сторонам и предусмотрительно держа руку на эфесе меча. Я крепко прижимала к себе сумку с пожитками и, самое главное, Камнем. Другой рукой я придерживала подол, чьи края стали темнеть от грязи. Местные жители нам почти не попадались, лишь кое-где я заметила сгорбленные фигуры, жмущиеся к стенам, да в паре окон мелькнул тусклый проблеск.

— Удивлена? — с любопытством осведомился спутник, не поворачивая головы. — Странно. А мне казалось, что в вашем пиратском гнезде ты насмотрелась и не на такое.

— В нашем пиратском гнезде, — сухо ответила я, — было не в пример уютнее.

Пожалуй, я подобрала нужное слово. Несмотря на то, что Аэдагга могла и соперничать с закоулками Лиэнна по убогости и количеству грязи, на пиратском острове никогда не ощущалось такой безнадёжности и тоски, которая выглядывала из каждой щели этих безрадостных улочек. Казалось, стены дышат ей, и она медленно подползает к прохожему, стремясь просочиться в сердце. Столь резкий контраст неприятно кольнул. Я зябко передёрнула плечами, осведомившись:

— Как думаешь, долго ещё?

— Думаю, через пару-тройку десятков минут будем на месте, — бесстрастно ответил Коннар.

И сглазил.

Завернув за угол, бывший капитан замер, процедил какое-то незнакомое мне слово и тихо сказал:

— Кошка, быстро отойди и прижмись к стене.

— Зачем? — удивилась я, выглянула из-за его плеча и пробормотала:

— Хэллево отродье...

В конце недлинной улицы стоял, нехорошо ухмыляясь, наш давешний знакомец — щёголь-работорговец. Рядом с ним, поигрывая толстой цепью, возвышался его угрюмый собеседник, а замыкал цепочку невысокий сухопарый мужчина, придерживающий правую руку. У последнего было по-волчьи вытянутое лицо и густые волосы, которые могли поспорить с бараном кудрявостью.

— Отойди, Кошка, — с нажимом повторил Коннар, медленно вытаскивая из ножен меч.

— Зачем только я им сдалась, — в сердцах бросила я, послушно отступая к стене.

— Ты их не интересуешь, — угрюмо ответил северянин. — Им нужна моя голова.

— Что?!

— Нет времени объяснять. Просто постарайся сейчас держаться подальше.

Отставив вбок руку, держащую меч, наёмник скользящим шагом двинулся вперёд. Я прислонилась к нагретой за день стене дома, пристально наблюдая за ним и гадая, что значили его последние слова. Впрочем, гадать долго не пришлось.

— Гвер(94) Коннар, вот мы и встретились! — громко поприветствовал северянина кудрявый спутник наших недавних знакомцев. В его голосе звучала такая живая радость, что я насторожилась, почувствовав, что это мало походит на искренний восторг от встречи двух друзей.

— Хэйва(95), Таррин, — лаконично ответил наёмник. — Не думал, что встречу тебя здесь.

— Не думал, что я вообще жив? — подхватил незнакомец. — Вижу, ты не очень-то мне рад. А я ведь потратил почти целый день сегодня, следуя за тобой — так боялся упустить. Право, для меня было отраднo узнать от друзей, что ты появился в Лиэнне.

Нехорошее предчувствие беды постучалось в сердце. Слежки за нами я не заметила, так что либо этот Таррин и его сопровождающие — мастера маскировки, либо мы утратили бдительность.

Коннар промолчал. Он остановился в нескольких шагах перед незнакомцем, неторопливо вращая в руке меч и внимательно глядя на всех троих.

— Давай без лишних разговоров покончим со всем этим, — мрачно сказал он.

— Покончим? — удивлённо повторил Таррин. — Брось, друг мой. Я всего лишь хотел поговорить! Думаю, нам есть что обсудить. Убери свой клинок, уверяю тебя, у меня абсолютно мирные намерения...

Я не верила ни единому его слову. Да он просто тянет время, только вот для чего? Северянин, похоже, разделял мою тревогу. Пропустив мимо ушей последнюю просьбу Таррина, он поудобнее перехватил рукоять и бросил:

— Не думаю, что нам есть о чём толковать. Либо пропусти нас добровольно, либо я заставлю тебя это сделать. Ты знаешь, что, если я захочу, живым отсюда не уйдет никто.

Его голос прозвучал буднично, но от этой фразы по спине скользнули мурашки. Я почувствовала, что северянин и не думает шутить или бахвалиться. А ещё я вспомнила, какими сильными могут быть его руки, сжимаясь, как тиски.

На Таррина это не произвело особого впечатления. Равнодушно дёрнув плечом, он кинул быстрый взгляд на своих спутников, безразлично глазающих по сторонам, и произнёс:

— У тебя короткая память, мой гвер. Неужели ты забыл Аннику? Совсем скоро исполнится десять лет с того печального дня, как она покинула нас. Впрочем... — он сделал эффектную паузу, хитро посмотрел на меня (я вернула ему насмешливую полуулыбку). — С такой красоткой под боком это немудрёно. Где ты нашёл такое сокровище, Коннар?

Наёмник стоял ко мне спиной. Я не могла видеть его лица, однако слышала звук его дыхания — хриплый, учатившийся при упоминании имени Анники. На руке, судорожно сжавшей рукоять, костяшки побелели так, что, казалось, ещё чуть-чуть — и прорвут кожу.

— Не смей даже упоминать о ней! — рявкнул он, и в его голосе я почувствовала глубокую боль, прорвавшуюся сквозь тщательно выстроенные заслоны. Кудрявый зацокал языком и укоризненно покачал головой:

— Спокойно, гвер! Как насчет того, чтобы оставить все обиды в прошлом и вспомнить старые добрые времена? Пойдем, выпьем по кружечке лэя. Я угощу тебя и твою прекрасную подругу, — Таррин наигранно глубоко поклонился мне. — Кстати, ты не представил нас друг другу. Как её зовут?

В противоположном конце переулка мне померещилось какое-то движение. Вздвигнув, я пристально вгляделась туда, но узкий проём между домами был пуст.

— Хватит заговаривать мне зубы, — прорычал северянин, делая шаг к Таррину. — Я никогда не поверю в твои "добрые" намерения, как бы ты тут ни распинался. Или дерись, как и положено мужчине, или проваливай вместе со своими прихвостнями!

Таррин глубоко вздохнул и сокрушённо покачал головой.

— Как скажешь, — кротко сказал он и внезапно кинулся вперёд.

Дальнейшее произошло мгновенно. В руках мужчины сверкнул невесть откуда взявшийся длинный нож. Северянин легко ушёл от удара, и лезвие со звоном скользнуло по подставленному плащю мечу. Завязался поединок, в ходе которого Таррин делал стремительные, но словно ленивые выпады вперёд, а наёмник парировал их, пытаясь достать противника, который каждый раз уходил от удара, изворачиваясь, как червь. Мне, наконец, представилась возможность по достоинству оценить мастерство наемника. Нет слов, оружием он владел великолепно, а в его уверенных движениях чувствовался закалённый в боях опыт. Однако было видно, что гнев и нетерпение очень быстро замутняли его разум. Он начинал идти напролом, словно шараккский боевой слон.

В переулке вновь что-то мелькнуло, будто чья-то тень скользнула по стене. Отвлёкшись на удар сердца, я перевела взгляд на приятелей Таррина. Очень вовремя, потому что один из них, внимательно следя за схваткой Коннара и Таррина, извлек из-за спины два недлинных кинжала.

— Хэллев сын! Сзади! — вскрикнула я. Северянин ударом меча отшвырнул от себя мужчину и обернулся. Я отпрянула в сторону, чтобы Таррин не рухнул на меня. Однако кудрявый в последний момент удержал равновесие и, стряхнув с лица доброжелательно-улыбчивое выражение, заорал:

— Коннар мой! Не дайте ему уйти! Оршаг, хватай девчонку, она мне тоже пригодится!

Вначале я подумала, что Оршагом он назвал работоторговца, но в следующий миг уже была готова поверить, что схожу с ума.

У ближайшей ко мне стены выросли руки. Две чёрные сухощавые, как сучковатые ветви, на каждой из которых было по четыре пальца, украшенные длинными изогнутыми когтями. Вслед за ними от стены отделился их обладатель. Мне уже доводилось встречаться с ракшасами, но ещё никогда мы не сталкивались лицом к лицу. Высокий — на голову выше Коннара — тощий, как жердь, со смолянисто-чёрной кожей, ракшас двинулся ко мне. Его круглые глаза, близко посаженные к носу, горели ярко-оранжевым огнём. Глядя в его уродливую морду, которую пересекал рот с торчащими из-под нижней губы клыками, я подумала, что вопрос о том, как нас выследили, решил сам собой, и пробормотала:

— Ну, ты и страшилище!

Ракшас взревел и прыгнул вперед, пытаясь схватить меня. Глупая мысль о том, что когти могут испортить новое платье, показалась кошунственной и придала сил. Я увернулась и отскочила вбок, прижимая сумку с Камнем.

Сумку...

С Камнем.

На сомнения времени не оставалось. Подпустив чудовище поближе и вновь чудом уйдя от его расставленных рук, я размахнулась и опустила сумку на голову ракшаса, вложив в удар всю силу. Что-то хрустнуло. На землю закапала кровь — светло-зелёная, тускло отсвечивающая на солнце. Исторгнув утробный рык, ракшас грузно рухнул мне под ноги. Я поспешно отбежала подальше, не переставая думать лишь о сохранности платья. Лишь пару мгновений спустя эти переживания показались никчёмными и глупыми. Я опустила руки, прерывисто дыша. Победа показалась слишком легкой, пока я не вспомнила, что слышала о ракшасах. Поговаривали, что у них достаточно хрупкие кости. Это обстоятельство меня и спасло.

— Я уж было приготовился вытаскивать тебя из его лап, — послышался сзади насмешливый голос наёмника. Я обернулась: Коннар стоял, нарочито медленно вытирая кровь со своего меча. Работорговец с рассечённым горлом валялся у стены. Чуть поодаль лежал его приятель с раскроенной головой. Таррин лежал на спине прямо у ног наёмника, устремив вверх невидящие глаза. Руки мертвец скрестил на груди в последней, тщетной, попытке выдернуть собственный нож.

Я повидала достаточно мертвецов, поэтому просто отвела глаза.

— Если бы не я, вряд ли ты вышла бы из этой передряги невредимой, — снисходительно усмехнулся наёмник.

— Если бы не ты, — холодно парировала я. — Я бы в неё вообще не угодила!

— Кто это был? — спросила я у Коннара, пока драконюх готовил двух дракониц к Скачку. Драконицы — Лайна и Роталь — заметно нервничали, переступая на месте изящными чешуйчатыми лапами.

— Таррин Хэллоуэй, — неохотно ответил Коннар, с неприязнью глядя на зверей. — Когда-то он был моим приятелем. Не могу сказать, что закадычным. Мы так, кутили по тавернам. Думал, что он неплохой парень до тех пор, пока Таррин не увидел Аннику.

Скрипнув зубами, северянин помолчал немного и заговорил вновь:

— Она говорила, что он не раз предлагал ей убежать с ним в Алдорию, обещал показать мир. Я не очень-то верил, думал, мало ли, что могло послышаться. Пока однажды Аннику не нашли в море.

Я тактично промолчала, чувствуя, что наёмнику хочется выговориться, и перебивать его не следует. Его голос звучал монотонно, будто Коннар перечислял малоинтересные события обыденной жизни:

— Её коса была обмотана вокруг шеи, и в глазах застыл вечный ужас. Я так и не узнал, кто это сделал, но на следующий же день Таррин исчез из нашего селения. Я встретил его пару лет спустя, когда уже в качестве наёмника сопровождал караван одного ранаханнского купца. Таррин упросил меня взять его в напарники, и я согласился. Видно, в тот день боги затуманили мой разум. Когда мы пересекали Набийскую пустыню, караван атаковали барханные разбойники. Они перерезали всех, кроме меня и Таррина. Их главарь вручил ему ятаган, чтобы он самолично прикончил меня.

Северянин испустил тяжелый вздох.

— Из плена я выбрался, но Таррину вновь удалось бежать. И вот теперь мы встретились снова...

Он умолк. Драконюх, слышавший весь рассказ от начала до конца, потрясённо смотрел на нас широко раскрытыми глазами, держа в дрожащей ладони два амулета-ориентира. Я

благодарно улыбнулась парню, забрала их и протянула взамен десять серебряных дориев — плату за парный Скачок. Затем, взявшись за поводья драконицы Лайны, задумчиво сказала наёмнику:

— Помнишь, не так давно ты сказал, что начинаешь понимать меня. Пожалуй, сейчас я могу сказать то же самое о тебе.

Коннар криво усмехнулся. Рывком вскочив в седло, я добавила:

— Надеюсь, что в дальнейшем нам больше не встретятся призраки твоего нелёгкого прошлого.

И, сжав ногами прохладные бока животного, натянула ездовые перчатки из кожи игуарона. Корниэлль ждал меня.

86 — **огнецвет** — растения с некрупными жёлто-оранжевыми цветками. При малейшем касании вспыхивают неярким обжигающим пламенем;

87 — **хори** — одна из каст наёмников, занимающаяся исключительно заказными убийствами;

88 — **"Ирли"** — сорт груши. Ирли-лэй — настоящий на грушевых побегах ягодный алкогольный напиток;

89 — **наиря** — кустарник с крупными ярко-розовыми цветами;

90 — **Шаракк** — страна на юге первого материка, граничащая с Ранаханном;

91 — **Дханаям** — один из низших шараккских богов, покровитель торговли;

92 — **парвани** — шараккская верхняя мужская одежда. Представляет собой длинный сюртук, обычно длиной ниже колена, который носится застёгнутым на все пуговицы;

93 — **Канох** — бог войны и мечей у северных народов;

94 — **Гвер** — "друг" на северном наречии;

95 — **Хэйва** — традиционное приветствие у северян;

Ратина Ол, смотрительница Корниэльльской библиотеки, с величайшей предосторожностью свернула пергамент, аккуратно перевязала его лентой и сунула в деревянный тубус. Затем она потянулась, разминая мышцы, затёкшие после долгого сидения, потерла слезящиеся от напряжения глаза и с наслаждением зевнула.

Ей шел уже пятый десяток. Монотонная работа в библиотеке настолько въелась в её жизнь, что Ратине стало казаться, что она и родилась здесь, среди бесконечных полок, спиралью уходящих ввысь, древних пергаментов, на которых беззвучно раздавались голоса мудрецов прошлого, и той особой пыли, которой больше нигде не встретишь, и которая имеет свой собственный запах. У Ол не было семьи, а её подруги давным-давно вышли замуж и разъехались по разным концам Алдории, оставив женщину тосковать в одиночестве и постепенно превращаться в старую деву. Сначала это её пугало, но постепенно она привыкла к мысли о том, что ни один мужчина не позарится на бесцветную, как мышь, старую деву с жидкими волосами и блёклыми глазами. Осознание того, что совсем скоро она сгинет в забвении вместе с библиотечными свитками, внушало ей какое-то странное облегчение: всегда приятнее, когда знаешь судьбу наперед. На смену пергаментам постепенно приходили книги, написанные на бумаге, которую не так давно научились изготавливать мудрецы из Королевской Академии. Пусть книги и были привилегией знати, но Ратина знала: ещё какие-то десять-пятнадцать лет — и книги будут доступны любому, даже живущему в самой непроходимой глуши крестьянину.

Скрип двери, разорвавший глухую тишину библиотечного зала, застал Ратину врасплох. Очнувшись от невесёлых дум, она повела костлявыми плечами и подняла голову. К её столику с нерешительным видом приближалась первая за этот день посетительница библиотеки — молодая девушка, судя по виду, прибывшая с южных окраин страны. Её платье, прическа и золотисто-смуглый загар с головой выдавали в ней провинциалку, а то, как зажато она держалась, боязливо опуская глаза в пол и нервно ломая пальцы, лишь усиливали впечатление. Ратина ощутила непривычный всплеск смешанных эмоций — от приступа снобизма жительницы крупного города до чёрной зависти к молодости и привлекательности — с этим не поспоришь — незнакомки. Крой платья не мог укрыть точёную, как у ранаханнской статуэтки, фигуру, а высокой груди и красиво очерченным губам могла позавидовать любая придворная красотка.

— Чем могу помочь? — неприветливо буркнула старая дева, устыдившись малодушного порыва. Девушка вздрогнула и опустила голову ещё ниже.

— Простите, что беспокою вас, — смиренно пролепетала она. — Я ищу труды магистра Лейницца. Видите ли, я очень интересуюсь историей религий, особенно древними верованиями и сектами. Мне сказали, что труды мудрого Лейницца — кладёзь сведений о послушниках секты Дракона.

Ратина удивилась. Ей нечасто доводилось встречать молодых девушек, всерьёз интересующихся историей. Неприязнь к посетительнице начала испаряться.

— Всё верно, — осторожно подтвердила она. — Наша библиотека — едва ли не единственное в Алдории хранилище древних свитков. У нас действительно есть исследования этого магистра. Конечно, вынести вам их будет нельзя, но мы располагаем

отличным читальным залом.

— Покажите мне их! — нетерпеливо перебила Ратину девушка и вскинула голову. Старая дева недовольно поджала губы. Зависть, на сей раз смешанная с каким-то смутным подозрением, вновь всколыхнулась в ней. "Не так-то ты проста, милочка", — подумала она. Выражение глаз незнакомки никак не вязалось с внешним видом: они были цепкие и лукавые, горящие неуёмной жаждой жизни. Видимо, заметив недоумение на лице библиотечарши, южанка быстро потупила взгляд и пролепетала:

— Прошу прощения, ничего не могу с собой поделать, так хочется поскорее взять в руки эти свитки!

Что-то в ней было не так, но что именно, Ратина сказать не могла. Она решила пойти на маленькую хитрость.

— Я с удовольствием провожу вас к ним, — изо всех сил стараясь придать голосу любезность, сказала она. — Но мне необходимо записать ваше имя. Как вы сказали, вас зовут?

Это не было обязательным правилом для посетителей библиотеки, но крупницы сомнений, зароненных в душу Ол, настоятельно требовали подстраховаться. На всякий случай. На этот раз глаза южанки были абсолютно бесстрастными и тусклыми, словно она прикрыла бушующий огонь кисеей.

— Малиен, — просто представилась она. Ратина черкнула пером по пергаменту и быстро убрала его в ящик стола, достав оттуда связку ключей.

— Пожалуй, всё в порядке, госпожа Малиен, — со злорадным удовлетворением произнесла она, поднимаясь со своего места. — Очень приятно. Меня зовут Ратина Ол. Прошу вас следовать за мной!

Пока смотрительница библиотеки степенно пересекала круглый библиотечный зал, я следовала за ней, стараясь не отставать, и кляла себя за неосторожность. Впредь нужно тщательнее следить за эмоциями и помнить о своей роли. Сейчас я — пугливая провинциалка, первый раз посетившая большой город и крайне растерявшаяся от обилия впечатлений. Если эта Ратина заподозрила неладное, то нет гарантии, что то же самое не произойдет с более опасным собеседником.

Тем не менее, досада на саму себя быстро улеглась, и я принялась оглядываться по сторонам. Нескладная снаружи — здание напоминало гигантскую луковицу, поставленную стоймя — изнутри библиотека представляла огромную перевернутую продолговатую чашу, чьи стенки были увешаны сотнями полок. На них аккуратными рядами лежали деревянные коробочки, на дне каждой из которых убористым почерком были написаны несколько слов. У зала-чаши не было «дна». В потолке зияло круглое отверстие, забранное стеклом, а промежутки между полками украшали затейливые фрески, изображающие Ниэлла — бога знаний и его девять ниэллид, хранительниц книг и свитков.

Не успела я задаться вопросом, как мы доберёмся до верхних полок, если лестницы нет, когда смотрительница библиотеки подвела меня к небольшой платформе, огороженной с трёх сторон резными деревянными перилами. В правом дальнем углу платформы была установлена трехгранная деревянная ножка, на которой покоился кусок дымчатого кварца.

— Прошу сюда, — лаконично сказала женщина, первая ступая на доски. Её тонкие бледные губы дрогнули, когда она увидела мою нерешительность — на сей раз, неподдельную.

— Не бойтесь, госпожа Малиен! — с насмешкой произнесла она. — Только держитесь крепче.

Я кивнула и последовала её совету. Ратина коснулась куска кварца. Тот едва заметно замерцал, и платформа стала подниматься в воздух. Я покосилась на невозмутимую Ол. Глаза у неё были абсолютно обычными. Значит, она не литанээ.

— В самоцвет встроено заклятие левитации, — снисходительным тоном пояснила женщина, видимо, почувствовав мой невысказанный вопрос. — Оно подчиняется мысленным приказам. Наверное, подобное вы видите в первый раз?

По её голосу было заметно, что Ратина пренебрежительно относится к провинциалам. Значит, свою роль я играю убедительно. Это приободрило, и я любезно ответила, стараясь улыбаться как можно милее:

— Мне приходилось встречать такие устройства, но я никогда на них не каталась.

На невзрачном лице женщины мелькнуло удовлетворение.

— Труды мудрого Лейница находятся почти на самом верху, — уже приветливее сказала она. — Если точнее, то на пятьдесят четвёртом ярусе от пола, на полке, обозначенной литерами "Л" и "Ц".

Я решила подогреть её доброжелательность и пустила в ход лесть, промолвив сладким голосом:

— Просто удивительно, как вы помните расположение этих свитков, учитывая то, что за ними не так часто заходят. Наверное, вы держите в уме кладезь бесценных сведений!

Самодовольство засияло на лице смотрительницы так ярко, что можно было смело гасить магические светильники. Оно вполне могло озарить всю библиотеку.

— Приходится, — с явно фальшивой скромностью сказала она. — Когда в одиночку присматриваешь за огромным хранилищем свитков, много чего приходится запоминать.

— Как — в одиночку? — искренне удивилась я, украдкой кинув взгляд вниз и судорожно сжав перила: мы поднялись на довольно-таки приличную высоту. — Разве у вас нет помощников?

Женщина махнула свободной рукой и поджала губы:

— Мало кто согласится добровольно похоронить себя в этих стенах. Впрочем, мы на месте.

Сняв ладонь с кварца, она остановила платформу и хозяйским взглядом окинула стену из деревянных тубусов, громоздившихся перед нами. Пробормотав что-то под нос, библиотекарша протянула руку и аккуратно вытянула один из них, на дне которого значилось: "Религиозные секты трёх материков. Храмы Дракона".

— Кажется, это именно то, что вы искали.

Чувствуя, как нетерпение жжёт руки, подстегивая спрыгнуть вниз и помчаться в читальный зал, я выхватила у неё тубус и воскликнула:

— Огромное спасибо! Теперь покажите читальный зал. Мне не терпится приступить к изучению свитков!

— Разумеется, — кивнула Ратина, с лёгким удивлением наблюдая за мной. Она вновь взялась за самоцвет и плавно направила платформу вниз. Крепко прижимая к себе тубус с заветными свитками, я замороженно наблюдала на уплывающие вверх полки. Глаза бездумно скользили по названиям на деревянных донышках: "Жизнеописание полководца Гибура", "Летопись Трёхсотлетней войны", "Жития святых Изона и Вирия", "Трактат о вампирах".

При виде последнего я замерла и, сама того не ожидая, попросила:

— Остановите, пожалуйста.

Смотрительница библиотеки недовольно нахмурилась, но подчинилась. Платформа резко замерла, и я, едва не рухнув вниз, вытащила привлекавший внимание тубус. Ни слова не говоря, библиотекарьша благополучно приземлила платформу, и только потом решилась:

— Не думала, что вас интересуют описания других разумных рас. Тем более, под авторством магистра Синтара. Он был... своеобразным.

— Что вы имеете в виду? — уточнила я, ощупывая шершавые стенки своей ноши. Удивление, вызванное внезапным порывом уступило место желанию воспользоваться шансом и побольше разузнать о той расе, к которой принадлежал Кристиан, мой случайный спаситель.

Ратина сжала губы так, что они превратились в тонкую полоску. По её краям резко обозначились морщины, придав их обладательнице сходство с хайаньским мопсом:

— Магистр Синтар жил около семидесяти лет тому назад. Одно время он был ректором Королевской Академии, но быстро потерял к этому интерес, отправившись путешествовать. Им владела идея, что все расы и народы должны обмениваться мудростью и опытом, накопленным столетиями.

Она сделала паузу, потерев впалые щеки. На них проступили ступили красные пятна. Ратина продолжила:

— Он долго изучал культуру разных народов и рас, пока одно из исследований не занесло его на остров Интуру, что близ коралловых рифов по эту сторону третьего материка. На этом острове обитает племя вайпурри, промышляющее людоедством. Магистр в ту пору был уже в годах, но твёрдая уверенность в том, что подобные племена обладают неким тайным знанием, недоступным цивилизованным людям, гнала его вперед. Он хотел отыскать это тайное знание — или его зачатки — у вайпурри.

— И? — нетерпеливо спросила я, заинтригованная историей.

Женщина вздохнула:

— Конечно, никаких «тайных знаний» у вайпурри не было. Магистра Синтара съели на второй день пребывания.

Я не выдержала и расхохоталась. Столкнувшись с гневным взглядом смотрительницы, я была вынуждена подавить смех и прикрыть рот ладонью. От такого неуважения к покойному Синтару лицо Ратины окаменело.

— Прибыв на остров, его ученики обнаружили лишь череп магистра, насаженный на палку. Дикари использовали его, как погремушку в примитивных молитвах и обрядах. С вашей стороны смеяться было непростительной грубостью! Не говоря уже о том, что он был моим предком!

Хохот застрял в горле, но особенного раскаяния я не почувствовала. Виной тому стал чересчур напыщенный вид женщины, когда она сообщила о своем родстве.

— Пройдемте за мной, — сердито приказала она и, яростно вздернув подбородок, первая шагнула с платформы.

Читальный зал располагался за нешироким проёмом, закрытым тяжёлым парчовым занавесом, и представлял собой точную копию библиотечного зала, уменьшенного в несколько раз. Те же чашеобразные стены, плавно уходящие ввысь, то же отверстие на потолке. Только вместо книжных полок всё его пространство уставляли круглые отполированные столики. На каждом стоял миниатюрный магический светильник,

чернильница и лежало перо.

— Если потребуется пергамент, можете взять его там, — смотрительница холодно кивнула на небольшой стол, стоящий у проёма. — Если же вам понадобится я, то буду на своём месте. Приятного чтения. Ах, да...

Она порылась в широком кармане платья и достала небольшой пузырек, плотно закупоренный деревянной пробкой.

— Эта мазь предохраняет свитки от касания пальцев, — монотонно сказала она, передавая его мне. — Пожалуйста, не забывайте мазать ей руки перед тем, как откроете тубус.

— Да, конечно, — заверила её я, изнывая от нетерпения. Библиотекарша сунула мне в руки тубус со свитками магистра Лейница и удалилась, сохраняя всё тот же воинственный вид.

Подивившись её злопамятности, я села за ближайший столик, густо намазала кисти рук тягучей субстанцией, приятно пахнущей мятой, и принялась осторожно откручивать крышку заветного тубуса, отложив второй в сторону. Крышка с легким хлопком открылась, и на ладони упали пожелтевшие от времени пергаментные листы, обтрёпанные по краям. Затаив дыхание от волнения и чувствуя, как бешено колотится сердце, я аккуратно расправила первый из них и склонилась над столешницей.

Труды магистра Лейница представляли собой достаточно скучное описание быта и нравов последователей секты Дракона. Особое внимание мудрец уделял диковинным ритуалам и поверьям сектантов, мало заботясь об упоминании их внешнего вида. Он многословно и затейливо рассказывал о таких странных обычаях сектантов, как торжественное срезание клока волос в дни зимнего и летнего солнцестояния с последующим его сожжением, опускание в глотку горячей головни, а также многочасовое бдение нагишом на пронизываемой всеми ветрами скальной площадке. Язык, которым были написаны труды, давно устарел. Приходилось тратить много времени на то, чтобы осилить хотя бы одно предложение, занимающее едва ли не половину пергамента. Мгновения летели, а я так и не нашла ничего, что могло бы помочь в поисках второй вехи. Лишь заныли виски, а шею заломило от неподвижного сидения за пергаментом. Желание бросить всё и выйти на свежий воздух росло с каждым ударом сердца. Но сдаваться из-за собственного малодушия я не собиралась.

Потянувшись и пройдясь взад-вперёд, я вновь ринулась в борьбу с мудрёным текстом. Вскоре мои усилия были немного вознаграждены. На пятом листе пергамента стало попадаться кое-что поинтереснее заурядного описания жизненного уклада сектантов.

"Вполне очевидно", — писал магистр, — "что верования драконопоклонников разительно отличаются от тех догматов и принципов, коим привержены последователи Синха(96) или Жарамма(97). В отличие от названных, стремящихся приблизить явление своих богов народам нашего мира, или хотя бы отыскать новых пророков или избранных сих божеств, те, кто называет себя почитателями Дракона, прикладывают все силы, чтобы не допустить второго пришествия своего господина в мир".

Я прервала чтение, с удивлением отметив, что головная боль стремительно сходит на нет. Чтение стало увлекательным. Азартно прикусив губу, я продолжила читать.

"Тем временем, ни один из встреченных мною драконопоклонников так и не смог толком объяснить, что же такое или кто такой был Дракон на самом деле. Все мы — не

только сектанты — слышали, что он положил начало нашему миру, но кого или что он представлял из себя на самом деле? Безусловно, ответить на этот вопрос не представляется возможным, ибо всё, что могло бы поведать нам об истинной природе Дракона, кануло во времени. Огонь, говорят драконопоклонники, он нёс с собой огонь. И поклоняются огню, который днями горит в их храмах, высеченных в горах или спрятанных глубоко в лесах или болотах. Громадные чаши с огнём стоят в главном зале храма, где на стене нарисовано их божество в виде гигантского столпа пламени с уродливой головой.

Если он вернётся, его огонь сожжёт наш мир, говорят они. Если не поддерживать наши огни, это приблизит его возвращение, говорят они. Он зажжёт огонь внутри каждого из нас, но не каждый может хранить его".

Я потёрла слезящиеся от напряжения глаза и недоумённо посмотрела на эти строки. То ли магистр как-то неверно понял то, что говорили ему сектанты, то ли не сумел это донести. Связь между последними тремя предложениями ускользала от меня, лишь мелькало назойливым рефреном слово "огонь".

Интересно, почему секта драконопоклонников так быстро исчезла? Если верить его словам, две сотни лет назад их насчитывалось множество?

Пометив на пергаменте этот вопрос, я снова склонилась над трудами мудреца. Стопка свитков неумолимо таяла, а я так и не нашла ничего, что могло хоть как-то сдвинуть мои поиски с места. Неужели всё тщетно, и придётся начинать сначала? От такой мысли захолонуло сердце, но я строго приказала себе не расстраиваться раньше времени.

Последний пергамент был озаглавлен "Похоронные обычаи драконопоклонников" и содержал в себе лишь несколько строк. Чувствуя, как вера в чудо иссякает, я всё же принялась за чтение.

"Тех, кто отдал свою жизнь в служении секте, драконопоклонники называют "шари-мхья" — "верный друг", и с почестями относят в так называемые Башни Скорби. Эти Башни представляют собой, как ни странно, глубокие колодцы, высеченные в скалах близ горных храмов Дракона. Интересен обычай погребения — сначала мёртвое тело помещается на скалистой площадке, дабы солнце и ветер иссушили плоть и обнажили кости, а затем то, что осталось, спускается в Башню Скорби. Меня не пустили ни к одной из этих Башен, но, думаю мне, что они доверху наполнены телами этих несчастных".

Следующие строки заставили меня вцепиться в столешницу. Неужели поиски второй вежи увенчались успехом?

"Перед тем, как опустить голые кости в Башню, к тому, что раньше было шей, привязывается "архьи-ма": флейта, вырезанная из закалённого в огне чёрного камня. Она необычна тем, что представляет собой миниатюрные языки пламени, запечатлённые в камне. На ней помимо пяти отверстий вырезаны слова молитвы Дракону. Считается, что в послесмертии шари-мхья встретится с господином и игрой на этой флейте умилюстит его, отсрочив возвращение Дракона в наш мир".

После этого было написано ещё что-то, но я не стала дочитывать. Рука сама собой начала лихорадочно переписывать все сведения об архьи-ма. Меня захлестнуло невероятное возбуждение: выходит, Кристиан оказался прав!

Кстати, о нём.

Занеся в свой пергамент всё, что нужно, я бережно сложила свитки и убрала их обратно в тубус. Можно было немного расслабиться и отдаться чтению «Трактата о вампирах». Я не могла не отметить, что много времени тратить на него не придется. Пресловутый "Трактат"

состоял лишь из одного листа, да и тот не исписали полностью. Похоже, вампиры не вызывали особого интереса у покойного Синтара. Или же ему не удалось добыть о них достаточно сведений. В отличие от сложносочиненных трудов его коллеги, "Трактат" читался куда проще.

Итак.

"Говоря о вампирах, нельзя не вспомнить многочисленные легенды и суеверия, что так популярны как у алдорийцев, так и у многих других народов. Кровососущие монстры — вот как их называют многие. Меж тем, большим заблуждением было бы ставить вампиров в один ряд с гулями или упырями, что иногда встречаются в отдалённых местах нашей страны.

Известно, что общими предками народов четырёх материков являются иретонийцы, кои явились свидетелями прихода в этот мир тех, кого мы сейчас зовём вампирами. Само слово "вампир" произошло от древнеиретонийского "вимпаро", что означает "пришедший извне". Доподлинно неизвестно, откуда именно они пришли. Сами вампиры — те, с кем мне удалось переговорить — не знают или не хотят рассказывать ничего о своём прошлом.

Тем не менее, некоторые суеверия, связанные с этой расой, всё же имеют разумное объяснение. Вампиры действительно вынуждены пить кровь раз в два или три дня, иначе им грозит медленная и крайне мучительная смерть. Я сам стал свидетелем того, как один из них корчился в страшных судорогах, пока ему не поднесли стакан козьей крови. На вопрос, стоит ли людям опасаться за свои жизни, вампиры реагируют с крайним гневом. Полагаю, что опасности для человека они не представляют. Что же касается боязни серебра, осины и чеснока, то мне представилась возможность лично убедиться, что всё это не более чем сказки. Серебряные украшения они с охотой надевают на себя. Без каких-либо неприятных последствий держат в домах осиновую мебель и употребляют в пищу чеснок. Источники этих отсталых людских поверий мне неизвестны. Известно также, что вампиры стараются держаться подальше от людских и прочих селений в собственных родовых замках и поместьях. Это крайне замкнутый и чопорный народ, ревностно хранящий свои традиции и чистоту рода. При общении с ними возникает крайне неприятное чувство собственной ничтожности. Даже будучи крайне приветливым, вампир всё равно даёт понять, насколько он выше и мудрее, чем вы..."

Я прервала чтение и усмехнулась. Никакой "чопорности" или надменности я в Кристиане не заметила. Да и вообще вряд ли я догадалась бы о его принадлежности к кровососущей расе, кабы не глаза.

С другой стороны... Я постучала пальцем по столу, задумчиво глядя на пергамент. В свете изложенного магистром Синтаром, выглядит очень странным тот факт, что Кристиан скитается по свету, зарабатывая себе на хлеб трудом менестреля. Быть может, существуют вампиры, не обладающие родовыми землями? Или же его соплеменники попросту решили избавиться от собрата? При этой мысли я почувствовала озноб, скользнувший по позвоночнику.

Что же тогда он должен был совершить?

"Повышенная стойкость к ранениям, чрезвычайно длинная продолжительность к жизни, способность к гипнозу и отменная физическая сила — немудрено, что почти все расы недолюбливают вампиров", — писал тем временем магистр Синтар. — "Особую неприязнь питают к ним все без исключения кланы оборотней. Мне доводилось слышать рассказы о неких весьма кровопролитных войнах, вспыхивавших в прошлом между этими двумя расами. Сейчас между ними установлены мирные отношения, но особой любви друг к другу они не

испытывают".

Дальше магистр углубился в пространные философские разглагольствования о взаимоотношениях тех или иных народов, и я, разочарованно проглядев текст до конца, скатала свиток обратно. Похоже, вампиры прохладно встретили интерес мудреца к своей расе и не сообщили ему и десятой доли того, о чём он спрашивал. Разочарованный магистр поспешил переключиться на другие объекты исследований. Однако даже то, что я почерпнула из этого свитка, казалось невероятным и слегка пугающим. Для меня, выросшей в окружении простонародных суеверий, само существование некоего места "извне", откуда могли прийти вампиры, было скорее сказкой, чем чем-то реальным.

От обилия сведений закружилась голова. Осознание того, что я, похоже, вновь ступила на верный путь к Призраку, пьянило и наполняло сердце сладкой эйфорией. Откинувшись на спинку стула, я прикрыла глаза и с упоением представила себе, как беру в руки ту самую флейту, кладу перед собой Камень, и...

Постойте-ка. А где взять эту флейту?

Эта мысль, неожиданно возникшая в сонме сладостных фантазий, одним махом вернула меня с небес на землю и заставила забыть обо всех вампирах и менестрелях вместе взятых.

Сделав один шаг вперед, я вновь наткнулась на каменную стену.

Где же мне найти хотя бы один горный храм драконопоклонников, если магистр Лейнниц не указал ни одного точного маршрута, а на то, чтобы обыскать все алдорские горы, уйдут месяцы странствий?

Стиснув зубы, я стукнула кулаком по столешнице. Я брошу все силы на то, чтобы в кратчайшие сроки найти хотя бы один храм. Чего бы мне это ни стоило!

Свежий воздух и мягкий свет весеннего солнца, встретившие меня после душного помещения библиотеки, показались благословением небес. Мрачные думы отступили на задний план, заставив по-новому взглянуть на положение дел.

Итак, на горизонте возникла новая цель — архьи-ма. Чтобы её достать, мне нужно всего лишь отыскать человека, знающего месторасположение любого горного храма драконопоклонников или того, что от него осталось. Задача не из легких, но Корниэлль — большой город. Я отчего-то пребывала в твёрдой уверенности, что мне непременно повезёт. Это разгоняло тучи, стусившиеся в душе, и придавало сил.

Приободрив себя, я победоносно вздернула голову и оглядела улицу.

В Корниэлль мы прибыли вчера под вечер, голодные и уставшие. Осматривать город, который порой называют "второй жемчужной Алдории", не было ни сил, ни времени. Остановившись на первом попавшемся постоялом дворе, мы наспех перекусили холодным мясом и разошлись по своим комнатам, разделённым стеной. Наёмник придирчиво осмотрел их и настоял на том, чтобы нас поселили как можно ближе друг к другу. На всякий случай. Я не возражала. После событий в Лиэнне я и впрямь спокойнее спала от осознания того, что рядом находится тот, кто в любую минуту встанет на мою защиту. Однако это не уменьшало насторожённого отношения к самому защитнику.

Наутро я отправилась на поиски библиотеки, с трудом убедив северянина, что меня сопровождать не нужно. Вполне достаточно держаться на почтительном расстоянии, чтобы, в случае чего, услышать мой крик. Не то, чтобы я не опасалась неприятностей — скорее, хотелось отдохнуть от общества угрюмого наёмника и побыть наедине со своими мыслями.

Я немного постояла на мраморных ступеньках библиотеки, опоясывающих подножие

библиотеки, и с наслаждением вдохнула воздух полной грудью. Я не питала особой приязни к большим городам, но Корниэлль начинал мне нравиться. В нём не чувствовалось враждебности к чужакам, а дух старины, который источали трёх- и четырёхэтажные дома с остроконечными крышами и стрельчатыми окнами, действовал завораживающе и убаюкивал, настраивая на умиротворенный лад. Казалось, весь город устремляется вверх, вслед за шпилями зданий, над которыми парит, расправив крылья, каменный коршун, высеченный на вершине стелы, установленный на центральной площади. Пожалуй, если мне когда-нибудь вздумается начать оседлую жизнь, начну её именно здесь.

Я улыбнулась своим мыслям и принялась осторожно спускаться по крутым ступеням, придерживая подол платья. Буря, бушевавшая внутри, утихла. Я начала обдумывать, с чего начать поиски храма. Хотелось ещё, конечно, заглянуть к оружейнику. Лиэнн наглядно продемонстрировал, что ходить по улицам, будучи безоружной, глупо и опасно.

Пожалуй, в этом вопросе стоило обратиться к наёмнику. Как-никак, он лучше меня разбирается в...

— Нашла, что искала?

Я взвизгнула от неожиданности и обернулась на звук.

Коннар восседал на постаменте статуи Ниэлла, установленной в самом низу лестницы, и лениво полировал лезвие короткого меча, с прищуром глядя на меня. Он смахивал на громадного ворона, поджидающего добычу. Блестящая чёрная грива волос дополняла этот образ. Мой мимолетный испуг, похоже, позабавил наёмника, потому что он довольно осклабился и вернулся к своему занятию. Я почувствовала досаду на собственную впечатлительность, и не на шутку разозлилась на северянина, перед которым обнажила свои эмоции.

— Ты специально поджидал меня здесь, чтобы напугать? — злобно спросила я, отбросив маску наивной провинциалки. Наёмник хмыкнул:

— Не думал, что ты окажешься такой беспечной, чтобы не заметить меня сразу.

— И не мечтай, — холодно отпарировала я. Возвышенно-оптимистичное настроение улетучилось в один миг. Я приготовилась к очередной порции пикировок со своим спутником.

Северянин легко поднялся с места, не замечая или делая вид, что не замечает моего гневного взгляда, вернул меч в ножны и непринуждённо уточнил:

— Ты не ответила на вопрос.

— Нашла, — сухо сказала я, сходя с последней ступеньки. — А теперь, будь так добр, сопроводи меня к оружейнику.

— Раз уж мы заговорили о твоих поисках, — перебил меня Коннар, внезапно обретая серьёзность. Я умолкла, удивленная столь быстрой сменой тона. — Ответь на следующий вопрос: куда мы теперь направляемся?

Прямо отвечать по-прежнему не хотелось. Я попыталась выкрутиться:

— Думаю, что...

— Послушай, Кошка, — тихо, но веско сказал наёмник, вставая прямо передо мной и внимательно глядя в глаза. Я с вызовом ответила ему тем же, вздернув подбородок. — Может, пора прекратить юлить и научиться полностью мне доверять?

Предпоследнее слово он произнес с нажимом. Я уловила в нём укор, но взгляд не отвела.

— Мне безразличны твои секреты. Неважно, какую цель ты поставила перед собой.

Можешь быть уверена, что, если понадобится, всё услышанное умрет во мне и вместе со мной. Это неписаное правило всех наёмников. Но коль скоро наши пути пересеклись, я хочу знать, куда мы идём и что ищем. В конце концов, я не могу полностью ручаться за твою сохранность, если ты постоянно о чём-то умалчиваешь!

Он умолк. Я прикусила губу: привычка вечно таиться и хранить сокровенное внутри намертво въелась в душу, но Коннар был прав. Путешествие к храму драконопоклонников может оказаться более чем рискованным. Если я не сумею довериться наёмнику, кто знает, чем оно обернётся для поисков Призрака?

Очевидно, почувствовав мои сомнения, Коннар добавил:

— Я виноват перед тобой, и отлично это осознаю. Но и ты прекрасно знаешь, что я не причиню тебе вреда. В любом смысле. Почему бы не поговорить начистоту?

Внезапное озарение подсказало мне, как действовать дальше. Я лукаво улыбнулась наёмнику. Он нахмурился, видимо, не ожидая такой реакции.

— Признаю твою правоту, — вкрадчиво промолвила я, отчего подозрение в глазах наёмника удвоилось. — Если требуешь от меня откровенности, то получай её: я не доверяю и не собираюсь доверять никому, кроме себя, ибо однажды моё доверие жестоко предали. Тем не менее, я думаю, что мы и впрямь не можем блуждать дальше в потемках.

Я сделала многозначительную паузу, не сводя глаз с северянина. Он жадно ловил каждое слово.

— Я ищу храм тех, кто принадлежит секте Дракона. Вернее, не сам храм, а Башню Скорби, что должна находиться рядом с ним. Знаю, что отыскать его будет не так легко, ведь почти все храмы были разрушены, а драконопоклонники рассеялись по материкам... Почему ты смеёшься?

Кривая улыбка, возникшая на лице наёмника в начале моей речи, превратилась в громогласный хохот. Случайный прохожий боязливо покосился на северянина и ускорил шаг.

— Знаешь, Кошка, — сказал Коннар, отхохотавшись и победоносно глядя на меня. — Я тебе сейчас кое-что скажу. После этого тебе точно не придется жалеть о своем решении разделить путь со мной.

— Почему? — ошеломлённо спросила я.

— Я знаю, где находится один из таких храмов, вернее, его останки. Когда-то давно мне довелось участвовать в строительстве монастыря Лиара, который воздвигали прямо на них.

96 — **Синх** — один из богов Солнца третьего материка;

97 — **Жарамм** — самозванец, называющий себя воплощением Элоаха; умер за триста лет до описываемых событий, однако успел основать весьма мощное движение своих последователей;

Интерлюдия

Северо-восточный ветер, принёсший с собой прошлогоднюю лиственную труху и редкие снежинки, яростно взвыл в открытых балюстрадах, пронизывающих отвесную скальную стену. Мусор, нанесённый веками на полы, взметнулся в воздух и закружился спиралью, будто возмущаясь, что его посмели потревожить.

Где-то в нутре горы рождалось едва слышимое потрескивание и слабый гул, словно исходящий от гигантской печи, запрятанной глубоко в скальных недрах. Всё вокруг безмолвствовало. Не кричали даже снежные гарпии, что обжили ущелье поблизости. Одни лишь порывы ветра вновь и вновь яростно набрасывались на балюстраду в тщетной попытке не то снести, не то сдвинуть хотя бы один камень. Там, внизу, цвела и благоухала весна. Здесь же бессменно властвовал холод, который, казалось, навеки сковывал любое движение. Любую мысль.

Любую жизнь.

Заходящее солнце выкрасило горный кряж в цвет крови. Сделав слабую попытку разбудить это ледяное царство и не найдя отклика, оно стало плавно опускаться за хребет. В синих сумерках, быстро сгущающихся под крышей, почудилось движение. Жемчужно-серый силуэт отделился от стены, скользнул вдоль колонн и завис у перил, рассеивая вокруг молочно-белое сияние. Его неясные очертания, размытые в потёмках, стали приобретать более чёткие формы. Через пару ударов сердца около перил стала видна полупрозрачная фигура человека — молодого мужчины с длинной раздвоенной бородой и наголо выбритой головой, на которой тускло мерцали какие-то символы. Его одежда состояла из длинного, до пят, камзола с широкими рукавами. Сквозь него неясно просвечивала белая рубаха. Из-под полы выглядывали загнутые носы сапог.

Призрак медленно окинул взглядом окрестности, что-то бормоча себе под нос и скорее по привычке, чем осмысленно, пощипывая бороду. Затем он сунул ладони в раструбы своих широких рукавов, бросил последний взгляд на горы и величаво поплыл к стене. Приблизившись к ней, призрак легко, как дым в трубу, всосался в каменную кладку, оставив лишь дрожащий воздух и быстро угасающее серебристое мерцание.

На горы опустилась ночь.

Каменные ступени, круто уходящие вниз, тускло освещались дрожащим сиянием магических светильников. Кое-где свет почти угас. По обеим сторонам лестницы тянулись потемневшие от времени стены, когда-то обшитые дубом, от которого сейчас остались изгрызенные древоточцами деревянныешки. Виднелись светлые круги, показывающие, что раньше на стенах что-то висело.

Возникший из каменного массива призрак скользнул глазами по лестнице, выпростал ладонь из-под рукава и дотронулся до одного из кругов. Мгновение спустя он сердито нахмурился и поспешил вниз по лестнице, больше не обращая внимания ни на что вокруг. Лестница привела его в узкий коридор, где светильники горели ярче, но всё же оставляли ощущение полутёмных катакомб. В коридор вело множество дверей, но призраку не было до них дела. Он летел вперёд, не задерживаясь больше нигде. Миновав несколько поворотов и лестничных переходов, — вниз, вниз! — он застыл перед огромной двустворчатой каменной

дверью, на которой не было ручек, а лишь поблескивал узор, представляющий собой змею, кусающую себя за хвост. Змея была выложена из лавандового содалита и недобро смотрела на посетителя глазами, роль которых выполняли самоцветы потемнее. Призрак не стал уделять много внимания змее. Уверенным, явно многожды отработанным жестом он поднял руку и аккуратно провёл указательным пальцем по ней, повторяя узор — от головы до кончика хвоста, засунутого в пасть. От прикосновения самоцветы тускло загорелись, и змея пришла в движение, освободив хвост и распрямившись. Стоило ей принять горизонтальное положение, как дверные створы, лязгнув, начали медленно открываться. Между ними, сопровождаемая негромким скрипом, ширилась щель. Не дожидаясь, пока она раскроется полностью, призрак проскользнул между створами.

Перед ним предстал круглый зал, середину которого наполнял мягкий жёлтый свет. В центре высился массивный каменный стол в виде полумесяца, а вдоль стен стояли тринадцать прямоугольных саркофагов, также сработанных из камня. Крышки двенадцати из них, украшенные крупными круглыми самоцветами, были плотно закрыты. Крышка же одного — того, что находился прямо напротив двери — была аккуратно сдвинута в сторону, приоткрывая зияющую тьму внутри.

Призрака увиденное будто бы совсем не удивило, а, напротив, даже обрадовало.

— Я рад, что бодрствуете именно вы, диль(98) Азарион, — сказал он громко. Если шёпот вообще можно назвать громким.

Что-то шевельнулось во тьме саркофага, и на каменный край легла рука, больше напоминающая высохшую до окостенения серую клешню. С негромким уханьем из саркофага появился... Старик?

Существо, вылезшее из своего убежища, походило на очень старого человека, сторбленного неумолимым временем. При более пристальном взгляде на него становилось понятно: оно вряд ли имеет что-то общее с человеческой расой. Серовато-белая кожа туго обтягивала кости черепа с сильно выпирающей затылочной частью. Острые скулы, казалось, вот-вот должны были прорвать ее. Губы небольшого рта давно ссохлись и провалились вовнутрь. На сутулые плечи ниспадали желтовато-сивые пряди редких волос.

Обитатель саркофага едва доставал призраку до пояса и передвигался странным образом: вытягивал длинные руки-клешни вперёд, прижимал ладони к полу и делал быстрый рывок. Полы длинной тёмной мантии, укутывающей его с шеи до пят, волочились за ним.

Призрак бесстрастно наблюдал, как тот, кого он назвал Азарионом, подползает к нему. Последний, сделав последнее усилие и поравнявшись с ним, поднял голову (в какой-то момент призраку показалось, что непропорционально большая голова со стуком упадёт на пол) и произнёс звучным низким голосом, не сочетающимся со столь тщедушной внешностью:

— Любопытно, друг мой, почему вы каждый раз открываете дверь в наши покои, тогда как все остальные не представляют для вас препятствий?

Призрак снисходительно улыбнулся. Азарион задавал один и тот же вопрос в тысячный раз, и, разумеется, прекрасно знал ответ, однако от традиции не отступал. Скорее всего, эта фраза стала для него чем-то вроде приветствия.

— Вы же знаете, диль, — почтительно произнёс призрачный обитатель каменных покоев, — что Ваш Совет Старейшин велел мне запечатать эту дверь, дабы никто ни в жизни, ни в посмертии не мог проникнуть внутрь и потревожить ваш покой без вашего на то разрешения.

Его собеседник довольно кивнул и позволил своим морщинистым губам растянуться в нитку. Так он изображал улыбку.

— Верно, верно... Не надоело ли вам, мой друг, коротать вечность бок о бок с нами? Тринадцать тысячелетних вампиров — нет компании скучнее!

— Как Хранитель(99) этого Дома, я не могу покинуть его пределы, — терпеливо сказал призрак. Он знал, что Азарион обожал возвращаться к истории, связанной с Домом, а также всячески подчеркивать немощность и никчёмность вампирского Совета Старейшин. Нужно было это просто перетерпеть.

Они появились здесь около двух тысяч лет тому назад. Как раз отгремела Двухсотлетняя Война(100). Дом Содалитов, один из самых малочисленных Домов литанээ разрушили почти до основания. Полчища наёмников, в чьих карманах гремели дории Семьи Опал, прорвали оборону големов у подножия горы и ворвались в Дом, превратив его в пещеру, наполненную обугленными обломками и трупами литанээ. В живых осталась лишь Марианна, восемнадцатилетняя дочь Главы Дома, но и она доживала свои последние дни, корчась на обломках кровати и хрипя. Её горло пронзал опаловый серп. Призрак-Хранитель не мог ничем помочь, и ему оставалось лишь находиться рядом с девушкой, безучастно наблюдая, как из её тела сочится белая дымка — душа. Он знал, что совсем скоро тело девушки съёжится в небольшой кусочек содалита(101), а он присоединится к Великому Разуму(102). В тот момент он как никогда чувствовал свою принадлежность к Междумирию. Оставались считанные мгновения пребывания среди живых. Смерть всех членов Семьи означала и конец пребывания Хранителя в этом мире.

Он усмехнулся, вспомнив горечь и боль, заполнявшие его. Он не хотел уходить. Вот так вот. Никчёмный из него вышел Хранитель, раз не смог защитить свой Дом от резни, устроенной мечами и серпами Опалов. Он всегда недоумевал, почему именно ему, ничем не примечательному казначею Семьи Содалит, выпала честь стать её Хранителем, однако он не оправдал этого внезапно обрушившегося доверия. Он истово желал остаться, дабы получить возможность показать, что не так уж он и плох, хоть как-то проявить себя. Пусть теперь от его сородичей остались лишь мёртвые куски камней.

Вампиры возникли рядом с ним словно из ниоткуда. Призрак даже не услышал их шагов, просто увидел в затянутой дымом комнате тринадцать фигур — согбенных и прямых, будто жерди, высоких и низких, с хищными чертами, на которых застыла удивительная отстранённость и бесстрастность.

Хранитель никогда раньше не встречал представителей этой расы, и их визит застал его врасплох. Не успел он задать им и одного вопроса, как вперед выступил Тариан — самый рослый из всех — и предложил призраку сделку. Им нужно было пристанище, крепкое и надежное, укрытое от посторонних глаз и ушей, сказал он. Им нужна была надёжная охрана и защита. Они могли восстановить сам Дом в кратчайшие сроки. Более того, они могли даже подарить Марианне жизнь. Но всё это при условии, что Хранитель отдаст Дом в полное их распоряжение, оставшись при этом Хранителем, оберегающим последнего члена семьи Содалитов. Вампирам нужна была защита Дома, его мудрость и аура, наполняющая их жизненной силой. Все это мог передать им — исключительно добровольно — только Хранитель Семьи Содалит.

В тот момент Призраку показалось, что праматерь Алайна(103) слышала его истовое желание и отправила помощь, пусть даже и такую своеобразную. Он охотно согласился,

даже не удосужившись поинтересоваться, как незванным гостям удалось так быстро прибыть на место трагедии. Впрочем, в последующие года это, казалось бы, совершенно логичное желание у него не возникало ни разу. Из горла Марианны извлекли серп. Азарион влил в открывшуюся рану собственную кровь, после чего разорванные края кожи моментально срослись. Молодая Содалит судорожно вздохнула, на сей раз без ужасного хриплого сипа. Однако...

...Вампиры не обманули Хранителя — девушка и в самом деле выжила. Беспробудный сон — это тоже жизнь. То ли кровь вампира подействовала на литанээ не так, как рассчитывал Азарион, то ли Марианна не захотела бороться за возвращение к реальности, но призрак видел собственными глазами, как, вздохнув пару раз и что-то пробормотав, молодая литанээ закрыла глаза, чтобы больше их не открывать.

Лианон, собрат Азариона, помог отнести девушку в семейный склеп Содалитов и положить на каменную плиту, окружив бесчувственное тело стеклянными сосудами, в которых хранились небольшие кусочки самоцветов — то, что осталось от предков. Первое время Хранитель часто навещался в склеп, проверяя состояние Марианны, однако вскоре ему стало не по себе от того, что он там видел.

Вампирская кровь не только заживила раны девушки. Со временем черты Марианны стали меняться: щеки ввалились, а губы истончились, превратив миловидное личико в подобие смертной маски. Из-под верхней губы показались концы вампирских клыков, которые в отличие от тех, что принадлежали новым хозяевам Дома, были длинными и походили на иглы.

Тем не менее, Марианна жила, давая Хранителю зыбкую надежду на то, что однажды все вернётся на круги своя. Несколько вампиров, взятых новыми владельцами Дома в качестве обслуги, раз в три дня исправно приносили ей стакан крови. "Без этого она умрёт", — пояснил Азарион призраку, с любопытством наблюдая, как красные капельки просачиваются сквозь плотно сжатые губы девушки. После этого Марианна ненадолго возвращалась в прежний облик, чтобы через некоторое время вновь обратиться чудовищем.

О том, кто такие на самом деле незваные гости, Хранитель начал смутно догадываться, когда спустя пару лет обустройства Дома к его новым обитателям потянулись и другие представители их расы. Прямых вопросов он избегал, побаиваясь натолкнуться на ледяной взгляд Ириона, самого старого из вампиров. Они приходили небольшими группками, чаще всего под покровом ночи, но случались и дневные визиты. Диамон и Киара — Хранитель уже успел запомнить имена постоянных прислужников — встречали их и расспрашивали о чём-то на неизвестном призраку языке. После этого приходящих сопровождали в нижний зал. Раньше Содалиты собирали там семейные советы, а теперь стояли лишь саркофаги новых владельцев. Кого-то же отправляли восвояси. Именно в этом зале за плотно закрытыми дверями тринадцать старейших вампиров, выстроившись в строго определённом порядке, беседовали со своими посетителями. Беседа часто затягивалась и могла обернуться чем угодно: спором, судилищем или даже...

...Пытками.

Вампиры не возражали против присутствия Хранителя на своих сборищах. Они всё равно велись на их собственном наречии, которого призрак так и не научился понимать. После того, как Диамон невозмутимо отсёк голову какому-то вампиру за то, что тот убил несколько человек при попытке украсть что-то из его замка (это растолковал призраку Азарион, по непонятной причине проникшийся к нему подобием дружеских чувств),

Хранитель стал осознавать, что пришельцы представляют собой что-то вроде совета судей. Его догадку подтвердил тот же Азарион, почувствовавший или догадавшийся, какой вопрос терзает Хранителя.

— Нас слишком мало в этом мире, друг мой, — сказал он в момент своего очередного бодрствования (в промежутке между собраниями новые хозяева Дома предпочитали коротать время, погрузившись в глубокий сон вроде того, что окутывал Марианну, и плотно задвинув крышки саркофагов. Время от времени то один, то другой возвращались в реальность. — И кто-то должен следить за тем, чтобы мои братья и сестры жили в мире со всеми остальными народами, уж прости за каламбур.

Выдержав паузу и изучающе глядя на безэмоциональное лицо призрака, старый вампир продолжил:

— Мы взяли на себя смелость исполнять именно эту миссию. Да, может быть, иногда мы судим наших братьев слишком строго, но калёное железо оставляет куда более заметный след, чем шёлковый платок.

— Значит, вы называете себя судьями? — уточнил Хранитель. Азарион скушаяще покачал головой:

— Судьи — слишком узкое название. Скорее, наставники. Достаточно мягкие, чтобы присматривать за своими неразумными учениками, и вполне жёсткие, чтобы держать их в узде. Наши братья называют нас Советом Старейшин, и мне это название по душе.

Помолчав немного, Азарион добавил, понизив голос до едва различаемого шёпота:

— Я не знаю, почему именно нас избрали на эту роль. Наши боги умолкли, едва только мы переступили Порог между мирами. Теперь нам лишь остается исполнять своё предназначение.

Призраку доводилось раньше слышать о принадлежности вампиров к иному миру, однако именно в момент того памятного диалога он получил неоспоримое подтверждение этого факта из уст самого вампира. Азарион впервые позволил себе откровенность. Хранитель отважился поймать момент.

— Вы что-то помните о своей родине?

Азарион усмехнулся не без тени самодовольства, хотя это выглядело так, словно побитый непогодой булыжник прорезала горизонтальная трещина:

— Я слишком стар, друг мой. Я был в годах ещё в момент Перехода. Неужели ты думаешь, что в моей тухлявой памяти сохранилось что-то?

Хранитель не думал. Он знал: его древний собеседник кривит душой и при желании может поведать много любопытного о том и этом мире.

Только вряд ли подобное желание у него когда-нибудь возникнет.

— Что заставило тебя навестить наши скромные покои, друг мой? — вкрадчиво спросил Азарион, с хрустом потягиваясь и разминая шейные позвонки. Призраку в который раз стало не по себе от этого зрелища. Ему казалось, что старец-вампир рассыплется прахом от любого неосторожного движения. Однако он знал, что внешность была обманчива: любой из присутствующих здесь вампиров был на редкость крепким и сильным.

Отгнав неприятные мысли, призрак кашлянул и прошелестел:

— Когда-то вы попросили рассказывать обо всём необычном или подозрительном, что мне повстречается.

Азарион замер и медленно, как большая черепаха, повернул голову. На Хранителя

установилась пара крошечных, словно булавочные головки, глаз.

— Сдается мне, друг мой, — проскрипел вампир, — что ты готов поведать мне что-то интересное! Изволь.

Будь призрак человеком из плоти и крови, он бы набрал воздуха в грудь, готовясь к пространной тираде. Бесплотному существу же это не требовалось, и он ограничился неглубоким кивком:

— Вы знаете, что мне доступны пласты Междумирья. Иногда я навещаю туда, чтобы дать себе небольшой отдых от суеты мира живых.

Азарион важно кивнул:

— Такая передышка и мне бы не помешала. Продолжай.

— Некоторое время назад я наткнулся на весьма странную вещь. Вернее, даже не одну.

Хранитель позволил себе небольшую паузу, наслаждаясь выражением жадного внимания, появившемся на лице старого вампира.

— Ну? — нетерпеливо выпалил тот. Призрак продолжил, нарочито растягивая фразы:

— В одном из пластов Междумирья я обнаружил отпечаток некой сущности, что при жизни принадлежала стране Лах'Эддин. Вы слышали о колдунах Лах'Эддина, мой диль?

Выражение жадности сменилось невероятным изумлением и — призрак удивился не меньше — мимолётным испугом.

— Лах'Эддин? — медленно повторил вампир. — Я слышал об этой стране. Но они все вымерли много веков назад. Что значит этот твой "отпечаток сущности"?

— Это самое интересное, мой диль, — Хранителю не терпелось приступить к главному, и он заговорил быстрее. — Я раньше с таким не сталкивался. Кто-то проник в Междумирье извне и уничтожил лах'эддинца. Кто-то, не принадлежащий миру призраков. Кто-то живой.

Все эмоции разом покинули лицо Азариона. Опустив плечи, будто от громадной усталости, старый вампир осел на пол.

— Разве это возможно? — растерянно спросил он. — Я думал, что доступ в Междумирье открыт только таким, как ты.

— И я так же полагал, мой диль, — кивнул Хранитель. — Но факт налицо. Мало того, что кому-то удалось проникнуть туда, куда не следовало, он ещё и сумел уничтожить бестелесное создание!

Азарион властным взмахом руки прервал собеседника и, рывком поднявшись с пола, заковылял по залу, лихорадочно бормоча под нос:

— Я предчувствовал: грядёт ещё что-то. Кажется, мы всё-таки совершили большую ошибку!

Призрак неотрывно следил за ним, чувствуя, как интерес неумолимо растёт. Он не ожидал, что сообщение возымеет такой эффект.

— Это так важно?

Старый вампир заломил руки к вискам, словно пытаюсь унять сильную головную боль:

— Может быть и не важно, друг мой, — проворчал он. — Но что-то подсказывает, что этим стоит заняться более подробно.

— Вы опасаетесь, что появятся ещё лах'эддинцы?

— Лах'эддинцы мертвы! — рявкнул старик. Под сводами зала заметалось испуганное эхо. — Все до единого! Скорее всего, это был какой-то счастливчик, изыскавший путь выживания! Меня больше волнует тот, кто его уничтожил!

Азарион остановился и наставил на Хранителя костлявый узловатый палец:

— Ты сможешь отследить, откуда и как именно пришёл в Междумирье этот живой? И, самое главное, куда он потом делся?

— Это возможно, — подумав, сказал призрак. Вампир поджал губы.

— Тогда займись этим как можно быстрее, друг мой! Мы уже совершили один промах, оставив того мальчишку в живых. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Хранитель прекрасно понял, кого Азарион имеет в виду. Несколько лет назад перед судом тринадцати предстал молодой вампир, ненароком или по злему умыслу укушенный оборотнем. Это не на шутку испугало древних вампиров. Подобного, по их словам, ещё не случалось. Юношу заперли в каменном погребке и дали ему пережить первое полнолуние — скорее всего, из желания посмотреть, что произойдет (призрак передёрнул плечами, вспомнив, чем именно обернулся молодой вампир), а затем после долгого и изнурительного совещания решили выслать его за пределы Алдории. Такое решение приняли благодаря незначительному перевесу голосов — семь против шести. Шестеро истово ратовали за казнь, но их собратья по каким-то причинам воспротивились. Азарион, одним из первых выступающий за смерть юноши, трясся от гнева, пересказывая Хранителю подробности собрания. Негодовал он и сейчас:

— Беда никогда не приходит одна, друг мой. Я знаю, сейчас мальчишка далеко. Но кто знает, чем в будущем обернется вся эта история с ним и этим убийцей лах'эддинца для нас?

Он замолчал, понутив голову. Призрак терпеливо ждал, не уловив никакой связи между юношей-изгнанником и убитым лах'эддинцем. Наконец Азарион встряхнулся, как старый ворон, попавший под дождь, и властно приказал:

— Ступай в Междумирье. Сообщай мне о любой подозрительной мелочи. Как только отыщешь следы того живого, немедленно говори мне. Я прикажу бросить все силы на его поиски!

98 — **диль** — почтительное обращение к старшему по возрасту или рангу на вампирском наречии;

99 — **Хранитель Дома литанээ** — призрак одного из почивших представителей Семьи. Выбирается и призывается здравствующим на момент избрания Хранителя главой Дома. Его задача — аккумулировать и сохранять силу Семьи, а также хранить архивы Рода. После уничтожения Семьи Хранитель лишается возможности существовать в реальном мире;

100 — междоусобная война между Семьями литанээ на первом материке;

101 — после смерти тела литанээ превращаются в камни их Семей;

102 — литанээ верят, что после смерти их души возносятся в небо, где становятся частью одной огромной души — Великого Разума;

103 — **Алайна** — по преданиям литанээ — праматерь их расы;

— Не может быть! — выдохнула я, во все глаза глядя на северянина. Коннар тихо рассмеялся и развел руками: увы. На долю мгновения мне захотелось вцепиться ему в лицо, чтобы стереть эту ухмылку. Я трянула головой, отгоняя настойчивое чувство, и процедила сквозь зубы:

— Ты же наёмник, какого Хэлля ты забыл на стройке монастыря?

Северянин смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде нарастало, плескаясь в тёмных озёрах глаз, превосходство.

— Это было около десяти лет назад. Я только покинул своё поселение. Ни о какой Вольнонаёмной гильдии(104) я тогда не знал. Вообще не думал ни о чём, кроме денег. На счастье, подвернулся храмовник. Он звал всех на строительство нового монастыря Лиара. Обещал хороший заработок, крышу над головой и сносную пищу.

— Но ты же поклоняешься совершенно другим богам, — пробормотала я. Коннар скривился:

— Богам Амальганны нет дела до таких мелочей. Или ты думаешь, что они следят за каждым шагом? Это моя жизнь, и я не хотел заканчивать её, корчась от голода где-то в подворотне.

Я промолчала. Наёмник тоже, а затем возобновил свой рассказ. На сей раз он глядел в сторону:

— Мы — я и ещё несколько таких же дураков — провели три месяца в том проклятом месте. Расчищали завалы, сносили руины старого храма — да, Кошка, сейчас я уверен, что это был храм твоих драконопоклонников — и таскали тяжёлые мраморные глыбы. Работа, достойная Сильва(105). И всё это ради каких-то жалких пяти золотых! Именно столько нам заплатили за три месяца!

Его лицо потемнело от воспоминаний. Сплюнув, наёмник умолк. Меня же совершенно не интересовало, кто такой Сильв, да и подробностей нелегкой жизни северянина я тоже не жаждала узнать. Гораздо больше занимало другое.

— Там был колодец? Или что-то на него похожее?

Коннар нахмурился и угрюмо проговорил:

— Был. Глубокая дыра, вырубленная в скале. Мы даже заглядывать туда не стали — стоило чуть отодвинуть каменную крышку, как оттуда понеслась такая вонь, будто на сыромятне побывал. Тот храмовник — не помню, как его звали — велел больше к колодцу не прикасаться, закрыть и засыпать крышку дроблёным камнем. Мы так и сделали.

Северянин протянул правую руку ко мне. Вздвогнув, я отступила назад. Но наёмник не пытался дотронуться до меня. Он просто продемонстрировал свою ладонь, которую пересекал широкий блестящий шрам.

— Вот что мне оставил тот колодец на память, — мрачно прокомментировал Коннар. — Края его крышки были острыми, и мне едва не отсекло пальцы. Потом эта рана долго болела, и из неё сочилась какая-то чёрная дрянь, но попался хороший знахарь.

Дёрнув мускулистым плечом, он убрал руку. Я сочувствующе покачала головой, но упрямогнула свою линию:

— Вы просто засыпали колодец? А его можно снова открыть?

— Я не знаю, что с ним происходит сейчас, — последовал ответ. — Но десять лет назад на том месте осталась пустая площадка, покрытая осколками камней. Не думаю, что она пустует до сих пор.

Его дальнейшие рассуждения я пропустила мимо ушей. В голове пульсировало лишь одно: "Он знает, где монастырь. Он проведёт меня к нему". Остальное было неважно. Эта мысль настолько засела в сознании, что не допускала ни малейшей возможности неудачи. Размышлений о том, что на засыпанном колодце вполне могли что-то воздвигнуть — тем более.

Оставались сущие мелочи.

— Где находится тот монастырь? — нетерпеливо спросила я, покусывая губы от бьющегося внутри лихорадочного возбуждения. Коннар громко расхохотался:

— Кошка, десять лет назад я, разумеется, знал, что встречу тебя! Конечно же, я запомнил, прямо хоть сейчас карту нарисую!

Возбуждение погасло, превратившись в тоскливо-щемящее чувство безысходности. Я сжала кулаки и отвернулась, чтобы северянин не заметил злых слёз, на мгновение наворачнувшихся на глаза.

— Успокойся, — услышала я его голос. Нотки самодовольства в нём стали ещё отчетливее. Это заставило скрипнуть зубами. — Я помню, что неподалеку от того места была двурога гора. Наш десятник тогда назвал её Козлиной, сказал, её вершины напомнили ему рога. Так и повелось. Правда, у горы было и другое название. Но я не думаю, что тебе оно понравится.

— И как этот ориентир поможет? — перебила я северянина. Тот недовольно дёрнул губой:

— Думаю, любой храмовник, служащий Лиару, мигом сообразит, что именно ты имеешь в виду, как только упомянешь про двурогу гору и монастырь.

— Надеюсь, — вполголоса произнесла я. Коннар пытливо смотрел на меня. Мне, как всегда, стало неуютно под его взглядом. Я поспешила нарушить нехорошую паузу, повисшую между нами:

— Монастырём займемся чуть позже!

— Мне казалось, ты рвёшься в бой, — саркастически протянул северянин. Я подняла глаза на него, одарила чарующей улыбкой и промурлыкала:

— Всё верно. Но и ты, как опытный воин, не можешь не признать, что глупо пускаться в бой, не обзаведясь оружием.

Поблескивающий на прилавке товар ошеломлял великолепием. Короткие мечи, чьи рукояти украшало чёрное серебро и изумруды, кинжалы, в крестовине которых переливались аметисты и рубины, изящные малахитовые кастеты, длинные сабли — казалось, посмотри на них сбоку, и увидишь тончайшую полоску.

Красивое оружие. При этом абсолютно бесполезное.

— Что-то не так, госпожа? — из торговца так и хлестало обаяние и обходительность. Смешливый пухлый человечек с чёрной бородкой, он явно никогда не держал в холёных руках кузнечный молот. Скорее всего, всё, что находится в лавке, делают какие-нибудь мастера в близлежащей кузнице, а его задача сбыть плоды их труда.

Я протяжно вздохнула и нарочито медленно провела пальцем по разложенным чудесам.

— Они потрясающие, — грустно сказала я. — Но всё это больше похоже на украшения

придворных дам, чем на настоящее оружие. Против тайгора или валкаса(106) с этим, — я наугад вытащила крохотный кинжальчик в форме лепестка лилии, инкрустированный бирюзой, — не пойдешь. Сломается прежде, чем извлечешь на свет.

Глаза торговца на мгновение округлились, но годами отработанная выучка взяла верх. Он еле слышно кашлянул.

— Я всё понял, госпожа, — мёда в его голосе не убавилось ни на каплю. — Почему же вы сразу не сказали, что хотите подобрать оружие, достойное вашего наёмника? Извольте подождать несколько мгновений, я мигом!

— Пойдите, — устало сказала я. За спиной Коннар шумно вздохнув, обдав мою шею горячим дыханием, и едва различимо пробормотал: "Не мешало бы". Торговец замер, нахмурившись.

— Благодарю за рвение, но, боюсь, мы опять друг друга не поняли, — произнесла я, чувствуя лёгкую досаду на то, что из-за излишней предупредительности торговца приходится объяснять всё по несколько раз. — Оружие нужно мне. И я прошу вас показать настоящие клинки. Те, которые точно защитят в случае опасности, а не осядут лишней побрякушкой!

В моём голосе прозвенел холод. На лице торговца расплылось виноватое выражение. Точь-в-точь преданный слуга, случайно наступивший хозяину на ногу.

— Простите, госпожа, — сдавленным голосом произнес он, низко склоняясь. — Простите мою непонятливость. Старею, что уж тут поделаешь, привык выполнять одни и те же просьбы! Не сомневайтесь, покажу вам лучшее, что у меня есть. Клинки Барроуза покупает сам барон Энрике, а это что-то, да значит!

Имя барона для меня не значило ничего. Я хорошо знала привычку торгового люда хвастаться именами знатных особ, "постоянно" отоваривавшихся у них, даже если эта особа заглянула в лавку лишь раз, да и то чтобы выпить стакан воды. Оставалось мягко улыбнуться, показывая, что не сержусь, и кивнуть, чуть приподняв бровь. Торговец, назвавшийся Барроузом, сжал мою ладонь в знак признательности и одним махом смёл с прилавка всё принесённое ранее добро и исчез за ширмой, возвышавшейся прямо за спиной.

— Старый пройдоха, — мрачно резюмировал северянин, скрестив руки и недоверчиво глядя торговцу вслед. Я пожала плечами:

— Посмотрим, что он притащит на этот раз.

Выложенные Барроузом на прилавок клинки были и впрямь хороши. Не берусь сказать, что они превосходного качества, но довольно-таки добротные, без лишних изысков, с хорошей балансировкой и крепкой гардой. Их я рассматривала более тщательно, поочередно скидывая к глазам то один, то другой. Особо приглянувшиеся передавала северянину для профессиональной оценки. Коннар хмурился, качал головой и быстро возвращал их на прилавок, то и дело цедя сквозь зубы:

— Паршивая железка! Если бы валиррийский(107) кузнец посмел выковать такое, его выставили бы против пещерного медведя, вооружив этим оружием. Поверь, живым из схватки вышел бы точно не кузнец.

Барроуз при этих словах покраснел, затем побледнел, но возразить не решился. Наверное, страх перед огромным северянином пересиливал. Когда стопка клинков на прилавке поредела, а отвергнутые образовали неопрятную кучу, я демонстративно горько вздохнула и повернулась к наёмнику:

— Похоже, тут мы ничего стоящего не найдем. Похоже, у барона Энрике совсем непритязательный вкус, раз он довольствуется таким хламом. Интересно, во всех оружейных лавках Корниэлла нас ждет скудный выбор?

— Подождите, госпожа, — взволнованно выпалил торговец. Теперь на его щеках ярко атели пятна, формой напоминавшие расплющенные яблоки. — Я мигом! Только не уходите! У меня есть то, что абсолютно точно придется вам по вкусу!

Ширма колыхнулась. Коннар недоверчиво хмыкнул:

— Пойдём отсюда, Кошка. Нам просто не повезло. Нарвались на пустозвона, который решил по привычке всучить заваливающуюся в закромах дрянь.

— Погоди, — осадил я его. — Может быть, он и впрямь предложит нам что-то стоящее?

— Что стоящего может отыскаться у торговца, к которому ходят лишь городские неженки, в жизни не бравшие в руки настоящего меча? — парировал наёмник. В его низком голосе почувствовалось раздражение. Я запнулась на мгновение, обдумывая, что бы такого ответить, чтобы не злить его ещё больше. На язык просилось множество колких фраз, но не хотелось усугублять напряжение. Оно искрилось и потрескивало, выпивая силы со скоростью изнывающего от жажды тайгора, дорвавшегося до водооя.

Барроуз вновь возник за прилавком.

— Вот, — отдуваясь, сказал он, выкладывая груды клинков. — На сей раз я готов побиться об заклад, что из этих-то вам точно один, да глянется! Если нет, можете и дальше бродить по лавкам Корниэлла. Ничего лучше не сыщете!

Отметив резкую смену его тона — с подобострастно-учтливой на прохладно-деловой, я в третий раз углубилась в перебирание товара. Это занятие уже начало надоедать. Я склонялась к тому, чтобы выбрать первый же попавшийся клинок и уйти. Северянин не отставал. Клинки задерживались в его руках намного дольше, да и выражение лица чуть смягчилось.

— Знаешь, Кошка, — едва слышно пробормотал он, краем глаза следя за Барроузом. — Пожалуй, на сей раз этот торгаш не солгал. Здесь есть хорошие клинки, только упаси тебя боги громко восторгаться, иначе с нас сдерут три шкуры!

— Я не вчера родилась, мой капитан, — отпарировала я с милой улыбкой, заметив, как при последних словах лицо северянина застыло. — Я прекрасно знаю правила торговли, так что не стоит учить меня прописным истинам!

Наёмник хрипло выдохнул и, скрипнув зубами, швырнул короткий меч в общую кучу. Клинки жалобно зазвенели, а Барроуз вздрогнул, но делать замечания не решился. Не придав значения мгновенной вспышке гнева спутника, я вытянула клинок, бросившийся в глаза уже давно. Это был недлинный кинжал, похожий на данк(108), но с рукоятью потолще. Её оплетали тонкие сыромятные ремешки. По бокам явственно нащупывались какие-то продолговатые выступы, надёжно скрытые под оплётком.

— О, госпожа, у вас хороший вкус! — приободрившимся голосом возвестил Барроуз, заметив, как я примериваю кинжал к руке. — Это не совсем обычный клинок. Если вы позволите, я покажу!

Дождавшись моего одобрительного, хоть и слегка удивлённого кивка, торговец взял у меня данк и, вытянув перед собой, нажал пальцами на те самые продолговатые выступы. Клинок с легким шелестом нырнул в рукоять.

— Ого! — не выдержала я. Коннар что-то пробормотал, однако по его лицу тоже

промелькнуло тщательно скрываемое изумление.

— Изобретение моего брата, — гордо сказал торговец, явно наслаждаясь произведённым эффектом. — Не знаю, каким образом он добился этого, но получилась крайне полезная вещь. Лёгкое движение руки — и ваш враг падёт, даже не подозревая о том, какое смертельное оружие у вас припасено.

Он сделал слегка неуклюжий выпад вперёд, вновь надавив на бока рукояти, и сверкающее лезвие выскочило из своего укрытия. Коннар порывисто дернулся ко мне.

— Очень интересно, — скучающим голосом протянула я, мгновенно взяв себя в руки. — И сколько вы за него хотите?

Барроуз повертел данк в руках.

— Девяносто серебряшек. Сразу предупреждаю: торговаться не буду, так как это и так божеская цена за такую тонкую работу.

Я поджала губы: рассчитывала уложиться в пятьдесят серебряных монет, и показалось, что девяносто — непомерно высокая цена. Видимо, почувствовав моё настроение, наёмник решил включиться в игру. Шагнув вперёд и загородив меня массивным телом, он тяжело опёрся об прилавок, недовольно скрипнувший под его весом, и тихо сказал, нависнув над съёжившимся торговцем:

— Девяносто серебряных за такую поделку тебе равно никто не заплатит, уж поверь на слово. Поэтому тебе было бы лучше согласиться на шестьдесят...

— Пятьдесят, — шёпотом подсказала я.

— Пятьдесят, — мигом поправился Коннар. — Пятьдесят монет.

Барроуз нахмурился. На его круглощёкое лицо набежала тень глубокой обиды.

— Это грабеж! — дрогнувшим голосом сказал он, пятясь к своей ширме. — Да тут одной железной руды на пятьдесят пять серебряшек ушло!

Коннар пожал плечами, распрямился и с лёгкостью сбросил на пол несколько клинков.

— Советую подумать, — сверкнул он глазами.

— Хорошо-хорошо! — во вскрике Барроуза прорезались истерические нотки. — Умоляю, больше не трогайте тут ничего! Я согласен снизить цену, уступлю вам этот клинок за семьдесят пять монет, но, клянусь, не могу снизить цену ещё больше! Я не хочу остаться нищим!

Понятно, что он преувеличивал. Один клинок вряд ли может наделать столько убытков. Но мне стало жаль трясущегося от ужаса толстяка. Я прекрасно знала, какой ужас может внушить Коннар при первой встрече. Поэтому я тихо сказала:

— Мы согласны.

Наёмник развернулся, смерил меня недовольным взглядом, но промолчал. Он отошёл в сторону, пропуская меня к прилавку, где я расплатилась с дрожащим Барроузом и забрала данк. В глазах торговца, направленных на северянина поверх моего плеча, медленно таял испуг, смешанный с сочувствием.

— Благодарю вас, госпожа, — еле слышно сказал он. — Что-нибудь ещё?

"Нет", — хотела ответить я, уловив в голосе толстяка сильное желание захлопнуть за нами дверь и больше никогда не видеть. Однако я вспомнила ещё кое-что.

— Подойди сюда, — велела я наёмнику. С подозрением глянув на меня, он подчинился, вызвав новый всплеск паники у Барроуза. Не обращая внимания на него, я вкрадчиво обратилась к Коннару:

— Совсем недавно ты утратил свой кинжал по моей вине. Я не люблю быть обязанной

кому-то, поэтому предлагаю тебе выбрать любой клинок из тех, что здесь есть. В знак извинения. За мой счет.

Тёмные глаза Коннара сузились — не то от изумления, не то от ярости.

— Мне не нужны твои подачки, Кошка, — прорычал он. Я не отвела взгляд и мягко возразила:

— Хорошо, тогда считай это моим подарком!

На скулах наёмника вздулись желваки. Не глядя, он выхватил из кучи клинков первый попавшийся.

— Этот!

— Сорок восемь серебряных, — пролепетал Барроуз. Очаровательно улыбнувшись ему, я принялась отсчитывать монетки.

Выходя из лавки, Коннар хлопнул дверью с такой силой, что здание вздрогнуло.

Прозрачно-бледная луна, чуть надгрызенная с левого бока, медленно поднималась в темнеющем небе. Неистово пахло жасмином и шиповником. Издалека неслись весёлые крики и пение. Их заглушал грохот повозок, то и дело проезжающих по мощёным улицам Корниэлля. Я стояла, облокотившись на подоконник раскрытого окна своей комнаты. В голове царил сумбур.

С одной стороны, нужно передохнуть и уложить в голове вынесенную из библиотеки информацию. С другой, сердце ныло от неясной тревоги. Неужели я где-то допустила какую-то оплошность? Я лихорадочно перебрала в уме события последних дней: нет, не похоже. Тогда что это?

Я бездумно перевела взгляд на шпиль какого-то храма, поблескивающий над остроконечными крышами домов, словно ища поддержки. Последние лучи солнца выкрасили его в кроваво-золотистый цвет, и он казался клинком, пронзающим сиреневающее небо. Сердце сжалось вновь, и я вдруг всё поняла.

Это не тревога. Меня грызло тоскливое нетерпение, исступлённо нашептывающее: "Поспеши! Нельзя терять ни минуты! Ты же не хочешь, чтобы тебя опередили?"

Опередил кто? Вторую веху ещё кто-то ищет?

Я сжала виски, запустив пальцы в "венки Бриссы", из которого уже начали выбиваться пряди. Ерунда это всё. Вряд ли кому-то могло прийти в голову начать поиски Призрака одновременно со мной.

Это ни капельки меня не успокоило. Вновь взглянув на потускневший шпиль, я приняла решение. Уснуть сейчас всё равно не получится, только скомкаю кровать беспокойным метанием. Почему бы не прогуляться? Всё лучше, чем терзать себя, запершись в четырёх стенах.

Не успела я об этом подумать, как с плеч будто сорвалась тяжёлая ноша. Мысль о предстоящей прогулке обрела двойную привлекательность.

Впервые за весь вечер улыбнувшись, я поспешила к двери. Встав к ней боком, осторожно приоткрыла створку и выглянула в щель. Площадка перед нашими комнатами пустовала. Дверь, ведущая в комнату северянина, была плотно закрыта. Значит, наёмник либо находился у себя, либо в нижнем, питейном зале постоянного двора. Первое нравилось больше, так как во втором случае придется придумывать что-то на ходу. Я уже убедилась на собственном горьком опыте, как сильно мой спутник не переносит лжи и притворства.

Не то чтобы я совершенно не боялась бродить в одиночестве по улицам Корниэлля.

Внутреннее чутьё подсказывало, что сегодняшним вечером нечего опасаться. Мне хотелось хотя бы немного погулять наедине с собой, привести в порядок мысли, не ощущая лопатками буравящий спину тяжёлый взгляд Коннара и не вступая с ним в изнуряющие пререкания на пустом месте. В конце концов, обходилась же я до этого без его помощи. И прекрасно, надо сказать, обходилась!

Я тихо выскользнула из комнаты и, тщательно заперев дверь, побежала вниз по лестнице.

В питейном зале Коннара не оказалось. Облегчённо выдохнув, я прошла мимо немногочисленных посетителей. Они не удостоили меня вниманием, и я выскользнула на улицу.

На крыльце я чуть не столкнулась с новыми посетителями "Зелёного леса", нашего постоянного двора. У ступеней стояла двуколка, из которой, опираясь на руку прислужника, выбиралась молодая белокурая девушка, одетая в тёмно-красное дорожное платье. Судя по причёске и отделке наряда, деньги у неё водились. Поблагодарив служку и сунув ему пару медяков, девушка поспешила к крыльцу. Я посторонилась, пропуская её. Проходя мимо, она одарила меня странным взглядом, в котором ясно читались мольба и безысходность. Повинуясь наитию, я ободряюще улыбнулась ей. Губы у незнакомки дрогнули, словно она собиралась что-то сказать, но, явно передумав, она стыдливо отвела глаза и скользнула за дверь.

Я пожала плечами и обратила внимание на прислужника — молодого конопатого парня, который как зачарованный наблюдал за незнакомкой.

— Разве тебе не нужно разгружать двуколку? — невинно поинтересовалась я. Парень вздрогнул и растерянно пробормотал:

— Да! Я и забыл!

Он поспешил к повозке. Опёршись о перила крыльца, я нарочито небрежно спросила:

— Скажи, пожалуйста...

— Рин, — подсказал прислужник, вытаскивая из двуколки небольшой сундучок, обитый кожей. Судя по усилиям, который прилагал Рин, и по испарине, выступившей у него на лбу, сундучок доверху набили чем-то тяжёлым.

— Скажи мне, пожалуйста, Рин, что это такое виднеется над крышами домов? — я кивнула в сторону шпиля, уже почти неразличимого в сгущающихся сумерках.

Рин аккуратно поставил свою ношу на мостовую и вытер лоб.

— Красиво, да? Это храм пресветлого Лиара, — с оттенком благоговения произнес он, сотворяя надо лбом круг(109). Я удовлетворенно кивнула.

— Сейчас туда можно зайти, как думаешь?

Рин с усмешкой посмотрел на меня:

— Госпожа, службы идут до глубокой ночи. Если вы поторопитесь, то вполне можете застать Вынос Солнечного Шара(110). Знаете, как туда дойти?

Кажется, паренёк был одним из прихожан храма, и теперь спешил если не обратиться ко мне в свою веру, то хотя бы показать дорогу к одному из её оплотов. Меня это позабавило. Я лукаво улыбнулась ему и промурлыкала:

— Нет, но если ты расскажешь, то можешь рассчитывать на мою искреннюю признательность.

Воодушевившись, Рин в подробностях описал путь до храма ("Пройдете две улицы,

свернёте у лавки мясника направо и вниз по переулку — и увидите его!"). Получив от меня несколько монеток в знак благодарности, он вернулся к сундучку, а я спустилась с крыльца.

Похоже, у вечерней прогулки появилась цель.

По дороге к храму я немного задержалась, заплутав в извилистых улочках Корниэлля. Они все казались на одно лицо. Когда я вышла к обители Лиара, вокруг клубилась ночная темень, разгоняемая лишь золотистыми светом фонарей — больших шаров-светильников, водружённых на чугунные столбы. Прямо у ворот храма, облокотившись на высокую белую стену, изрезанную барельефами, стоял северянин и со скучающим видом разглядывал подаренный клинок, время от времени бросая взгляд на улицу. Заметив меня, он выпрямился, заткнул кинжал за пояс и скрестил руки на груди. Его лицо приобрело непроницаемо-угрюмое выражение.

— Знаешь, Кошка, нанимать человека для охраны, если сама то и дело норовишь сбежать от него, по меньшей мере, странно, — бесцветным голосом сообщил он, дождавшись, пока я подойду поближе.

Я глубоко вздохнула, справляясь с неприятным шоком, который вызвала эта встреча, и мрачно произнесла:

— Дай-ка угадаю. Рин, слуга из "Зелёного леса"?

Коннар дернул широким плечом:

— Я не узнавал, как его зовут. Меня больше интересовало, куда пропала та, за сохранность которой я поручился. Твоя комната заперта, а хозяин сказал, что совсем недавно ты покинула постоялый двор. Этот твой Рин с готовностью выложил всё, что знал, — с мстительным удовольствием сообщил северянин, не сводя глаз с моего лица. — И поджилки у него, по-моему, тряслись от страха, когда я с ним беседовал!

Я не хотела уточнять, как именно протекала их беседа, хотя внутри слабо отозвалась жалость к бедолаге Рину. Стало ясно, что вечерняя прогулка пройдет под неусыпным оком наёмника. С неприязнью глянув на северянина, я сухо сказала:

— Если помнишь, я не очень-то горела желанием брать тебя с собой. Не забудь, что в любой момент я могу избавиться от твоих услуг.

Скулы наёмника обозначились резче на хищном лице.

— Если бы не я, тебя бы сожрал мангор!

— А я бы придумала, как с ним справиться! — дрожащим от гнева голосом парировала я. Мне захотелось кричать, выплеснуть на него всё, что накопилось, но я понимала, что так поступать ни в коем случае нельзя. Это только подстегнёт его собственную ярость. Неизвестно, что он может потом вытворить. Впрочем, кричать и не пришлось. На лицо Коннара набежала туча, а зрачки глаз расширились, почти слившись с радужкой.

— Если бы не тот проклятый колдун, — процедил он сквозь зубы, исподлобья пожирая меня глазами, — я бы заставил тебя укоротить свой язык! Женщина не смеет так смотреть, так разговаривать и держать себя со мной так, будто я — жалкий юнец, на губах которого ещё пенится молоко!

Он стиснул кулаки и надвинулся на меня — огромный, страшный, как бык. Ахнув, я отступила, инстинктивно выставив ладони вперёд. В этот момент я больше всего испугалась того, что он дотронется на меня, и окажется, что гипноз Кристиана рассеялся. Что же мне тогда делать?

Рука Коннара остановилась в ударе сердца от моего плеча. Северянин прерывисто

вздохнул. Я замерла, как вкопанная, окутанная оцепенением.

— Хэллева Кошка! — рявкнул наёмник. Сбросив сомнамбулическую муть, я отшатнулась подальше. — Ведьма, ты же знаешь, что я не могу тебя коснуться, и нарочно меня дразнишь!

Сплюнув на землю, он выругался на незнакомом мне языке и отошёл. Я позволила себе выдохнуть, чувствуя, как в груди ослабли каменные тиски. Видимо, не только во мне копилось невысказанное. Краем глаза я заметила какое-то робкое движение справа. Неподалеку стояли два юноши в золотисто-сиреневых одеяниях храмовников: широких бесформенных балахонах, колышущихся у самых пят. Оба были коротко подстрижены. На их головах чудом держались остроконечные шапочки, похожие на миниатюрные пирамидки.

Поняв, что их присутствие обнаружено, юноши заметно смутились и, синхронно поклонившись мне, двинулись в сторону ворот храма. Я решила, что мне подвернулась неплохая возможность выяснить всё, что нужно, прямо на месте. Желание и дальше гулять по вечернему городу исчезло ровно в тот момент, когда я увидела Коннара.

— Погодите, — окликнула я юношей. Те остановились и вопрошающе посмотрели на меня. Затем, переглянувшись между собой, отвесили неглубокие поклоны, прижав ладони к животам.

— Вам что-то угодно, сестра(111)? — спросил меня тот, что стоял справа. Его короткие волосы отливали медью, а на бледном лице едва заметно угадывались веснушки. Его товарищ хранил молчание, глядя на северянина, вернувшегося на прежнее место.

— Угодно, — мягко сказала я. — Видишь ли, меня очень интересует один из монастырей вашего бога. Он находится...

— Прошу прощения, сестра, — вежливо, но твердо прервал меня храмовник. — Я ещё не нахожусь на той ступени, что позволила бы мне благословлять вас на паломничество. Вы ведь хотите отправиться к монастырю, верно?

Чувствуя, что нащупываю верную почву, я с готовностью кивнула:

— Да-да, разумеется! Именно паломничество я и имела в виду!

— В таком случае, я могу проводить вас к мастеру(112) Алихиму! Только он в нашем храме может выдать благословение.

Фраза про выдачу благословения показалась забавной. Я хихикнула, прикрыв губы ладонью. Похоже, обычаи в обителях бога света разительно отличались друг от друга. В Коннемаре, по крайней мере, благословениями не промышляли.

Второй храмовник покосился на меня, но сохранил молчание. Послав ему вежливую улыбку, я обратилась к собеседнику:

— Пожалуй, я не прочь пообщаться с вашим мастером, только при условии, — я бросила неприязненный взгляд на Коннара, угрюмо ожидавшего у стены, — что моему спутнику разрешат войти на территорию храма.

— Разумеется, — юноша с явным любопытством оглядел северянина. Похоже, ему нечасто доводилось общаться с соплеменниками Коннара. Свои мысли юноша оставил при себе, ограничившись кратким:

— Прошу за мной, сестра!

Внутренний двор храма Лиара был невелик, но пышное убранство словно разбухало, занимая вдвое больше пространства, чем нужно. Мелкий песок усыпал круглую площадку, огороженную высоким — в два моих роста — белёным забором. На узких каменных

лавочках кое-где сидели, тихо переговариваясь, люди. Между ними то там, то сям возвышались странные конструкции — деревянные треножки, увитые плющом. Каменные ястребы хищно взирали с их вершин, распластав крылья. У их лап стояли каменные же блюда. Над ними курился дымок. Подойдя поближе к одному из треножников и привстав на цыпочки, я увидела, что в блюде тлеют, догорая, ивовые листья, ягоды ливвы(113) и птичьи перья.

— Вы опоздали на вечернюю церемонию Выноса Шара, — с сожалением сказал мой провожатый, молчаливым кивком прощаясь со своим безмолвным спутником. Ничего не оставалось делать, кроме как неопределённо пожать плечами. Коннар следил за мной колючим взглядом. С трудом удавалось сохранять невозмутимый вид, чувствуя, как по спине ползут мурашки. Храмовник помялся, видимо, чего-то ожидая от меня, вздохнул и тихо сказал:

— Подождите здесь, сестра. Я позову мейстера Алихима.

И он удалился, вновь поклонившись на прощание со сложенными на животе руками. Чтобы скоротать время, я стала разглядывать храм, возвышающийся прямо перед нами. Он чем-то напоминал одновременно и Корниэльскую библиотеку, и раковину улитки — высокий белый конус, плавными завитками поднимающийся над землей и переходящий в длинный узкий шпиль — тот самый, что виднелся из окна постоянного двора. В его стенах были проделано множество продолговатых отверстий, словно грачки(114) избрали его местом своего обитания. В этих импровизированных окнах плясали багряные отблески пламени. Похоже, внутри храма горело много свечей или факелов. Прямо перед узкой стрельчатой дверью, ведущей внутрь здания, возвышалась статуя, изображающая мужчину, прижавшего левую руку к груди и вытянувшего правую руку вверх. В ней статуя держала мерцающий чёрный шар, выточенный из авантюрина. У ног замерли, сплетясь в сложносочиненный клубок, мраморные змеи(115).

— Какой-то он худосочный! — презрительно бросил Коннар. Краем глаза я заметила, что он встал у меня за спиной. Я не вздрогнула. Обычай наёмника подкрадываться бесшумно, как тайгор на охоте, уже не пугал.

— Это бог света, ему не обязательно обладать мускулами воина, — спокойно ответила я. Наёмник хмыкнул:

— Если уж ты бог и хочешь почитания, то должен вызывать уважение одним своим видом. А этот похож на евнуха, которому и меча в руки дать нельзя — завалится вместе с ним!

Его негромкий, но зычный голос привлек внимание посетителей храма, и те начали осуждающе поглядывать на нас. Привлекать внимания совсем не хотелось, и я с нажимом произнесла:

— Когда находишься в чужом храме, никто от тебя не требует верить в этого бога, но проявить уважение к верующим ты обязан!

Коннар скривился, показывая, какого низкого мнения он о подобных предрассудках, и презрительно перебил меня:

— Перед лицом богов должны трепетать все — в том числе те, кто придерживается другой веры. Иначе что это за боги? Когда в наше селение приезжали купцы из других стран и видели изваяние того же Энрона — бога огня, на их лицах отражался самый настоящий священный ужас. Их колени дрожали, и ничто не могло заставить их пройти мимо статуи бога в сумерках! Поверь мне, я бывал тому свидетелем не раз. А наших селениях есть

изображения не только Энрона.

Он вздернул волевой подбородок и посмотрел на меня с победоносно-торжествующим видом. Это неприятно царапнуло самолюбие, но я заставила себя помолчать несколько мгновений, тщательно подбирая слова, чтобы не подбрасывать поленьев в огонь самодовольства северянина.

— Интересно, — вкрадчиво промурлыкала я, покусывая согнутый палец и напуская на себя смиренный вид, призванный скрыть клокочущее внутри раздражение. — Я не видела этого твоего Энрона, но и желанием как-то не горю. Как по мне, лучше уж приносить подношения кому-то вроде Лиара, чем трястись от ужаса при виде страшилища, вера в которого держится на ужасе!

Черты лица северянина окаменели. Он процедил сквозь стиснутые зубы:

— Что ты вообще понимаешь в наших богах, чтобы о них судить? Наши женщины даже не смели произносить его имени вслух!

Раздражение начало стремительно превращаться в ярость. Сдерживать рвущиеся с языка гневные слова удавалось все с большим и большим трудом.

— Да? — насмешливо спросила я. — А что он мне сделает, позволю полюбопытствовать? Твоё поселение далеко. Сомневаюсь, что власть этого твоего Энрона распространяется на земли за его пределами!

Это прозвучало звонче, чем нужно. Теперь все внимание посетителей храма было приковано к нам. Я понимала, что слишком дразню дракониду(116), но с собой ничего поделать не могла. Внутри, словно заноза, засела обида на наёмника. Её зуд стал просто нестерпимым, выталкивая все накопившиеся эмоции наружу.

— Ты слишком часто упоминаешь ваших женщин и ваши обычаи, — продолжила я, тяжело дыша и глядя в лицо Коннара. Тот угрюмо молчал, не отводя глаз. Его неестественно расширившиеся зрачки и подрагивающие губы выдавали крайнюю степень гнева. Это не произвело на меня никакого впечатления. Я порывисто прижала ладони к горящим щекам и глухо произнесла, веско выделяя каждое слово:

— Впредь держи свои соображения при себе, наёмник, если не хочешь, чтобы мы немедленно распрощались. Знай свое место. Мне нет равным счетом никакого дела до того, во что ты веришь, как у вас принято себя вести, что говорить и как держать себя! Слышишь? Ни-ка-ко-го, Хэлль бы тебя побрал!

Хрипло выругавшись, я замолчала. Чёрные брови северянина сошлись на переносице. Коннар едва слышно что-то пробормотал и уже громче произнес — на удивление спокойным голосом:

— Тебе ведь плевать на меня, да, Кошка? Ты постоянно норовишь сбежать. Но вот в чём загвоздка: отчего-то ты не торопишься вернуть мне клятву. В чём же дело? Если я тебе так неприятен или безразличен, мы можем разойтись прямо здесь и сейчас!

Я с усилием выдохнула, ощущая острую нехватку воздуха. Он был прав. Я могла разом покончить со всеми нашими размолвками, просто отпустив его от себя. Но я этого не делала. Почему? Что-то мешало. Я несколько раз думала об этом, и каждый раз что-то останавливало, шепча: "Ещё рано".

Только как это объяснить северянину?

Он ждал. Под его горящим взглядом волна гнева, захлестнувшая рассудок, схлынула, оставив тоскливое опустошение. Я впилась зубами в губу, истошно желая, чтобы статуя Лиара ожила и прикончила проклятого наёмника на месте, избавив от необходимости что-то

объяснить.

Спасение явилось с другой стороны.

— Боюсь, вы распугали всех озарённых Светом(117), — послышался сбоку тихий мужской голос. Северянин вздрогнул. Мне наконец-то удалось сделать глубокий вдох. Поспешно растянув дрожащие губы в улыбке, я повернула голову и увидела высокого худощавого мужчину по правую руку от нас. Скрестив руки на животе, он терпеливо наблюдал за нашей перепалкой. Его одежда — многослойная хитоль(118) цвета расплавленного серебра чуть колыхалась на ветру, задевая краями песок. Заметив неширокий — в половину ладони — ремень из змеиной кожи, перехватывающий хитоль посередине, я поняла, что передо мной стоит тот самый мейстер Алихим.

Коннар сохранил ледяное молчание. Я поспешила принести мейстеру свои извинения: не хватало, чтобы из-за какой-то пустяковой ссоры мои поиски второй вехи сорвались.

— Прошу прощения, мейстер, — торопливо заговорила я, лихорадочно подбирая выражения поцветистее и кляня северянина. — Иногда мне не удаётся совладать с этим своенравным наёмником. Я понимаю, что наша... м-м... беседа велась непозволительно громко.

Я бессильно развела руками и одарила храмовника ещё одной улыбкой, надеясь, что она получилась очаровательной и искренней. Мужчина неодобрительно посмотрел на Коннара и укоризненно произнёс:

— Храм светлого бога — это не место для шумных ссор. Но Лиар учит нас смирению и всепрощению. Для меня непозволительно держать на вас зло. Я мейстер этого скромного обиталища частицы Света Лиара, Алихим. Могу ли узнать ваше имя, сестра?

Вот Хэлль! Я поняла, что у меня совершенно вылетело из памяти имя, которым назвалась при визите в библиотеку Корниэлля. Чересчур длинная пауза при ответе на этот вопрос могла показаться мейстеру слишком подозрительной. Я со вздохом представилась:

— Меня зовут Кассандра, мейстер.

Северянин многозначительно хмыкнул. Достаточно тихо, чтобы это долетело до ушей мейстера, но так, чтобы услышала я. Алихим понимающе кивнул и со значением повторил, проникновенно глядя мне в глаза:

— Сестра Кассандра, добро пожаловать в наш храм. Если не ошибаюсь, вы прибыли с юга. Что привело вас к нам? Ведь вы не Озаренная Светом?

Я поправила юбку, возвращаясь в образ провинциальной южанки. Теперь следовало вести себя крайне осторожно и тщательно следить за беседой. По всей видимости, мейстер отличался наблюдательностью. Малейшая фальшь может если не разрушить, то уж точно испортить дальнейшие планы.

— Вы проникательны, мейстер. При рождении меня посвятили Бриссе, но я всегда чувствовала, что моё место у алтаря Лиара.

Алихим понимающе кивал в такт моим словам, отчего казалось, что он полностью погружён в свои мысли. Но я чувствовала, что он ловит каждую фразу, и это не очень нравилось.

Я не могла сказать, что и сам мейстер Алихим вызывает у меня симпатию.

— Сестра... — начал он, когда я умолкла, однако нас прервали.

Из дверей храма выскочила невысокая рыжеволосая девушка в простой полотняной хитоли. Прощуршав босыми ногами по песку, она подбежала к моему собеседнику и, мельком взглянув на нас с Коннаром, протянула Алихиму круглые деревянные четки. До

меня долетел слабый запах можжевельника.

— Мейстер Алихим! — задыхаясь, выпалила она. — Вот! Я же говорила, что не брала ваши четки! Вы уронили их за одну из чаш омовения!

Храмовник запнулся на полуслове. В его глазах мелькнуло что-то нехорошее, однако на лице это никак не отразилось. С тем же благодушным выражением он повернулся к девушке.

— Благодарю тебя, сестра-в-Свете, — спокойно сказал он. — Я понимаю твоё желание порадовать меня как можно скорее, но тебе не стоило ради этого перебивать нашу уважаемую гостью, что хочет обратиться к Свету.

Девушка медленно перевела взгляд на меня. Я невольно отметила, как вздрогнули её худенькие плечи.

— Прошу прощения, — бесцветным голосом сказала она. Алихим глубоко вздохнул и отеческим жестом приобнял девушку за плечи. Она сторбилась и затравленно оглянулась по сторонам.

— Пустое, сестра. Так на чём мы остановились? — этот вопрос был обращён ко мне. Я решительно приступила к делу, вдохновенно сочиняя на ходу:

— Мейстер Алихим, я хочу войти в храм и принять Озарение!

— Это похвально, сестра, — одобрительно пробормотал мейстер.

— Однако простого принятия озарения для меня недостаточно, — продолжила я, чувствуя, как начинаю и впрямь ощущать себя истовой поклонницей Лиара. Это оказалось нетрудно: в глубоком детстве мне довелось испытать подобие религиозного экстаза, когда я впервые оказалась на церемонии Выноса Шара в родной деревне. — Перед Озарением я хотела бы совершить паломничество в один из его монастырей.

— Это вдвойне похвально, — произнес мейстер, и на этот раз в его голосе прозвучала лёгкая растерянность. — Брат-в-Свете Джоар передал мне, что вы пришли за благословением, однако я не вижу смысла посещать монастырь перед церемонией.

Я почувствовала, что моя выдумка начинает уводить разговор в совершенно ненужную сторону. Требовалось как-то выбираться из тупика.

И тут меня осенило.

Понизив голос до шепота, я растерянно захлопала ресницами, доверительно склонилась к мейстеру и сказала:

— Несколько дней назад я увидела во сне самого Лиара. Он указал путь к Свету и поведал, что, если я хочу стать одной из его сестер, то непременно должна совершить это паломничество именно перед Озарением. Я верю в вещие сны, мейстер. Именно поэтому я стою здесь, перед вами.

Глаза рыжеволосой округлились, но она промолчала. На месте храмовника я бы не поверила в эту историю ни на миг. Но, видимо, мейстер успел повидать достаточно экзальтированных прихожанок. Он понимающе кивнул и терпеливо ответил, по-отечески ласково глядя на меня:

— Вещие сны — это одно из чудес, что дарует нам Лиар. Хорошо, сестра Кассандра, вы меня убедили. Я дам то, что просите. Какой монастырь указал вас Пресветлый?

Наконец-то мы подошли к самому главному! Я смущённо потупилась и, чувствуя, как сердце замирает в сладкой истоме предвкушения, пробормотала:

— Лиар не назвал его. Он лишь показал. Кажется, этот монастырь окружен скалами, потому, что рядом с ним возвышалась двурога гора. Я так надеюсь, что вы знаете, где это...

Странное молчание со стороны храмовника заставило меня поднять голову.

Выражение его лица меня испугало.

Пальцы мастера Алихима скрючились и впились в плечо девушки. Та охнула и попыталась вырваться. Недоумевая, я стала медленно отступать, чувствуя, что сказала что-то не то.

— Вон! — проревел храмовник, вытянув вперед руку и ткнув в мою сторону поднятой ладонью. — Вон из храма! Мерзкая лгунья! Лиар не терпит лгунов!

Я отшатнулась. Между нами немедленно вырос Коннар. Не тратя времени на разговоры, он отшвырнул Алихима, словно тот был легким, как перо гхалги. Рыжеволосая вовремя вывернулась из-под руки мастера и отпрыгнула в сторону. Наёмник, брезгливо вытерев ладонь о штаны, повернулся и сухо бросил:

— Я думаю, стоит вернуться в "Зеленый лес", Кош... Кассандра. Здесь нам явно не рады.

Я сидела, забравшись с ногами на кровать, и задумчиво расчёсывала деревянным гребнем влажные волосы. За дверью только что исчезла прислуга, помогавшая вымыться. После визита в храм мне захотелось немедленно залезть в настойку мыльного корня. Образ южанки слегка потускнел. Я не смогла бы в точности воспроизвести "венки Бриссы", но сейчас это волновало меньше всего.

Купание не принесло желаемого облегчения. Голова гудела, а внутри поселилась тяжесть от осознания того, что на моём пути снова выросла глухая стена. Безучастно глянув в окно, где ночное небо подмигивало гирляндами звезд, я закусила губу и вновь впилась в волосы гребнем.

Что же пошло не так? Где я допустила ошибку? Мастер взъярился после упоминания двурогой горы. С ней что-то связано? Или не стоило ссылаться на якобы приснившегося мне Лиара? Кто знает, вдруг у него нет обычая посылать девицам вещие сны?

Дверь скрипнула — наверное, от сквозняка. Швырнув гребень на кровать, я вскочила и подошла к ней, плотно задвинув засов. Мягкий свет магического светильника стал раздражать. Потушив его, я бросилась животом на кровать. В темноте всегда лучше думалось.

Вопросы, вопросы, вопросы. Они будто мухи роились вокруг, отгоняя сон, а впереди маячила тоскливая неизвестность.

— Катись-ка ты к Хэллю, мастер Алихим! — прошипела я, сжимая кулаки. — Корниэлль большой. Найду более покладистого храмовника, который выдаст благословение.

А если не найду?

Я зарычала и беспокойно заворочалась, чувствуя, как на глазах набухают злые слезы. Выход. Всегда есть выход! Уверена, сейчас он маячит прямо перед носом, только мне не удастся его разглядеть.

Холодок, пробежавший по спине, заставил меня замереть. В комнате я была уже не одна.

Кто-то или что-то возникло позади кровати, прямо за моей спиной. Я ощущала это присутствие кожей, но сильное оцепенение, сковавшее тело, мешало повернуться и посмотреть на незваного гостя.

Страх пришёл чуть позже — со вторым ударом сердца. Горло сдавило, и, попытавшись вскрикнуть, я только глухо засипела. Однако бездействовать в бесконечном ожидании удара в спину я не могла, и, сделав над собой огромное усилие, всё же повернулась —

медленно и тяжело, будто в сонном дурмане.

В дальнем углу комнаты застыла неясная тень, немного не достающая до потолка. Во мраке помещения её очертания терялись и расплывались, как вечерний туман над водной гладью.

— Кто здесь? — прошептала я, не удивившись вновь обретённой способности говорить. — Что тебе нужно?

Тень колыхнулась в мою сторону. Я поспешно отпрянула к спинке кровати, судорожно натягивая покрывало дрожащими руками. Тень застыла на месте. Мгновение спустя тьму комнаты прорезала тусклая вспышка света.

На высоте человеческого роста над полом загорелись два ярко-синих огонька.

— Синеглазый? — ахнула я. Вскрик показался мне оглушительно громким.

В следующий миг пространство заполнил другой голос — бесстрастный, лишенный какого-либо оттенка, но пугающе-низкий, как гул осеннего ветра в печной трубе.

"Берегись следа Лах'Эддина, Мелиан!"

Это было так неожиданно, что страх невольно притупился. Я рискнула переспросить:

— Это как-то связано с Ранаханном?

Синеглазый не двинулся, но его голос зазвучал вновь. Я жадно ловила каждое слово, пытаюсь услышать знакомый тембр, но тщетно.

"Береги себя, Мелиан. Только ты можешь его спасти".

— Кого? — совершенно сбита с толку, я комкала покрывало. — Объясни, что всё это значит?

Глаза-огоньки потухли. Тень медленно растворилась во мраке комнаты.

— Постой! Подожди! — я поспешно рванулась вперед и... проснулась.

За окном розовел рассвет. Я лежала всё в той же позе навзничь на кровати, лихорадочно стиснув покрывало. Подушка валялась на полу, а мысли обволакивал сонный туман.

Дрожа, я обернулась. Комната пустовала.

— Что за Хэллева напасть? — пробормотала я, потирая лоб. Ладонь ощутила бисеринки холодного пота. — Так это был сон?

Дверь вздрогнула от мощного удара.

— Просыпайся, Кошка! — услышала я возбуждённый голос наемника. — К тебе пришли. Уверен, тебя это заинтересует!

104 — гильдия наёмников на первом материке;

105 — **Сильв** — герой многочисленных северных легенд. В одной говорится о том, что он похитил дочь Ниэрдда, бога морей, разгневав его. Ниэрдд отрубил ему ноги, запряг в плуг и заставил в таком состоянии распахивать морское дно;

106 — **Валкас** — шестипалый медведь, обитающий в предгорьях Зеркальных гор;

107 — Валиррия — северная провинция на первом материке, славящаяся своими оружейниками;

108 — **Данк** — недлинный коннемарский кинжал с узким лезвием и без крестовины;

109 — Знак Лиара, символ солнца;

110 — **Вынос Солнечного Шара** — традиционная ежевечерняя служба, проходящая в обителях Лиара; заключается в том, что мейстер — старший храмовник — и четыре храмовника рангом помладше по кругу обходят храмовый двор, неся в руках большой шар, вытесанный из авантюрина — священного камня бога. Это символизирует путь Лиара — Хранителя солнца — по небу, и благословение всего сущего на отход ко сну;

- 111 — "сестра" и "брат" — обычное обращение служителей культа Лиара к окружающим;
- 112 — глава храма или монастыря, посвященного Лиару;
- 113 — **Ливва** — разновидность кустарника, произрастающего на юго-востоке Алдории, с крупными тёмно-зелёными плодами, похожими на вишню. Плоды съедобны, имеют горьковато-кислый вкус, сильно вяжут рот. Обычно из них давят ливвийное масло;
- 114 — **грачки** — мелкие хищные птицы, обитающие на побережье Двух Океанов. Похожи на ласточек с длинным клювом, усеянным зазубринами; он позволяет хватать рыбу, заплывающую на мелководье. Грачки строят гнезда, прорывая норки в крутых берегах;
- 115 — **Змея** — священное животное Лиара. Она спасла ему жизнь, когда он упал с неба в море. По алдорской легенде, змея нырнула в воду и, обвившись вокруг тела бога, вытолкнула его на поверхность;
- 116 — аналог — "заходить слишком далеко";
- 117 — верующие в Лиара считают своим долгом пройти церемонию озарения Светом. Она заключается в трёхдневном бдении под солнцем под неустанное восхваление бога. После окончания бдения мейстер храма срезает с виска новоиспеченного озарённого прядь волос и торжественно сжигает её на алтаре Лиара;
- 118 — **хитоль** — ритуальное одеяние храмовников Лиара высшей ступени. Представляет из себя свободную мужскую безрукавую рубаху, обычно подпоясываемую ремнём;

Дверь снова вздрогнула от удара кулака северянина. Грохот отозвался в гудящей от бессонной ночи голове тупой болью. Я от всей души пожелала северянину отправиться к ракшасам и хрипло простонала, чувствуя, как першит в горле:

— Передай тому, кто пришёл, чтобы катился к Хэллю! Сейчас слишком рано для серьёзных разговоров.

За дверью воцарилась тишина. Не успела я обрадоваться, что легко отделалась, как услышала приглушённый голос Коннара. В нём тоже чувствовалось недовольство, сквозь которое проскальзывали и нотки удовлетворения:

— Ещё вчера ты была готова на всё, лишь бы раздобыть сведения о двурогой горе, а теперь хочешь пожертвовать этим ради сна?

Упоминание о горе подействовало лучше, чем ушат ледяной воды. Меня как ветром сдуло с кровати. Я лихорадочно заметалась по комнате, натягивая на голое тело первое, что подвернулось под руку. Это оказалось давешнее платье. Кое-как зашнуровав его, я попыталась расчесать волосы, сбившиеся в колтун. Гребешок впился в спутавшиеся пряди, заставив зашипеть от боли. Заботиться от этом не было времени. Я перевязала обрывком ленты то, что некогда было аккуратной причёской, глубоко вздохнула и отодвинула тяжёлый засов. Коннар стоял, облокотившись локтем о стену. При виде меня он усмехнулся, окинув недвусмысленным взглядом с ног до головы и насмешливо спросил:

— Что, Кошка, плохие сны снились?

Я вернула ему взгляд, лихорадочно собирая расползающиеся, будто златозубки(119) по весне, мысли, и сухо напомнила:

— Меня кто-то ждёт, верно? Или в такой час ты вытащил меня из постели только чтобы позубоскалить?

Усмешка сползла с лица северянина, но в тёмных глазах продолжал плескаться смех. Коннар кивком указал на лестницу:

— Узнаешь всё внизу. Она не захотела ничего рассказывать одному мне, настаивала на том, чтобы её выслушала именно ты.

"Она?" — чуть не переспросила я, но прикусила язык и, неприязненно глянув на Коннара, поспешила к лестнице.

Нижний зал постоянного двора, отведённый под таверну, пустовал. Тишину, повисшую над столами, разрезало лишь шумное дыхание хозяина "Зелёного леса". Он дремал за стойкой, опираясь на стену. Издали могло показаться, что мужчина погружен в глубокий сон. Проходя мимо, я заметила, что его набрякшие веки подрагивают: даже в таком состоянии хозяин следил за порядком. Сначала показалось, что кроме нас троих в зале больше никого нет, но затем я разглядела за дальним столиком, спрятанным в углу, тоненькую фигурку, съёжившуюся на скамье.

— Это она? — шепотом спросила я у наёмника.

Он безмолвно кивнул. Я направилась к неожиданной гостье. Услышав звук шагов, она встрепенулась и подняла голову. Бледное личико с выпирающими скулами показалось знакомым. Я с огромным удивлением узнала рыжую служительницу храма Лиара, откуда нас

вышвырнул недоброй памяти мейстер Алихим. Девица сменила хитоль храмовницы на простое платье из грубой домотканой ткани, наглухо закрывающее шею, и повязала на голову широкий платок, из-под которого выбивались непослушные медные прядки.

— О, хайлэ, — как можно мягче сказала я. — Мой наёмник передал, что ты хотела меня видеть.

Напряжение покинуло лицо служительницы, однако насторожённость из её глаз никуда не делась. Окинув меня цепким изучающим взглядом, она наклонилась вперёд и свистяще прошептала:

— У меня очень мало времени. Если хотите узнать о том монастыре, садитесь напротив и не перебивайте!

Я выполнила просьбу. Северянин привычно застыл за моей спиной. Опасливо косясь на него, рыжеволосая подозрительно оглядела зал "Зелёного леса" и принялась лихорадочно говорить, торопясь и проглатывая окончания слов:

— Вас, наверное, послали сыновья Хэлля! Иначе объяснить это нельзя!

— Объяснить что? — деликатно уточнила я. Собеседница свирепо раздула ноздри и шикнула:

— Просила же не перебивать!

Я послушно подняла ладони и изобразила дружелюбную улыбку, хотя её шиканье мне не понравилось. Девушка несколько мгновений разглядывала меня, недоверчиво прищурившись, а потом заговорила вновь:

— Мейстер Алихим сумасшедший. Кроме Лиара для него не существует никого и ничего. Только и знает, что целыми днями пропадает в своей келье и восхваляет бога. Наверное, ему кажется, что за такое усердие он попадет в Пресветлый чертог.

Девушка поджала губы и возмущенно фыркнула. Я терпеливо глядела на неё, сочувствуя в глубине души. Эддре Лейдон не являлся столь истовым адептом веры и даже позволял прихожанам коннемарского храма Лиара некоторые вольности или послабления. "Вера — дело каждого из нас", — говорил он. — "Богам не нужны те, которых загоняют в храм плетью".

— При чем тут ваш мейстер? — угрюмо прогудел из-за моей спины низкий голос Коннара. — Нас интересует монастырь в горах. Если пришла жаловаться, то убирайся прочь и не трать наше время зря!

Девица сжалась испуганным комочком, затравленно глядя на громадного северянина. Досадливо оглянувшись на наёмника, я как можно мягче обратилась к ней:

— Ты уверена, что между вашим мейстером и тем монастырем есть связь?

На лице рыжеволосой промелькнуло торжество. Мгновенно стряхнув с себя испуг, она гордо вздёрнула подбородок:

— Ха! Конечно, есть!

Храмовница навалилась грудью на стол и впилась ногтями в дерево.

— Алихим ненормальный, но по сравнению с Генаром он просто воплощение Винны(120)!

Девушка шмыгнула носом, тряхнула волосами и продолжила:

— Тот горный монастырь называется Лит-ди-Лиар — "Облачённый светом Лиара". Мейстер Генар — его настоятель. Он посвятил всего себя служению. Правда, посвятил — немного не то слово. Лиар и монастырь — это его жизнь. Любого, кто посмеет сказать о боге что-то, что покажется ему оскорбительным, он... — голос рыжеволосой взлетел до

визга и сорвался. Она откашлялась и продолжила, для большей убедительности тараща и так выпуклые глаза:

— Мейстер Генар посещал наш храм в прошлом году. Хальмут, один из недавно Облачённых Светом, споткнулся на Церемонии выноса Шара и случайно выронил его в песок. Генар тут же вытащил кнут и ударил Хальмута рукоятью вот сюда, — девушка дотронулась до виска и поморщилась. Наверное, от воспоминаний. Быстро проведя двумя пальцами по лицу(121), она продолжила:

— Умер-то Хальмут не сразу. Помучился напоследок. Мы похоронили его на заднем дворе Храма, а Генар только сказал, мол, поделом ему. Лиару не нужны нерадивые Облачённые.

Я зябко передернула плечами. Похоже, обмануть такого Генара будет сложнее, чем Алихима. Только всё это не объясняло той ярости, что обрушил на меня последний.

— А почему... — начала я, но рыжеволосая меня перебила:

— Генар следует самым суровым заветам служения Лиару. Вы же знаете, что Пресветлый победил девятируких гигантов, которые служили Хэллю и пытались прорваться в Чертог?

Эддре Лейдон часто рассказывал нам об этом. Я кивнула.

— Гиганты напали на Лиара, улучив момент, когда он остался в одиночестве — отправился к Источнику Радуг, что бил в кипарисовой роще. Об этом им стало известно от сестры Лиара — Ликты, которая была влюблена в Хэлля. Она предала брата ради подземного владыки, — рыжеволосая рассказывала эту легенду монотонно, подперев щеку ладонью. Видно, эту историю ей приходилось рассказывать часто, поэтому девушка откровенно скучала.

— Хэллер пообещал, что женится на ней, если Ликта предаст брата. Она так и сделала. Если бы не чудесное копьё Ойр, которое Лиар взял с собой, то гиганты его бы прикончили.

За моей спиной Коннар громко фыркнул, в который раз демонстрируя, какого низкого мнения он о слабосильных богах, что столь уязвимы и неосмотрительны. Храмовница сумрачно взглянула на него и с нажимом сказала:

— Узнав о предательстве сестры, Лиар заточил её в хрустальной горе, поклявшись, что больше не будет иметь дело ни с одной женщиной. Однако через несколько сотен лет он встретил Алиру — богиню плодородия...

Запнувшись, рыжеволосая посмотрела на меня. Я с трудом боролась с зевотой. Сказывалась ночь без сна. Девушка тут же забыла о любовных перипетиях и строго сказала:

— Настоятель монастыря Генар настолько предан Лиару, что ненавидит всех женщин, считая, что они похожи на Ликту, — она закатила глаза и утробным низким голосом проговорила, явно подражая неизвестному мне мейстеру. — "Женщины — насквозь порочные и лживые существа. Ни от одной представительницы этого рода не стоит ждать искренности, любви и преданности..." — она выдохнула и произнесла уже своим обычным голосом. — Именно поэтому он позаботился о том, чтобы монастырь Лит-ди-Лиар был закрыт от женщин. Для паломничества и служения туда допускаются только мужчины.

Это известие больно щёлкнуло по лицу. В груди образовалась сосущая пустота. Я сцепила пальцы в замок так, что побелели костяшки, и тихо спросила:

— А зачем ты это нам рассказала?

— Я ненавижу мейстера Алихима, — деловитым голосом сказала рыжеволосая. — Видите ли, госпожа, я подкидыш и выросла при храме. Однако это не даёт ему права делать

меня своей прислужницей и заставляя насильно почитать Лиара, — она скривила губы при произнесении этого имени. — Я потихоньку таскаю монеты из клетки для пожертвований. Как только их скопится достаточно, меня здесь не будет. Ненавижу все эти пляски вокруг алтаря! Лиар — не мой бог. Внутри всё переворачивается, когда меня заставляют его восхвалять!

Она многозначительно уставилась на меня водянисто-голубыми глазами. Правильно истолковав намёк, я заверила:

— Не волнуйся, за сведения о монастыре получишь хорошее вознаграждение. Как ты нас отыскала?

Храмовница дёрнула плечом:

— Это было нетрудно. Пусть твой наёмник в следующий раз говорит потише о том, где вы живете, — она обвела ладонью вокруг себя. — Каждое утро мейстер отправляет меня за свежим молоком и сливками, вот я и воспользовалась случаем, чтобы сюда наведаться. Думаю, я заслужила свободу. Слишком долго валялась в каменном подвале храма.

— Как нам добраться до Лит-ди-Лиара? — я жалела девушку, но тратить время на выслушивание бесполезных рассказов не хотелось.

— Он находится в Чёрных горах недалеко от Турусовой расщелины, — сказала рыжеволосая. — Путь отсюда занимает семь с половиной дней. Это всё, что знаю.

Я прикусила губу и задумалась. В висках начала прорезаться тупая боль. Зная ориентиры и название места назначения, не составляло труда составить маршрут. Достаточно обратиться к знающему своё дело картографу. Специфические представления настоятеля о половой принадлежности почитателей Лиара меня не смущали. Я мысленно похвалила себя за предусмотрительность, заставившую захватить мужской костюм. Похоже, что мы ступили на прямую дорогу ко второй вехе.

— Забыла ещё кое-что, — прорезался сквозь мысли голос рыжеволосой. — Поодиночке в монастырь не пускают! Только если идёте вместе с другими паломниками.

На фоне охватившего меня радостного возбуждения я не придавала значения этому замечанию, пока Коннар не уточнил:

— Паломники часто туда ходят?

— Раз в тридцать дней, — сказала храмовница, опасливо поглядывая на него. — Как раз три дня назад очередная группа отправилась в ту сторону. К нам заходили двое за благословением.

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Тридцать дней! Это же целая вечность! Я не могу ждать так долго!

— Спасибо за все эти сведения, — медленно произнесла я, поднимаясь из-за стола. Мои ноги дрожали не то от нервного возбуждения, охватившего тело, не то из-за панической боязни опоздать. Рыжеволосая внимательно следила за мной.

— Подожди здесь, — тихо сказала я. — Сколько хочешь получить за этот разговор?

Девушка прищурилась.

— Кажется, для вас эти сведения очень важны, — задумчиво проговорила она. — Поэтому, думаю, что полтора дория — это справедливая цена!

За шаг к мечте я готова отдать не только полтора дория, но и все мои деньги.

Расплатившись с рыжеволосой храмовницей, я снова закрылась у себя в комнате, кое-как расчесала сбившиеся в плотный ком волосы и достала из сумки мужской костюм. Он

представлял собой просторные холщовые чёрные штаны и рубашу. Поверх легла куртка Кристиана.

Один взгляд на неё напомнил о моём спасителе. Я слабо усмехнулась. Он помог мне два раза — тогда, в переулке (при воспоминании об этом прошиб холодный пот), и когда поведал о Корниэльльской библиотеке. А я даже не вернула ему куртку. Выходит, за мной числятся два долга?

Вздохнув, я принялась примерять мужской наряд. Штаны оказались длинноваты, но можно исправить. Рубашка, несмотря на мешковатость, предательски топорщилась на груди, которую никак не подразумевал покрой. Придётся обзавестись полосками широкой ткани. Не помешала бы мужская обувь, которая приблизительно села бы по ноге.

Я твёрдо решила сегодня же отправиться к картографу, и к вечеру тронуться в путь, чтобы догнать паломников. Очень не хотелось стучаться в захлопнувшиеся перед лицом ворота монастыря.

Покончив с одеждой, я торопливо запихнула вещи обратно в сумку, чтобы не попались на глаза любопытной служанке, вышла из комнаты и тщательно заперла дверь.

Сердце ухало от плохо сдерживаемого волнения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дом "лучшего в городе картографа", как отрекомендовал его владелец "Зелёного леса", оказался узким, как бутылочное горлышко, строением, втиснутым между двумя роскошными домами. Он тянулся ввысь, опасно нависая над проулком двумя надстроенными этажами.

— Видать, его услуги в Корниэлле совсем недороги, раз живет в такой дыре, — негромко хмыкнул Коннар. Я промолчала, не желая обнаруживать своё с ним согласие.

Наёмник первый поднялся по скрипучей распатанной лестнице и протянул мне руку. Я выразительно взглянула на неё и покачала головой. Как бы ступеньки ни стонали под ногами, сама мысль о добровольном прикосновении к северянину вызывала дрожь под ребрами. Коннар скривился и грохнул кулаком по щербатой двери, прогнувшейся от удара. Я невольно вцепилась в шершавые перила, испугавшись, что дом сейчас рухнет вместе с нами.

Ответом наёмнику послужила тишина. Сдвинув густые брови, он занёс руку для второго удара.

— Может быть, разрешишь мне попытать счастья? — вкрадчиво предложила я. — Если вынесешь дверь, то вряд ли нам придется рассчитывать на радушие хозяина.

Коннар сплюнул и мрачно усмехнулся:

— Ты? Не думаю, что твоим нежным ручкам под силу достучаться до обитателя этой норы, если он такой тугой на ухо!

Задавив всплеск раздражения, я мило улыбнулась и промурлыкала:

— Рада, что тебе нравятся мои руки, раз уж снизошел до комплимента.

Северянин метнул на меня нехороший взгляд и прищурился.

— Не думай...

— Не думаю, что вы явились ко мне исключительно для того, чтобы разносить в щепки дом, — перебил его спокойный низкий голос.

Наши усилия не прошли даром. Многострадальная дверь приоткрылась. В первый момент мне показалось, что за ней никого нет. Однако, опустив глаза, я увидела хозяина дома, взирающего на нас с вежливой выжидательностью. Мне пришлось приложить усилие, чтобы сохранить на лице приветливое выражение и ни единым движением брови не выдать

замешательства. Вначале показалось, что картограф потерял ноги в какой-то стычке или из-за несчастного случая, и теперь вынужден передвигаться на деревянной тележке. Мне доводилось встречать таких. Потом я поняла: с ногами у него всё в порядке.

Просто лучший в Корниэлле картограф оказался карликом.

— Что вам угодно? — с мягкой настойчивостью повторил обитатель дома. Эти слова пробудили Коннара, уставившегося на него в молчаливом оцепенении. Не успела я сделать предупреждающий знак, как мало заботящийся о тактичности наёмник изумленно выругался:

— Шарракх(122)! Недоросток!

Хэлль бы побрал его несдержанный язык!

Я принялась лихорадочно бормотать неуклюжие извинения, но картограф прервал меня властным жестом.

— Я бы предпочел имя Донован, — спокойно сказал он, распахивая дверь шире. — Не беспокойтесь, госпожа, за свою некороткую жизнь я наслушался всякого. Мне не привыкать. Более того, я прекрасно понимаю, что многие попросту обделены воспитанием.

Он выразительно посмотрел на бывшего капитана ранаханнской стражи, дёрнув бровью. Я почувствовала прилив расположение к Доновану и тепло улыбнулась. Заметив это, Коннар резко изменился в лице. Его глаза потемнели, а ладонь легла на рукоять меча, выглядывающую из-за пояса. Зная, что с него станется в порыве ярости отсечь ни в чём не повинному картографу голову, я попыталась спасти ситуацию:

— Очень рада знакомству, господин Донован! Меня зовут Кассандра, а это мой охранник. К сожалению, он бывает вспыльчивым. Человеку, который прошел через горнило Альтаурских стычек(123), трудно свыкнуться с обыкновенной жизнью!

Донован быстро взглянул на Коннара и удовлетворённо кивнул. Мне показалось, что я услышала вздох облегчения.

— Я наслышан об Альтаурских стычках. Должен признать, что лишь храбрейшие и достойнейшие воины смогли уцелеть в них. Но мы преступно долго стоим на пороге, а я даже не спросил, что вам угодно.

Он снизил голос к концу фразы, ожидая моего ответа, и я с благодарностью подхватила:

— Нам нужно попасть кое-куда, господин Донован. Чем быстрее это будет, тем лучше, поэтому без вашей помощи никак не обойтись!

— Что ж, прокладывание кратчайшего пути между двумя точками всегда было моим любимым занятием, — словно про себя отметил карлик, внимательно глядя на меня, и посторонился, делая приглашающий жест. — Прошу, госпожа Кассандра. Надеюсь, с моей помощью вы попадёте туда, куда нужно и в нужный срок.

Огонёк свечи потрескивал, выпуская тонкие струйки ароматного дыма. В этом доме свечи были расставлены повсюду, куда я только ни бросала взгляд. Лишь немногие из них горели, отчего внутри царил мягкий желтоватый сумрак. Исключение составляло яркое пятно света около картографа, сосредоточенно склонившегося над картой с циркулем и маятником Эдо(124) в руках. Канделябр, возвышающийся над ним, был таким массивным, что казался едва ли не больше головы хозяина.

— Почему вы не пользуетесь светильниками? — рискнула я спросить хозяина полупшепотом. — Свечи не дают достаточно света.

— Светильники безжизненны, — недовольно ответил карлик. — Прошу простить, госпожа, но, отвлекая меня от работы, вы можете остаться без точного и лучшего пути.

Я кивнула, признавая его правоту, и погрузилась в терпеливое ожидание, исподтишка оглядывая помещение. Обиталище карлика оказалось вполне просторным, с высокими потолками и массивной мебелью. Скорее всего, хозяин не хотел ощущать свою ущербность, окружая себя предметами по росту. Коннар стоял у противоположной стены в своей любимой позе, скрестив руки на груди. Он не проронил ни слова с тех пор, как мы зашли, буравя меня ничего не выражающим взглядом. Это немного пугало при том, что я научилась не обращать внимания на взгляды или реплики северянина.

В углу по правую руку от моего спутника громоздилось непонятное сооружение, плохо различимое в потёмках. Оно представляло собой что-то вроде аккуратной пирамиды, на которой топорщились какие-то мелкие детали. Разглядеть подробнее мешал полумрак, а спросить хозяина я не решилась.

Когда у меня затекли колени от сидения в неудобном кресле, картограф оторвался от своего занятия, аккуратно отложил в сторону инструменты и жестом подозвал меня к столу.

— Госпожа Кассандра, — торжественно сказал он. — Я справился с вашей проблемой. Признаюсь, труд невелик. Путь от Корниэлля до монастыря Лит-ди-Лиар давным-давно проложен, но я нашел несколько обходных маршрутов, которые помогут вам сократить время путешествия.

Я опёрлась о стол и впиалась взглядом в разложенную карту. Донован пододвинул канделябр так, чтобы было лучше видно, и стал объяснять, вооружившись янтарной указкой с деревянным навершием:

— Вам нужно нанять лодку, чтобы спуститься вниз по реке Айласе, которая протекает через Корниэльль, до портового городка Миртона. Потом день на двуколках или драконидях, как вам будет предпочтительнее, мимо небольшого города Олама. Затем вам нужно будет пересечь долину устья реки Гаас, миновать Диваль и Рикентильд. Это достаточно крупные города, я рекомендую вам передохнуть там. Затем выйдете на прямую дорогу к подножию Чёрных гор. Именно там вы ступите на уже проторённую тропу пилигримов, которая выведет напрямиком к монастырю.

Я прикусила палец, стараясь не выдавать охватившего меня разочарования.

— Сколько времени это займет?

Картограф на мгновение задержал взгляд на своих короткопалых руках.

— Шесть дней, — отрывисто бросил он. Не сдержавшись, я охнула:

— Шесть дней? Шесть? Это слишком долго! Нет ли другого пути?

Донован пристально посмотрел на меня, и медленно покачал головой:

— Боюсь, что нет, госпожа. Спешу заметить, что, если предложенный маршрут не устраивает клиента, то я всё равно беру плату за услуги в полном размере.

Я слушала его вполуха, напряжённо всматриваясь в карту. Внутри что-то бурлило, застилая глаза чёрной пеленой. Надо же, подойти так близко к намеченной цели и потерпеть такой сокрушительный крах!

Я стиснула зубы. Нет. Никакого краха не будет. Я найду выход! Я всегда его нахожу!

И тут мне в глаза кое-что бросилось.

— Донован, а это что за дорога?

От долины реки Гаас к Чёрным горам вела едва заметная полустёртая линия. Донован шумно вздохнул. От меня не укрылось, как стремительно побледнело его лицо.

— Старая дорога, госпожа Кассандра, — дрогнувшим голосом сказал он. — Ей уже давно никто не пользуется.

Во мне вспыхнул слабый огонек надежды. Я нетерпеливо уточнила:

— Сколько времени мы сэкономим, если поедем по ней?

— Три, а то и четыре дня, — запнувшись, сказал карлик безжизненным голосом. — Но госпожа, даже не думайте об этом! Заклинаю вас всеми богами!

— Это ещё почему?

Донован вразвалку обошёл стол, взобрался на стул напротив и уставился мне прямо в лицо:

— Конечно, вы знаете об Алдорском землетрясении, госпожа Кассандра...

Это прозвучало скорее утвердительно, чем вопросительно. Я кивнула. Алдорское землетрясение, одно из сильнейших на материке, случилось семь лет назад. До Коннемары докатились отголоски в виде огромных волн, с бешеной яростью бросающихся на берег. Одной такой волной унесло в открытое море девятилетнего Данкана, младшего сына нашей соседки. Старый эддре Сайлан, дослуживающий последние годы своей жизни в коннемарском храме, объявил, что морской бог прогневался на Коннемару (правда, эддре так и не объяснил, почему) и посылает наказание в виде бури. В кипящую воду тут же полетели нехитрые съестные припасы. Стремясь задобрить бога, мы швыряли в волны все, что только казалось привлекательным. Спустя три дня буря улеглась, а торговцы раковинами, заглянувшие в наши края, рассказали о страшном землетрясении, от которого вздрогнули Алдория и Петва. Вышло, что не одна только Коннемара навлекла на себя гнев богов. Наверное, на Донована тоже нахлынули воспоминания. Он прикрыл глаза и низким голосом проговорил, старательно произнося каждое слово:

— Оно не прошло бесследно для Алдории, госпожа. Так ураган, пронесясь по земле, оставляет после себя пустыню. Мы же получили множество разрушенных домов и осиротевших людей на память.

Я сочувственно коснулась его плеча и деликатно спросила:

— Именно оно разрушило ту дорогу, о которой мы заговорили?

Донован откинулся на спинку кресла и потёр уставшие глаза.

— Дорога в порядке, — тихо сказал он. — Во всяком случае, та её часть, что ведёт от долины Гаас. Тут дело в другом.

Он рывком наклонился к столу и ткнул пальцем в карту.

— Здесь, на полпути к тропе пилигримов стоял шахтерский посёлок Омния. Скалы в тех краях богаты изумрудами, и литанээ за них неплохо платили. Так вот, после землетрясения поставки прекратились. Омнийцев больше никто никогда не видел. Конечно, король тут же велел снарядить туда спасательные отряды, ведь все мы оказались в одном положении и должны были помогать друг другу. Однако они пропали.

Я моргнула.

— То есть как?

Донован выдавил невесёлый смешок.

— Никто из десяти человек, отправленных на поиски, не вернулся. Потом предприняли ещё несколько попыток разведать, что произошло, и вытащить, кого нужно. Запрягли даже трёх дракониц, мол, с воздуха будет безопаснее, но...

Карлик сглотнул. Голос его задрожал.

— Назад вернулась только одна драконица. Без наездника. Она была изранена так, что

упала, всего чуть-чуть не долетев до долины. И, госпожа, говорят, что эти раны нанесло не разумное существо. Кто-то исполосовал драконицу огромными когтями. Или зубами. Спустя два дня она умерла.

Повисло молчание. Где-то за домом замыкала кошка. Я напряженно обдумывала услышанное.

— В долине и на тропе пилигримов установлены аванпосты, — вновь заговорил карлик. — На случай, если со стороны Омнии кто-то попытается объявиться.

Он вперил в меня тяжёлый взгляд и глухо произнёс:

— Но за семь лет никто так и не появился.

Коннар вполголоса выругался за моей спиной.

— Что это может быть? — спросил он, и в его тоне почувствовалось нешуточное напряжение.

Картограф пожал плечами.

— Никто не знает. Если интересно моё мнение, то оно таково: никому не ведомо, кто или что может скрываться под землёй, — он ткнул пальцем в пол. — Думаю, что омнийские шахтеры случайно откопали что-то, что трогать не стоило. А землетрясение завершило работу за них.

— Шар'ракх! — донеслось из темноты, где стоял Коннар. Я нервно покусывала губу. Все эти известия и зловещие предостережения о тропе не поумерили решимости. Скорее, наоборот. Донован испытующе смотрел на меня.

— Надеюсь, вы изменили своё мнение, госпожа? Я не хочу взваливать ваши смерти на свою совесть!

— Да-да, конечно! — горячо заверила я его, поторопившись придать лицу испуганное выражение. — Огромное вам спасибо! Той дорогой мы ни в коем случае не воспользуемся!

То ли свет в помещении был излишне тусклый, то ли я вложила в слова всю свою убедительность, но карлик испустил вздох облегчения. Его глаза смягчились.

— Вы успокоили меня, госпожа Кассандра, — устало пробормотал он, утирая лоб ладонью. — Я помолюсь богам, чтобы они хранили вас в пути!

Я горячо поблагодарила его и стала собираться, скатывая карту в рулон. Коннар молча прошёл к выходу и замер у дверей.

Расплачиваясь с Донованом, я не удержалась и полюбопытничала:

— А что это там, в углу?

Карлик обернулся и, расплывшись в понимающей улыбке, сдёрнул мягкую темную ткань. Бледно-розовые сполохи магических светильников заплясали на бронзовой поверхности статуи. Коннар прошипел что-то и, судя по лязганью, опять схватился за оружие. Я непредусмотрительно ахнула и тут же умолкла, боясь обидеть хозяина. Тот лишь добродушно рассмеялся.

— Внешний вид легко может напугать непосвящённого, но бояться тут совершенно нечего. Это Нбогу Ферр, хранитель дома и защитник от злых духов.

Двумя скрещёнными пальцами, указательным и безымянным, Донован коснулся лба статуи, а я продолжила за гипнотизированно разглядывать её. Напугать — слишком сильно сказано, скорее, внушить отвращение. Любое уродство притягивает, а Нбогу Ферр был на редкость уродлив. Мне даже мельком подумалось, что случайный злой дух, рискнувший сунуться в этот дом и напорвшийся на "хранителя", мигом испарится от страха и неожиданности.

Два огромных глаза, покоящиеся на раздутых, как от укуса осы, щеках. Оттопыренные уши с отвисшими мочками. Карикатурно маленькое по сравнению с огромной головой тело. Мысль о том, что по соседству с эдаким чудищем можно спокойно жить, одарила меня нервной дрожью.

Карлик покачал головой и вернул покрывало на место. Я перевела дух. Северянин мрачно сказал:

— Что-то я не припомню, чтобы на этом материке поклонялись таким уродцам!

Картограф смерил его холодным взглядом и спокойно парировал:

— Ничего удивительного. Я уроженец второго континента.

Мгновенно позабыв о непривлекательной статуе, я уставилась на Донована, почувствовав прилив детского любопытства. До сих пор я не сталкивалась с жителями стран, что лежали за Вторым Океаном. Конечно, на Аэдагге пират, не имеющий в своем арсенале пары-тройки баек о своих путешествиях туда, на второй и третий континент, считается редкостью, но я сильно подозревала, что все рассказы о них ограничиваются только фантазией рассказчика. Исподволь мучили размышления: может, в этих баснях и есть крупица истины? Может, там, за горизонтом, действительно лежат земли людоедов, гигантов, возводящих алтари своим жестоким богам из свежих человеческих костей? Бродят ли там невиданные звери, покрытые чешуёй с ног до макушек двух или трёх голов?

Карлик, стоящий передо мной, портил аэдаггским сказочникам всю картину. Он не походил ни на людоеда, ни на зверя, и был вполне учтив и образован. Лишь загадочный Нбогу, безмолвно возвышающийся под покрывалом, вносил оттенок тайны в образ картографа.

Прилив любопытства смешался с сильным приступом досады. Время летело слишком быстро. Расспросить Донована обо всём я точно не успею.

— Я слышал, что толкуют о моей родине, госпожа, — вежливо произнёс карлик, верно угадав мои мысли. — Второй континент велик, много больше этого. Страна, откуда я родом, отнюдь не огромна. Мне неведомы все тайны второго материка, однако за свои края могу поручиться. Там нет и десятой доли тех ужасов, о которых болтают в Алдории.

Я промолчала. Мириады вопросов, готовых слететь с языка, куда-то мигом испарились. Коннар заговорил вместо меня.

— Говоришь, нет ужасов, а поклоняетесь таким вот чучелам, — с усмешкой кивнул он на Нбогу. В глазах Донована зажглась ледяная ярость. Я попыталась сгладить ситуацию.

— Уж кто бы говорил! Сам недавно расписывал мне, что бог — это не бог, если он не внушает страха!

Коннар снисходительно посмотрел в мою сторону.

— Я имел в виду священный страх, — поправил он, — а не омерзение. Подобных тварей я навидался в Ильдарских трясилах(125). Там таких божков водится столько, что хоть решетом вылавливай, — он брезгливо скривился и мстительным голосом добавил. — С клыков сочится ядовитая слюна, которая обжигает кожу и разъедает глаза, а единственный способ справиться с ними...

— Госпожа Кассандра, боюсь, наш разговор исчерпал сам себя! — с трудом перекричал северянина Донован. Его лицо сделалось белым, как сахар, а губы запрыгали. Обстановка накалилась и буквально вскипела от взаимной неприязни. Я поняла, что ещё чуть-чуть — и эти двое вцепятся друг другу в глотки.

Хэллев Коннар! А ведь всё так хорошо начиналось!

— Хватит! — рывкнула я. Оба замолчали. Северянин с видом победителя переводил глаза с Донована на меня.

— Уважаемый Донован, сердечно благодарю вас за помощь, — дрожащим от ярости голосом сказала я, отступая к выходу. Слова шли на язык с огромным трудом. — Очень надеюсь, что это не последняя наша встреча, и когда-нибудь нам удастся пообщаться в более спокойной обстановке.

Карлик сдержанно поклонился мне и молча захлопнул за нами дверь.

Мы шли по извилистым улицам Корниэлла по направлению к "Зелёному лесу". Коннар вышагивал рядом, время от времени посылая в мою сторону непонятные взгляды. Я угрюмо молчала, поглаживая шероховатые бока свёрнутой карты. Это успокаивало и остужало разгоряченные чувства, однако северянину по-прежнему хотелось выцарапать глаза. Будто чувствуя моё состояние, наёмник держал язык за зубами. Он заговорил только тогда, когда перед нами выросли двери "Зелёного леса".

— Нет, — лаконично сказал он. Я замерла, взявшись за дверную ручку, и медленно повернула к нему голову.

— Что, прости?

Коннар осклабился, будто ждал этого момента целый день.

— Я успел достаточно хорошо изучить тебя, Кошка. Когда ты так прищуриваешь глаза и улыбаешься, кажется, будто под твоим обличьем прячется целое скопище орбурдов(126). Этот недоросток — полный простофиля, раз тебе поверил!

— Что ты хочешь этим сказать? — утробным голосом произнесла я, стиснув ручку. Наёмник с гулким стуком ударил в дверь кулаком, заставив меня отпрянуть.

— Мы не пойдем по той дороге, — чётко разделяя слова, выговорил он. — Ты прекрасно слышала, что говорил о ней недоросток. Шкура мне дороже, чем прихоти глупой бабы! Будь ты хоть четырежды ведьма — а в этом я уверен, иначе не узнала бы о моем участии в Альтаурских стычках — туда я не сунусь. И тебя не пущу!

Он снова саданул по двери, отозвавшейся жалобным стоном, и умолк, глядя на меня и ожидая ответа. Тёмные глаза угрожающе сверкали из-под чёрных косм, упавших на лоб, но я уже не испугалась.

Я ведь тоже успела его изучить.

— Чудесно! А теперь позволь и мне кое-что тебе сказать!

Северянин покровительственно усмехнулся и сделал приглашающий жест рукой: давай, мол.

— С каждым мгновением, проведённым рядом с тобой, я чувствую себя так, словно взвалила на плечи тяжёлый груз. Ты вызвался защищать меня — спасибо! Вот только почему мне кажется, что с твоим появлением опасностей вокруг стало только больше? Как будто нарочно! Забавно, правда? Вдобавок, — я ткнула в его сторону пальцем и повысила голос, — мне надоели твоя грубость и твоя неотесанность! Из-за неё чуть было не сорвалась важная встреча с...

— Недоростком? — насмешливо подсказал наёмник.

— С картографом, — презрительно перебила я его. — А ещё ты смеешь дерзить мне и указывать, что делать, а что нет. Всё, хватит! Моё терпение лопнуло! Ярываю договор и возвращаю тебе клятву!

Выговорившись, я почувствовала облегчение и выдохнула. На лице северянина не

дрогнуло ни жилки. Только глаза потемнели ещё больше.

— Прекрасно, — выплюнул он. — Знаешь, я этого даже ждал!

Он опустился на одно колено, ударил правой ладонью в грудь и ядовито произнёс:

— По уставу вольнонаёмной гильдии полагается пожать руку нанимателю на прощание.

Думаю, в нашем случае без этого можно обойтись. Прощай, Кошка!

Он легко вскочил на ноги и размашисто зашагал прочь, бросив через плечо:

— Передай хозяину "Леса", что я заберу своё барахло позже, когда ты уедешь!

Я не проронила ни слова, задумчиво наблюдая, как удаляется его широкая спина.

Правильно ли я всё сделала? Глубоко внутри меня грыз червячок сомнения. Не придется ли потом пожалеть о принятом решении?

Я упрямо прикусила губу и толкнула дверь.

Может, и придётся. Но сейчас у меня есть заботы поважнее.

Я торопливо собирала сумку, первым делом спрятав карту Донована в потайной карман. Рядом улёгся Шар. Я погладила его прохладные бока и с досадой взглянула в окно. Солнце уже перевалило через зенит. Это значит, до вечера рукой подать. Айолы отправлялись по Айласе достаточно часто, что играло мне на руку: хотелось уже к утру оказаться в порту Миртона. Ну, а там прямой путь на дракониде до Олама и долины реки Гаас.

В ушах отчётливо прозвучало предостережение Донована, но я пренебрежительно от него отмахнулась. В историю с шахтёрами, "откопавшими" нечто, не очень-то и верилось. Поразмыслив, я пришла к выводу, что шахтёры попросту решили покинуть свой разрушенный поселок, а всё остальное сочинили местные жители.

Расправив и встряхнув мужской костюм, я аккуратно сложила его в сумку. Сверху лег длинный отрез плотной ткани, купленный в ближайшей лавке. На него я положила гребень и ворох заколок, незаслуженно забытый агатовый амулет-листик Акиры (к нему всё никак не удавалось приобрести цепочку) и флакон мирисэлли, после чего принялась тщательно завязывать тесёмки.

"А как же драконица?" — внезапно подумалось мне. Между лопаток прыснула струя холодных мурашек. — "Та, что умерла спустя два дня после возвращения из Омнии?"

Ладони задрожали. Я строго сказала сама себе:

— Никакой драконицы не было! Или была, но благополучно здравствует по сей день. Всё остальное сказки. К тому же, прошло семь лет. Больше ничего не происходило, так что бояться мне нечего!

Тревожные мысли исчезли, но в глубине сердца заворчалось смутное предчувствие плохого. Я с изумлением открыла для себя, что успела если не привязаться, то хотя бы привыкнуть к присутствию наёмника. Угрюмый и несносный на язык, он всё же приносил ощущение могучего плеча рядом, да и после перепалок с ним на душе становилось веселее.

— Вот Хэлль... — ошеломлённо пробормотала я, опустившись на кровать.

Неужели я все-таки простила его за ту страшную ночь на Аэдагге? Я потрянула волосами и прислушалась к себе. Не похоже. Но воспоминания об этом словно померкли, подёрнувшись белёсой дымкой, и уже не отзывались холодной яростью, режущей сердце.

Так, может быть, я всё же поторопилась?

Я встала и подошла к небольшому овальному зеркальцу над кроватью, вглядываясь в своё отражение и прошептала, глядя стеклянную поверхность:

— Ты становишься слишком сентиментальной, Мелиан. Разве забыла о том, что никому

нельзя доверять? Ни о чём нельзя жалеть? Все, что бы ты ни сделала — единственно правильно и принесёт только удачу!

Это разогнало тучи на душе и настроило на более умиротворённый лад. Пора отправляться в дорогу! Окинув комнату в последний раз взглядом, я вышла за порог. В следующее мгновение до ушей долетел горький плач, несущийся из-за приоткрытой двери напротив.

119 — **златозубки** — вид мелких жучков с золотистыми пятнышками на голове;

120 — **Винна** — одна из богинь низшего пантеона Алдории, отвечающая за кротость, смирение и послушание. Изображается сухонькой старушкой с опущенной головой, облачённой в длинную хитоль;

121 — традиционный алдорский жест, призванный "стряхнуть" с тела чужую беду;

122 — ранаханнское ругательство;

123 — **Альтаурские стычки** — ряд сражений у города Альтаур на северо-западных границах Алдории, призванных подавить вторжение войск Петвы — соседнего государства. В боях участвовала как регулярная армия, так и отряды наёмников;

124 — **маятник Эдо** — выточенный из циркония, "камня путешественников", маятник, подвешенный на серебряную цепочку. Помогает картографу выстроить кратчайший маршрут;

125 — **Ильдарские трясины** — болота в пойме Ильдари — реки, на берегу которой располагается Ранаханн;

126 — **орбурды** — мифические существа в космогонии северных жителей. Представляются в виде маленьких человечков с козлиными головами и кошачьими лапами. Строят мелкие козни против людей.

Плач повторился. Надрывный, с частыми хрипами, словно плачущему не хватало воздуха, он временами и вовсе срывался на утробный вой.

Я остановилась на полпути к лестнице, в нерешительности сжимая сумку. Нужно было идти, но что-то останавливало меня, сжимая сердце ледяной рукой. Я кожей чувствовала чужое горе и попросту не могла сдвинуться с места, не предложив своей помощи. Поколебавшись, я решительно развернулась и постучала в дверь, толкнувшись под рукой. Плач тут же стих, сменившись свистящим прерывистым дыханием. Я тактично кашлянула и негромко сказала:

— Прошу прощения за вторжение и за то, что, возможно, лезу не в своё дело! Случайно услышала ваш плач и решила спросить, не требуется ли вам помощь...

— Нет-нет, всё в порядке, не стоит беспокоиться! — оборвал меня тоненький девичий голос, в котором угадывались недавние слезы. — Мне... мне не нужна помощь, уверяю вас!

Постояв у двери несколько мгновений, я пожала плечами и направилась к лестнице, спиной ощущая нешуточное напряжение, с которым невидимая плакальщица ожидала моего ухода. Стоило шагнуть на первую ступеньку, как в спину долетел порыв воздуха и уже знакомый голос окликнул:

— Подождите... Пожалуйста!

В дверном проёме стояла, нервно цепляясь за косяк и покусывая тонкие губы, белокурая девушка. В ней я без труда узнала незнакомку, встреченную вчера у дверей. Её милостивое лицо припухло и покраснело от слёз, а лихорадочно блестящие глаза кричали об её состоянии. Поймав мой взгляд, девушка смутилась и, потупив голову, пролепетала:

— Это правда? То, что вы говорили о помощи?

Я ободряюще улыбнулась ей и мягко произнесла:

— Никогда не даю пустых обещаний и не дарю ложных надежд. Выходит, ты всё-таки передумала?

Девушка отчаянно затрясла головой. Волосы заметались по плечам, как щупальца медузы, кольшущейся у поверхности воды.

— Я не знаю, что и думать! — запинаясь, истерически выкрикнула она и, с опаской оглянувшись, произнесла уже тише:

— Ужасно боюсь, понимаете? Я запуталась, невероятно запуталась и не вижу выхода из того капкана, в который сама себя и загнала!

Её губы задрожали. Она принялась всхлипывать и прерывисто дышать, словно пытаясь подавить рыдания, рвущиеся наружу. Мне стало её жаль. В этой девушке я внезапно увидела что-то знакомое. Что-то, напомнившее меня саму тогда, в ту ужасную ночь два года тому назад. Я тоже очутилась в ловушке, но рядом оказался Одноглазый Том, протянувший руку помощи. Белокурой незнакомке не приходилось рассчитывать, что ей кто-нибудь поможет.

Кроме меня.

— Меня зовут Руанна.

Девушка мяла в руках тонкий батистовый платочек, от слёз превратившийся в жалкий комок. Я кивнула, отчего-то почувствовав во рту привкус хайаньского шоколада, и

представилась:

— Кассандра. Так что у тебя случилось? Рассказывай и ничего не бойся.

Покрасневшие от покусываний губы Руанны искривились в жалостливой усмешке. Она хрипло вздохнула и заговорила, заикаясь и путая слова:

— Я из Мерании. Это провинция недалеко отсюда. Вчера я сбежала из дома.

— Почему? — мягко спросила я, увидев, что при этих словах глаза девушки заблестели.

Она глубоко вздохнула, явно делая над собой усилие, и с трудом выдавила:

— Я... Я, наверное, убила Марка!

И, разрыдавшись, спрятала лицо в ладони. Удивившись такому откровению (на убийцу Руанна походила в последнюю очередь), я сделала попытку тактично выведать у неё подробности:

— Кто такой Марк?

— Мой отчим, — глухо послышалось из-за плотно стиснутых ладоней. — Мама умерла полгода назад. Выдержав траур, он потребовал, чтобы я заняла её место, как самая старшая. А я его ненавижу, ненавижу, ненавижу, он жирный, как ордол(157) по осени, и у него мерзкая бородавка на носу! А ещё он жестокий и приказывает сворачивать головы нашим кроликам прямо у меня на глазах!

Плач грозил перерасти в истерику. Я рискнула легонько дотронуться до её плеча. Она не отодвинулась, только вздрогнула от прикосновения.

— Прежде всего, тебе нужно успокоиться, — сказала я, поглаживая вздрагивающую спину. — Что именно случилось вчера?

Руанна сглотнула слёзы и низким голосом проговорила:

— Вечером он явился ко мне и сказал, что завтра — то есть, сегодня — мы пойдем в храм Лиара и скрепим наш союз Светом. А так как моя мать не родила ему кровного наследника, то он будет ждать его от меня!

Она прошептала что-то неразборчивое и с омерзением произнесла:

— Видели бы его, Кассандра! От этих слов на меня будто морок какой-то напал. Я схватила тяжелый бронзовый кувшин и запустила ему в голову. Он... Он упал...

Она принялась нервно ломать пальцы.

— На полу, под его затылком, растеклась лужа — тёмно-красная, блестящая. Он пытался подняться, но не смог и упал обратно. И эти глаза...

Девушка больно вцепилась мне в руку скрюченными, как в агонии, пальцами и прохрипела:

— Он посмотрел на меня. Никогда не забуду его глаза! Думала, что они сейчас выкатятся мне под ноги, как... как спелые яблоки!

Я передёрнула плечами от омерзения, живо представив себе эту картину. Руанна лихорадочно дышала, облизывая сухие губы. Я чувствовала, как бешено колотится её сердце.

— Испугалась, что сейчас в комнату кто-нибудь зайдет и увидит нас. Я схватила все деньги, что были, и бросилась бежать. Не помню, как добралась до первого попавшегося трактира, где наняла двуколку и отправилась сюда. Я не знаю, как мне быть дальше!

— Вот что, — успокаивающим голосом перебила я, мягко, но настойчиво высвобождаясь из-под её хватки. — Ты уверена, что убила своего отчима?

Руанна опустила руки. В её глазах полыхало отчаяние, однако мне показалось, что среди него мелькнул слабый лучик надежды.

— Я же видела кровь, — тихо сказала она. Я с сомнением покачала головой:

— Это ещё ничего не значит. Он мог сильно удариться головой, мог даже на какое-то время потерять сознание, но мне почему-то кажется, что твой отчим остался жив.

Руанна сцепила руки в замок, вытянув их перед собой, и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

— Не обнадёживайте меня попусту, Кассандра, — нетвёрдо произнесла она. — Это слишком просто.

Я внимательно посмотрела на неё и положила ладонь поверх её рук. Девушка нахмурилась, но не отодвинулась.

— Человеку всегда свойственно предполагать худшее, — задумчиво сказала я. — Но это вовсе не значит, что реальность может стать отражением его страхов. Я больше чем уверена, что с этим твоим ордоподобным Марком сейчас всё в порядке.

Руанна вырвалась и ахнула, с ужасом глядя на меня. Её мгновенно высохшие глаза заблестели.

— Вы предлагаете мне вернуться?!

— Когда я такое говорила? Просто предлагаю тебе совершенно обратное.

Я поднялась со своего места и встала перед Руанной. Та запрокинула голову, недоверчиво прищурилась глазами.

— Я направляюсь в Миртон — это городок вниз по реке отсюда. Ты можешь отправиться туда вместе со мной, а потом уйти, куда пожелаешь. Денег я тебе дам. У тебя есть друзья или родственники, которые смогут приютить на какое-то время?

Руанна отвела глаза и наморщила лоб.

— Тётя Гленда, — с расстановкой проговорила она, пощипывая кожу между указательным и большим пальцем. — Это старшая сестра мамы. Она живёт в Иртасе. Это не так далеко от Миртона, если взять двуколку. Думаю, тётя выручит меня, тем более, она всегда ненавидела Марка.

При этих словах девушка встрепенулась, оборвав сама себя, и недоумевающе затрясла головой.

— Ничего не понимаю, Кассандра! Почему вы мне помогаете? Совсем меня не знаете, и, тем не менее, предлагаете помощь! Я не верю вам, здесь какой-то подвох! Если это так, то убирайтесь из комнаты, я отлично справлюсь сама!

Она сжала кулачки и с вызовом уставилась на меня. Я не смешалась. Чувства, обуревающие Руанну, я прекрасно понимала и разделяла: окажись я на её месте, тоже видела бы в любом встречном врага.

"Есть особые долги," — написано в каменных скрижалях Храма Молчания(158). — "Долги, отложенные в судьбе. Их оставляют те, кто дарит вам частицу своей доброты. Рано или поздно в вашей жизни появятся люди, которые потребуют вернуть этот долг".

Кажется, в моей жизни одним из таких людей стала Руанна.

— Послушай, — вкрадчиво, но твёрдо сказала я, присаживаясь на колени и беря её руки в свои. — Похоже, я единственный человек, который абсолютно бескорыстно предлагает тебе свою помощь. Не хочу тебя пугать, но, возможно, это твой единственный шанс продолжить путь и без приключений добраться до тётки.

Руанна заколебалась. Я отчетливо увидела сомнение в её глазах и веско добавила:

— В жизни я тоже сталкивалась со злом и понимаю, что люди могут быть злыми. Коварными. Жестокими, — голос дрогнул. — Главное, чтобы в тот момент, когда ты это осознаешь, рядом оказался тот, кто придёт к тебе на помощь!

Руанна нервно сглотнула. Затем крепко сжала мои пальцы.

— Я верю вам, Кассандра, — прошептала она.

— Вы не говорили, что мы отправимся по реке! Есть же путь посуху, вдоль Айласы!

В голосе Руанны снова прорезались истерические нотки. Она больно вцепилась мне в руку. Стиснув зубы, я сухо сказала:

— Кратчайший путь до Миртона лишь один: по воде. Я действительно хочу помочь, Руанна, но если ты имеешь что-то против этого маршрута, то нам придётся распрощаться!

Девушка не ответила. Она тяжело дышала, глядя на серебристо поблескивающую реку, несущуюся мимо.

Мы стояли на подмостках Корниэлльского речного порта. Над головами тоскливо покрикивали чайки, покачиваясь в вечернем небе. Покачивались айолы, пришвартованные к берегу. На одной из них матросы споро разворачивали хлопающий под порывами сильного ветра парус. Влажный воздух пропитали запахи тины и рыбы.

В широко раскрытых глазах Руанны, которые она переводила с меня на реку, безошибочно читался ужас, какой охватывает человека перед лицом самых потаённых страхов.

— С тобой все в порядке? — выждав несколько мгновений, уточнила я. Затянувшееся молчание девушки начало немного действовать на нервы. Пора было уже отправляться в путь.

Руанна вздрогнула.

— Кассандра, если бы вы только предупредили раньше... Я очень боюсь воды. Около нашего дома тоже есть речка. Однажды зимой ещё ребенком я провалилась туда. Быстрое течение утянуло меня прямо под лёд. Я пыталась кричать и биться изнутри, но меня затягивало в глубину!

Она сглотнула и смахнула слёзы с глаз.

— До сих пор не понимаю, как мне удалось выбраться, — более спокойным голосом продолжила она. — Но с тех пор я ужасно боюсь даже приближаться к воде!

Она с беспомощной тоской взглянула на меня. Я пристально смотрела ей в лицо, чувствуя, как жалость к существу, на долю которого Хэлль отсыпал столько неприятностей, борется с нетерпеливым раздражением. Нужно отправляться немедленно, и ни о каком другом транспорте не могло быть и речи.

— Мне очень тебя жаль, — сказала я, наконец. — Но, увы, ничего поделать не могу. Выбирай: либо отправляешься со мной по реке, либо наши пути расходятся здесь.

Руанна глядела на меня так обречённо, что я чуть не растаяла и даже на мгновение заколебалась: правильно ли поступаю? Но девушка всё же едва слышно произнесла:

— Я последую за вами, Кассандра. Всё равно другого выхода нет. Постараюсь что-нибудь сделать со своим страхом.

Я ободряюще похлопала её по плечу.

— Вот и славно! Со страхами нужно бороться, Руанна, иначе ты сама не заметишь, как станешь их рабыней.

Девушка понурилась и промолчала.

Над рекой медленно плыла луна, масляно поблескивая на чёрной поверхности воды, журчащей за бортом. Свежий ночной ветер приносил из прибрежных селений запахи

домашней еды и скота. Внизу, под палубой раздавался мерный шорох ножных колес(159), с помощью которых матросы приводили в движение судно. С наступлением ночи ветер утих, и обвисшие паруса свернули за ненадобностью. Я ходила взад-вперёд по палубе, иногда заглядывая в трюм — туда, где ровными рядами стояли пассажирские скамьи. На них вповалку дремали немногочисленные попутчики: в большинстве своём мастеровые, мелкие торговцы и наёмники, кочующие из города в город в поисках заработка. Мне не спалось: на душе было беспокойно. Усевшись на лавку, через какое-то время я вскакивала и поднималась наверх.

Что же так меня терзало? Я и сама не могла взять в толк. К привычному нетерпению примешивалась смутная тревога, плещущаяся в глубинах сердца. На муки совести это походило мало. Я бы скорее назвала это дурным предчувствием.

Потолок трюма давил, вызывая ненужные воспоминания о ранаханнском гареме. Я поспешила на палубу. На свежем воздухе полегчало, но странное чувство никуда не исчезло, скорее, ненадолго притупилось.

Руанна неподвижно сидела на лавке в самом дальнем углу, ссутулившись и крепко обхватив руками поджатые колени. Её глаза неподвижно смотрели в одну точку. Окликнув её пару раз по имени, я словно наткнулась на глухую стену. На лице девушки не дрогнуло ни мускула, а осмысленного выражения в глазах так и не появилось.

Неужели она так сильно боится воды?

Впрочем, не мне её судить. Подспудные страхи терзали и меня, однако, если я хоть как-то научилась с ними справляться, то моя случайная попутчица явно решила выбрать путь полегче и сдаться им на милость.

Край неба уже подёрнулся бледно-голубой каёмкой — верный признак приближающегося рассвета. Я в бесчётный раз ступила на доски палубы. Вокруг утихли голоса людей и шум волн, погасли береговые огни, и наступила та особая ночная пора, когда всё вокруг замирает в боязливом исступлении перед началом нового дня. Я любила это время суток. На Коннемаре ходило поверье, что именно в такой час, когда Мидаха(160) готовится поднять своё покрывало, вся нечисть и нежить становится опаснее, торопясь ухватить хотя бы кусочек отведённой им ночи. Я не верила в эти байки и порой специально не спала ночами, карауля у окна: а ну, как появится кто-то из обещанных ночных монстров!

За все годы, проведённые среди унылого коннемарского пейзажа, никто так и не появился.

Я улыбнулась детским воспоминаниям, оперлась о борт айолы, свесив локти над водой, и принялась всматриваться в тёмные очертания величаво проплывающих мимо берегов. Может быть, хотя бы сейчас мелькнёт что-то интересное?

Берега остались безучастными к моим надеждам. Мысли прервал громкий стук. Вынырнув из сомнамбулического созерцания, я с ужасом ощутила, что сумка с Камнем каким-то образом выскользнула из-под руки и упала на палубу. Мигом забыв обо всех монстрах вместе взятых, я принялась спешно засовывать вещи обратно. Что-то кольнуло ладонь. Испуганно помянув Хэлля, я нащупала листок с агатовой каплей — подарок Акиры и перевернула его, чтобы вернуть на место.

Агат светился. Вернее, тускло мерцал, словно где-то в его глубине зарождался трепещущий светло-жёлтый огонёк, слабо озаряющий пространство вокруг. Не веря своим глазам, я повертела самоцвет перед глазами. Свечение не исчезло, но и не усилилось. Огонёк мерцал ровно.

Забыв о сумке, я попыталась вспомнить всё, что знала об агате. Выходило немного. Только литанээ могли заговорить с камнем и выпытать причину мерцания. На ум пришли слова хайанского оборотня: "Жёлтый агат уберёжёт тебя от злых духов и нечистой силы, дурного глаза и ядовитых укусов".

Так что же — меня пытаются отравить или где-то рядом притаились злоумышленники?

Я инстинктивно обернулась: палуба пустовала. Впрочем, это ничего не значило: среди тех, кто дремал сейчас внизу, вполне могли находиться недоброжелатели. Оставалось убрать агат и запахнуть оставшиеся вещи в сумку, крепко затянув и завязав тесёмки. Близился конец нашего речного путешествия, и я надеялась, что до Миртона мы доберёмся без происшествий, а уж там будет видно, как действовать дальше.

В ту ночь я так и не уснула.

Ранние лучи солнца вызолотили кроны ясеней, густо обступивших порт. В отличие от Корниэлла Миртон не мог похвастать большим причалом. Меж одноэтажных береговых построек царило запустение. Кое-где виднелись человеческие фигуры, однако большую часть обитателей порта составляли жирные чайки, важно прогуливающиеся по деревянному настилу и недобро посматривающие на нас, склонив головы набок.

— Этот город не пользуется особой популярностью, госпожа, — пояснил матрос, с грохотом спуская сходни на берег. — Тут нет ничего интересного, и обычно мы проходим мимо.

Я кивнула, изображая заинтересованность, но на деле с трудом сдерживая зевок. Бессонная ночь и полный тревог день сказывались не лучшим образом. Перед глазами стояла мутная пелена. Приходилось с особой осторожностью переставлять ноги, спускаясь по трапу, чтобы не упасть. Руанна безмолвной тенью следовала за мной. Под глазами у неё залегли огромные круги: видно, для неё ночь тоже выдалась беспокойной. Она всё так же затравленно озиралась по сторонам, а от воды, случайно плеснувшей на сходни, отпрянула так, что я испугалась, что девушка сейчас рухнет вниз и захлебнется. Заметив мою попытку броситься на помощь, Руанна помотала головой и улыбнулась. Эта улыбка выглядела вымученной попыткой оправдать собственную неуклюжесть.

— Всё в порядке, Кассандра, — едва слышно сказала она, цепляясь за мою руку и осторожно ступая на берег. — Я боялась, что будет хуже, но, похоже, всё обошлось!

Я промолчала, на ходу потирая ладонь. На тыльной стороне медленно проступали красные пятна: хватка у моей новой знакомой была что надо. Да и вообще, несмотря на внешнюю забитость и полную беспомощность перед ударами судьбы, Руанна показала мне куда сильнее, чем на первый взгляд. Это исподволь радовало, но вместе с тем и слегка настораживало: очень не хотелось бы получить от неё внезапный удар в спину.

Матрос знал, о чём говорил. В Миртоне не оказалось ничего примечательного. Узкие пыльные улочки, уставленные приземистыми домишками, сложенными из серого камня; поджарые собаки и куры, возящиеся в песке и провожающие нас ничего не выражающими жёлтыми глазами; тощие дракониды, скучающие у драковязей. Местные жители, попадающиеся по дороге, удивлённо разглядывали нас, но вопросов не задавали. То ли сторонились чужачек, то ли в принципе были неразговорчивыми.

Я вновь зевнула, прикрыв ладонью рот. Мысли путались и плясали безумным веретеном, мешая сосредоточиться. Нужно торопиться вперёд, в долину реки Гаас, ведь времени оставалось совсем мало! Вот только сейчас я бы всё отдала за возможность немного

вздремнуть.

— Вам бы отдохнуть, — сказала Руанна, прочитав мои мысли. — А то с ног валитесь. Вон, смотрите, может быть, остановитесь там?

Она указала на темнеющее невдалеке здание — единственное на этой улице, хоть как-то выделяющееся из общей невзрачной массы благодаря флюгеру в виде чайки и вывески над дверями. Истёршиеся буквы, выполненные с претензией на вычурную староалдорскую манеру начертания, складывались в незамысловатое название "Приют путника". Только взглянув туда, я почувствовала прилив сильнейшего желания бросить безумную гонку за второй вехой и упасть на первую же попавшуюся кровать.

Нет! Нельзя сейчас поддаваться этому малодушному порыву и терять время на бесплодный сон!

— Всё в порядке, — выдавила я, с ужасом почувствовав, что язык отказывается повиноваться, с огромным трудом выталкивая слова. — Мне нужно спешить. А ты...

— Мне нужно в Иртас, к тётке Гленде, я же вам говорила, — в голосе Руанны послышалась легкая укоризна. — Это не так далеко отсюда, путь займет полдня, не более. Обо мне не волнуйтесь!

— Верно. Верно. Тебе надо к тётке, — повторила я, хоть и с трудом, но припоминая наш разговор в Корниэлле. — Я ещё обещала дать тебе денег...

— Не надо!

Я остановила тянущуюся к сумке за монетами руку и удивлённо посмотрела на девушку.

— Что значит — не надо? Ты что, хочешь добираться до Иртаса, не имея в кармане ни медяка?

Руанна отчаянно замотала головой. Длинные белокурые пряди окутали её лицо золотистой дымкой.

— Кассандра, вы и так ко мне слишком добры, — горячо сказала она. — Право слово, неудобно обременять вас ещё больше! Прошу вас, не волнуйтесь за меня, со мной всё будет в порядке!

Я молча глядела в её широко распахнутые светлые глаза. Руанну словно подменили: из забитой, дрожащей от страха девчушки она превратилась в девушку, которая всем своим видом излучала уверенность и непреклонность. Такая разительная перемена радовала. Приятно было осознавать, что я тоже этому поспособствовала и не дала сгнить товарке по несчастью.

И всё же столь разительное превращение слегка пугало.

Не проронив ни слова, я вытащила из сумки пригоршню серебряных монет и почти насильно сунула девушке в руки.

— Не болтай глупости! Держи, пока я не передумала.

— Ай!

Руанна отдернула ладони. Серебрушки, звеня и подпрыгивая, просыпались на булыжники, торчащие из дороги. Девушка спрятала руки за спину и упрямо затрясла головой.

— Не уговаривайте, Кассандра, не уговаривайте меня!

Какой-то мальчишка, с любопытством поглядывающий в нашу сторону, кинулся к монеткам, но я так цыкнула на него, что он, шарахнувшись, дал дёру. Его желтовато-серая рубашка, покрытая пятнами пота, вздулась пузырем за тощей спиной.

— Хорошо, не стану тебя упрашивать, — спокойно сказала я, подбирая серебрушки и не

подавая вида, что её поведение поражало всё больше и больше. — Надеюсь, что ты не накличешь на свою красивую головку ещё больших бед.

— Спасибо, — с глубоким чувством благодарности отозвалась Руанна. Я поднялась на ноги и сунула деньги в сумку, не удержавшись от соблазна и вновь глянув в сторону "Приюта путника". Образ кровати не замедлил вновь появиться перед глазами. На сей раз куда ярче.

Голова гудела так, словно в ней поселился рассерженный пчелиный рой. Нос уловил едва слышимый аромат можжевельника, неизвестно откуда взявшийся в этом пыльном городишке. Я поняла, что больше не могу бороться сама с собой, и признала поражение. В конце концов, лучше потерять немного времени и восстановить силы, чем оказаться без сознания на полпути к Чёрным горам.

— Знаешь, пожалуй, ты всё же оказалась права. Мне действительно стоит отдохнуть...

Руанна мгновенно просияла. Похоже, она неподдельно волновалась за меня. Внезапно она бросилась вперёд и крепко обняла меня. Кости хрустнули под её напором, заставив меня болезненно скривиться.

— Конечно, Кассандра! — горячо прошептала она мне на ухо. — Даже несколько мгновений глубокого сна полностью вас преобразят и придадут сил. Моя мама всегда говорила: "Сон — это лучшее лекарство от всех тревог и забот"!

— Мудрая женщина, — хрипло сказала я, осторожно высвобождаясь из кольца её рук. Руанна отступила назад и отвесила глубокий поклон.

— Огромное спасибо вам за помощь, Кассандра! Клянусь, я никогда этого не забуду!

Я слабо улыбнулась в ответ, мечтая как можно быстрее рухнуть в кровать. Руанна медлила, ожидая ответа.

— Будь счастлива, — пробормотала я. Девушка с готовностью кивнула, развернулась и поспешила прочь, звонко бросив на ходу:

— Я уверена, что мы встретимся вновь!

"Приют путника" нельзя было назвать роскошным. Кровать в наспех снятой комнате покрывал жёсткий матрас, из которого во все стороны торчала солома. Тонкое шерстяное одеяло просвечивало многочисленными дырками. Однако мне это ложе показалось пределом мечтаний. Койка в Аэдагге была немногим лучше. Сунув сухопарой старухе — владелице "Приюта" — две серебряшки, я плотно закрыла дверь, скинула туфли, расшнуровала платье и камнем упала в постель, чувствуя, как долгожданный сон завладевает мной, не дав даже коснуться головой подушки.

...Раз-два-три. Раз-два-три.

Шаг, другой.

Поворот, поворот.

Поклон.

Раз-два-три. Раз-два-три.

Это бал. Я точно знаю, что это бал. Всё вокруг сверкает и переливается разноцветьем пышного убранства огромного танцевального зала. Всё сверкает в сиянии тысяч магических светильников. Мимо скользят фигуры. Я слышу трескучие постукивания каблуков и шелест многочисленных платьев. Краем глаза даже могу видеть неясные фигуры, проносящиеся мимо в танце, больше похожим на завихрения тумана под порывом сильного ветра.

На месте лиц плотные сгустки сизо-серого дыма.

А кто танцует со мной?

Моя рука в его руке, другая лежит на его плече, а он держит меня за талию. Я напрягаю все силы, чтобы разглядеть хоть что-то, но вижу лишь неясную, неверную тень.

Шаг, другой, третий.

Раз-два-три. Раз-два-три.

Поворот, поворот.

Поклон.

Звучит неизвестная музыка — прекрасная, завораживающая, но и пугающая одновременно. Под звуки лютней и волынок чей-то чарующий голос поёт песню на странном языке. Мелодия столь невыразимо чудесна, что на глаза сами собой наворачиваются слёзы и катятся по щекам. Музыка моментально стихает, и я чувствую, как чьи-то пальцы легко касаются лица, бережно стирая влажные дорожки.

Мы прекращаем танец. Фигуры вокруг одна за одной растворяются в тумане.

— Кто ты? — шепчу я, боясь громким голосом спугнуть видение.

Он молча качает головой. Это выглядит, как резкие движения тени в ряби воды.

— Я знаю тебя?

Словно что-то знакомое чудится в его очертаниях.

— Или нет?

Внезапно я чувствую, как обе его руки ложатся мне на плечи.

— Как прекрасен лик твой, озарённый светом луны.

Я знаю этот голос?

Сердце подпрыгивает и пускается в бешеный пляс, заставляя тело дрожать, а колени безвольно подгибаться. По телу волнами растекается непередаваемо-сладкая муть. Что со мной творится?

Он мягко, но настойчиво притягивает меня к себе, и я чувствую прикосновение его губ к своим.

Прямо передо мной вспыхивают два ослепительно-синих огня.

Синеглазый?!

Захлебнувшись застрявшим в горле криком, я резко открыла глаза, почти оглохнув от безумного грохота сердца, эхом отдающегося в ушах. Мгновения хватило, чтобы согнать с себя наваждение, унять неистовое биение сердца и осознать, что поцелуй вовсе не привиделся.

Только вместо Синеглазого мне в губы впиалась Руанна.

Она нависла надо мной, лежащей на спине, крепко прижимая мои запястья к матрасу и вдавливая коленями ноги в матрас. Глаза девушки сверкали во вздохе от моего лица, а рот плотно закрывал мой, не давая толком глотнуть воздуха. От Руанны волнами исходил жар, смешанный с сильнейшим ароматом можжевельника. Она часто дышала.

Что это ещё за Хэллева напасть?!

Глухо вскрикнув, я принялась изо всех сил извиваться под её стальной хваткой. Бесполезно. Хрупкая на первый взгляд девушка превратилась в неподъёмную ношу. С таким же успехом я могла пытаться скинуть с себя набийского далира(161). Усилия не остались незамеченными: скосив глаза, Руанна нахмурилась и усилила напор.

Что на неё нашло?!

Времени разбираться или задавать вопросы не было. Я бешено сопротивлялась, пытаюсь

всеми силами отвоевать хотя бы крошечный кусочек пространства, чтобы сбросить с себя свою недавнюю попутчицу. Руанна пресекала все мои попытки вырваться, хмурясь и что-то нечленораздельно мыча. Подустав от бесплодных усилий, я прикрыла глаза, лихорадочно соображая.

Неужели я, Мелиан Дикая Кошка, в одиночку расправившаяся с двумя опаснейшими пиратами, не в состоянии совладать с какой-то тщедушной девицей?

Внезапно я почувствовала, что хватка Руанны немного ослабла. Наверное, почувствовав, как я расслабилась, она решила, что одержала победу. Пришла пора действовать! Не открывая глаз, я резко дернулась вверх, с силой боднув воздух. Нанесённый вслепую, удар нашёл цель — мой лоб больно врезался во что-то, отозвавшееся хрустом. В то же мгновение мои руки оказались на свободе.

Открыв глаза, я увидела, что Руанна сидит на коленях, с утробным стоном закрывая ладонями лицо и с ненавистью глядя на меня. На месте носа зияла кровавая дыра, откуда торчали лохмотья мяса и белые обломки хряща. Из страшной раны на матрац аккуратно струилась кровь. Не теряя времени даром, я стремительно перекатилась на бок, подтянула колени к груди и пнула девицу в живот, швырнув на пол. Она рухнула на доски и отлетела к стене.

Я села и начала растирать ноющие запястья.

— Понятия не имею, какого Хэлля ты творишь! — холодно сказала я, наблюдая, как Руанна медленно поднимается на четвереньки, пачкая пол алыми каплями. — Но не думаю, что давала тебе повод так со мной обращаться. Какого Хэлля ты творишь?

Девушка мелко затряслась. Я с изумлением поняла, что, несмотря на своё состояние, она сдавленно хохочет.

— А ты сильная! — произнесла она звонко. — Я немного просчиталась, и с тобой придётся повозиться!

— Что ты несешь? — скорее от неожиданности, чем от ярости, рывкнула я.

Всё так же неторопливо, будто любясь собой, Руанна поднялась на ноги, с хрустом потянулась и шагнула ко мне. Ничего не понимая, я отпрянула, готовясь в любое мгновение прыгнуть на пол. Окровавленные пальцы девушки легли на спинку кровати.

— Зря ты настаивала, чтобы я последовала за тобой, — вкрадчиво сказала она, поптичьи склонив голову набок. Белокурые пряди змеями упали на скомканное покрывало. Я отстранённо подумала, что не удивлюсь, если они сейчас поползут ко мне. — Хотя чего уж там, ты не знала...

— О чём?

Руанна тихо рассмеялась. Захотелось вырвать ей язык, лишь бы не слышать этого мерзкого смешка.

— Не буду тут перед тобой распинаться. К чему тратить время, когда всё уже решено?

— Я закричу, если ты сделаешь ещё хотя бы шаг! — предупредила я, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Давай! Тебя никто не услышит, — хихикнула девушка. — Всё, что происходит в этой комнате, останется здесь. Пока я не разрешу.

— Хэллево отродье! — прошипела я сквозь зубы. Руанна безразлично пожала плечами и вдруг, не дав опомниться, кинулась вперёд, по-звериному выставив перед собой руки и метя в лицо. Я едва успела увернуться, соскользнув на пол и откатившись от кровати.

Тут меня осенило.

Где-то совсем рядом лежит моя сумка. А в ней кинжал, купленный в Корниэлле!

Я отвлеклась на мгновение, пытаюсь оглядеться, и упустила момент, когда Руанна вновь прыгнула в мою сторону, швырнув на пол и вцепившись руками в горло.

— Было приятно познакомиться с тобой, Кассандра! — ласково пропела она на ухо, стиснув пальцы.

Брыкаясь изо всех сил, я судорожно глотала воздух, захлёбываясь в аромате можжевельника и чувствуя, как жизнь капля за каплей выдавливается из меня.

Свет вокруг начал постепенно меркнуть.

157 — **ордол** — животное, похожее на крупного кабана, покрытого жёсткой чёрной щетиной. От кабана отличается раздвоенным пятаком и небольшими рожками у самых ушей;

158 — **Храм Молчания** — главный храм Белой Девы Хайаня. Монахи, служащие там, при вступлении дают обет молчания и проводят львиную долю времени в медитациях, заносая в свитки снизошедшие на них во время медитаций откровения. Самые мудрые, по признанию шиндоку (настоятеля) храма, затем высекаются на каменных скрижалях в назидание потомкам;

159 — в штиль речные суда приводятся в движение ножными колёсами — широкими деревянными колёсами с лопастями, спрятанными внутри судна. Внутри колеса помещается пара человек, которые при помощи быстрого бега заставляют колеса вращаться;

160 — **Мидаха** — богиня ночи в коннемарском пантеоне;

161 — **далир** — крупное пресноводное пресмыкающееся, напоминающее гавиала, но с шестью парами лап и более широкой пастью;

В непроглядной тьме вокруг меня то тут, то там мелькали багровые сполохи. "Словно гроза над океаном", — отстранённо подумала я.

Сожаления не было. Было лишь осознание того, что моему поиску суждено оборваться вот так — бессмысленно и глупо.

Что ждёт меня там, за порогом? Вечное блаженство в Пресветлом чертоге Лиара? Хотелось бы верить, только я далеко не праведница, да и в Лиара уже давно не верю.

Очередной оборот Колеса Перерождения(162)? Неплохо, но не хочется очнуться в новом теле и начать жизнь с чистого листа, отринув всё, что знаю и о чём мечтаю сейчас.

Острова Счастья(163)? Вечное небо Великой Степи(164)?

Дышать стало легче. Ощущение тисков, сжимающих шею, ушло. "Похоже, что я и впрямь умерла — все мучения остались в том мире", — мелькнула мысль, поразив той холодной безразличностью, с которой я её восприняла. Тут что-то толкнулось под ребра. Острая боль, отозвавшаяся где-то рядом с сердцем, притупила ощущение нереальности и позволила вновь почувствовать собственное тело.

Неужели ещё не конец?

Тьма начала медленно и неохотно отползать, рассеиваясь. Жадно глотая воздух, я почувствовала, как жизнь толчками разливается по телу вместе с потоками крови, наполняя внутренности теплом, а разум — надеждой.

Что произошло? Неужели Руанна одумалась и отпустила меня?

Тело ещё плохо повиновалось, и пришлось сделать над собой усилие, чтобы поднять веки. Свет больно обжёг глаза. Безумно испугавшись, я надрывно закашлялась, инстинктивно скорчившись и схватившись за горло.

— Тебе повезло, что она жива, тварь! — услышала я донельзя знакомый голос. Пальцы плохо слушались меня. Кое-как смахнув пелену со слезящихся глаз, я с трудом повернула голову на источник звука. Шея была ватная, и казалось, что она легко переломится от неосторожного движения.

Кое-как проморгавшись от дымки слез, я разглядела длинные чёрные волосы, неаккуратными прядями облепившие блестящие от пота плечи, широкую спину и запylённые штаны, заправленные в сапоги. Все это подрагивало отдельными деталями, никак не желая складываться в полноценную картину.

— О, хайлэ, капитан.

Северянин не повернул головы. Он сделал резкое движение руками и отшатнулся назад, с явным усилием удерживая какую-то извивающуюся тень. Сначала я не поняла, что именно происходит, но спустя несколько ударов сердца окружающие предметы приобрели более чёткие очертания. Я различила Руанну, с перекошенным лицом и растрепанными волосами рвущуюся ко мне, и бывшего капитана ранаханнской стражи, пытающегося с ней совладать. Диковинное зрелище: хрупкая светловолосая девушка раз за разом бросается вперёд, оскалив зубы и судорожно царапая скрюченными пальцами воздух, и огромный, как скала, мужчина, с заметным трудом ловящий её и пытающийся удержать на месте. Руанну словно обмазали маслом, и попытки Коннара скрутить её оставались бесплодными. Поймав мой взгляд, девушка сморщилась, будто проглотив ягоду браженики(165), и свистяще прошипела:

— Я ещё доберусь до тебя! Мне никто не сможет помешать! Не упущу такой лакомый кусок!

— Заткнись, тварь! — взревел Коннар, с видимым усилием удерживая её за длинные волосы. Мне показалось, что белокурые пряди моей мучительницы сами обвилились вокруг его руки, как древесные змеи.

Руанна скосила на него глаза и тоненько захихикала. Заново услышав этот жутковатый звук, я содрогнулась. Горло отозвалось саднящей болью.

— Как же ты вовремя появился, пришелец с севера! Чую на тебе кровь своих сестёр. Уверен, что сможешь одолеть меня, если не справился с ними?

Каких ещё сестер? Они что, знакомы?

— Ты не учла одного, — на удивление спокойным голосом сказал наёмник, вставая вполоборота ко мне и неторопливо накручивая её волосы на руку. Руанна зарычала, упершись ладонями в широкую грудь и пытаясь вырваться.

— Плохое решение — идти за ней, — задыхаясь, захрипела она. — Когда тьма междумирья ползет по пятам, она может прихватить ещё и тебя!

— Ты не учла одного! — повторил Коннар низким голосом, прогремевший под потолком. — Я уже давно не тот юнец, что попался твоим сестрам!

С этими словами он с усилием рванул на себя волосы девушки. Другой рукой плотно обхватил Руанну за шею и одним резким движением дёрнул вправо. Раздался неприятный хруст, и её тело обмякло. Наёмник отступил назад, брезгливо кинув его на пол. В комнате на мгновение одуряюще вспыхнул можжевелевый аромат и тут же угас. Не глядя в мою сторону, Коннар принялся не спеша обтирать руки, счищая с них какую-то липкую гадость. От меня не укрылись его глаза — покрасневшие, с лопнувшими прожилками. Неужели он дотрагивался до меня?

— Спасибо, — с трудом переборов боль в горле и собственную гордость, тихо сказала я. — Как ты тут очутился?

— Загнал двух драконидов, — горько усмехнулся бывший капитан. — Путь посуху до этой дыры куда длиннее. В город я въехал в полдень. Заметил, что ты направилась в этот постоялый двор, а потом разглядел эту кшайсу. Она карабкалась по стене напрямик к твоему окну.

Он поддел тело Руанны кончиком сапога. Оно неожиданно легко перекатилось на спину, издав тихий шелест, словно наёмник разворошил кучу сухих листьев. Я вздрогнула, но отвернуться не успела. Глазам предстало лицо бывшей попутчицы, которое с трудом поддавалось узнаванию. Кожа на черепе натягивалась, словно невидимая рука собирала её в узел на затылке. Кое-где змеились трещины, обнажающие розоватую плоть.

— Ты знала, что кшайсы могут взбираться по стенам, почти как оборотни? — безразлично спросил Коннар, вынимая из-за пояса кинжал и легко касаясь кончиком лезвия лица Руанны. От прикосновения поверхность кожи лопнула. На пол брызнула белёсая, как простокваша, жидкость.

— Убери её! — услышала со стороны я собственный крик. К горлу подкатила тошнота, обжигая гортань. Я стремительно отвернулась к окну. Кровать дрогнула, со скрипом приподнялась и опустилась с приглушённым стуком.

— Можешь поворачиваться, — услышала я голос наёмника. Он стоял, аккуратно укладывая прикроватный коврик на прежнее место. Видимо, заметив движение с моей стороны, он выпрямился во весь рост и невесело усмехнулся. Глаза его хранили недоброе

выражение, однако где-то в их глубине я увидела отблеск тщательно скрываемого беспокойства.

— Кшайсы имеют свойство быстро истаивать после смерти, — сообщил он, кивая на кровать. — Очень скоро здесь останется только груда костей.

— Что такое кшайсы? — вопрос сам собой сорвался с языка. Меня всё ещё лихорадило от стремительно развернувшихся событий. Мысль о том, что своим спасением я обязана северянину, которого сама же и прогнала, впивалась в сердце ледяными шипами. Коннар с насмешливой укоризной покачал головой.

— И это спрашивает Дикая Кошка — та, что похвалялась своими подвигами и приключениями?

— Я сейчас вцеплюсь тебе в глотку! — прошипела я, с ненавистью глядя на него. Знакомое раздражение, смешанное с гневом, заклокотало внутри, внезапно успокоив меня. Северянин осклабился, помолчал несколько ударов сердца и неожиданно серьёзно произнес:

— Кшайсы — твари, что любят прикидываться людьми, завлекать доверчивых бедолаг в укромное место и высасывать жизнь.

Он бросил быстрый взгляд на кровать, хрустнул пальцами и продолжил:

— Обычно они подгадывают момент, чтобы остаться с тобой наедине, усыпляют и обездвиживают, а затем просовывают язык — а он у них очень длинный — тебе в глотку, чтобы впиться в сердце. Если им это удастся, то можешь начинать готовиться к встрече с Финнаром(166). Пары мгновений кшайсе хватит, чтобы высосать твою жизнь.

Я почувствовала накатившую волну озноба и обхватила себя руками за плечи, подвинувшись подальше от края кровати.

— Ты уже встречался с кшайсами, — пробормотала я. Северянин скривился и сплюнул в сторону.

— Встречался, — сухо сказал он. — Не знаю, как эта тварь прознала про это. Это случилось после праздника Посвящения. Тогда тебе впервые дают хлебнуть пшеничного пива и попробовать женщину. Мне было тринадцать. Две кшайсы пробрались в наш поселок и прикинулись заблудившимися путницами. Попросили провести их к какому-то дому, затащили в переулочек и... Не знаю, как они это делают, только никто не пришел ко мне на помощь, хотя кричал я громко.

Я вспомнила слова Руанны о том, что никто меня не услышит, пока она сама того не позволит.

— Поганый язык одной уже бился у меня во рту, как полудохлая рыба, когда дядя, каким-то чудом оказавшийся в том переулочке, съел кшайсе голову, а вторую окунул в сугроб и долго держал, пока она не сдохла. Потом дядя сказал, что они боятся воды, — по перевернувшемуся лицу Коннара было видно, что эти воспоминания не доставляют ему удовольствия. Меня это мало волновало. Минувшие события постепенно обретали смысл и складывались в малоутешительную картину.

— Они боятся воды, — задумчиво повторила я. — Так вот почему Руанна так не хотела плыть на айоле! Серебро у них, похоже, тоже не в чести, — добавила я мгновение спустя, вспомнив эпизод с монетками. Северянин дёрнул плечом.

— Расплатиться с ними я не пробовал, — саркастически сказал он, но я перебила его:

— Ты сразу понял, что Руанна — это кшайса, и именно поэтому последовал за мной?

Уж не знаю, почему, только очень захотелось получить ответ на этот вопрос. В течение нескольких ударов сердца Коннар буравил меня пытливым взглядом и негромко произнёс:

— Когда наёмнику возвращают его клятву, он волен следовать, куда ему угодно. Я не смог оставить одну сумасшедшую ведьму с золотыми глазами, что очертя голову бросается навстречу опасностям. Пусть моя защита ей и не нужна, но я не простил бы себе, если бы с ней что-то произошло.

Он замолчал, угрюмо глядя мне в лицо. Я растеряла все слова, потрясённо глядя на него снизу вверх и не представляя, что ответить на подобное заявление. Коннар невольно пришёл на помощь.

— Так что, если надумаешь и дальше искать неприятностей на свою хорошенькую головку, то знай — я всегда буду неподалеку, даже если тебе этого не хочется!

Я стиснула края покрывала. Мне очень не нравилось то, что северянин лезет, куда не просят, и пытается устанавливать свои правила. Однако я не могла не признать, что без него мне вряд ли удалось так быстро отделаться от кшайсы.

Если бы удалось вообще.

— Ты прав, — повторяя его интонации, сказала я, степенно складывая ладони на коленях. Наверное, со стороны это походило на то, как если бы невинная пастушка решила поболтать с опасным разбойником. — Мне совсем не нравится перспектива ощущать твои шаги за своей спиной и высматривать в любой тени твой силуэт, — невесёлая усмешка скользнула по лицу северянина, но я невозмутимо продолжила:

— Именно поэтому я и хочу, чтобы дальнейший путь мы продолжили вместе. Как и раньше.

Наёмник моргнул. Я холодно подумала, что впервые вижу столь ярко выраженное изумление на его лице. Это позабавило и придало сил.

— Впрочем, в этот раз связывать тебя узами клятвы я не стану. Ты имеешь полное право покинуть меня в любой момент, — весело закончила я.

Коннар выдохнул и запустил пальцы в чёрную гриву волос. В его глазах росло и крепло недоверие. Я безмятежно улыбалась, чувствуя, как истаивает тяжелейший груз, давивший на плечи. Под сердцем разлилось тёплое умиротворение, словно всё встало на свои места.

— Будь по-твоему, — отрывисто сказал наёмник. — В таком случае будь добра поторопиться. Ты ведь всё ещё хочешь успеть в свой монастырь? Собирайся и спускайся вниз. Жду тебя у входа в эту дыру!

Дверь за ним хлопнула. Резкий порыв воздуха приятно охладил лицо. Пошатываясь, я поднялась с кровати и принялась зашнуровывать платье чуть дрожащими пальцами.

Я не знала, что нас ждало впереди. Но судьба проявляла поразительную настойчивость, снова и снова скреживая наши с северянином пути. Именно поэтому я твёрдо решила идти дальше рядом с Коннаром. Продолжать путь, покуда мы не достигнем той самой точки, из-за которой нас и свело вместе.

Солнце перевалило через зенит, когда мы выехали на дорогу, мощённую крупными булыжниками, и во весь опор помчались к долине реки Гаас. Я сидела боком в старом, вытертом седле. Длинная юбка постоянно цеплялась за шипастую спину дракониды, ноги безвольно висели над дорогой. Мне постоянно казалось, что вот-вот соскользну в дорожную пыль. Капитан скакал впереди, иногда оборачиваясь и бросая на меня ничего не выражающие взгляды. От этого стало казаться, что он лишний раз пытается удостовериться, не исчезла ли я, подобно мороку.

Дракониды, наспех купленные северянином у драконюхов в Миртоне, производили

достаточно жалкое впечатление, но выбирать не приходилось. Оставалось только надеяться, что они выдержат безумную гонку со временем и дотянут до тропы пилигримов прежде, чем издохнуть.

Широкая дорога извивалась меж невысоких холмов, поросших кудрявым сибам(167). По её обочинам попадались крохотные поселения, порой даже не нанесённые на карту, с которой я кропотливо сверялась. Пару раз мы останавливались ненадолго то в одном, то в другом, чтобы дать небольшой отдых измученным драконидам и перекусить. Еда не отличалась особым вкусом или изысканностью, но неплохо утоляла голод и придавала сил. К сожалению, обменять наших доходяг на что-то более вразумительное так и не удалось. То и дело нам встречались торговые повозки, странствующие храмовники в синих балахонах — служители морского бога Аманта(168) (наверное, сейчас у них тоже наступила пора паломничества), группки бродячих музыкантов... Один раз наших скакунов обогнала подпрыгивающая на ухабах двуколка, запряженная двумя существами странного вида. Они походили на драконидов, но с гладкими тёмно-коричневыми шкурами, блестящими на солнце, и вытянутыми мордами. Я привстала в седле, силясь разглядеть их получше, но двуколка мчалась слишком быстро, и вскоре они уже скрылись за поворотом. Заметив это, Коннар притормозил своего дракониды и, поравнявшись со мной, громко выкрикнул, перекрыв цокот когтей по булыжникам:

— Это лошади!

— Кто? — я досадливо опустила в седло, с сожалением бросив попытки разглядеть диковинную упряжку. Северянин снисходительно посмотрел на меня и объяснил:

— На них обычно разъезжают кровососы, их дракониды к себе не подпускают! Их разводят в вампирских замках. Наверное, один из таких где-то неподалеку.

— Никогда не слышала о лошадях, — удивлённо проговорила я, искоса разглядывая спутника. Его лицо ничего не выражало, но неудовольствие и пренебрежение, что прозвучали в его голосе, говорили о том, что в прошлом северянин сталкивался с вампирами, и ему этот опыт не понравился.

Коннар пожал плечами, но от язвительных комментариев воздержался, и, пришпорив дракониды, вновь пристроился впереди. Я задумчиво смотрела на его широкую спину, расчерченную тёмными полосами пыли и пота. В "Трактате о вампирах" я не встретила ни единого упоминания о лошадях. Странно, что магистр Синтар, столь живо интересующийся вампирской тематикой, упустил эту деталь.

Помимо этого мне было над чем подумать. Из головы никак не шёл образ кшайсы Руанны. Раз за разом перед глазами возникало зыбкое видение: груды костей, медленно покрываемая слоем пыли в сумраке подкроватного пространства. Но не только это вызывало слабую дрожь. В ушах звенел голос Руанны, имеющий мало общего с человеческим.

"Тьма междумирья ползет по пятам", — сказала она обо мне. Я начала запоздало жалеть, что наёмник не дал ей договорить. Что же она имела в виду? Может быть, это смогло бы объяснить мои странные видения и сны? Смогло бы хоть частично помочь разобраться со всей той хэллешницей, что творилась вокруг?

А вдруг...

Я почувствовала, как закружилась голова, и крепко сжала поводья, чтобы не очутиться под когтями дракониды.

Вдруг Руанна смогла бы поведать мне, кто такой Синеглазый и почему он меня

преследует?

Мы достигли реки Гаас — широкой протоки, катящей клокочущие волны сквозь выгнутую глиняным блюдцем долину — когда солнце уже приобрело золотистый оттенок и окрасило кромки редких деревьев в багряный цвет. Вечер близился. На востоке замерцали первые звёзды.

Донован не обманул, когда рассказывал об аванпостах. Две грубо сколоченные вышки с приплюснутыми караульными строениями у самых оснований сразу бросились в глаза, когда мы въехали в долину. Они темнели по левую руку, возвышаясь по обе стороны едва заметной тропы, уходящей на юго-запад в сторону шумевшего вдалеке леса. Коннар знаком показал спешиться и первый остановил тяжело дышащего дракониды, прыгнув на землю. Я последовала его примеру и отошла в сторону, дав возможность северянину накормить животных припасёнными лентами вяленого мяса.

— Знаешь, Кошка, что странно? — не поворачивая головы, спросил наёмник, похлопывая жадно глотающего еду дракониды по боку.

— Что? — рассеянно спросила я, с удовольствием разминая ноги и прохаживаясь взад-вперёд по мягкой траве. Туфли мгновенно стали влажными от обильной предвечерней росы, но ощущение прохлады приятно щекотало кожу.

Коннар щёлкнул по плоскому носу скакуна, попытавшегося ухватить его за пальцы, крепко взял зверей под уздцы и указал в сторону аванпостов.

— Огонь не горит, голоса не слышны. У меня такое ощущение, что там вообще никого нет!

Я вгляделась и признала, что он прав. Вышки и впрямь производили впечатление нежилых, что шло вразрез с рассказами и предупреждениями карлика-картографа.

— Ерунда какая-то. Какой смысл покидать это место, если местные жители постоянно ждут, что со стороны тропы к ним нагрянет опасность?

— У меня тот же вопрос, — мрачно бросил наёмник. — Либо недоросток попытался одурачить нас, либо сильно преувеличил, и охрану уже давно не выставляют. Чего-то подобного я и ожидал. Оставайся тут. Посмотрю, что там к чему.

Он обнажил короткий меч и, держа его наготове перед собой, двинулся в сторону аванпостов, ведя следом дракониды. Мне оставалось только держаться на почтительном расстоянии и ждать.

— Шар'ракх!

Коннар появился из второй караульной мрачный, как грозовое небо. Дракониды, привязанные к железным кольцам на стене, устало покосились на него, а я уточнила:

— Что-то случилось?

— В том-то и дело, что ничего!

Наёмник вновь выругался, на сей раз, на неизвестном мне наречии, тяжело опустился на порог и угрюмо уставился на меня.

— Похоже, что, если стражу когда-то здесь и выставляли, то давно уже забросили это дело. Везде слой пыли толщиной в ладонь, оружия нет, следов тоже, а единственные, кто тут живет — крысы и эккцеты.

Я пожала плечами. С одной стороны, отсутствие стражников вызывало недоумение, с другой — избавляло от множества проблем. По крайней мере, нам не придется объясняться

ни с кем, когда двинемся по запретной тропе. Донован упоминал ещё и об аванпостах на самой тропе; интересно, с ними дело обстоит так же?

— Ты думаешь, там кто-то решил остаться, когда остальные уходили? — презрительно хмыкнул Коннар в ответ на этот вопрос. — Сильно сомневаюсь. Скорее всего, эти деревенские дурни, устав ждать нападения, попросту свернули все свои пожитки и убрались подобру-поздорову. Судя по обстановке внутри, мы первые, кто перешагнул порог этих лачуг за последние три года.

— Значит, как минимум, последние три года здесь ничего не происходило, и со стороны шахтёрского поселка никто не пытался прорваться, так? — нетерпеливо подытожила я. Наёмник замолчал и недоверчиво посмотрел на меня, явно ожидая подвоха.

Я обошла вокруг караульных, проводя ладонью по шершавым стенам, сложенным из потемневших от времени бревен. Узкие окна, затянутые покрывшимися плесенью промасленными тряпками, придавали строениям вид уставших от жизни стариков, согнувшихся к земле под тяжестью прожитых лет. Северянин пристально следил за мной, но встать с места не торопился.

— Значит, так, — решила я. — Задерживаться не имеет никакого смысла. Времени очень мало, а это значит, что трогаться в путь нужно незамедлительно!

Коннар недобро усмехнулся, выразительно посмотрел на потемневшее небо, затем — на тяжело, с присвистом, дышащих драконилов. Я ждала, внутренне собравшись для словесного поединка, скрестив руки на груди и сощурился глаза.

И дождалась.

— То есть, ты предлагаешь

отправляться в ночь, когда ни один разумный путник не поедет по незнакомой дороге. На смертельно уставших драконидах. Через шахтёрский посёлок, о котором ходят не самые обнадеживающие слухи, — издевательским тоном, от которого внутри всё перевернулось, перечислил Коннар. — Преклоняюсь перед твоим разумным планом, Кошка!

— Мы не можем ждать до рассвета! — перебила я, почувствовав, как голос завибрировал от ярости.

— Лучше подождать, чем сгинуть на зубах у какой-нибудь жуткой твари! — повысил голос наёмник и начал медленно подниматься, пещерным медведем возвышаясь надо мной. Я опасливо шагнула назад, но продолжала твердо стоять на своём:

— Малейшее мгновение промедления — и мы уткнемся в запертые ворота монастыря!

— Лучше переждать ночь и нагнать упущенное время быстрой ездой!

Рассудок подсказывал мне, что северянин прав. Но это был именно тот случай, когда я инстинктивно чувствовала, что сейчас лучше поступить по-моему, поэтому упрямо помотала головой. Коннар взъярился. Его глаза бешено вспыхнули:

— Я останусь у драконилов и не дам тебе их отвязать!

— Тогда я отправлюсь пешком! — прорычала я. — И тебе не останется ничего другого, кроме как отправиться следом! Ведь именно это и был твой выбор, не так ли?

— Нойта(169)! — рывкнул северянин, надвигаясь на меня.

— Сатайред(170)!

Ругательство всплыло на языке само, заставив живо вспомнить, как детстве я схлопотала за него пощечину от матери, которая сама не гнушалась крепких словечек. Наёмник скрипнул зубами. Его взгляд наполнился отчаянной тоской. Я ждала, до хруста стиснув зубы.

— Драконидов надо напоить и искупать, — процедил северянин. — Иначе они падут на середине дороги. Дашь мне время хотя бы на это?

Победа была на моей стороне. Тут же накатила страшная усталость, словно мы только что скрестили реальные, а не словесные мечи.

Я молча махнула рукой. Это не должно занять много времени. Я как раз успею сменить наряд. Вряд ли это получится сделать в пути, да и провоцировать лишний раз северянина не хотелось.

— Я подожду в караульной.

Коннар небрежно кивнул и принялся отвязывать скакунов, позвякивая уздой. Через некоторое время он остановился, вспомнив что-то, и сухо бросил:

— Поищи кремень и то, из чего можно было бы сделать факел. Свет в дороге не помешает, да и почти вся нечисть боится огня.

— Надеюсь, что мы никого не встретим, — импульсивно возразила я.

— Мне бы тоже хотелось так думать, — бесстрастно ответил наёмник. — Но те люди пропали не просто так, а драконицу кто-то всё же покалечил. Аванпосты здесь стоят, значит, истина в словах недоростка есть. Помни об этом.

Он потянул за собой драконидов и размашисто направился к реке.

Я сосредоточенно обматывала длинный отрез эластичной материи вокруг груди. Мужские штаны свободно болтались вокруг ног, но это легко маскировалось тяжелыми сапогами, туго зашнурованными на лодыжках. На такую роскошь, как зеркало и магические светильники, рассчитывать не приходилось, и я действовала вслепую. Пришлось полагаться на собственное умение да на мнение наёмника, когда я закончу маскарад.

Закончив обмотку и аккуратно завязав концы ткани, я натянула рубашку и осталась довольна. Она села почти как влитая. Заткнув за пояс корниэлльский кинжал и, пройдясь по узкому помещению, стараясь делать походку по-мужски широкой, я принялась искать то, о чём просил Коннар.

Обстановка караульной не отличалась излишеством. Кособокий стол, две лавки по стенам, явно использующиеся и для сидения, и для сна, широкая полка над окном. Пошарив на ней, я спугнула недовольно запищавшую крысу, с шипением оскалившуюся на меня. На полке обнаружился только ворох полусгнивших от сырости пергаментов, и я поспешила убрать руку. Кроме пыли и груды мелких костей — не то крысиных, не то птичьих — в караульной ничего не обнаружилось. Попытавшись проникнуть в сторожевую вышку, я тоже потерпела неудачу. Бывшие хозяева наглухо заколотили входную дверь.

Во второй караульной повезло больше. Под одной из лавок я нашла три крохотных осколка кремня, а на столе — глиняную миску с воткнутым в неё огарком свечи и небольшой кувшин. На дне застыла лужица прогорклого масла, покрытая бугорками дохлых мух. Дело оставалось за малым.

На факелы я без сожаления решила пустить нижнюю юбку от платья. В конце концов, вряд ли оно мне ещё пригодится, так что пусть сослужит последнюю службу. Но все попытки разорвать её успехом не увенчались. Тонкая ткань оказалась на удивление прочной. Её даже не взял кинжал. Не оставалось ничего другого, как обратиться с просьбой к наёмнику.

Он возник у караульных именно в тот момент, когда я с юбкой наперевес вышла на крыльцо. Холодный свет луны высеребрил мокрые волосы и замерцал в капельках воды на

голых плечах, когда северянин подошел поближе, и я мельком пожалела, что не искупалась сама.

— Думаю, дракониды доберутся до тропы пилигримов, — заметил северянин. — Не ручаюсь за скорость, но дух они перевели, и это уже хорошо. Что-нибудь нашла?

Я молча протянула кремни, масло и злополучную юбку. Наёмник повертел их в руках и одобрительно хмыкнул:

— Ну, хотя бы что-то. Думаю, с этим мы сможем протянуть ночь.

Оставив меня приглядывать за драконидами, северянин растворился в ночной тьме, а я присела на порог караульной и бездумно уставилась на колышущееся море травы, устилающее долину реки. Со стороны Гаас веяло влажной прохладой. Раздавался мерный плеск воды, омывающей мелкую гальку. На какой-то момент я показалась себе очень одинокой, оторванной от всего мира и заброшенной куда-то вглубь времён, когда по материкам ещё бродили дикие дракониды, а человечество не знало о Драконе...

Эти мысли прервал наёмник, бесшумно вынырнувший из ночи с ворохом сучковатых палок в руках.

— Это подойдет, — сказал он, швыряя свою ношу на землю рядом с караульной. Подёргав многострадальную юбку, он с едва уловимым усилием развёл руки, и та с треском порвалась пополам. Проделав эту операцию несколько раз, он передал мне длинные полосы из ткани, из которых торчали во все стороны нитки, взял две и тщательно промазал их неприятно пахнущим маслом.

— Надеюсь, оно ещё сохранило способность гореть, — пробормотал Коннар, поочерёдно обматывая полосы вокруг палок. Я пожалала плечами.

Положив импровизированные факелы на ступени, Коннар принялся с усилием ударять кремнями друг о друга. Я испугалась, что он может по неосторожности раскрошить их. Однако наёмник хорошо знал своё дело, и менее чем через минуту на промасленную ткань упали первые искры.

Когда факелы разгорелись, выхватив вокруг себя приличный круг света, Коннар воткнул один в землю, а второй поднял перед собой, пристально глядя на меня. В оранжевых отсветах огня его угрюмое лицо показалось высеченным из камня и напоминало погребальную маску вождей кочевников.

— Я смотрю, ты тоже не теряла времени даром, Кошка, — громко произнёс он.

— А... Да, — я вдруг вспомнила, что так и не рассказала ему о своём маскараде, и, вскочив с места, покрутилась на месте. — Можно меня в этом наряде принять за мужчину? Что скажешь?

Коннар насмешливо фыркнул:

— Только за очень женственного! Даже евнухи при дворе Хайсора выглядят мужественнее. Клянусь богами Амальганны, Кошка, у тебя не выйдет обмануть даже слепого!

Я понурилась. Неужели все зря, и теперь придется придумывать другой план?

— Что именно не так?

Коннар криво усмехнулся и обошел вокруг меня, беззастенчиво разглядывая с головы до ног. Пришлось стиснуть зубы и терпеть.

— Если не обращать внимание на волосы и голос, — подытожил наёмник, — то за юнца-девственника ты ещё сможешь сойти. Волосы обрежем, но вот голос...

Я испуганно схватилась за пряди, свисающие до середины спины. Отрезать их не

хотелось ни в коем случае. Я планировала замаскироваться шляпой или платком, но что-то подсказывало мне, что эту идею северянин не одобрит.

Так и случилось.

— Ты не будешь же носить шляпу, не снимая! — резонно заметил он. — Да и с голосом тоже нужно что-то сделать.

Я до боли прикусила согнутый указательный палец и принялась мерить шагами освещенный факелом участок земли, остервенело размышляя. Коннар наблюдал, скрестив руки на груди.

— Скажем, что я немой, — предложила я. Наёмник пожал плечами:

— Можно и сказать. Не самая лучшая идея, конечно, но других нет.

— А волосы... — я бросила быстрый взгляд на густую гриву, разметавшуюся по широким плечам северянина, и меня осенило.

— Не хочу обрезать их, — протянула я, и Коннар вздёрнул бровь. — Можешь счесть это капризом, мне все равно. Хочу попросить о другом.

Я остановилась напротив наёмника и набрала побольше воздуха в грудь. Принятое решение казалось безумным и пугающим одновременно, но внушало надежду.

— Когда я впервые тебя увидела, то удивилась, что свои волосы ты носишь распущенными. Знаю, что у мужчин из северных краев принято заплетать их в косы. Скажи, ты сможешь заплести такую мне?

Коннар выглядел так, словно над нами разверзлось небо, и в долину сошёл Дракон. Он отшатнулся, глядя на меня уже не с подозрением, а с неприкрытой враждебностью.

— Что это ещё значит, Кошка? Опять твои ведьминские штучки?

Я глубоко вздохнула и смахнула с лица капельки росы. После высказанной вслух просьбы говорить дальше стало проще.

— Добиваюсь только того, чтобы ты просто помог заплести косу, — спокойно ответила я, надеясь, что голос звучит достаточно убедительно. — Есть идея. Мы могли бы выдать себя за братьев. Из тебя получился вполне достоверный старший брат, сопровождающий младшего и помогающий ему исполнить заветное желание — посетить монастырь Лиара.

— Бред! — гневно перебил Коннар. — Знаешь же, что для моего народа имя этого вашего Лиара — пустой звук! С какой ещё стати моему "брату", — это слово он подчеркнул с издёвкой, — вообще соваться в Алдорию и тащиться в этот монастырь?

— А если предположить...

— И вообще, не заговаривай мне зубы! — рявкнул северянин, не обращая внимания на мои слабые попытки протестовать. — Не ты ли совсем недавно и близко меня не подпускала, а сейчас добровольно разрешаешь дотронуться до себя?

— Во имя богов, я же просто попросила помочь с косой! — выйдя из себя, огрызнулась я. — Это ничего не значит! Хэлль с ней, сказку для паломников и храмовников придумаю по дороге! Просто помоги мне!

Повисла напряженная тишина. Наёмник, набывшись, разглядывал меня, играя желваками на скулах. Пламя факела затрещало и выпустило в ночное небо струйку дыма. Коннар вздрогнул. По его лицу скользнула невидимая ладонь, смягчив черты.

— Поворачивайся спиной и доставай гребень, — хрипло приказал он.

Руки северянина споро управлялись с прядями, время от времени подтягивая и дёргая

их. Я стояла, выпрямившись до боли в спине и боясь лишней раз пошевелиться. Умом я понимала, что здорово рискую, подарив наёмнику такую долгожданную возможность притронуться к себе без риска очутиться на земле с кровоточащими глазами. Абсолютной уверенности в том, что северянин не окажется законченным подонком и не воспользуется удобной ситуацией, у меня не было. Но почему-то очень хотелось верить, что у Коннара есть крупницы чести.

Наёмник молчал. Меня обдавало жаром от близкого присутствия его громадного тела. Холодная дрожь пронизывала позвоночник, когда я представляла себе его пальцы, смыкающиеся на шее.

Или нечто гораздо хуже.

Мгновения казались вечностью, пока я не почувствовала лёгкий толчок в плечо. Коннар приглушенно сказал:

— Готово.

Внутри что-то оборвалось. Меня затопила нереальная лёгкость, как только я поняла, что эта добровольная попытка закончилась. Я медленно обернулась, ощупывая косу, сплетенную наискось — от правого уха к плечу. Чтобы закрепить её, наемник использовал одну из полос, оставшихся от нижней юбки, и, затянув тугий узел, оставил два свободных конца.

— Обычно в нее вплетают перья ястреба или горицы(171), — бесцветным голосом сказал северянин. — Но здесь их вряд ли сыщешь.

— Спасибо, — с глубоким чувством сказала я, толком не понимая, за что именно благодарю — то ли за помощь, то ли за то, что бывший капитан ранаханнской гвардии не оправдал моих худших опасений.

162 — **Колесо Перерождения** — одно из ключевых понятий в религиозных верованиях Шаракка. Подразумевает собой весь жизненный цикл человека от рождения до смерти, который он проживает ради исполнения своего предназначения. Если предназначение не исполнено, то Колесо делает новый оборот, и человек перерождается в новом теле;

163 — **Острова Счастья** — мифические Острова, поросшие гиацинтами и нарциссами, затерянные во Втором Океане, судя по верованиям Коннемары. Туда отправляются все умершие, прошедшие загробный суд у змееголового бога Каньхи;

164 — **Вечное небо Великой степи** — Верхний мир, куда уходят после смерти кочевники Кайташеррских степей после сожжения на ритуальном костре;

165 — **браженика** — кустарник с мелкими черными ягодами. Они съедобны, но обладают чрезвычайно терпким кислым вкусом;

166 — **Финнар** — владыка Подземного мира в космогонии северных народов;

167 — **сибай** — разновидность мха;

168 — **Амант** — владыка морей и покровитель погоды в космогонии Алдории. Два раза в год его почитатели обязаны совершать паломничество к морю, чтобы развести ритуальные костры из сосновых поленьев и сжечь на них мясо ордола, либо его шкуру, копыта или рога. Сосна и ордол считаются деревом и животным, посвященным Аманту;

169 — **нойта** — северн. "ведьма";

170 — **сатайред** — коннемарск. "ублюдок";

171 — **горица** — птица с тёмно-зелёным оперением и тонким длинным клювом. Водится в северных лесах. Наравне с ястребом считается любимой птицей бога войны Бринона потому, что её крик похож на звук боевого рога. Перья этих птиц разрешается вплетать в косы только мужчинам, прошедшим Посвящение, как символ того, что они

созрели для войны и боевых походов;

Тёмные своды леса закрывали усыпанное звёздами небо зубчатым пологом. Листва шелестела под легкими порывами свежего ветерка. Невидимые птицы протяжно перекрикивались в унисон ночным шорохам. Эти звуки и мерное покачивание в седле убаюкивали. Я часто вздрагивала, судорожно хватаясь за поводья, чтобы в полудрёме не свалиться под тяжелые когти драконида и не опалить факелом лицо.

Впереди маячило жёлтое пятно огня. Северянин то поднимал свой факел высоко над головой, то водил им в стороны, выхватывая из обступающей нас тьмы грозно встопорщившиеся кусты дикого шиповника, поросшие мхом и лишайником валуны и заваленные хвоей холмы муравейников.

— Что ты надеешься увидеть там, капитан? — насмешливо окликнула его я, когда он в очередной раз очертил огненный круг вокруг себя.

— В темноте могут прятаться опасные твари, Кошка, — назидательно сказал Коннар. — Лишняя осторожность не помешает!

С его стороны донеслось звяканье поводьев и недовольный храп драконида: наёмник остановил скакуна и спрыгнул на землю. Я последовала его примеру и нагнулась вперёд, чтобы понять причину. Северянин воткнул факел в землю и, выругавшись, принялся оттаскивать с дороги уродливую корягу. Я молча наблюдала, как его руки поднимают и отбрасывают в сторону толстые ветви, словно те весят не больше пушинки.

— Не доверяю темноте, — проговорил Коннар. — Никто не знает, что она таит в себе. Что может кинуться на тебя в следующий момент.

Его голос прозвучал хрипло и низко, выдавая затаённую тревогу. Я невольно подумала: а не сталкивался ли бывший капитан с этим самым "чем-то"?

— Были случаи? — невозмутимо спросила я: пугаться одной только таинственности не хотелось.

— Бывали, — резко бросил Коннар и отшвырнул в придорожные кусты остатки коряги. — Когда-нибудь расскажу.

Он запрыгнул в седло и причмокнул, понукая понурившегося драконида. Я пожалала плечами: потом так потом, и тронулась следом.

— Кстати, об опасностях, — вдруг снова подал голос Коннар, разогнав остатки дрёмы. — Давно хотел спросить: от кого ты бежишь?

— В каком смысле? — удивилась я.

— Да брось, Кошка, — хмыкнул северянин. — Я же не слепой и не дурак. Ты постоянно называешься чужими именами. Придумываешь разные истории о себе. Одним словом, заметаешь следы. Так от кого скрываешься?

Я смешалась. В его словах прозвучал упрёк, но ответить было нечем. Ответа я не знала и сама. Предательство Сокола, жизнь на Аэдагге, в самом сердце гнезда пиратов и головорезов, научили меня не только тому, что нельзя доверять никому, а иногда даже и самой себе. Я привыкла находиться в тени чужой личины, не позволяя никому за неё проникнуть.

Коннар не верил темноте. А я опасалась удара, могущего прилететь в спину откуда угодно.

Всё это совершенно не шло на язык. Пришлось ограничиться сухим:

— Я не хочу оставлять следов, по которым могут пройти.

— Кто? — жадно спросил наёмник, оборачиваясь, чтобы взглянуть мне в глаза. Я легко улыбнулась ему, но взгляд выдержала. Ответ пришел сам собой.

— Кто угодно. Ты же прошел.

— Шар'ракх!

Наёмник сплюнул и отвернулся. Я подумала, что он больше не проронит ни слова, но услышала его голос вновь:

— Почему ты ни разу не назвала меня по имени?

Я моргнула, повторно застигнутая врасплох. Об этом-то ни разу не задумывалась, а ведь и впрямь...

Капитан. Только так я обращалась к наёмнику. Мне и в голову не приходило назвать его иначе. Пришлось ограничиться неопределённым пожатием плеч, хотя Коннар этого не увидел. Но у этой глерны есть и другое крыло(171).

— Странно, что ты об этом спрашиваешь, — миролюбиво сказала я. — Ведь сам никогда не упоминал моё имя в разговоре. Один раз даже пиратской подстилкой назвал! — голос непроизвольно дрогнул от прорвавшегося наружу гнева. — Может быть, уже забыл, как меня зовут?

Бывший капитан ничего не ответил. По его спине было сложно что-то понять, и путь мы продолжили в молчании.

Ожидание опасности сначала пугает, потом заставляет нервничать, а затем и вовсе притупляется, заставляя саму опасность блёкнуть в туманной дымке неопределённости.

Дорога ложилась под когти драконилов спокойно и плавно, а окружающий пейзаж дремал, ничем не выдавая таящейся в нём угрозы.

Угрозы ли?

С каждым мгновением росли сомнения в правдивости слов Донована. Может быть, то, что таили в себе эти леса, горы и разрушенная Омния, давным-давно исчезло? Кануло в небытие? Да и люди, некогда несущие стражу на аванпостах, покинули свои места.

Что ж, тем лучше. По крайней мере, до монастыря доберёмся в срок и без приключений. Я пощёлкала пальцами над плечами, отгоняя сглаз. По телу драконида пробежала легкая дрожь, и он тяжело вздохнул, словно решил полностью покориться судьбе. Я ободряюще похлопала его по шее, едва не задев широкую ладонь. Инстинктивно отдернув руку, я заметила, что северянин придержал своего драконида и поравнялся со мной. Встретив мой взгляд, наёмник дёрнул верхней губой и убрал ладонь.

— Что-то неладное творится, Кошка, — отрывисто бросил он. — Ты ничего не слышишь?

Я послушно напрягла слух, но в воздухе трепетала тишина. Она приобрела звенящий оттенок: шорохи растворились во тьме ночи, а птицы то ли отправились на ночлег, то ли набирались сил перед новыми трелями.

— Прислушайся хорошенько, — настаивал Коннар, получив от меня отрицательный ответ. — Иначе я решу, что спятил!

— Да что такое...

Северянин махнул рукой, призывая к молчанию, и резко остановил драконида. Я тоже натянула поводья. Оба животных замерли на месте, недоуменно поводя округлыми мордами

и шипя. Коннар красноречиво взглянул на меня, и я застыла, полностью обратившись в слух.

Ночной воздух сгустился, превратившись в вязкое желе, впитывающее в себя малейшее дуновение ветерка. Время — и то словно застыло на месте, а мир вокруг сузился до размеров бутылочного горлышка.

Сердце гулко стукнуло в груди.

Я поняла, что имел в виду бывший капитан ранаханнской гвардии.

То, что сначала чудилось обыкновенным звоном в ушах, действительно оказалось тихим позвякиванием. Так бряцают на ветру хайаньские серебряные колокольчики. У меня был такой, с подвеской в виде золотой рыбки из сандалового дерева. Когда налетал порыв солёного ветра, рыбка покрывалась испариной морских брызг и качалась взад-вперед, грустно глядя на меня. Воспоминание о безделушке царапнуло сердце, пробудив другие: о Соколе, с которым мы ходили по хайаньским лавкам, о нежно-розовых лепестках дикой сецалии(172), водопадом осыпающихся на подставленные ладони, о терпком шиповниковом вине...

Прочь!

Я прижала пальцы к глазам и часто заморгала, заставляя высохнуть так некстати выступившие слезы.

— Услышала наконец-то? — нетерпеливо спросил наёмник, который, похоже, ничего не заметил. Я кивнула.

— Это доносится оттуда, — Коннар указал вперёд. — Причём возникло совсем недавно. Ты уверена, что хочешь продолжать путь?

Вместо ответа я посмотрела на драконидов. Те сохраняли спокойный, даже безмятежный вид. Видимо, почувствовав взгляд, мой скакун покосился на меня и широко зевнул. В свете факела тускло блеснули подпиленные драконюхами клыки.

— Вперёд, — сказала я с зыбкой решимостью. — Если повернём на полпути, то потеряем уйму времени!

Коннар поднял брови, но возражать не стал. Он переложил факел в другую руку и поправил меч на боку.

— Как скажешь, госпожа, — в его голосе почудился сарказм. — Надеюсь, мне удастся защитить тебя. Если что.

По мере приближения к Омнии настёрный звон усиливался. Теперь он напоминал назойливое гудение болотного гнуса. Разница заключалась в том, что он не звучал размеренно и ровно, а долетал урывками, словно волна, накатывающая на берег. С каждым шагом тень, сковывающая черты северянина, становилась всё мрачнее. Он больше не тратил время на освещение придорожных кустов, а держал огонь прямо перед собой. Некоторое время наёмник держался около меня, но потом, не сказав ни слова, всадил пятки в бока дракониды и вырвался вперёд.

Вскоре лес поредел, а затем и вовсе отступил. Стало светлее. Показалось, что даже воздух посвежел, словно мы вышли из душной комнаты. Пятно света, исходящего факелом Коннара, дрогнуло и дёрнулось в сторону: северянин остановил дракониды и спрыгнул на землю.

— Дальше дороги нет! — сухо объявил он. — Придётся идти пешком.

— Как это — нет? — несмотря на огромное нежелание покинуть седло, я спешила и подошла к наёмнику. Тот посторонился и очертил впереди широкую дугу. Я последовала его

примеру, осветив путь. Глазам открылось пространство, вдоль и поперек изрытое глубокими котловинами и длинными извилистыми каналами, как лицо старика морщинами. Дорога обрывалась в трёх шагах от ног, повисая пучками жухлой травы на краю неширокого оврага. Дальше её следов я разглядеть не смогла. Коннар угрюмо пробормотал:

— Здесь порезвился подземный дорг(173), не иначе.

— Здесь порезвилось землетрясение, — поправила я его. — Хотя никогда не слышала о таких сильных, которые могли бы так искорёжить землю. Погоди-ка, а это ещё что такое?

Я указала вперёд. Северянин послушно поднял факел над головой.

Над изуродованной поверхностью возвышались беспорядочные скопления высоких — в разы выше наёмника — конусообразных столбов с бугристой поверхностью. В темноте они походили на гнилые зубы гигантского зверя, но получше разглядеть не удалось. Ближайший к нам столб находился вне границ круга света.

— Понятия не имею, — проворчал Коннар, опуская факел. — И знаешь, Кошка, никакого желания искать ответ на твой вопрос у меня нет. Давай-ка быстрее убираться отсюда, шкурой чую неладное!

Не колеблясь, я согласилась. Внутри ворочалось тяжелое предвкушение чего-то плохого, которое возникло, стоило взглянуть на столбы. Предостережения Донована эхом отдавались в ушах, и я вяло удивилась тому, как отчётливо помню его голос. Несколько утешало то, что настырное позвякивание уже не так действовало на нервы, почти слившись с окружающим фоном.

Мы взяли драконидов под уздцы и принялись осторожно перебираться через овраг. Животные недовольно пофыркивали, но не проявляли заметного беспокойства. То один, то другой поднимал массивную голову и с шумом втягивал воздух, но на этом всё и заканчивалось.

— Может, это набийские термиты? — предположила я, когда мы очутились по ту сторону оврага. Переход через него дался не очень легко. Земля скользила, а ноги проваливались во что-то мягкое и губчатое. Северянин указал на бурые грибы размером с его ладонь, волдырями вздувшиеся на стенках оврага. При касании они издавали легкое шипение и выплёвывали облака бурого дыма.

— Похоже на то, — согласился Коннар. — Но не думаю, что они забрались так далеко на север. Да и я никогда не встречал таких огромных термитников.

Когда на пути вырос первый столб, дракониды принялись артачиться. То один, то второй до предела натягивали поводья, явно намекая, что хотят убраться подальше от этого места. Я начала злиться на них в чём не повинных животных: преодоление взрытой землетрясением земли и так давалось нелегко, и возня с тяжёлой чешуйчатой тушей совсем не облегчала задачу. Северянину было проще: после нескольких попыток вырвать узду его драконид получил такой шлепок по крупу, что пошатнулся и едва устоял на лапах. После этого наёмник обхватил его плоскую морду обеими ладонями и надавил большими пальцами на подушечки под глазами. Драконид вздрогнул всем телом и, понутив голову, послушно пошёл за хозяином, не делая больше попыток вырваться.

— Какая-то северная хитрость? — спросила я, наблюдая за его манипуляциями.

— Это их самое чувствительное место, — сухо пояснил Коннар. — Порой полезно напоминать, кто здесь главный. Это — самый действенный способ, но продлится его действие недолго. Тебе бы тоже неплохо его освоить, Кошка.

Дрожащее пламя выхватило из темноты его кривую усмешку. Я не успела придумать

ответ. Как раз в этот момент мой скакун тонко взвизгнул и встал на дыбы, загребая землю передними лапами. Взвизгнув, я едва не покатила по земле и только чудом удержалась на ногах, всем телом повиснув на поводьях. Наёмник покачал головой и отобрал узду, вручив взамен факел.

— Держись на небольшом расстоянии, Кошка, — угрюмо ответил он на мои попытки протестовать. — Если эти твари взбесятся, я их удержу, но и тебе может достаться.

— Справишься? — зачем-то спросила я вместо благодарности.

— Я участвовал в гладиаторских боях, — сказал наёмник. — Порой на арене приходилось сталкиваться с тварями и покрупнее. Не очень хочется ждать, пока они вырвут тебе руки.

Опасения капитана не подтвердились: дракониды больше не предпринимали попыток вырваться. Столбы, мимо которых мы проходили, всё ещё волновали их, но теперь животные ограничивались только недовольным фырканьем и шипением. Я держалась на расстоянии двух-трёх шагов сбоку от северянина, вытянув факел так, чтобы все мы попадали внутрь пятна света. Рывки и расщелины попадались всё чаще и чаще. От спусков и подъёмов слегка закружилась голова. Дрожащее пламя потрескивало, несмело разгоняя обступавшую темноту. То и дело из неё выныривали серые бугристые поверхности загадочных столбов, похожие на бородавчатые щеки старика. Я хотела поближе рассмотреть один, но северянин упреждающе мотнул головой, сведя брови.

— У нас рассказывали байку о любопытной вересковой кошке(174), — с неодобрительной усмешкой бросил он. — Она вечно забиралась, куда не надо, и в результате поплатилась. Хочешь знать, как?

— Не очень, — без энтузиазма пробормотала я. Коннар хмыкнул и продолжил, смакуя каждое слово:

— В то время по северным краям бродил колдун, явившийся из-за Первого Океана. По ночам он отправлялся в пещеру на берегу, настрого запретив даже приближаться к ней. Никто не смел его послушаться. Кроме кошки. Её мучило любопытство: что такого там делает колдун, если из пещеры вырывается зеленоватый свет? Она выжидала три ночи, кружа вокруг и борясь со страхом, пока однажды любопытство не пересилило. Кошка отправилась в пещеру...

Северянин сделал паузу и оглянулся на меня с торжествующим видом. Не хотелось признаваться, но интерес уже бурлил внутри.

— И что же случилось дальше? — стараясь казаться безразличной, спросила я. Коннар победоносно ухмыльнулся:

— Наутро колдун обзавёлся амулетом из кошачьего черепа, ожерельем из когтей и рёбер, а над входом пещеры повисла, подрагивая на ветру, пустая полосатая шкурка.

— Что за ерунда? — не удержавшись, разочарованно фыркнула я. — А что же кошка увидела в пещере?

— Она уже не расскажет, — философски заметил северянин. — А коли тебе так интересно — отправляйся и узнай сама.

— Нет уж, спасибо! Да и колдун тот наверняка уже давным-давно развлекает Хэлля.

Бывший капитан раздражённо повел плечом.

— Дело не в колдуне. Просто прежде, чем сунуться куда-нибудь, вспомни о вересковой кошке. Не очень-то хочется потом собирать твои ошмётки по окрестностям.

Его грубоватая забота смутила меня. Сама того не ожидая, я улыбнулась краешком рта и промурлыкала:

— Вересковая кошка забыла об осторожности, а вот другая Кошка помнит о ней всегда!

— Привал, — коротко объявил северянин. Он стянул поводья тугим узлом и обмотал головы скакунов широкими лентами — останками безвременно почившей юбки. Животные засопели, но с места не двинулись, послушно опутив головы.

— Кажется, я уже упоминала, что времени у нас в обрез, — сухо сказала я, с отчаянием наблюдая, как наёмник опускается на пригорок.

— Мы миновали уже больше половины пути, — сверкнул он глазами. — И я устал, как талан на нересте(175)! Ты считаешь меня горным козлом, который скачет по ухабам? Дай немного передохнуть, если хочешь, чтобы я не упал замертво в полусотне шагов от твоего монастыря!

Я заскрипела зубами. Небо оставалось чёрным, но чувствовалось, что совсем скоро горизонт заалееет лучами восходящего солнца. Счет шёл на мгновения, и упускать хотя бы одно из них — просто кощунство. Коннар наблюдал за мной, нехорошо прищурившись. В глубине души я не особо верила в его усталость: не мог же многоопытный наёмник выдохнуться от двух дней пути! Но и поделаться с ним ничего было нельзя. Вполголоса послав бывшего капитана к Хэллю, я перешагнула через трещину в земле и опустилась на кочку напротив. Стоило мне это сделать, как ноги налились каменной тяжестью, а колени заныли. На плечи опустилась гигантская гора усталости.

— Похоже, ты и сама не прочь перевести дух, — насмешливо сказал наёмник.

— Хэлль тебя побери, — каждое слово весило, как хороший булыжник, и выталкивать их из глотки удавалось с трудом.

— Плохая примета — часто его поминать, — покачал головой северянин. — Так, кажется, у вас говорят?

Я бессильно взглянула на него. Чего он добивается? Зачем каждый раз нарочно злит меня? Находит в этом какое-то извращённое удовольствие?

Коннар оглянулся, наклонился ко мне и доверительно прошептал:

— Ладно, Кошка, не будем препираться. Есть две вещи поважнее.

Сон тут же отступил под натиском лихорадочного возбуждения, подогретого интересом.

— Поэтому ты решил остановиться? Какие?

— И поэтому тоже, — уклончиво сказал северянин. — Первая — недоросток говорил, что здесь стоял шахтёрский поселок, верно?

— Донован, — в который раз поправила я. — Да, Омния. И что?

— Когда землетрясение разрушает какое-то поселение, от него обязательно что-то остаётся. Развороченные дома, колодцы, сторожевые башни — в общем, любые следы, говорящие о том, что на этом месте жили люди. Здесь же, — северянин постучал каблуком сапога по земле, — пусто. За всё время, что мы провели на этом пустыре, я не встретил ни одного, даже самого завалящего осколка кирпича. Только эти столбы вокруг, но за каким шаррак'хом шахтёрам их строить, а?

— Ты прав, — неохотно признала я. — Ну, и что с того? Именно сейчас тебе хочется заниматься поисками причины полного исчезновения Омнии? Не ты ли совсем недавно рассказывал мне о кошке, поплатившейся за любопытство?

Наёмник откинулся назад, и его лицо поглотила тень.

— Я чувствую, что без ответа на этот вопрос мы можем отсюда не выйти.

Мрачная уверенность, прозвучавшая в его голосе, больно хлестнула по лицу. В сердце зашевелились потаённые страхи.

— Ты говорил о двух вещах, — стараясь унять дрожь в голосе, сказала я. — Какая же вторая?

Северянин не ответил, оставаясь в той же позе. Показалось, что он не расслышал меня, когда ответ пришел сам собой. Звон, что так настойчиво сопровождал нас почти всю дорогу, прозвучал вновь.

На сей раз совсем рядом.

— Что за...

Коннар сделал мне знак молчать. Он вытянул руку с факелом, придирчиво вглядываясь в находку. Я напряжённо наблюдала за ним, держась поближе к присмирившим драконидам. Ярко-жёлтые огоньки взлетали в безумном танце, отсвечивая на столбе. В их отсветах отчетливо виднелась небольшая детская погремушка в виде простого деревянного колесика с привязанными к нему сыромятными ремешками. На конце каждого поблескивали медные горошины бубенцов. Погремушка торчала прямо из столба, на несколько пальцев увязнув в буграх. Ремешки покачивались, то подпрыгивая вверх, то бессильно опадая, заставляя бубенцы звенеть — одновременно жалобно и задорно.

— Капитан... — севшим от волнения голосом произнесла я.

— Знаю, Кошка, — тихо ответил он, не оборачиваясь. — Ветра нет.

Словно в насмешку, на удар сердца ремешки замерли и вновь взметнулись, путаясь и переплетаясь, как паучьи лапы.

— Уходим, — еле слышно пробормотал Коннар.

"Кажется, теперь поиск причины исчезновения посёлка уже не кажется тебе такой уж хорошей идеей, а, капитан?" — злорадно подумала я, наблюдая, как широкая ладонь северянина опускается на рукоять кинжала. Злорадствовала я скорее по инерции: все эмоции перекрывал тягучий страх, медленно ползущий по внутренностям и подбирающийся к сердцу. Коннар начал медленно отступать, не сводя глаз со страшного столба и прикрывая меня собой. Подхватив факел, я следовала за ним, чувствуя, как от нарастающей паники немеют ноги.

— Что это за хэллевщина? — язык с трудом ворочался во рту.

— Это приманка, — резко ответил северянин. Кинжал с шелестом вынырнул из-за пояса. — Нутром чую, что тут эту дрянь повесили не просто так!

— Но кто мог...

Глухой гул, прокатившийся под ногами, заставил меня умолкнуть. В следующий миг земля дрогнула и пришла в движение, а дракониды захлебнулись в страшном крике, переходящем в тонкий визг. Наёмник подскочил к ним и резким взмахом рассёк узел на поводьях. Белое пятно повязки мягко спланировало на землю. Из темноты донеслись глухие звуки шлепков: северянин наградил обоих ударами по крупу.

— Пошли, пошли!

Повторять два раза не пришлось. Испуганно храпя, дракониды сорвались с места в галоп и с цоканьем унеслись в ночь. Земля дрогнула вновь, и я едва устояла на ногах. Коннар очутился передо мной и велел:

— Давай руку, Кошка! Попробуем убраться отсюда и не переломать костей!

Без лишних раздумий я протянула ему ладонь. Крепко схватив меня за запястье, наёмник помчался прочь от страшного столба, ловко перемахивая через препятствия. Я старалась не отставать, отгоняя от себя навязчивую мысль: стоит оступиться, как точно вывихну плечо или сломаю ногу. И это в лучшем случае!

Подземный гул словно преследовал, сотрясая землю и заставляя её с неприятным шелестом осыпаться. Обернувшись, я увидела, что канава, через которую мы только что перескочили, поглотила сама себя, обвалившись вовнутрь огромными кусками почвы. Уточнить, правильное ли направление выбрал наёмник, уже не имело смысла: впереди замаячило тёмное пятно леса. До него оставалось не более трёх десятков шагов, когда твердь под ногами исчезла.

Я не сразу поняла, что произошло, как небо над головой резко ушло вверх, а рука северянина разжалась. Всё вокруг затопила крошечная темнота. Я упала на колени, больно ударившись обо что-то, похожее на россыпь мелких камней. Глубокий вдох опалил лёгкие резким запахом прокисшего хлеба. Я глубоко закашлялась и провалилась в небытие.

Не хочу, чтобы мои сны возвращались. Не желаю вновь чувствовать тупое лезвие кошмара, испарывающее подсохшую корку ран. Почему бы всем этим тёмным видениям и призракам прошлого не остаться там, где им самое место — в дремотной трясине, именуемой Между мирьям?

Да только никто не спрашивал о моих желаниях.

Удар сердца, больно отозвавшийся в подреберье, отогнал вязкую муть и заставил широко открыть глаза. На сей раз я не ощутила ни удивления, ни страха. Лишь обречённость, граничащую со слабым интересом. Это место было до зуда в скулах знакомо мне — и незнакомо одновременно.

Чёрный жёсткий песок, перемешанный с хлопьями сажки и золы, обволакивающий босые ноги. Сизые волны моря, в беззвучной ярости бросающиеся на берег. Уродливый дольмен, возвышавшийся по правую руку от меня, облепленный чёрными жуками так густо, что кажется, будто он шевелится, поблескивая в тусклом свете, льющемся из ниоткуда. Ветхая роба, накинутая на голое тело, истрепанная до прозрачности, будто с последнего моего визита сюда минули столетия.

Возможно, здесь и время течёт по-другому? Здесь, в Коннемаре, по ту сторону Между мирья?

Я медленно побрела вдоль берега, вздрагивая всякий раз, когда нога проваливалась в вязкий песок. Чудилось, что пальцы вот-вот нащупают чей-нибудь жесткий панцирь, замершие в ожидании клешни или жадно раззявленную слюнявую пасть. Отгоняя эти жуткие образы, я тряхнула волосами и беспомощно огляделась.

Туман, поглотивший остров, стал гуще и плотнее с прошлого раза. Теперь я могла разглядеть только одинокие скалы, гнилыми зубами торчащие из песка, да каменистую почву, обрывающуюся во мгле. Ветра не было, но воздух колыхался, отдавая кожу ледяным дыханием и запуская мерзлые щупальца под лохмотья.

Зачем я здесь?

Пожалуй, только один... Только одно существо способно дать ответ.

Я остановилась, подняла голову и громко прокричала:

— Синеглазый!

Ни песчинки не шелохнулось. Только волны продолжали гневно грызть берег. Я сжала кулаки и крикнула снова:

— Синеглазый! Отзовись, Хэлль тебя побери! Я знаю, что ты здесь! Ты всегда оказываешься рядом, когда я проваливаюсь в эти кошмары!

И вновь ответом была тишина. Я медленно опустила руки и замерла, пытаюсь уловить хотя бы ничтожный звук.

Тщетно.

Как странно. Почему я продолжаю так упорно ждать его появления, когда даже не знаю, кто он такой? Наверное, уже привыкла к его незримому присутствию и неожиданным появлениям то тут, то там.

Я сделала глубокий вдох, ощутив лёгкий аромат затхлости, и предприняла последнюю попытку.

— Синеглазый, или как там тебя зовут на самом деле!

Связки в горле завибрировали, но голоса я не услышала. А ещё через мгновение...

По окутывавшему все вокруг туману прошла волна пульсации, заставившая его пласты дрогнуть и сдвинуться — точь-в-точь кислый кисель(176). Океан вздыбился и отхлынул, обнажив полосу пористого песка, а мощный порыв ветра, возникший из ниоткуда, с гневным свистом пронесся надо мной, почти сбив с ног. Я инстинктивно вцепилась в лохмотья, показавшиеся едва ли не родными. Ветер шипел и рвал их, как обезумевший любовник.

Я даже не успела толком удивиться стремительной перемене погоды.

Всё стало светлым, как в ночь на изломе лета. Небо съёжилось, посерело, а потом окрасилось в ярко-алый закатный цвет. Я замерла, чувствуя, как в горле встает преграда, мешающая сделать вдох. Под рёбрами потянуло и закололо: что-то подсказывало: вот-вот произойдет нечто жуткое.

Комок в горле лопнул. Воздух торжествующе ворвался в лёгкие, отозвавшись покалыванием в висках. Небо вспыхнуло и расцвело десятками обжигающе ярких солнц. Тело опалила волна огня, ринувшегося на землю. Я упала навзничь, прикрыв голову руками. Я сделала это, повинувшись слепому инстинкту: при таком пекле сгорю через мгновение!

Я осталась цела. Прокатившись по земле безжалостной лавиной, огонь исчез, не оставив на коже даже волдырей. Подарив на прощание яркую вспышку, солнца в небе сгнули так же стремительно, как и появились, оставив меня в кромешной тьме. Отдышавшись, я села на колени, утирая лицо от налипшего песка. Руки дрожали, а сердце отплясывало лихой кракадан(177) после пережитого.

— Что это за хэллевщина? — пробормотала я, обращаясь в пустоту: очень хотелось услышать звук собственного голоса и окончательно убедиться в том, что я жива. На сей раз у меня это получилось, правда, из горла вырвался лишь беспомощный сип.

Погибнув в Междумирье, гибнешь и по ту сторону. Лахэддинец — прекрасное тому подтверждение.

Дыхание снова сбилось. Повинуясь внезапной догадке, я подняла голову и не ошиблась: вокруг опять посветлело. На этот раз обошлось без вспышек. Пришел черёд острова. Стоило моргнуть, как природа кардинально изменилась. Море испарилось, а песок приобрел оттенок белого золота, такого яркого, что из глаз немедленно хлынули слёзы. Я очутилась в пустыне с торчащими то там, то сям чёрными скалами, угрожающе скалящимися острыми вершинами в небо. Сначала почудилось, что пустыня бугрится маленькими круглыми кочками, но потом я поняла: это человеческие черепа! Вокруг были разбросаны сотни

выбеленных временем костей, черепов и позвонков. Наверху мельтешило что-то чёрное.

Воздух, набившийся в легкие, стал жарким и жёстким, как пемза. Я скорчилась, пытаюсь откашляться.

Вдох. Внутренности стискивает невидимая когтистая лапа.

Небо стало тёмно-алым, как свернувшаяся кровь. Из-под земли взметнулись странные, скрученные в рог тура деревья, меж которых замерцали лиловые и зелёные огни.

Вдох.

Голубое, стремительно темнеющее небо, в котором пульсирует, то расширяясь, то сжимаясь, абсолютно чёрное солнце, окружённое белым нимбом.

"Спящее солнце", — шепчет кто-то на ухо, но рядом никого нет.

Вдох.

Меня захлёстывает зеленоватая волна со светящейся пеной. Твёрдая земля исчезла, и я проваливаюсь под ледяную воду, изо всех сил молотя руками, чтобы вынырнуть.

Вдоха не получается. Легкие полны вязкой, горькой воды.

Бег миров начинает ускоряться, заключив меня в центр гигантского калейдоскопа. Обессилев, я падаю на землю, не в состоянии даже запомнить то, что представало глазам на долю мгновения, чтобы затем кануть в небытие. Мир вокруг кажется всё более и более фантомным.

И только боль, пронзившая правую руку, реальна.

Чувство реальности, вернувшееся вместе с глотком воздуха, затуманило разум. Рука болела всё сильнее, а тело отчего-то отказывалось повиноваться, сколько я бы не пыталась пошевелиться. Когда я открыла глаза, то обнаружила, что многое изменилось. Не в лучшую сторону.

Кто-то вытащил меня из расщелины и распластал по одному из "конусов". Первые лучи солнца, робко пробившиеся из-под горизонта, скользнули по тёмно-серой вязкой массе, покрывшей всё тело до шеи и полностью меня обездвизившей. Из-за мутной консистенции этой дряни я не могла рассмотреть руку, в которой, по ощущениям, поселился целый выводок ос, беспощадно жаливших кожу изнутри.

— Что за Хэлль?

С трудом повернув голову, я обнаружила северянина в точно таком же жалком положении на соседнем столбе. Его голова беспомощно повисла, ветер колыхал спутанные чёрные пряди. Похоже, Коннар был без сознания. Ему повезло чуть больше: кокон, поглотивший его, имел прореху слева, и я видела запястье и кисть руки. Самообладание стало покидать меня, отступая перед густой волной страха, ползущей вверх по позвоночнику. В такую передрыгу я ещё не попадала. На сей раз понимание ничтожности шансов выбраться было ужасающе ясным.

Звон погремущи утих. Царила глухая тишина. Я слабо порадовалась тому, что есть хотя бы возможность сконцентрироваться и придумать, как избавиться от этой мерзости на теле. Изо всех сил напрягая мышцы, я начала пытаться пошевелить хотя бы мизинцем. Усилия оказались напрасными: всё, что я ощущала, была шероховатая внутренняя поверхность кокона, нагретая телом.

— Я так просто не сдамся, — прохрипела я, до боли в суставах дёргая руками. — Не знаю, какое хэллево отродье это проделало, но без боя оно меня не получит! Да ещё и пожалеет!

Возможность осуществить угрозы не преминула представиться. Пока я тратила силы на тщетные попытки если не высвободиться, то хотя бы пошевелиться, за спиной раздался низкий, утробный клёкот. Я окаменела и инстинктивно вжалась в столб. Интуиция подсказала: вот он, тот, кто заключил тебя в кокон. Готова встретиться с ним лицом к лицу?

Праздновать труса совсем не хотелось, и всё же я с неохотой признала: абсолютно не готова. Скованная по рукам и ногам, я представляла отличную добычу для любого монстра. Но отдавать свою жизнь без боя не думала ни на мгновение!

Собрав остатки мужества, я высоко подняла голову, сделав глубокий вдох. Неизвестность всегда пугает больше, чем сама опасность, и в реальности чудовище вполне может оказаться не таким уж страшным.

Спустя несколько ударов сердца я прокляла и свою глупую самоуверенность и интуицию.

Существо, появившееся из-за "моего" столба, нельзя было назвать жутким. Давным-давно почивший в забвении лахэддинец показался милым котёнком по сравнению с тем, кто появился передо мной. Он будто весь состоял из ломаных линий и уродливых острых конечностей. Костлявое тело, короткое, как обрубок, топорщилось четырьмя длинными тонкими лапами с вывернутыми, как у кузнечика, суставами. Между ними, отрицая существование шеи, сидела плоская голова, похожая на щит дзирана, поставленный боком. Всё это покрывала пепельная кожа — точь-в-точь кокон, в который мы с наемником угодили.

Я беспомощно наблюдала, как существо неспешно выползает из-за колонны, волоча за собой длинный крысиный хвост. Время от времени оно задирало свою отвратительную голову и клекотало, не то насмехаясь над моей неудачливостью, не то торжествуя победу.

— Гадость какая, — вслух подумала я. — И что же ты собрался с нами делать?

Существо замерло и немедленно повернулось на звук голоса. Его движения были отрывистыми — вылитая ящерица на раскалённом песке. До меня донесся клокочущий звук, и ребро плоской головы нацелилось в мою сторону. Наверное, чудище меня рассматривало. Говорю "наверное" потому, что глаза у него отсутствовали. Вместо них по обоим бокам "щита" бугрились овальные наросты, наглухо затянутые чешуйчатой кожей.

Клокотание утихло. Тварь застыла на месте, чуть покачиваясь. Казалось, что я здорово удивила её тем, что осмелилась очнуться. Покачивание продолжалось около ста ударов сердца. За это время удалось-таки немного выпростать мизинец и безымянный палец левой руки, но порадоваться этому я не успела. Оболочка кокона издала легкое шипение и сжалась, тисками сдавив тело.

— Капитан! — в отчаянии прошипела я, чувствуя себя курицей, приготовленной для потрошения. — Чтоб тебя демоны драли в этой твоей Амальганне! Это так ты выполняешь свою клятву защищать и оберегать меня?

Мне показалось, что голова Коннара шевельнулась, но это была лишь иллюзия. Лишь ветер продолжал безмятежно трепать чёрные волосы.

Раскачивания чудища прекратились. Оно припало к земле, как кошка, приготовившаяся к атаке.

— Катись к сыновьям Хэлля, поганый сатайред! — заорала я, почуяв близость смерти.

Отчаяние и гнев придали сил. Прикусив губу, я дёрнула левую руку, рискуя лишиться её совсем. Бесполезно. Чуда не произошло, зато плечо сдавило так, что я слышала треск костей.

Существо торжествующе заклекотало и взметнулось в воздух.

Наблюдать за его плавным полетом сквозь сгустившийся воздух оказалось невыносимо. В сердце словно демон вселился. Я предприняла последнюю попытку, всем существом ощущая её ничтожность.

Что-то заскрежетало, и я не сразу поняла, что это рвётся, не выдержав напора, мерзкая оболочка. По левому боку пролегла глубокая трещина. Чувство свободы мгновенно напитало меня безумной надеждой. Я вытащила руку из образовавшейся щели и встретила ничего не подозревающую тварь в воздухе. Похоже, голубка Гвиленны села на моё плечо, ибо ладонь встретила сухую чешую, покрывающую грудь чудища. От толчка рука могла запросто сломаться, но этого не произошло. Собрав остатки сил, я отшвырнула мерзкую тварь, и та, явно не ожидая такого сопротивления, кулем повалилась на спину, беспомощно хватаясь за воздух острыми, загнутыми как ранаханские ятаганы, когтями. Временем и желанием дожидаться, пока это чучело придёт в себя для следующего прыжка, я не располагала. Свободная рука саднила так, словно вместе с серой массой я сорвала кусочки кожи. Мельком взглянув на неё, я убедилась, что это не так, и она только сильно покраснела и распухла. Ну, ничего, главное — она меня слушается!

Я принялась остервенело рвать кокон на груди. На землю полетели тёмно-серые хлопья. Отвратительная масса намертво пристыла к коже, однако там, где тело прикрывала одежда, кокон поддавался без особых усилий. Я стремилась добраться до кинжала, висящего на груди. Оставалось только добраться до него прежде, чем кузнечикообразное чудище схватит меня.

Оно тоже попусту времени не теряло. Для того, чтобы оправиться после падения и перетечь в прежнее положение, потребовалось не более двадцати ударов сердца, и оно снова прильнуло к земле, готовясь к следующей атаке. Тонкая веревка хвоста беспорядочно извивалась среди пыли, а плоскую морду прорезала горизонтальная полоса, превратившаяся в оскаленную пасть, усеянную мелкими зубами.

На землю тягуче капнула жёлтая слюна.

Пальцы заплясали, но я продолжала обдирать кокон, стараясь сосредоточиться только на нём. Если поддамся страху или панике — тут же окажусь в желудке этой пакости.

В тот момент, когда рука коснулась кинжала, тварь взмыла в воздух. Не встретив никакого сопротивления с моей стороны, она вцепилась в камень всеми лапами. Её голова оказалась прямо над моей макушкой, а подрагивающее тело — перед лицом.

На меня дохнуло жаром, пахнущим прокисшим тестом. Теперь, когда зверь оказался совсем близко, я смогла разглядеть складки, избородившие его тело так, что оно казалось усеянным тысячей ртов. Я вытянула шею, запрокидывая голову, насколько хватало сил, попутно нащупывая выпуклости на боковинах кинжала. Не хотелось бы лишиться головы за удар сердца до освобождения!

Чудище словно прочитало мои мысли. В горле у него послышалось уже знакомое клокотание, заставившее складки на груди мелко подёргиваться. Оно плотно прижалось ко мне, вдавив в волнистую поверхность столба. Я ощутила, как по его телу прошла волна дрожи, и чешуйчатая кожа пришла в движение. Я не могла видеть, что происходит, но ясно чувствовала, как складки раздаются, выделяя что-то липкое и отвратительно пахнущее.

Больше медлить было нельзя, но и торопиться — тоже. Малейшее неверное движение — и единственный ключ к спасению полетит на землю.

Кинжал удобно лег в руку, и я потащила его вверх, отчаянно борясь с массивной тушей и

нехваткой воздуха. Вытянуть рукоять со спрятанным внутри лезвием — ещё только полдела. Приставить его к телу моего «тюремщика», орудуя одной рукой, да ещё и вслепую — вот где скрывается настоящая проблема!

Потерпев несколько неудач и едва не обронив кинжал, я, наконец, нашла выход. Не спуская глаз с чудища, я принялась раскачивать оружие вверх и вниз, одновременно подтягивая его к себе. Дело пошло на лад. Рукоять туго, но всё же поддавалась.

Тем временем липкая жидкость, капающая на меня, судя по ощущениям, начала деревенеть. Это подстегнуло, и я сделала резкий рывок. Рукоять подскочила вверх, окунув в беспросветный ужас, но вовремя остановилась так, как и было надо: упираясь задней частью мне в грудь, а прорезью — в тушу чудища.

Оно почуяло неладное. Маятник плоской головы качнулся, и взгляду опять предстали ряды игольчатых зубов.

— Жаль, что у тебя нет глаз, — доверительно сообщила я ему. — Мне ужасно хочется их выцарапать!

Не думаю, что он меня понял. Издав глухой клекот, хватчик сделал выпад. Одновременно с ним я надавила на выступы рукояти. Пальцы ушли внутрь, встретив несильное, но тугое сопротивление. Я почувствовала, как лезвие выскочило с легким щелчком, ударив по ладони.

Клёкот захлебнулся. Туша пришла в движение. Чудовище отпрянуло от столба. Я вцепилась в кинжал и вспорола кожу, как старый пергамент. Тонкий визг вонзился в уши. В лицо прыснула бурая кровь. Зажмурившись, я почувствовала, как по щекам потекли горячие струи, но атаку не прекратила. Пусть и в полной дезориентации, я продолжала вслепую наносить удары, каждый удар сердца ожидая, как на шее сомкнутся острые зубы. Откуда-то взялись силы, и зародившаяся в сердце злость на себя, на Коннара, на окружающий мир, подпитывала их, заставляя бить всё яростнее и яростнее.

Говорят, так ведут себя иссерки(178) на поле боя.

Через некоторое время я вдруг поняла, что больше не слышу визга и не чувствую присутствия монстра рядом. Отведя руку, я утерла лицо тыльной стороной кисти и открыла глаза. Сквозь бурую пелену, больно обжигающую веки, я увидела чудовище лежащим на земле. Серповидные когти вздрагивали, шаря по воздуху, но вывалившийся из пасти сиреневый раздвоенный язык утонул в луже крови, расползающейся под телом.

— Не знаю, что ты такое, — сказала я труп. Вдруг напало неудержимое желание поболтать. — Но так уж вышло, что сегодня один из нас оказался удачливее другого. Надеюсь, ты не держишь на меня зла и уже отправился в какой-нибудь ваш Небесный Чертог. Хотя, наверное, тебя туда не пустят, если ты так любишь ловить каждого встречного!

Это показалось мне страшно смешным. Я расхохоталась, прижав к груди кинжал. Смех сам рвался из горла. Я не могла ничего поделать с разбушевавшейся истерикой.

Успокоившись, я занялась освобождением. Липкая дрянь оказалась той самой тёмно-серой субстанцией, что поглотила тело. На воздухе она быстро застывала и уже походила на твердый тугор, слегка пружинящий под пальцами. Процесс очищения затянулся. Я не очень привыкла орудовать левой рукой, и приходилось действовать медленнее, чем хотелось бы, чтобы не распрощаться с драгоценным клинком. Это было несложно; навык приобрелся быстро. Гораздо труднее было справиться с зудом нетерпения и страха: я не знала, сколько ещё тощих тварей бродит по округе. Второго нападения я могла и не пережить.

Наконец последние остатки кокона спланировали на землю. Не удержавшись на столбе, я последовала за ними: затёкшее тело плохо слушалось. Стоило пошевелиться, как противные мелкие иголки сразу вонзились в конечности.

Неуклюже перевалившись на спину, я взглянула на своё временное пристанище, едва не превратившееся в могилу. Оболочка столба, такая же тёмно-серая, как и кокон, поистерлась там, где её касалась моя спина. В образовавшемся просвете виднелся грязно-жёлтый узор в виде трех параллельных, слегка округлых линий. Стоило мне посмотреть на них, как по позвоночнику пробежала морозная дрожь. Я торопливо отвела глаза, хотя причину испуга так и не поняла. Зуд в правой руке был невыносим. Показалось, что проще отрезать кисть, чем от него избавиться. Еле переборов это опасное искушение, я внимательно осмотрела руку, пытаясь отыскать причину зуда. Снаружи конечность была совершенно здоровой, если не считать покраснения и легкой припухлости; лишь приглядевшись, я заметила три крохотные дырочки у самого основания ладони, прямо над запястьем.

— Это ты мне оставил, а? — мрачно спросила я у туши чудовища. — Чтобы покрепче тебя запомнила?

Почему-то подумалось: если оно сейчас поднимет голову и ответит, то я ничуть не удивлюсь. Эта мысль испугала больше, чем схватка с чудищем.

— Успокойся, Кошка, — строго сказала я себе, неловко поднимаясь. Ноги дрожали, а колени ходили ходуном. — Дорога в безумие отклоняется от жизненного пути сначала всего лишь на один ноготь.

Потирая ноющую руку, я заковыляла к бесчувственному северянину, шепча про себя:

— Уверена, что ты ещё дышишь, капитан. Такие как ты не умирают в глуши от когтей тощих чудищ, не сдержав обещаний!

Обрывки кокона осыпали меня, как чёрный снег, ложась вокруг ног неровным кругом. Не обращая внимания на зуд, раздирающий кожу, на панический страх, терзающий сердце, я сосредоточенно работала лезвием, шаг за шагом освобождая Коннара от серой мерзости.

Это был уже второй кинжал в нашей с наёмником истории. Первым я — правда, косвенно — едва не убила бывшего капитана. Теперь же я его спасаю при помощи второго. Забавно, верно?

Недаром в Алдории говорят, что на трёх лицах богини судьбы Намуты застыли иронические улыбки.

Когда из-под отвратительной оболочки появилась широкая грудь северянина, я прижалась к ней и облегченно вздохнула: сердце билось, а грудная клетка еле заметно поднималась в такт слабому дыханию.

— Попробовал бы ты умереть, — саркастически сказала я, вновь берясь за клинок. — Разыскала бы тебя на полях Междумирья и расцарапала бы всё лицо!

Эти вырвавшиеся помимо воли слова заставили меня поджать губы и прислушаться к себе. Что за нелепость? Почему я, совсем недавно проклиная наёмника, теперь искренне за него переживаю?

— Потому, что он может здорово облегчить мне задачу поиска флейты! — процедила я. Надеюсь, об этих мыслях северянин никогда не узнает.

Массивное тело Коннара накренилось и повалилось прямо на меня. Отбросив кинжал, я быстро повернулась спиной и подхватила бесчувственного наёмника.

— О-о-о-ох!

Плечи заныли от невыносимой тяжести. Я почувствовала себя портовым грузчиком, взвалившим на спину мешок с камнями. Ноги не выдержали, и я упала на колени. На то, чтобы переложить Коннара землю, ушло ещё немало сил. Я в изнеможении уселась рядом, утирая пот, градом катящийся по лицу. Кожа почему-то показалась шершавой и неровной.

— Капитан, — слабым голосом позвала я. — Очнись, капитан. Или я зря проделала всю эту хэллеву работу?

Коннар лежал безмолвно и неподвижно, склонив голову в чёрном озере волос к левому плечу. Внутри вспыхнула дикая ярость, багряным пламенем слизнувшая здравый смысл. Шипя от злости, я встала на колени и, размахнувшись, отвесила наёмнику пощечину.

— Значит, всё впустую, да?! Значит, мне и дальше придётся тебя тащить на своих плечах?! И кто тогда из нас слабый и беспомощный?!

Его веки даже не дрогнули. Это подхлестнуло ещё больше.

— Не прощу! — прорычала я, занося руку для следующего удара. — Ничего не прощу! Сначала чуть не надругался, а теперь бросаешь в этой обители Хэлля!

Звуки от ударов разрывали звонкую тишину. Я вошла в раж и затряслась от истерического хохота, перемешанного со слезами отчаяния.

— Думаешь, я тебя отсюда потащу? Много чести! Брошу тут, и пусть эти тощие твари решают твою судьбу!

— Другого я от тебя и не ожидал.

Слабый, на грани шёпота, голос застиг меня врасплох. Я застыла с поднятой рукой, беззвучно вздрагивая от колотивших тело эмоций. Под трепещущими веками северянина прорезалась быстро растущая белая полоска.

— Неужели ты добровольно дотронулась до меня? — сипло хмыкнул Коннар, медленно садясь и яростно растирая глаза. — Вот Хэллер... Всё тело будто дерьмом мангора набили. Что произошло?

— По дороге расскажу, — пробормотала я, чувствуя полностью обессиленной. Истерика отхлынула, обнажив сосущую пустоту в груди. Я бесстрастно взирала на спасённого наёмника. — Давай убираться отсюда. Можешь встать?

— Дай пару мгновений, — усмехнулся Коннар. Отняв ладони от лица, он тряхнул головой и часто заморгал. — Глаза горят.

Он поднял взгляд, щурясь и морщась, будто от сильной боли. Его вскрик заставил меня оцепенеть.

— Шар'ракх, Кошка! Что с твоим лицом?!

171 — **глерна** — мифическая птица с головой змеи, покровитель алдорских моряков. Обычно вырезается в виде плоской фигуры; если смотреть на неё сбоку, кажется, что у нее всего одна лапа и одно крыло, однако при взгляде в анфас видно, что и того, и другого две штуки. Отсюда и пошло выражение — "у глерны два крыла" (аналог "у монеты две стороны");

172 — **сецалия** — священное растение княжество Хайань; дерево, приносящее два раза в год крупные, размером с кулак, чёрные плоды, по вкусу напоминающие алычу. Почитается за способность цвести раньше, чем появятся листья; в этом усматривается торжество зарождения жизни на фоне царства мёртвого зимнего снега;

173 — **дорг** — хищное животное размером с добермана, живущее под землей. Сплошь покрыто грубой кожей; имеет шесть лап, заканчивающихся разделёнными перепонками пальцами, которые помогают ему быстро прорывать подземные ходы. Дорги слепы, но

имеют отличное обоняние и слух, питаюсь мелкими животными, которые удаётся схватить с поверхности;

174 — дикая кошка с пятнистой зеленоватой шерстью, обитающая на вересковых пустошах;

175 — **талан** — речная рыба. Во время нереста часто выбрасывается на берег и погибает от изнеможения;

176 — **кислый кисель** — коннемарский алкогольный напиток. Приготавливается из муки, крахмала и ячменных зерен; после брожения приобретает густую желеобразную консистенцию, и его скорее едят, чем пьют;

177 — **кракадан** — матросский танец;

178 — **иссерки** — особые отряды воинов северных племен. Перед боем они пьют отвар из дранга (одного из видов мха, растущего на болотах Севера). Этот отвар устраняет чувство страха и нейтрализует болевые ощущения, одновременно многократно усиливая боевую ярость и жажду крови.

— Есть только один вариант, — кивнула я в сторону распластанного тела чудовища, которое, судя по усилившейся вони, уже начало разлагаться.

Я поведала капитану о своих злключениях на столбе, умолчав о странных видениях. Наёмник молча поднялся и подошёл к бездыханной твари.

— Неплохо ты его отделала, — донёсся до меня насмешливый голос северянина, приглушённый ладонью. В нём угадывались нотки одобрения. Я с удивлением почувствовала, что это даже льстит, но виду не подала, только пожала плечами.

— Очень уж не хотелось щеголять без головы на плечах. Так что кровавый душ — малая плата за жизнь.

Я вспомнила острые зубы чудища и поёжилась. Коннар брезгливо сплюнул и поддел носком сапога тёмно-бурую кучу внутренностей, вывалившихся из искромсанного брюха. Я вытащила спасший мне жизнь кинжал, выщелкнула лезвие и медленно поднесла его к глазам. Желание подробнее разглядеть себя боролось с глухим ужасом перед тем, что я увижу в отражении.

Кожа побурела, сморщилась и стала шершавой, как кожура орехов ларра(179). Веки скукожились и плохо закрывались, обнажая алые от лопнувших сосудов глаза. Эта напасть расплзлась не только по лицу — темный "воротник" сползал к ключицам, и отдельные бурые островки пионами зияли на тыльной стороне рук. Меньше всего пострадали волосы. Они только покрылись тёмно-жёлтым налётом по линии лба. Будто во сне я посплюнула палец и потёрла щеку. Влага охотно впиталась в кожу, но не произвела никакого эффекта.

— Похоже, у этого буладха(180) ядовитая кровь, — тихо сказала я.

Желваки на острых скулах северянина вздулись, и он с яростью опустил ногу на труп. Раздался сухой треск.

— Впервые вижу подобную тварь, — признался Коннар. — И ей ещё повезло, что она издохла прежде, чем я пришел в себя! Клянусь, я не оставил бы ни единой целой кости в ней за то, что она с тобой сделала!

Наёмник не изменил себе, распаяясь по любому поводу, даже если тот был пустячным. Сама же я чувствовала странную отрешённость. Не то, чтобы мне было плевать на произошедшее, но и сильно я не переживала. Я глубоко вздохнула и убрала кинжал.

— Пора уходить отсюда, — мой голос звучал безразлично и отчуждённо. — Если никто не показывается, это ещё не значит, что других тварей тут нет.

Коннар ухмыльнулся.

— Поражаюсь твоему хладнокровию. Иной раз мне думается, что ты вовсе и не женщина!

Я пожала плечами. С языка едва не сорвалась колкость. Молча поднявшись, я повернулась, чтобы продолжить путь к лесу, когда услышала удивлённый возглас наёмника.

Столб, на котором совсем недавно мы с чудовищем так весело проводили время, привлёк его внимание, и северянин застыл перед ним, напряжённо что-то разглядывая.

— Кошка, подойди сюда! — необычно серьёзно позвал он. — Кажется, ты тоже интересовалась, куда пропали люди из этой деревушки.

Броня отчужденности была пробита. Я безропотно выполнила его просьбу и встала

рядом.

— Ох, Хэлль!

— Оценила? — невесело хохотнул наёмник. — Вот так думаю: вроде бы, многое повидал, много где побывал, но встречаешь подобное — и всё летит к демонам!

В этом он был прав. Мне тоже никогда не доводилось слышать о чём-то подобном, хотя земля Аэдагги наполнилась самыми фантастическими историями.

То, что я сначала приняла за желтоватые линии, оказалось человеческими ребрами, плотно застывшими в ноздреватой серой массе, как гнус в янтаре. Северянин вытащил меч и без особых усилий отковырнул ещё несколько кусков странной субстанции. Перед нами появилась пара костей и нижняя челюсть.

— Готов поспорить на свою руку, что эти штуки битком набиты скелетами, — угрюмо резюмировал наёмник, затыкая клинок за пояс. — Вот тебе и ответ.

— Пещерные медведи не едят свою добычу сразу, — медленно, как сомнамбула, проговорила я. — Сначала они зарывают её в землю на несколько дней. Только когда мясо слегка подпортится и покроется червями, они откапывают его и пожирают.

Слова сами падали с языка, и, начиная фразу, я не знала, чем она закончится. Словно кто-то говорил моим голосом, отведя мне роль безмолвного наблюдателя. Коннар с удивлением посмотрел на меня и кивнул:

— Примерно так. Похоже, что твари делали запасы впрок. Наверное, нас тоже определили на закуску. Шарракх!

Он болезненно скривился и отошёл. Я постояла немного, замороженно глядя на останки неизвестного мне человека. Кем он был? Землепашцем? Шахтером? Или это то, что осталось от матери большого семейства, дородной женщины с добрыми глазами? Или от девушки, которая только-только вступила во взрослую жизнь, окрылённая надеждами и мечтами?

Прямо как я.

Обжигающий огонь ярости вспыхнул в душе, когда я подумала, что мои надежды и стремления тоже могли бы быть погребены под толщей этой мерзости. Мутная пелена упала на глаза, горло сдавило резкой болью, а в ушах зашумело.

— Кошка!

Громкий оклик северянина привёл меня в чувство. Я обнаружила, что стою, прижавшись лбом к "погребальному" столбу, стиснув кулаки так сильно, что ещё чуть-чуть — и ногти прорвут кожу.

— Всё в порядке, — откликнулась я, не без труда выпрямляя дрожащие затекшие пальцы. — Поспешим. Не хочу больше находиться на этом... могильнике!

Коннар без лишних слов подал мне сумку с Камнем, сиротливо валяющуюся неподалеку, и тронулся в путь первым.

Осознание того, что путь к заветной цели сокращается шаг за шагом, пьянило. Поглощённая мыслями о каменной флейте, я совершенно забыла о драконидах, сбежавших в лес накануне. Вспомнив же о них, я приуныла: с исчезновением скакунов шанс в скором времени добраться до монастыря становился ничтожным. Учитывая, что факелы потерялись где-то на страшной пустоши, а без драконилов время в дороге грозит растянуться вдвое, если не втрое, мысли приобретали всё более и более мрачный оттенок. На чудо я не надеялась и пребывала в твёрдой уверенности, что скакуны уже далеко и наверняка закончили жизни в желудках хищников.

Именно поэтому вид двух драконидов, мирно разгуливающих между деревьев у самой кромки леса, поразил до глубины души. Судя по расширившимся глазам северянина, он тоже этого не ожидал.

— Пожалуй, стоит послать драконюху пару дориев, — хмыкнул он, седлая животное. — Наверное, та зубастая тварь решила оставить их на закуску, только добраться сюда уже не смогла.

— Либо мы показались ей более вкусными, — в тон ему поддакнула я, вставляя ногу в стремя. Продырявленную ладонь кольнуло, и голова закружилась: продолжало сказываться забытие на столбе. Неуклюже балансируя, я запрыгнула в седло и взяла поводья, вопросительно взглянув на Коннара. Тот почему-то медлил.

— Скажи, Кошка, — задумчиво проговорил он. — Ты по-прежнему хочешь продолжать путешествие, несмотря на всё, что случилось? Впереди ведь могут ждать вещи и пострашнее.

Я в изумлении прикусила губу и нахмурилась. С чего бы это моего спутника потянуло на такие расспросы?

— Этот путь я выбрала сама и пройду его до конца. Каким бы он ни был, что бы ни ждало впереди — я должна. Иначе жизнь потеряет смысл!

Голос задрожал от волнения, а фразы стали отрывочными. Внезапное желание излить душу на мгновение накрыло с головой, но я вовремя спохватилась и одёрнула себя. Капитану Коннару незачем много знать о Дикой Кошке Мелиан. Впрочем, он особо и не возражал. Уставившись в пустоту, он выдержал паузу и глухо произнес, словно говоря сам с собой:

— Сейчас я даже рад, что Феррг(181) скрестил наши дороги, Кошка. Я пойду с тобой до конца, и если случится так, что мне суждено преждевременно попасть в Серебряный Чертог Амальганны(182), то я хочу, чтобы последним, что я увижу, была ты.

Не дождавшись моего ответа, северянин подстегнул дракониду и поскакал вперед. Его неожиданная откровенность застала меня врасплох, но я быстро справилась с собой. Бросив прощальный взгляд на кладбище омнийцев, я всадила пятки в бока дракониду, и тот послушно порысил следом за удаляющейся спиной наёмника.

Отложим наш душевный разговор, капитан. Сейчас не самое подходящее время.

Ткань рвалась с сухим треском, беспомощно повисая на ладонях северянина широкими лентами.

— Из телохранителя я превращаюсь в горничную, — угрюмо проворчал Коннар, расправляясь с очередным лоскутом материи. — Сначала помоги выбрать платье, потом — заплети косу... Что дальше? Прикажешь стирать белье?

Я только неопределённо хмыкнула, оставив наёмнику простор для фантазий, и сделала ещё один виток материи вокруг лица. Идея замаскировать лицо, плотно забинтовав его тряпками, пришла нам почти одновременно. Попрепиравшись некоторое время (наёмник горячо убеждал, что история о пострадавшем в бою выглядит убедительнее), мы разработали легенду. Исходя из неё, я была юным уроженцем Северных земель, с рождения страдающим от неизлечимого недуга, превратившего моё лицо в уродливую маску. Вдобавок ко всему, мой герой был немым, на что северянин саркастически заметил, что "такого доходягу в нашем посёлке утопили бы в бадье с водой сразу после рождения".

Коннару досталась роль "моего" старшего брата. По сути, от него всего лишь требовалось оставаться самим собой с поправкой на наличие безголосого родственника.

— У вас были случаи, когда приходилось обращаться к чужим богам? — спросила я

наёмника, когда мы почти закончили приготовления. Память надёжно хранила презрение, с которым Коннар высказывался о Лиаре. Северянин задумался на удар сердца и ответил, пренебрежительно скривив губы:

— Никогда. Отвернуться от Владык Амальганны — всё равно, что всадить нож в спину отца!

Я скептически подняла бровь. Яростные вспышки религиозности всегда настораживали меня, не привыкшую полагаться ни на кого, кроме себя. Но, в конце концов каждый имеет право верить, во что хочет: хоть в уродливых карликов второго континента, хоть в суровых воинственных божеств, рождённых северными лесами.

Я затянула последний узелок на затылке. Широкие полосы ткани плотно закрывали всю голову и лицо, выпуская наружу только косу и оставляя неширокую прорезь для глаз. Дыхание быстро сделало плотную материю горячей и влажной. Я поняла, что первое время мне предстоит бороться со страстным искушением стянуть с лица маскировку. Коннар придирчиво наблюдал за моими манипуляциями.

— Сойдёт, — кивнул он. — Главное, не давай себя толком разглядывать, помни о том, что ты немая, и все ещё может получиться.

Эти слова будто разбили ледяную стену спокойствия внутри. Сердце гулко стукнуло и ухнуло в низ живота. Я схватилась за сумку, как потерпевший крушение хватается за обломки корабля, и хрипло повторила.

— Всё может получиться.

Коннар поднял бровь и насмешливо спросил:

— Что такое? Отважная "я пройду до конца" всё-таки чего-то боится?

Волна гнева слизнула ростки страха. Стиснув зубы, я мило промурлыкала:

— Пожалуй, я погорячилась. Я всего лишь глупая слабая женщина, которая сама не понимает, куда лезет. Конечно, если бы не она, то великий воин сейчас догнивал бы на столбе... Но, право слово, это пустяки, ведь нет участи почётнее!

Лицо северянина потемнело.

— Когда-нибудь, Кошка, я заставлю тебя ответить за все твои дерзости! — с угрозой предупредил он. — Ещё никто и никогда не смел говорить мне подобное в лицо, и не думай, что я спущу тебе это только потому, что ты женщина!

Я благожелательно улыбалась под маской, довольная произведённым эффектом. Как обычно, стоило мне вернуть колкость, гнев быстро пошёл на убыль. Наёмник этого видеть не мог, но наверняка всё чувствовал.

Опалив меня тяжелым взглядом, северянин вышвырнул на обочину ставшие ненужными тряпки.

— В путь, — процедил он, подходя к дракониду и берясь за поводья.

— Как скажешь, мой капитан, — с фальшивым послушанием пропела я и вдруг воскликнула:

— Постой-ка, что это?

Когда наёмник протянул руку к шее дракониды, мой взгляд остановился на внутренней стороне его локтя. Чуть пониже сгиба виднелись три аккуратные точки — в точности такие, на моей ладони. Не обращая внимания на озадаченное лицо Коннара, я подлетела к нему и схватила за руку, изучающе всматриваясь в находку.

Как только мои пальцы коснулись кожи, Коннар явственно вздрогнул. Спустя мгновение его ладонь мягко легла поверх моей. Рассматривание слишком поглотило меня, и

я не сразу вернулась в действительность.

Наши глаза встретились. В его зрачках медленно, по крупичкам, разгоралось тёмное пламя, в котором плавно кружили, сменяя друг друга, изумление и слабый проблеск надежды.

Пропустив удар сердца, я опомнилась и отдернула руку.

Пламя погасло в тот же миг, словно на него выплеснули ушат воды. Коннар стал прежним — угрюмым, хмурым наёмником.

— Что это такое? — повторила я, просто чтобы разрядить обстановку.

Северянин сухо ответил:

— Эта дрянь, которая чуть не сделала из нас собственные надгробия, укусила меня перед тем, как я отрубился. Скорее всего, у неё ядовитая слюна или что-то в этом роде. Я спал, как убитый, и очнулся бы на полях Йаллы(183), если бы не ты.

Наёмник замолчал, ещё больше помрачнев. Я тоже не торопилась с ответом.

Если слюна той твари действительно усыпляла, почему же тогда я "проспала" совсем недолго? Неужели всему виной мои непрекращающиеся визиты в Междумирье?

Лязг сбруи меня отвлек. Коннар запрыгнул в седло и взялся за поводья.

— Скоро начнёт смеркаться, — коротко бросил он, не глядя на меня. — Поторопись. Или тебе тут так понравилось, что решила поселиться на этой дороге?

Я послала ему гневный взгляд, но сделала это больше по привычке, чем от настоящего раздражения. Мой драконид протяжно вздохнул и ткнулся жесткой мордой между лопаток.

— Уж где-где, а здесь мне не понравилось совершенно. Пусть призраки этих мест здесь и остаются, а мне вполне хватает собственных!

На булыжники легла сумеречная роса, превратив их в блестящие скользкие бугорки. Из-за деревьев медленно просачивался белёсый туман, повисая клоками на раскидистых ветках. Маска отсырела и обвисла на лице лягушачьей кожей, неприятно холодя при каждом прикосновении. Бока дракониды тяжело подрагивали, а капающая с клыков пена расплзлась по земле неаккуратными кляксами. Как только мы свернули на тропу пилигримов, я безжалостно погнала его вперёд.

В самом начале мой страх перед опозданием был лёгким и прозрачным, как утренняя дымка. Казалось, что времени ещё много, да и путь до монастыря достаточно длинен, так что у меня есть все шансы столкнуться с долгожданными паломниками за поворотом. Но день пролетел в веретене безумной скачки, перемежаемой редкими привалами, а нам никто так и не встретился. Чем ближе подкрадывался вечер, тем сильнее становилась моя паника. Когда солнце уже зацепилось краем за деревья, я была близка к истерике.

На протяжении всего дня северянин хранил молчание, лишь изредка роня какую-нибудь малозначительную фразу. Я даже поблагодарила его за это: очень уж не хотелось расплыться на ненужные препирательства и пустопорожние споры. Да и всё вокруг не очень-то располагало к болтовне: лес походил на огромный храм, где даже самый тихий шепот превращается в оглушительный грохот.

Когда на смену сумеркам опустилась ночная мгла, наёмник обогнал меня и, схватив дракониду под уздцы, заставил замедлить бег.

— Притормози, — едва шевеля губами, сказал он. — Эта шкура с костями падёт прежде, чем взойдет луна. Да и скоро тут станет темнее, чем у набийца в заднице. Захотела шею свернуть?

Я метнула на него гневный взгляд и упрямо потянула поводья на себя. Конечно, Коннар был прав, но мысль о том, что любое снижение темпа может обернуться непоправимым опозданием, свербящей занозой сидело в груди.

Драконид сипло всхрипнул и заплясал на месте, не зная, кому подчиниться. Северянин нагнулся и прошипел что-то ему на ухо, но успокоения зверю это принесло мало. Я вновь дёрнула повод, и наёмник предупредительно поднял ладонь и опустил факел. Темнота скрыла его лицо, однако я вдруг кожей почувствовала волну удивления, хлынувшую с его стороны.

— Да ладно, — пробормотал он. — Быть того не может.

И, понизив голос, спросил:

— Ты тоже это слышишь?

Я напрягла слух и различила далекие голоса, не то перекликающиеся, не то тянущие заунывную, как степной ветер, мелодию.

— Шар'ракх, — выругался Коннар со смесью удивления и облегчения. — Похоже, твои хилые боги услышали тебя и подкинули эту встречу!

Я не стала ничего отвечать, ограничившись слабым кивком. Все мысли и чувства ярко вспыхнули внутри и сосредоточились в одной-единственной точке — монастыре, который, наконец, обрёл реальные очертания. Впрочем, северянин истолковал мою молчаливость по-своему.

— Привыкаешь к роли? — деловито осведомился он. — Ну и правильно, а то развяжешь язык в самый неподходящий момент. Объясняйся потом, почему у моего "брата" голос прорезался, да не какой-нибудь, а бабский!

Я криво усмехнулась. Запас сил на то, чтобы злиться, иссяк.

— Уверена, это всегда можно объяснить чудом Лиара. Думаю, у него, как у всех богов, своеобразное чувство юмора.

Отрезок времени между тем, как мы увидели мелькающие далеко впереди огни, и тем, когда добрались до них, показался вечностью. В голову безостановочно лезла всякая чепуха: каждый шаг то приближал цель, то словно отбрасывал на несколько шагов назад. Отблески пламени вдруг стали призрачными, как мираж в пустыне, а дракониды то и дело начинали дышать тяжело, с присвистом, грозя свалиться замертво. Когда мы достигли цели, меня колотило так, что я при всем желании не могла пошевелить языком.

Факелы, послужившие нам ориентиром, были воткнуты в землю у дороги в виде большого полумесяца. В их дрожащем свете кружились фигуры, облачённые в темные хитолы. Не замечая нас, они тянули какую-то заунывную мелодию, состоящую только из одного звука "о", и передавали друг другу большой шар, испускающий золотисто-молочное сияние. Отсветы выхватывали из темноты потрепанные края капюшонов незнакомцев, надёжно укрывающие лица.

Коннар фыркнул.

— Мы даже на похоронах такую тягомотину не пели, — едко заметил он. — Под неё только и хочется, что в костёр прыгнуть!

Я хихикнула про себя, мигом поверив северянину. Не так давно он рассказал, что, когда на его родине умирал кто-то из мужчин-воинов, соплеменники либо сжигали его со всей воинской амуницией в погребальном пламени, либо отправляли по реке в ладье, усыпав листьями тиса. Все это происходило под аккомпанемент разудалых песен, а хмельная брага лилась бочками. Северяне верят, что за смертной чертой воина ждали вечные радости

жизни: славные битвы рука об руку с легендарными героями прошлого, хмельные пиры в чертогах Амальганны и рощи, полные девственниц и умерших возлюбленных.

Сомнительные радости, как по мне.

На вопрос о загробных перспективах женщин наёмник расплывчато намекнул, что их тоже ждёт счастливое послесмертие: самые везучие удостоятся почётной роли служанки за пиршественным столом или наложницы в тех самых рощах. О том, что случится с менее удачливыми, северянин предпочел умолчать. После моего насмешливого замечания, что уж куда-куда, а на его родину или в Амальганну мне попасть совсем не хочется, Коннар заметно помрачнел.

Рисунок танца сменился, и песня утихла. Фигуры в хитолях выстроились в два ряда, встав лицом друг другу. Мне, наконец, удалось их сосчитать.

Всего на поляне оказалось тринадцать человек: по шесть с каждой стороны и один во главе, лицом к дороге. Они протянули друг к другу руки с вывернутыми к небу ладонями и, воздев головы, затянули ещё более тоскливую песню. На сей раз, она заключалась в монотонном чередовании звуков "а" и "э" и напоминала заунывный плач недавно родившихся детей.

— Интересно, надолго ли они тут собрались? — проворчал Коннар. — С них станется проторчать тут всю ночь, так нас и не заметив.

И невольно сглазил.

Светящийся шар вновь возник на сцене. Он появился в руках фигуры, что стояла особняком, не позволив даже понять, откуда. Незнакомец принялся плавно описывать круг шаром, двигая его посолонь. В какой-то момент шар дрогнул и чуть не упал на землю, а раструб капюшона обратился в нашу сторону. Остальные даже не повернули голов, из чего я сделала вывод, что они либо слишком погружены в свои рулады, либо стоят с закрытыми глазами.

Нас наконец-то заметили.

Несмотря на явное замешательство, глава не прервал странного танца. С грехом пополам покончив с кругом, он вытянул руки прямо перед собой и медленно двинулся вперёд, сквозь частокол рук товарищей, прорезая их, как костяной плавник речного трирама(184) — лёд по весне. В конце пути он вручил свою ношу ближайшему товарищу и прибавил шаг, путаясь в широкой хитоли и сбрасывая с головы капюшон.

Это оказался высокий человек с абсолютно лысой головой, тонкими бескровными губами и впалыми щеками. Жёлтый свет факелов превратил его в жертву зыбучих песков Ароайны(185), до последнего боровшуюся за жизнь.

— Вы кто такие? — буквально выкрикнул он, раздувая щеки. — Что делаете на этой священной тропе? Случайным зевакам сюда нельзя!

Ох, как обидно, что мой язык связан! В горле засвербело от желания указать ему на откровенное отсутствие логики: вряд ли "случайных зевак" занесло бы в такую глушь, так что наш визит в любом случае выглядит запланированным. Коннар гневно сузил глаза, а я мысленно застонала: похоже, наше предприятие может провалиться к Хэллю, даже толком не начавшись. Однако капитану удалось побороть собственную натуру. Он заговорил вполне мирным голосом, лишь легкой хрипотцой выдавая ярость:

— Мы не хотели нарушать ваш... кхм... танец. Просто очень торопились, чтобы вас догнать...

— Это не танец, а походный ритуал Выноса Шара! И зачем вам ещё понадобилось нас

догонять? — с подозрением спросил мужчина. Он сильно вытянул шею, подробно разглядывая Коннара, и на лице его заплясал нескрываемый страх.

Я вполне разделяла его чувства. Наёмник и при свете дня не выглядит милым невинным созданием, а в неверных бликах пламени и подавно. К тому же, грязь и ошмётки застывшей слизи, намертво приставшие к коже и запутавшиеся в волосах, не добавляют в образ привлекательности. Конечно, перед тем, как тронуться в путь, мы ополоснули лицо и руки в мелкой речушке, что протекала близ Омнии, но толку от этого было мало.

Северянин вздохнул и простёр ко мне руку. Его пальцы повисли в ударе сердца от лица. Он стал похож на актера из королевского театра, готовящегося сыграть жизненно важную роль. Я взглянула на него и мысленно пожелала удачи: от убедительности Коннара зависело то, попадём ли мы в Лит-ди-Лиар без приключений или нам придётся прорываться туда с боем.

— Мой брат тяжело болен, — заговорил наёмник, и в его голосе прозвучала почти настоящая скорбь. — Это случилось с ним в пять лет. С тех пор мы мотаемся по всему свету в поисках средства, которое исцелит его...

Браво, капитан! Без преувеличения — bravo. Не знай я всей подоплёки, поверила бы безоговорочно. Жаль, что сейчас неподходящий момент, а то бы встала и зааплодировала. Пожалуй, налью Коннару ирли-лэя за свой счет, когда всё закончится.

Лысый незнакомец пожевал губами и неприязненно сказал:

— И ты решил, что мы поможем твоему брату? По-твоему, мы лекари?

Коннар пожал плечами.

— С этой хворью лекари не справились. Я не очень-то верю в целительную силу веры, но мой брат где-то узнал, что в Лит-ди-Лиаре могут помочь и сделать его прежним. Теперь он постоянно думает о том, чтобы попасть в этот монастырь... Мы узнали, что туда могут пустить, только если идешь с паломниками, и смиренно просим вас взять нас с собой.

По лицу незнакомца прошла рябь недоверия, и он перевёл взгляд на меня.

— И от кого же ты это услышал?

Я развела руками и смущенно покачала головой.

— Мой брат Мерран немой с рождения, — расколол молчание резкий голос северянина. Значит, теперь и наёмник ступил на извилистый путь придумывания имён. Я повторила про себя «Мерран» несколько раз, чтобы примерить и твёрже запомнить.

Паломник слегка смутился, но это ничуть не изменило его суровости.

— К сожалению, друзья мои, — судя по тону, у Хэлля он таких друзей видал, — но наш монастырь не лечебница. К тому же, насколько я понял, вы даже не алдорийцы...

В знак подтверждения Коннар мрачно склонил голову. Незнакомец широко развел руками, словно пытаюсь обнять кого-то очень толстого и невидимого.

— И не отмечены Светом Лиара. Я не возьму вас в монастырь, ибо не вижу в этом никакого смысла. Сожалею.

Он низко опустил голову и принялся быстро-быстро осенять себя кругом. Мы с северянином молча уставились на него. Кажется, Коннар заскрипел зубами; я же почувствовала себя так, будто только что добралась до вершины крутой горы, но пальцы соскользнули, и я покатила вниз, обдирая кожу об острые бульжники.

Подмога подоспела с совершенно неожиданной стороны.

— Что случилось, брат-в-Свете Шомас? — прозвенел над поляной молодой мужской голос. Его звук подарил крошечный лучик надежды, и я немного воспрянула духом.

Нас обступили другие паломники. Скинув капюшоны, они застыли молчаливым полукругом, с недоверчивой опаской разглядывая незваных гостей. Вперёд выступил высокий юноша с буйными тёмными кудрями, рассыпавшимися по плечам. На его лице, как присосавшаяся пиявка, сидела продолговатая родинка. Лысый Шомас недовольно взглянул на него и нехотя ответил:

— Ничего не случилось, брат-в-свете Джолан. Они уже уходят...

— Я скажу, что произошло! — вдруг перебил его Коннар, и, кажется, от его громкого рыка вздрогнула не только я. — Этот ваш Шомас, — он беспардонно ткнул пальцем в сторону последнего, — отказывается не просто помочь моему брату, но и просто подарить надежду на исцеление! — тот же жест, но уже в мою сторону.

На лице молодого Джолана отразилось крайнее возмущение.

— Брат-в-Свете Шомас, — срывающимся голосом произнёс он. — Это правда?

Лысый паломник пронзил наёмника яростным взглядом, но наткнулся лишь на бесстрастные чёрные глаза.

— Он утверждает, что его брат болен, — процедил он. — Но я не понимаю, чем поход в Лит-ди-Лиар может ему помочь. Лекарей там и в помине нет, а настоятель ничем подобным не занимается!

Его голос булькал от возмущения. Северянин дал ему договорить и легко перехватил инициативу.

— Иной раз вера творит чудеса, — с жаром проговорил он. — И я уверен, что это именно такой случай. Мой брат уверовал в Лиара. Как бы я сам не относился к вашим богам, я хочу его выздоровления, с помощью ли Лиара, Бриссы или демонов Хэлля!

По ряду паломников пробежал шепоток. Джолан со свистом втянул в себя воздух.

— Брат-в-Свете Шомас! — с праведным негодованием воскликнул он. — Как же так? Вы отказываете в помощи человеку, который действительно в этом нуждается! А как же сила вашей веры? Неужели забыли о третьей заповеди Лиара: "Помоги всем убогим и обиженным, и да приумножится Свет-в-тебе"?

Хэллер побери, а этот парень мне определённо нравится!

Наверное, почуяв, куда ветер дует, Шомас торопливо сказал:

— Мы не знаем, что за болезнь у этого юноши и заразна ли она! А если из-за него мы все умрём? Как говорится, пусти паршивую овцу в стадо — испортит всю отару!

— За всё то время, что мы шлялись по этой шарракховой стране, из-за брата никто не умер, — заметил Коннар. По оттенку сарказма в его голосе я поняла, что северянин начинает терять терпение.

Джолан растерянно посмотрел на Шомаса, потом — на меня и участливо спросил:

— Что именно с тобой произошло?

— Мальчишка немой, — резко бросил Коннар. — Это уж точно не вылечишь. Мерран, покажи им!

Мне стало жаль Джолана: такое несчастное выражение появилось на его лице. Захотелось ободряюще улыбнуться парню, но я сдержалась и выполнила требование северянина, прыгнув на землю и приспустив перед всеми повязку.

Кто-то охнул, кто-то помянул Лиара. Шомас начал громко молиться, а Джолан, явно наспех сотворив круг, стал с любопытством вглядываться в моё лицо. Постояв так несколько ударов сердца, я почувствовала себя неудобно, как обезьянка в шатре бродячих циркачей. Решительным движением спрятав лицо, я отступила в тень, а Коннар занял моё место.

— Убедились? — хмуро спросил он. — Я-то на это уже вдоволь насмотрелся на две жизни вперёд, а с непривычки может и удар хватить.

С этим он, конечно, погорячился, но никто и слова поперёк не сказал. Опасливо поглядывая на наёмника, паломники сгрудились в кучу и принялись переговариваться так тихо, что до нас долетало только приглушенное шипение, словно ветер шуршал в камышах. Бросив на Коннара враждебный взгляд, Шомас нырнул в самую гущу обсуждения и что-то негодуяше зашептал. Я молча посмотрела на северянина. На его лице было написано безразличие, но явно наигранное: чуть подрагивающая верхняя губа выдавала внутреннее напряжение. В подреберье кольнула и заныла тянущая, как удар хлыста, боль предвкушения. Я начала нервно переступать на месте, не в силах справиться с муками ожидания.

Шёпот стих. К нам направился Джолан, сияющий, как начищенный медный кувшин.

— Мне удалось переубедить брата-в-Свете Шомаса! — радостно воскликнул он. — Вы отправитесь в Лит-ди-Лиар с нами!

179 — **орехи ларра** — орехи, растущие в тропических лесах на юго-восточном побережье Второго материка. Имеют упругую кожистую оболочку коричневого цвета, испещрённую морщинами, и ярко-розовую мякоть. В Алдорию завозятся купцами;

180 — **булладх** — нецензурное ругательство (коннемарск.). Самый мягкий перевод — "сволочь";

181 — **Феррг** — в космогонии северных народов бог-кузнец, выковывающий судьбу. Изображается трёхруким великаном с седыми волосами, в которые вплетены сосновые иглы;

182 — **Серебряный чертог Амальганны** — в космогонии северных народов место, где после смерти пируют доблестные воины;

183 — **Поля Йаллы** — загробный мир в космогонии северных народов, куда попадают те, кто умер не в бою. Представляют собой безжизненные поля, усыпанные пеплом, на которых не растёт ничего, кроме мха и лишайника. Йалла — владыка подземного мира;

184 — **трирам** — речная рыба размером с ладонь взрослого мужчины. Имеет на спине треугольный костяной плавник, при помощи которого вспарывает лёд на реке, когда идет на нерест ранней весной;

185 — **Ароайна** — пустыня неподалеку от Запретных пустошей. Изобилует очагами тёмно-красных зыбучих песков, которые вытягивают всю жидкость из живого существа, угодившего в них.

Серая стена, покрытая розетками лишайника и шкурками мха, выросла из-под земли, как порождение суровых скал, что обступили нас. Острые железные штыри, торчащие из камня, недоброжелательно скалились, словно кто-то прошёлся по полю брани, собрал охапку копий и небрежно разбросал их по всему периметру ограды. Чахлые плети дикого винограда бессильно повисли на них, как пожелтевшие от времени волосы старухи. Между штырями виднелись помутневшие от времени продолговатые медальоны из авантюрина. Где-то за стеной ветер свистел на раздвоенной вершине горы, чью макушку можно было увидеть, если приподняться в стременах.

— К чему такая предосторожность? — спросил Коннар Джолана, поёживаясь. Глядя на него, я тоже невольно передёрнула плечами: на горной тропе было прохладнее, чем в лесу, и время от времени холодный воздух врывается под одежду.

Джолан разглядывал стену, поскрёбывая щеку и широко улыбаясь. Его глаза сияли, как у ребенка, получившего огромный леденец.

— Не знаю, господин Коннар, — признался он. — Мы все тут впервые. Возможно, где-то поблизости живут горные гиганты или бродит стая алых шакалов(186), и настоятель боится за жизнь и сохранность послушников.

Он умолк и вопросительно посмотрел на наёмника, как щенок, ожидающий подачи. Я заметила, что с момента нашего знакомства юноша старался неотступно следовать за северянином, заискивающе заглядывая тому в рот. Так подмастерье ходит за мастером, и я не сомневалась, что Джолан назначил моего телохранителя на роль старшего брата. Северянин этого либо не замечал, либо искусно притворялся слепым, сохраняя привычный мрачно-отчуждённый облик.

Коннар неопределённо покачал головой, и Джолан вернулся к восхищённому любованию стеной. Северянин натянул поводья и поравнялся со мной.

— Заметил, как почернели эти железки? — спросил он. — Не удивлюсь, если увижу на них ещё и пузыри. Такое случается, если обмазать железо соком дерева зирнир, слышал про такой?

Я отрицательно покачала головой. Коннар с видом явного самодовольства сказал:

— В этом соке яд, который очень долго сохраняет свои свойства. Когда он попадает в кожу, то плоть начинает чернеть и проваливаться внутрь, образуя зловонную пузырящуюся дыру. Не советую тебе трогать эти копыя: пусть яд действует только при проникновении под кожу, но обжечься тоже можно здорово.

Очень захотелось закричать от отвращения и послать его к Хэллю. За всё то время, что мы провели с паломниками, наёмник словно прощупывал, как далеко распространяются границы моего терпения и самообладания. Он то и дело рассказывал какие-то невообразимые гадости, а потом умолкал и наблюдал за тем, как я борюсь с собой, чтобы не ответить тем же.

Это водилось за ним и раньше, но теперь он стал просто невыносим.

— Как ты разговариваешь с ним? Я думал, такие, как он, понимают только особые жесты.

Коннар замолчал, и мы синхронно обернулись. Позади нас трусил драконид, на котором

мешком болтался низенький паломник, прозванный мной за глаза "Ласточкой" из-за раздвоенного, словно разрубленного пополам, носа. Этого паломника на самом деле звали Жонг. Они с Шомасом если не приятельствовали, то, по крайней мере, общались между собой чаще, чем все остальные.

И, кажется, Ласточка тоже был не в восторге от нашего присутствия, судя по случайным взглядам, полным подозрения, которые я то и дело ловила.

— Мой брат немой, но не глухой! — грубо отрезал Коннар, и Жонг попятился, несмотря на то, что был в седле.

— Я просто спросил, — пробурчал он и отгородился от нас, натянув на подбородок капюшон хитоли.

Наши взгляды с Коннаром встретились, и я прочла в его глазах то, о чём подумала сама.

Шомаса и Ласточки следовало не просто опасаться. Опасаться — означает каждое мгновение ожидать внезапной неприятности за поворотом. Эти же двое производили впечатление людей, не просто прячущих за пазухой нож, а уже занесших его над головой. Поэтому я приготовилась следить за ними в оба глаза.

Стена придвинулась совсем близко, закрыв половину неба сплошной серой пеленой. На высоте человеческого роста я увидела высеченный в камне диск, на окружности которого одиноко мерцал небольшой авантюриновый шар. Вокруг раздались восторженные вздохи и невнятный шёпот. Обернувшись, я увидела, как все паломники замерли в едином порыве, уставившись на диск с абсолютно одинаковым выражением полнейшей отрешенности. Коннар пренебрежительно фыркнул, но не так громко, чтобы это можно было расценивать, как неуважение к Лиару. Наши взгляды снова пересеклись, и я уловила отблеск его мысли.

Здесь мы чужие, Кошка, красноречиво говорили его глаза. Мы никогда не поймем их и не станем такими же.

Выдержав несколько мгновений, я медленно отвела глаза. Это вовсе не означало, что я не согласна с ним; мне совсем не хотелось открыто демонстрировать своё согласие.

Общее оцепенение нарушил Шомас. Неуверенно крикнув, он пришпорил дракониду и вразвалку подъехал к стене. Я пристально наблюдала за ним, чувствуя себя всходящей на сцену танцовщицей, от умения которой зависит то, будет она сегодня что-нибудь есть или обойдется сухими корками.

Только в моём случае от успеха зависел весь дальнейший путь.

Шомас кашлянул и принялся ощупывать стену, приподнявшись в седле.

— Не похоже, чтобы здесь были ворота! — выкрикнул он, не оборачиваясь. — Тут даже щели никакой нет!

— Может быть, все паломники до этого просто перепрыгивали? — пробормотал Коннар: замешательство Шомаса явно доставляло ему удовольствие. Услышавший его Джолан прыснул в кулак. Я прикусила губу, чтобы не фыркнуть: всё-таки воображение у меня хорошее.

— Брат-в-Свете Шомас! — заволновался кто-то сзади. — Как же мы попадем вовнутрь?

Вместо ответа лысый паломник удвоил усилия и принялся кричать, требуя, чтобы им открыли путь. Его шея покраснела от напряжения, и я не сомневалась, что на лице у него сейчас играет не самое благолепное выражение. Когда стало ясно, что никто не откликнется, плечи Шомаса поникли. Я догадалась, что ещё чуть-чуть, и он скамандует: "Поворачиваем назад!"

Наверное, так бы и случилось, если бы его рука не легла на авантюрин в каменном

диске. Шомас вздрогнул всем телом и зачем-то навалился на него, воскликнув:

— Кажется, он поддается! Помогите мне! Похоже, тут какой-то замок!

Через несколько мгновений у стены образовалась бурлящая толпа из паломников, единодушно пытающихся сдвинуть камень с места. Сердце невольно кольнула жалость, и я, подхлестнув драконида, тоже положила ладонь на гладкую поверхность самоцвета, нагретую множеством рук. Толпа испустила дружный вздох, и внутри стены что-то щёлкнуло. Авантюриновый шар с натугой поддался, и тяжело, будто противясь, заскользил по кругу.

Под аккомпанемент протяжного скрипа каменную кладку прорезала зигзагообразная щель, как трещина во льду по весне. Вздрогнув, стена начала медленно разъезжаться на две части, щерившиеся острыми зубами выступов. Луч солнца, упавший на наши лица, осветил просторный внутренний двор, усыпанный светлым речным песком, и статую Лиара из белого мрамора. Лиар кутался в просторную мантию, ниспадающую глубокими складками, и улыбался так, будто говорил: "Забудьте обо всём плохом. Забудьте о проблемах, бедах и неурядицах. Я здесь, а это значит, что теперь вам предстоит вечно наслаждаться счастьем!"

Я замерла, глядя на статую, и вспомнила, что где-то впереди кроется то, за чем проделан такой долгий и опасный путь.

Вторая вежа. Каменная флейта.

На мгновение мне показалось, что Камень в моей сумке стал очень горячим, и этот жар разлился по всему телу. Забыв обо всем, я рванулась вперёд, вслед за паломниками, которые вереницей потянулись через ворота.

Низкий голос Коннара грубо вернул меня с небес на землю.

— Не торопись, брат мой, — громко сказал он. Поглощённая мыслями, я не сразу поняла, к кому он обращается, а, вспомнив все, поспешно остановила драконида. Северянин неторопливо поравнялся со мной.

— Нас уже ждут, — спокойно сказал он, простирая перед собой руку. Тут же стало ясно, что под словом "нас" он имеет в виду всех присутствующих.

У пьедестала статуи Лиара стоял высокий мужчина в простой белой хитоли, подвязанной обычной пеньковой верёвкой. Его широкое лицо излучало тёплую отеческую любовь, а полные губы растягивались в ласковой улыбке. Эта была самая приветливая улыбка из тех, что мне когда-либо встречались. И самая фальшивая.

Всё портили прозрачно-серые глаза, колючими льдинками сияющие над линией губ. Они впивались в каждого и словно в одно мгновение перетряхивали всю подноготную, цепляясь то, что могло показаться подозрительным. В это мгновение я поняла, что все страшилки о Генаре, настоятеле Лит-ди-Лиара, поведенные рыжей служительницей из Корниэлля, не так уж сильно преувеличены.

Страха перед ним не появилось, но я бессознательно подалась назад, за спины паломников, когда мейстер направился к нам, всё так же лучась добром и светом. Мне было что скрывать.

— Да осветит Лиар ваш путь, мои братья-в-Свете! — торжественно провозгласил Генар, осеняя всех собравшихся широким кругом. — Приветствую вас в оплоте истинного Лиара, и да пребудет с нами Свет его! Вы прошли первое испытание, и оно показало, что вы достойны ступить на эту священную землю. Я настоятель этого монастыря, мейстер Генар, и я счастлив видеть вас всех здесь!

Пока он говорил, я, как загипнотизированная, смотрела на его губы. Они беспрестанно шевелились и, казалось, существовали отдельно от лица. Будто кто-то наложил трафарет и

щедро мазнул красной краской.

Глубокая тишина привлекла внимание, и я поняла, что все взгляды направлены на нас. Настоятель пристально разглядывал северянина и меня. Он по-прежнему улыбался, но глубокие складки, залегшие по краям рта, выдавали напряжение.

— Нечасто к нам заглядывают гости, — вкрадчиво заметил он, чуть склонив голову набок. — Что привело вас в Лит-ди-Лиар?

Вот он, момент истины. Волнение разыграло во много раз сильнее прежнего, и я поняла, что всё пережитое до этого было лишь репетицией перед главным действием.

— Мой брат болен, — сухо сказал наёмник. Он принял вид человека, неуютно и стеснённо чувствующего себя в чуждой обстановке. — И мы пришли сюда просить вас... Лиара о помощи. Нам сказали, что именно в этом монастыре могут излечить болезнь.

В светлых глазах настоятеля вспыхнул интерес, и он указал на меня.

— Это, значит, твой брат? Занятно, весьма занятно... Что же это за болезнь такая?

Не успела я опомниться, как его короткие пальцы пробежали по моему лицу и ловко сдёрнули маску. Я запоздало вздрогнула и спиной почувяла, как напрягся Коннар.

— О, Лиар всемилостивейший! — выдохнул настоятель, поворачивая моё лицо то так, то эдак. — Что же это такое? Твой брат, бедняга, был красивым мальчиком?

— Должен был стать таковым, — немного помолчав, ответил наёмник. — Эта напасть случилась с ним в детстве. Думаю, что, если бы не она, красивее него никого бы на свете не было.

Мои щёки слегка потеплели от этих слов. Я поразились: раньше невольные комплименты со стороны северянина воспринимались гораздо отстранёнее.

Настоятель покачал головой.

— Я думаю...

— Мейстер Генар!

Я в ярости скрипнула зубами. Хэллев Шомас, не мог промолчать!

— Зачем вы так рискуете, мейстер? — озабоченно воскликнул паломник, неприязненно поглядывая на меня. — Ведь вы, не приведи Лиар, заразитесь!

— Я уже говорил тебе, что эта дрянь не заразна! — рявкнул Коннар, и Шомас исподлобья покосился на него с неприкрытой враждебностью.

Паломники вокруг зашептались. Генар властно поднял руку, и все стихли.

— Как тебя зовут, брат-в-Свете? — вкрадчиво спросил он. Его голос звучал совсем тихо, но казалось, что он громыкает, заглушая все сторонние звуки. До меня донеслось, как судорожно сглотнул лысый паломник.

— Шомас, мейстер Генар, — пролепетал он.

— Брат-в-Свете Шомас, вы верите в Лиара?

Паломник уставился на него, похоже, не понимая, что настоятель имеет в виду. На щеке часто-часто задергалась жилка.

— Похоже, ваша вера недостаточно сильна, брат-в-Свете Шомас, — укоризненно продолжил Генар, не дождавшись ответа. — Позвольте напомнить вам третью заповедь из Светоча Мудрости(187) Лиара: "И да воссияет Свет мой над вами подобно крыльям орла, и да защитит он каждого, кто носит в своём сердце частицу Его". Лиар хранит меня, вернейшего служителя своего. Что мне какая-то болезнь, если меня омывает Свет!

На дне глаз мейстера Генара вспыхнул огонь, придав им сходство со свечами Айды(188). Черты лица разгладились и застыли, как посмертная маска, а руки взметнулись к

небу, будто настоятель стремился дотянуться до солнца.

Я смотрела на него, боясь пошевелиться. Похоже, рыжая служительница оказалась права. В голове мастера Генара явно не хватало заплаток.

Но восхваление Лиара на этом не закончилось.

— Не иначе, как сам Лиар направил вас сюда! — экзальтированно воскликнул настоятель. — Разумеется, лекари не справились с этой болезнью. Что они могут с их травками и припарками? Это всё вздор! Все болезни происходят от недостатка Света в человеке! Этот юноша, — он стиснул моё плечо, заставив меня скрипнуть зубами от боли, — вот пример того, что даже выходец из тёмных северных земель может обратиться к истинному Свету. И я, разумеется, сделаю всё, чтобы вылечить этого бедолагу!

Воцарилось молчание. Паломники благоговейно взирали на настоятеля. Джолан даже приоткрыл рот, а Шомас моргал, утирая слезы и униженно бормоча восхваления Свету. От такого слепого раболепия мне стало противно, и я отвела взгляд. Мастер Генар глубоко вздохнул и, полуприкрыв глаза, торжественно заговорил:

— Возрадуйтесь, мои братья-в-Свете, ибо мы можем явиться живыми свидетелями чуда Лиарова! И да пусть Свет Его распространится по самым потаённым уголкам четырёх земель, и да уверуют неверующие!

Паломники испустили дружный возглас восхищения, а я спохватилась, поняв, что киваю в такт словам настоятеля. Тот, в свою очередь, произнося эту речь, то и дело поглядывал на Коннара. Тут же стало понятно, что мастер собирается пополнить свою паству не только мной.

Покончив с торжественными речами и, похоже, удовлетворившись произведенным эффектом, настоятель объявил будничным голосом:

— Вы пробудете здесь три дня, братья, и я уверен, что это время и это место запомнятся вам на всю жизнь, ибо нет во всём мире занятия восхитительнее, чем, отдавая самое себя, славить лучезарный Свет Лиара.

И снова единодушные выдох согласия. Мастер ласково потрепал меня по голове. Я внутренне сжалась, заставляя себя сохранять спокойствие.

— Если мы выкажем должное усердие и соблюдем все подобающие ритуалы, то Лиар, несомненно, снизойдет на помощь этому несчастному юноше. Ну, а теперь, братья, передохните с дороги. Я буду ожидать в трапезной. Служители Лит-ди-Лиара сопровождают вас по кельям!

Осенив всех на прощание кругом, мастер ушёл, взметнув полами белый песок. К нам подошли худощавые мужчины в чёрных хитолях. У каждого из них на шее посверкивала авантюриновая капля, подвешенная на серебряной цепочке. Не проронив ни слова, служители монастыря жестами приказали двигаться за ними.

— Знаешь, что, братец, — прошипел Коннар, когда мы тронулись вслед за паломниками. — Ищи то, за чем пришел, и давай убираться отсюда. Я нутром чую, что тут не самое приятное место на этом свете, и буду гораздо спокойнее, когда мы выйдем за ворота!

Сиреневый дым, поднимавшийся от каменных чаш, разбивался об потолок из белого кварца. Просторный зал наполнял мерное гудение почти полусотни голосов. Сладковатый аромат курящихся листьев ливвы обволакивал лёгкие и заползал в голову, заставляя её тяжелесть и падать на грудь.

Я сидела на коленях, привалившись к стене и отчаянно борясь со сном. Ночь, проведённая в лагере паломников, выдалась не из спокойных. Мной овладела навязчивая идея, что я могу невзначай закричать во сне и отправить все наши труды к Хэллю. Это заставляло меня постоянно просыпаться в холодном поту и тревожно озираться по сторонам.

Мои страхи оказались напрасными. Даже если я и вскрикивала, это никого не разбудило.

Гул утих, сменившись мерным речитативом. Служители монастыря и уже знакомые паломники смешались, образовав людское озеро, чёрное от хитолей. Они тоже сидели на коленях, мерно раскачиваясь и повторяя то ли молитву, то ли хвалебную песнь, слова которой терялись, растворяясь в общем потоке. Мне тоже выдали хитоль, а Коннара заставили разоружиться и сдать меч. Мол, негоже в священном месте бряцать клинками, которые могут быть обагрены кровью. Помыслить о том, чтобы переодеться при всех, было невозможно, и я укрылась в келье. Мейстер Генар рассудил, что нехорошо разлучать любящих братьев, и отвел нам с Коннаром одну келью на двоих. В глубине души я даже испытывала к нему некую благодарность: мысль об одиночестве в стенах монастыря отчего-то вселяла неподдельный ужас.

Сосущее чувство тревоги поселилось внутри в тот самый миг, когда мой драконид перешагнул порог Лит-ди-Лиара. Я пыталась списать это на самовнушение или излишек воображения и сосредоточиться на мыслях о каменной флейте, но тревога не отступала. В белых стенах вдруг начинали проступать кости шахтеров, навечно оставшиеся в Омнии, а меня то и дело преследовало ощущение пристального взгляда, уткнувшегося в спину. Иногда казалось, что краем глаза я уловила мелькнувшую за спиной тень, но, стоило обернуться, как всё пропадало.

Ко всему прочему примешивалось ноющее чувства голода. В монастырской трапезной нас накормили варёным диким рисом с какими-то травами. Это только раздражило аппетит. На вопрос северянина, будет ли мясо, мейстер Генар загадочно улыбнулся и разразился тирадой о том, что невежественным народам нужно время, чтобы осознать важность усмирения духа и плоти во имя Лиара. Коннар промолчал, но я почувствовала, как ему захотелось свернуть настоятелю шею во имя того же Лиара. Не подозревающий об этом мейстер настоял, чтобы "несчастный юноша", как он меня именовал, обязательно посещал все служения, посвящённые Лиару. "Так ты откроешься потоку чистого Света и непременно ускоришь своё выздоровление!" — восторженно пообещал он и препроводил меня на первую церемонию. Наёмника туда не пустили, и, улучив момент, он шепнул, что обследует Лит-ди-Лиар.

Речитатив становился всё тише и тише, пока не умолк совсем. Восмикратно коснувшись лбами песчаного пола, молящиеся начали неторопливо подниматься и шёпотом переговариваться. Я тряхнула головой, отгоняя сонное оцепенение, и тоже встала.

— Юноша Мерран!

Я скрипнула зубами. Подбрав развевающиеся полы хитоли, ко мне спешил мейстер Геран.

— Мне нравится то благоговение, с которым ты внимаешь нашим молитвам, — покровительственно произнёс он. — Единожды встав на тропу к Свету, с неё уже не свернешь. Поверь, я знаю об этом не понаслышке: когда-нибудь я поведаю тебе о том, как хорь, внутри которого Света было не больше, чем у плоских рыб на дне океана, вдруг осознал, что вся его жизнь — это гнилой мешок, наполненный страданиями и болью,

которые он причинял другим. И, поняв это, он ужаснулся и взмолился небесам о спасении. Небеса ответили: рядом оказался эддре из храма Лиара, который и вывел несчастного к Свету.

Глаза мастера подернулись туманной дымкой и устремились сквозь меня. Я заморгала и попыталась принять наиболее одухотворенный вид, хотя в истории о стремительном перевоспитании закоренелых преступников, а, тем более, бывших наёмников-убийц, никогда не верила. Меня вдруг осенило: то, что я поначалу приняла за очередную притчу из Светоча, которые в изобилии сыпались с языка Генара, вполне могло оказаться его собственным жизнеописанием.

Настоятель смотрел на меня, слегка склонив голову набок.

— Я уверен, ты чист и телом, и помыслами, — промолвил он кротким тоном. — Не пропускай ни одного служения Свету и повторяй слова молитвы Лиару, а, самое главное — безоговорочно веряй ему всего себя, и ты лишь ускоришь свое долгожданное чудо! Ты понимаешь меня?

Разумеется, понимаю. Долгожданное чудо — это вторая вежа. Интересно, поможет ли Лиар её добыть?

Мейстер ждал ответа, и я преувеличенно заискивающе закивала. Настоятель расплылся в широкой улыбке и потрепал меня по голове.

— Ты славный мальчуган, — ласково сказал он. — Лиар лишил тебя языка, но, как говорится в Светоче: "Не сетуй на судьбу: там, где один видит прореху, другой увидит узор".

Его ладонь задержалась на моих волосах, и я заставила себя вытерпеть это. Прикосновения мастера были неприятны. Мне стоило больших усилий оставаться на месте, втайне радуясь, что повязка остается на лице, и настоятель не может видеть всю гамму эмоций. К тому же, постоянно терзал подспудный страх, что малейшая гримаса может выдать все мои помыслы, и тогда весь маскарад полетит к Хэллю.

— Мейстер Генар! — окликнул настоятеля кто-то с улицы, и тот отдернул руку.

— Дела не ждут, — пояснил он с неизменной улыбкой. — Ступай, кажется, твой брат уже тебя заждался.

Коннар широкими шагами мерил площадку перед храмом. Его лицо было насуплено и угрюмо. Служители монастыря обходили наёмника по широкой дуге, бросая на него опасливые взгляды.

— Вот и ты, братец, — хмуро поприветствовал меня северянин. — Пойдём, прогуляемся, кое-что расскажу.

Я оглянулась на храм: паломники собрались вокруг мастера, и, по обрывкам фраз, летавшим в воздухе, поняла, что следующее служение проведут перед закатом. Кивнув настоятелю, я пошла следом за "братом", недружелюбно оглядывающимся по сторонам.

Песок поскрипывал под ногами, а от горного воздуха кружилась голова. Северянин довёл меня до монастырской стены, огляделся и, удостоверившись, что за нами не следят, начал свой рассказ:

— Странное это место, Кошка. Пусть меня демоны возьмут, если я понимаю, как тут всё устроено.

Что устроено? Опасаясь лишней раз открыть рот, я вопросительно уставилась на него. Коннар правильно истолковал мой взгляд.

— Помнишь ворота, через которые мы проходили? Не возьму в толк, как они

открываются. С этой стороны нет ни рычагов, ни замков, ни даже признаков того, что ворота есть! Сплошная стена. Как же тогда святоши выходят наружу?

"Может быть, им и не надо покидать Лит-ди-Лиар?" — захотелось спросить мне. Коннар ответил на этот вопрос, сам того не подозревая.

— Здесь есть что-то вроде огорода и загона для коз, но не могут же они совсем отгородиться от внешнего мира!

"Почему нет?" — подумала я. — "Судя по всему, мейстер не горит желанием очутиться извне. Другое дело паломники: как они будут выбираться? Может быть, подразумевается, что они останутся здесь?"

То, что сообщил Коннар, здорово усложняло нашу задачу. Придётся искать пути побега, и что-то подсказывало мне, что это будет нелегко. Тьма невысказанных вопросов обжигала язык. Бросив опасливый взгляд по сторонам, я присела и быстро вывела пальцем на песке:

"Как ты объяснил то, что осматриваешься тут? Тебя не заподозрили?"

Убедившись, что наёмник прочёл, я одним махом стёрла написанное.

— Пытались, — не без самодовольства сообщил Коннар. — Но я сказал правду. Я действительно строил этот монастырь, и мне стало интересно узнать, во что он превратился.

Я занесла руку над золотисто-белой поверхностью площадки. Сердце подпрыгнуло и учащенно заколотилось где-то в горле.

"А колодец? Ты его нашёл?"

Лёгкая песчаная волна, поднятая ладонью, погребла эти слова.

Северянин мотнул головой, и сердце упало.

— Он должен быть внутри одного из этих сооружений, — наёмник широким жестом обвел внутренние постройки монастыря. Я узнала трапезную — прямоугольное здание с треугольной крышей; храм — вытянутое строение с яйцевидным куполом из белого кварца; длинное, как змея, здание, усеянное крохотными круглыми окошками, обращенными к солнцу: там располагались кельи. Предназначение остальных сооружений вроде невысокого полукруглого строения, напоминающего шар, наполовину вкопанный в землю, или угловатого, неустойчивого на вид, здания, осталось загадкой.

Я медленно поднялась, отряхивая песок с колен, и задумчиво уставилась на спутника.

— Насколько я помню, — сказал Коннар, разглядывая увечную ладонь, — этот колодец был где-то там. — Он осёкся и понизил голос: мимо нас, шурша хитолью, прошел служитель монастыря. Он бросил на нас настороженный взгляд, но ничего не сказал.

— Где-то там, — шёпотом повторил северянин, когда невольный свидетель нашего разговора скрылся из виду. Наёмник указал на загадочное полукруглое здание. — Оно появилось, когда меня тут уже не было, но примерное расположение колодца я помню. Если его там не окажется, готов съесть живую крысу.

Я усмехнулась и кивнула, без лишних раздумий выведя на песке:

"Значит, мне придется поверить тебе на слово и совершить этой ночью небольшую прогулку".

Коннар поднял бровь и тихо уточнил:

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Я покачала головой и уничтожила надпись.

— Что ж, — ухмыльнулся наёмник, не поскупившись на сарказм. — Хотя спасибо и на том, что не сбегаете от меня, как ты это любишь делать.

Ночь огромным мотыльком билась в крошечное отверстие, считающееся в Лит-ди-Лиаре окошком кельи. Коннар спал, лёжа на спине и закинув руки за голову, и тонкий лунный луч серебрил его тёмные волосы, разметавшиеся по каменной кладке.

Я лежала без сна, считая мгновения до ухода. Камень холодил кожу сквозь хитоль: все удобства в келье заключались в двух продолговатых углублениях, выдолбленных в полу. В них полагалось спать. Больше в узком помещении, едва вместившем в себя нас обоих, ничего не было, даже опостылевшие изваяния Лиара отсутствовали.

Наверное, бог полагал, что даже самый завалящий матрац — лишняя роскошь для его почитателей.

Снаружи кто-то шаркал по песку: то ли мейстер выставял своих подопечных нести стражу, то ли кому-то тоже не спалось. Вдалеке ухал гнусный тонкий хохот алых шакалов. Вдруг отчётливо представилась картина: длинные лапы, покрытые косматой рыже-чёрной шерстью, возникают на кромке монастырской стены, и на песок бесшумно опускается поджарый зверь с острой вытянутой мордой и стоячими, как развёрнутые паруса, треугольными ушами. Я как-то раз видела алого шакала, правда, мёртвого: в комнате у Микаэля Аметиста стояло чучело, набитое соломой. Агаты, вставленные вместо глаз, тускло поблёскивали в полумраке. Иногда мерещилось, что они со скрипом проворачиваются в глазницах, следя за каждым движением. Честно говоря, я побаивалась оставаться с ним наедине.

Я помассировала виски, отгоняя видение. Стоило пошевелиться, как острые бортики каменного ложа больно впились под рёбра. Коннар вздрогнул во сне, заставив меня замереть. Не хотелось его будить даже ненароком: наёмник вполне мог увязаться следом, невзирая на давешнюю договорённость.

Шарканье снаружи утихло. Мотылёк угомонился. Я принялась аккуратно выбираться из каменной "кровати".

По келье вдруг прошелестел тихий шёпот, словно под потолком скользнула стая сверчков. Стены дрогнули и поплыли в темноте, смазываясь, как рисунок на песке, настигнутый морской волной. Вокруг повисла тёмно-серая муть, прорезаемая багровыми сполохами, как грозовая туча — молниями.

Рука соскользнула, и я упала обратно в каменное углубление, цепляясь за хитоль у горла так, будто она могла защитить.

От чего?

Единственной связью с реальностью оставалась холодная твердь камня. Всё остальное утонуло в непроницаемом тумане, который вёл себя, как живой: напознал, заставляя пятиться; скручивался спиралями и тянул жадные щупальца, словно торопился обследовать каждый уголок кельи.

Что это ещё за очередная хэллевщина?

В ответ на мои мысли по туману пробежала дрожь. Он отпрянул от меня. В грязно-сером полотне появилась прореха, сквозь которую из ниоткуда шагнула высокая тень, обладающая до боли знакомыми очертаниями.

— О хайлэ, малышка, — прозвучал в голове насмешливый голос Сокола.

"Какого Хэлля!" — хотела выкрикнуть я, но не смогла. Что-то больно стянуло губы. Когда я поднесла к ним ладонь, то с ужасом обнаружила, что они плотно сшиты чем-то, на ощупь напоминающим жилы. Я с ненавистью посмотрела на Морриса и отняла руку от лица. На ладони остались тёмные капли крови.

Сокол внимательно наблюдал за мной. На его лице отражалось глубокое удовлетворение. Тьма немного рассеялась, и он предстал таким, каким я видела его в последний раз. Можно было подумать, что он живой, если бы не синеватый оттенок кожи и тёмные провалы, зияющие на месте глаз и сочащиеся чёрной кровью.

— Кажется, теперь ты получила возможность в полной мере почувствовать, что значит по-настоящему быть немой, — заметил он.

"Булладх!" — выкрикнула я, но, увы, только мысленно.

— Должен признать, что из тебя вышел очень достоверный больной мальчишка, — растягивая слова, как смолу, промолвил Сокол. — Я и не догадывался, что в тебе пропадает такая талантливая актриса!

Я вздрогнула, застигнутая врасплох. Откуда он это знает? Следил за мной? Значит, это его взгляд я чувствовала всё это время?

— Знаю, о чём ты думаешь, — сочувственно сказал Моррис, прохаживаясь туда-сюда. — И, так как ты не можешь говорить, ответу на вопрос. Да, мне было весьма любопытно наблюдать за всем этим представлением, которое ты тут устроила. Однако, кроме меня, тут есть и другие зрители.

Спину ошпарило холодом, словно между лопатками вытянули ледяным хлыстом.

— О, я не скажу тебе, кто они, — и опять этот тягучий голос. — Совсем скоро придёт время, когда ты познакомишься с ними сама. Представление обычно заканчивается аплодисментами, и, будь уверена, их ты получишь сполна!

Сокол замер и обратил пустые глазницы поверх моего правого плеча.

— Когда ты мертв, начинаешь видеть вещи немного глубже, если ты понимаешь, о чём я.

Воцарилась тишина. Я смотрела на бывшего возлюбленного во все глаза, гадая, зачем он опять явился ко мне. Тем временем Моррис продолжил:

— По твоим следам обязательно пройдут, Мелиан. Морская волна смывает следы на берегу, но Междумирье тщательно хранит отпечаток любого, кто посмел его потревожить. Есть создания, для которых мир реальный и мир призрачный едины, а грань между ними зыбче, чем плёнка в яйце.

Его голос дрогнул, и в нём прорвалась искренняя ненависть:

— Ты не заметила, крошка, что зачатила в Междумирье? У него есть ещё одно свойство: оно неумолимо затягивает тебя. Я не могу дождаться того момента, когда ты уже не сможешь найти дорогу обратно!

Он вдруг осёкся, снова глядя куда-то поверх меня, помедлил и, повернувшись спиной, растворился в тумане.

Почему-то я была уверена, что, обернувшись, увижу Синеглазого.

Я ошибалась.

Келья пустовала.

Туман давно рассеялся, а я всё лежала без движения, боясь лишней раз пошевелиться. Рука так и застыла у лица. Уверенность, что, стоит мне притронуться к губам, как нащупаю мерзкие жилы, крепла с каждым ударом сердца.

Прощальный подарок от Сокола?

Краем глаза я заметила, как подрагивают веки северянина. Наверняка он проснулся во время визита моего бывшего возлюбленного, вот только что же он видел? Серый туман?

Ледяную пустоту или бесконечное ничто? Выяснить совершенно не хотелось. Туманные намёки Сокола о неведомых зрителях достигли своей цели, вселив отупляющий страх. Теперь казалось, что отовсюду, из самых потаённых уголков кельи тонкими нитями паутины ко мне тянутся липкие жадные взгляды, укрыться от которых нет никакой возможности.

Прекрати, Кошка. Это был всего лишь ночной кошмар. Сокол уже являлся тебе — тогда, в Раныханне, помнишь? И ничего страшного не произошло.

Да, если не считать той мерзкой твари из медальона калифа. Она-то и устроила мне экскурсию в Междумирье.

Мысль сбилась. В ушах зазвучал сиплый голос, когда-то принадлежавший Руанне:

"Тьма Междумирья ползёт за тобой по пятам".

Я судорожно скорчилась, прижимая ладони к ушам. Сквозь шум тока крови продолжал пробиваться настойчивый шепот кшайсы. На сей раз он звучал как шипение волны, набегающей на песок, и можно было разобрать только:

"Берегись... Берегись... Берегись!"

Шипение нарастало, и оставалось только сильнее прижимать руки. Я была готова молиться всем известным богам, лишь бы прекратить это, когда всё перекрыл громкий голос, в котором я не сразу опознала старую Молли-Энн:

— Синие глаза, девочка! Найди их, во что бы то ни стало!

Всё мигом стихло. Оцепенение отпустило, будто с тела сдернули плотную сеть. Я смогла разогнуться и отнять ладони от головы. Повисла тишина, но уже не такая давящая, как прежде. Зловещая тьма превратилась в обыкновенную ночную. Ощущение назойливых взглядов испарилось. Мотылёк как ни в чём не бывало возобновил свои гудящие попытки пробиться внутрь. Я поняла, что времени больше терять нельзя.

Первый день пребывания в монастыре иссякал.

Неполная луна высеребрила белый песок и накинула тончайшую белую вуаль на окружающие здания, отчего всё вокруг стало казаться неестественно-призрачным. Выскользнув за дверь, я немного постояла, прижавшись спиной к стене и внимательно оглядываясь. Всё погрузилось в темноту. Монастырские постройки возвышались над землёй, как стадо диких животных, явившихся на водопой.

Удостоверившись, что меня никто не видит, я направилась к полукруглому сооружению, на которое указал Коннар, стараясь делать как можно более широкие шаги. Хруст песка под ногами казался неправдоподобно громким. Я постоянно ждала, что меня вот-вот кто-нибудь окликнет.

Чёрная хитоль на фоне белых стен — не самая удачная маскировка.

Никто не подал голоса. Я с облегчением прижалась к полукруглой стене. Холодный воздух царапал горло, а виски сдавило больше, чем прежде, но я не обращала внимания на эти мелочи. Оставалось только найти дверь.

Это оказалось нетрудно. Тёмное продолговатое пятно обнаружилось, когда я обогнула строение. Пошарив по отполированному дереву, я наткнулась на небольшой железный крючок и, недолго думая, откинула его. Дверная створка легко поддалась под моим весом, и я провалилась вовнутрь.

В помещении царил такой же полумрак, как и в келье. Полукруглый потолок взмывал ввысь, будто желая дотянуться до неба отверстием в форме семиконечной звезды, прорубленным прямо над головой. В нём мерцали звезды и бесшумно носились ночные

насекомые.

Я быстро обошла не очень просторную комнату. С каждым шагом крепло разочарование: за исключением нескольких статуй Лиара, расставленных вдоль стен и неглубокого каменного бассейна, внутри ничего не было. Бассейн до половины заполняла прозрачная вода, тонкой струйкой журчащая из отверстия в стене.

Ничего. Ни намёка хоть на что-нибудь!

Отчаяние затопило меня. Я прижалась лбом к белой стене, яростно поминая Хэлля, его демонов и страстно желая увидеть, как мейстер Генар медленно тонет в этом бассейне. Бесполезно. Теперь придется начинать поиски с начала, а это значит, что один день из отведённых нам трёх потрачен зря.

Оглянувшись в последний раз, терзаемая безумной надеждой на то, что сейчас произойдет чудо, и колодец драконопоклонников возникнет посреди комнаты, я потянула на себя дверь.

И обмерла, услышав шелест песка снаружи.

Кто-то неспешным шагом пересекал площадку.

186 — **алый шакал** — горный хищник, похожий на волка, но размером с быка. Покрыт тёмно-красной шерстью. Имеет длинные загнутые когти, помогающие взбираться по отвесным плоскостям, и два ряда зубов. Среди мудрецов Алдории бытует мнение, что алые шакалы обладают зачатками разума, так как их лай очень похож на примитивную речь;

187 — **Светоч Мудрости Лиара** — сборник притч и заповедей, приписываемых Лиару. Записаны неизвестными мудрецами через пятьдесят лет после Прихода Дракона. Янтарные плиты, на которых высечены эти притчи, хранятся в Королевской Библиотеке Алдории;

188 — **Айда** — в алдорской космогонии морская богиня, повелительница штормов и бурь. По преданию, появляется в разгар тайфуна верхом на дельфине, держа в руках медный канделябр, на котором горят бледные огни — предвестники крушения.

От этого звука горло словно сдавило железными тисками. Я почувствовала, как давит повязка на груди, а маска показалась душной и не пропускающей воздух. Забыв, как дышать, я приникла к узкой дверной щели, пытаюсь рассмотреть того, кому не спится в такую пору.

Над песком плыл золотой шар магического светильника. В его приглушенном свете угадывался владелец — высокий мужчина с узким лицом. Возраст сложно было определить из-за глубоких теней, залёгших под глазами и около тонкого носа.

Это ещё кто и откуда он взялся, если вход в монастырь перекрыт?

Дойдя до середины площадки, ночной посетитель Лит-ди-Лиара остановился и поставил на песок свою ношу — большой продолговатый ящик, похоже, обтянутый кожей, судя по едва заметному мерцанию. Отряхнув полы одеяния — мне показалось, что это был длинный камзол — он выпрямился и повернулся спиной, в сторону храма.

Представился отличный шанс проскользнуть за дверь и сбежать. Только я не успела им воспользоваться по двум причинам. Первая заключалась в том, что на меня напало давящее оцепенение, не дающее пошевелиться, и я, как заворожённая, смотрела вперёд.

А вторая в лице неясной тёмной фигуры уже спешила к незнакомцу.

— Вы же собирались наведаться к нам позавчера, ольдер(186) Гвендон, — заискивающе проговорил тот, в ком я с удивлением опознала мастера Генара. Куда делся отечески-покровительственный тон, которым он обычно общался с обитателями монастыря? Для полного достижения образа под названием "раболепие" мастеру оставалось только упасть на колени и подползти к ночному визитёру. И что это за обращение такое — "ольдер"? В какой стране его используют?

— Надеюсь, вы понимаете, что я не совсем волен распоряжаться своим временем, — ответил ему голос последнего, в котором едва только не кристаллизовались кусочки льда. Он говорил на алдорском достаточно чисто, но слишком тягучие гласные и раскатистое 'р' выдавало чужеземца. — К тому же, не припомню, чтобы мы когда-нибудь давали вам отчёт о своих действиях. Помните своё место, Генар!

Мейстер униженно раскланялся. Я внимательно наблюдала за ним, гадая, с чего бы ему взбрело в голову так преклоняться перед этим человеком, который, похоже, был ещё и намного моложе?

— Позвольте вас уверить, что это объясняется лишь обыкновенным любопытством, — елевым тоном сказал мейстер. — И, поскольку я очень ценю ваше время и расположение ольдера Улафа, то предлагаю сразу пройти к источнику.

Источнику? Я нервно обернулась к каменному бассейну и почувствовала, как на висках выступили капли пота. О каком источнике идёт речь?

Ответа от Гвендона не последовало. Мейстер наклонился над ящиком, лежавшим на песке, но не успел даже притронуться к кожаной поверхности, как ночной гость резко одёрнул его:

— Не надо! Я сам донесу.

Мейстер вздрогнул и выпрямился.

— Я всего лишь хотел...

— Мне безразлично, что вы там хотели, — холодно перебил его Гвендон. — Ненавижу,

когда посторонние тянут руки к моим вещам. Прочь!

Геран отступил, и гость легко подхватил ящик с песка.

— Не будем мешкать, — сухо сказал он и повернулся к моему укрытию, поднимая перед собой магический светильник.

Перед тем, как юркнуть за дверь, я заметила, с какой ненавистью и яростью мастер Генар смотрел на ночного гостя.

Мне было отведено несколько ударов сердца, чтобы оценить масштабы надвигающейся катастрофы и придумать план отступления. Мысли вертелись в голове осиным роем, а окружающая реальность сузилась до размеров комнаты.

Дождаться мастера и его неприветливого спутника? Как я объясню своё присутствие здесь, учитывая собственную немоту? Опять упражняться в каллиграфии на песке? Спрятаться? Где? Схорониться в песке, как плоская змея? Других вариантов убежища здесь нет.

Или есть?

Я в панике озиралась, чувствуя, что ещё чуть-чуть — и дверь с щелчком распахнется. "Что ты здесь делаешь, мой мальчик?" Правда, я сомневаюсь, что мастер употребит именно эти слова. Скорее, без долгих расспросов прихлопнет меня на месте. Я вспомнила рассказ рыжей храмовницы и содрогнулась. Получить рукоятью плети в висок — достойное завершение всех моих приключений, ничего не скажешь!

Взгляд упал на вереницу статуй Лиара, хороводом расставленных вдоль стен. Мои глаза уже настолько привыкли к темноте, что почти без труда различали детали. Здесь были представлены самые разные события из мифов о боге: вот Лиар заносит копьё, намереваясь поразить двуглавого вепря, болотного духа, уничтожавшего целые города; вот бог простирает руки к пересохшему источнику, беззвучно умоляя его хранителя вновь пустить воду и напитать все пересохшие реки в этом мире; вот Лиар стоит, вскинув на плечо голову демона Маруга, предводителя армии Хэлля. У его ног лежит сломанный напополам меч, а опирается Лиар на щит.

Щит!

Я заметила, что он достаточно широк, чтобы меня укрыть. Не в полный рост, конечно, но если я встану на колени и пригнусь...

У двери послышалась возня.

— Я же лично запираю эту дверь, — прозвучал гневный голос мастера Генара. — Ничего не понимаю!

— Похоже, память — не самое сильное ваше качество, — едко ответил ему Гвендон.

Я выдернула себя из объятий оцепенения и метнулась к статуе Лиара. Одного мгновения хватило, чтобы втиснуться в достаточно узкое пространство между каменным щитом и стеной, сползти вниз и, прижавшись к его внутренней стороне, замереть, скорчившись в позе морского конька и подобрав полы хитоли.

Послышался лёгкий скрип, и под сводами комнаты прошелестели шаги. В зазор между статуей и стеной я видела только кусок стены, на несколько мгновений озарившийся тёплым светом магического светильника, и две тени, проскользнувшие внутрь.

— Почему вы всегда являетесь за водой лично, ольдер Гвендон? — вкрадчиво спросил голос мастера Генара. — Человек в вашем положении может послать вместо себя слуг.

Послышалось шуршание, глухой удар о песок и щёлканье.

— Доверить лурам(187) из obsługi такое ответственное дело? Вы издеваетесь что ли, Генар? Они выльют половину по дороге, а оставшуюся половину попробуют выпить, а вы сами знаете, чем это чревато!

Голос спутника мейстера звучал тихо, но в нём сочился змеиный яд, словно Гвендон разговаривал с законченным дураком. Я передернула плечами. Новая мысль захватила меня. Что же особенного в этой воде, если пить её чревато? Похоже, что этот Гвендон — важная персона в какой-то стране, и...

В голове словно блеснула зарница. От внезапного озарения я чуть не выпала из-за статуи. Если ночной гость прибыл издалека, то как он попал в закрытый монастырь? Тут есть тайный ход или ворота всё же открываются изнутри?

Мейстер Генар принялся рассыпаться в уверениях, что и в мыслях не держал оскорбить столь высокого гостя, когда Гвендон перебил его:

— Заканчивайте этот бездарный спектакль, Генар. Я прекрасно знаю, что вы меня ненавидите и вынуждены терпеть только из уважения к ольдеру Улафу. Мои чувства к вам не сильно отличаются от ваших, поэтому прикусите язык и просто по стойте рядом, пока я не разрешу открыть рот!

Готова побиться об заклад, что выслушать это для мейстера было равносильно пощёчине.

Что-то звякнуло, хлопнуло, и приглушенное журчание возвестило о том, что вода полилась в какую-то ёмкость. Я почувствовала, как ноги начали затекать, и попыталась немного сменить положение. Звук трущейся о каменную поверхность щита хитоли показался оглушительным, и я испуганно замерла. Сердце грохотало и заставляло всерьез опасаться, что этот звук долетит до моих невольных соседей. Ведь, если рассудить, комната совсем небольшая, и одному из них не составит труда заглянуть за статую, услышав подозрительные звуки.

— Кстати говоря, Генар, — с оттенком пренебрежения сказал Гвендон, и я вздрогнула от неожиданности. — Никому ваши фокусы с водой не кажутся подозрительными? Неужели за столько лет не возникло вопросов?

О чём это он? Я принялась жадно вслушиваться, но никаких разъяснений не последовало. Послышалось тяжёлое хриплое дыхание: я не сомневалась, что мейстер смотрит на своего гостя, яростно раздувая ноздри.

— Не понимаю, о чём вы говорите! — высокомерно заявил он. — Я оказываю этим бедолагам великую честь, приобщая их к Свету Лиара, но не каждому удастся пройти это испытание.

— Ну-ну, — усмехнулся Гвендон. — В таком случае, я тот ещё благодетель.

— Вы богохульник! — вдруг вскричал мейстер Генар, явно потеряв терпение. — И Лиар покарает вас за то кощунство, что вы творите с его священной водой!

— Буду ждать, — насмешливо перебил его Гвендон. — Кончайте со своей патетикой, Генар! Я не верю в богов, а их власть распространяется только на их поклонников, верно?

Ответа не последовало. Дыхание участилось. В нём появились присвисты. Вновь послышался хлопок, щёлканье и скрип поднимаемой тяжести.

— Похоже, на этом сегодня мы с вами и расстанемся, — сказал ночной визитёр. — Велите подготовить свежую драконицу. Предыдущая едва дышит и вряд ли осилит обратный перелет.

Услышав эти слова, я дёрнулась так, что едва не вывалилась на песок. Драконицу? Так

вот, как сюда попал этот Гвендон! Но на картах, что показывал нам Донован, не указывалось, что здесь есть стоянка дракониц! Впрочем, плевать. Если это так, то нам нужно отыскать её, и вопрос, как выбраться отсюда, решится сам собой!

Я поймала себя на том, что непроизвольно сжимаю и разжимаю пальцы. Ладони горели от нахлынувшего возбуждения. Онемевшие от неподвижности ноги уже не доставляли такого неудобства.

— Как прикажете, ольдер Гвендон, — угрюмо пробормотал Генар, окончательно отбросив всё показное раболепие.

Магический светильник вновь проплыл мимо, и мейстер со спутником молча покинули помещение. Дверь тихо закрылась, щёлкнув замком. Я осталась наедине со своими мыслями, разбавляемыми лишь тихим журчанием воды.

Сначала я не совсем поняла, что произошло. В голове билась старая морская присказка: "закинул невод за мелкой рыбёшкой, вытащил мешок с золотом". Я убедилась, что побег отсюда более чем возможен! Стоянка дракониц наверняка спрятана где-то в недрах монастыря, и, если мы найдем колодец, то выйти на неё станет и вовсе плёвым делом!

Шаги мейстера и ночного посетителя смолкли вдали. Чуть повременив, я принялась медленно разгибать ватные ноги, едва дыша от нахлынувшего возбуждения. Внезапно меня будто ледяным потоком окатило.

Драконница может унести нас отсюда, вот только куда? Они повинуются транспортным амулетам, четко указывающим на конечную точку маршрута. Что, если здесь существуют только амулеты, настроенные на страну, откуда прибыл этот Гвендон? Я обмерла на месте, но мысль беспощадно работала дальше.

Только сейчас я поняла, что это был за щелчок с обратной стороны двери.

Похоже, придётся провести остаток ночи здесь.

Когда первый шок от осознания случившегося прошёл, я сделала несколько глубоких вдохов и, прикрыв глаза, попыталась сосредоточиться на главном. Прояви я хоть каплю расторопности, давно бы спокойно дремала в своей келье. Вот что бывает, когда медлишь, пропуская лишний удар сердца.

Я с отвращением содрала с себя опостылевшую маску и подставила лицо прохладному ночному воздуху, наполнявшему комнату. Показалось, что вода в бассейне зажурчала громче, словно соблазняя если не умыться, то хотя бы окунуться. Искушение было велико, и я едва не кинулась к каменной чаше. Всё тело загудело и заныло, яростно зудя под застарелым слоем пота, смешанным с грязью. Во что превратились волосы, думать не хотелось.

За всё время, что минуло с момента ухода из Омнии, мне удалось сполоснуться только один раз и то наспех. О том, чтобы принять предложение мейстера воспользоваться монастырской купальней наравне с остальными паломниками, речи, разумеется, вообще быть не могло. Тогда северянин наплёл что-то про обет немого брата не мыться до исцеления. Это прозвучало достаточно убедительно, но в глазах стоящего рядом Шомаса мелькнул огонёк брезгливости. "Грязные отсталые северяне", — ругаюсь, в тот момент он так и подумал.

На подавление этого порыва ушло по-настоящему хэллево усилие. Из разговора мейстера Генара и Гвендона я сделала вывод, что с водой из этого бассейна явно что-то нечисто. Что именно, проверять на собственной шкуре не хотелось. Стараясь отвлечься, я принялась яростно растирать ноги. Онемение отхлынуло, оставив на память мириады

крошечных невидимых жучков, бегающих под кожей. Я не обращала на них внимания; гораздо больше меня заботило наступление утра.

Интересно, есть ли у местных старожилов традиция делать обход монастырских построек после восхода солнца? Если да, то стоит придумать убедительную отговорку, объясняющую моё появление тут с учётом того, что вслух её высказать нельзя. Или северянин всё же вспомнит о моём намерении навестить сюда и освободит с утра пораньше?

Плавное течение мыслей дрогнуло и сбилось, превратившись в сумбур. Спина покрылась колючими мурашками. Я непроизвольно сжалась. Позвоночник пронзило знакомое ощущение следящего взгляда, очень сильное, словно каждый камень в стене неожиданно прозрел и открыл глаз, обращённый в мою сторону.

"Опять ты, Сокол?" — хотела выкрикнуть я, но голос не шёл. Горло сжалось, выдавив сдавленное шипение. Ледяные щупальца обуявшего тело страха впились глубоко под рёбра. Я прижалась боком к стене, надеясь, что всё закончится быстро. Хотелось крепко-крепко зажмуриться, но под веки словно воткнули распорки.

Над головой прокатился шумный вздох. Откуда-то пришла твёрдая уверенность — я здесь уже не одна. Кто-то появился там, за массивом щита, закрывающим обзор. Этот кто-то бродил по пустому помещению и, едва уловимо дыша, вынюхивал меня. Песок жалобно поскрипывал под тяжестью шагов, то приближающихся к "моей" статуе, то удаляющихся прочь. Я сама уподобилась камню, невидящим взглядом уставившись в светлую поверхность своего укрытия, боясь выглянуть за него.

Боясь того, что могу там увидеть.

Шлёп-шлёп-шлёп.

Я мысленно перенеслась в глубокое детство. Иногда, проснувшись посреди долгой коннемарской ночи, я лежала, уставившись в тёмную стену и слушая, как невдалеке море бьётся об острые скалы. Порой в этом шуме слышалось протяжное низкое гудение. "Это охотничий рог Эниоха", — говорила мать поутру.

Шлёп-шлёп-шлёп.

То ближе, то дальше.

Может быть, я схожу с ума? Это объяснило бы все кошмарные видения во сне и наяву. Может быть, и нет никакого Призрака, а мне уготована прямая дорога в приют при храме Лиркии(188)? Усталость навалилась на плечи, вынуждая, соблазняя, уговаривая лечь и немного передохнуть.

Со стороны бассейна донёсся громкий всплеск.

Это оказалось последней каплей, пробившей брешь в одурманенном состоянии. Веки сами накрыли зудящие от недостатка влаги глаза, и я изо всех сил вжалась в стену. Понимание того, что камень нагревается от соприкосновения с телом уж слишком быстро, пришло не сразу. Сначала тепло было незаметным, как от нагретого солнцем валуна. Но жар быстро нарастал, пока не опалил бок и плечо, заставив резко отпрянуть.

Усталость мгновенно испарилась утренней росой на ярком солнце, а я недоумённо уставилась на стену. На вид камень, как камень, а вот на ощупь... Я отдёрнула руку, коснувшись раскалённой, как жаровня, поверхности. Стена уже не была твёрдой. Она пружинила под пальцами, смахивая на густое желе. Спустя несколько ударов сердца на том месте, где я дотрагивалась до неё, образовалось крохотное отверстие, затянутое тенью. Оно росло и ширилось на глазах, пока не превратилось в прямоугольный проём, протянувшийся почти до потолка. Оттуда пахло плесенью и чем-то сладковато-гнилым, невыносимо

отвратительным, но страшно знакомым. Забыв о невидимом "соседе" и затёкших ногах, я медленно поднялась и постояла немного, не решаясь шагнуть во тьму. Что-то настойчиво нашептывало: иди туда, не мешкай, там то, что ты ищешь! От колодца тебя отделяет несколько шагов, так какого Хэлля медлишь?

Темнота не пугала, пусть и почти абсолютная. Перед лицом клубилось непроницаемое нечто, поглощающее рассеянный серый свет, царящий в помещении. Я опасалась куда более приземленной вещи: кто знает, что ждёт там? А ну, как прямо за порогом твёрдая земля обрывается в пропасть, из которой не выбраться, а колодец поблёскивает где-то на дне? Тогда уж никакая каменная флейта не выручит.

Словно в ответ на мои страхи, темнота стала рассеиваться. В глубине проёма один за другим вспыхивали, лениво разгораясь, магические светильники. Светло-жёлтые пятна росли, вырисовывая крохотную глухую комнату, удивительно напоминавшую склеп, но без черепов и костей в стенах(189). Роль гроба исполнял колодец.

Я почувствовала, как сладко ухнуло сердце, и схватилась за стену, чтобы не упасть. Это правда. Моя интуиция не подвела. Коннар не обманул. Он и впрямь тут, только руку протяни. Недолго думая, я зашла внутрь склепа и медленно обошла колодец. Он оказался куда меньше, чем рисовалось в ожиданиях: крышка едва доставала до пояса, а для обхвата вполне могло хватить наших с северянином рук. Стены, сложенные из крупных камней, покрытых тёмным налетом времени, резко выделялись на фоне светлой комнаты. Отвратительный запах никуда не делся. Казалось, что он сочится из всех щелей каменного кольца, оседаая зелёными пятнами плесени.

Что-то шевельнулось в глубинах памяти. Я была абсолютно уверена в том, что знаю этот "аромат". Он настойчиво стучался в виски, требуя опознать его, но, сколько бы я ни напрягала память, ничего не выходило. В конце концов, я отбросила попытки вспомнить и сосредоточилась на крышке колодца.

Она состояла из крепких досок толщиной в две ладони, плотно подогнанных друг к другу. Почему-то мысль о том, что придётся дотронуться до неё, вызвала дрожь омерзения, но выбирать не приходилось. Стараясь дышать через раз, я положила ладони на прохладную деревянную поверхность, упёрлась носками в пол и толкнула изо всех сил.

Ничего не произошло. Крышка даже не шелохнулась. Я повторила попытку, потом ещё и ещё, с каждым разом набрасываясь на колодец с нарастающей яростью. Бесполезно. Проклятая деревянная заглушка будто впитывала в себя все усилия, оставаясь на прежнем месте.

— Хэллер тебя побери! — прошипела я, со злостью пнув колодезную стенку. Голос разодрал горло сильным карканьем, парадоксальным образом доставив неопишуемое удовольствие. Раньше я и подумать не могла, какое это счастье — просто говорить!

Выдержав ещё несколько безрезультатных схваток, я устало привалилась к стене. Может быть, крышка скрывает какую-то хитрость? Потратив пару ударов сердца на обдумывание этой идеи, я с тяжелым сердцем её откинула: чутьё подсказывало, что мне попросту не хватило сил. Опять придётся прибегнуть к помощи наёмника.

Раздосадованная, я покинула склеп и подобрала беспомощно валяющуюся на песке маску. Глоток свежего, не отравленного удушливой вонью воздуха, подбодрил, подарив силы добрести до противоположной стены и опуститься на песок. Заматывая лицо, я исподлобья наблюдала, как гаснут магические светильники и тьма капля за каплей заполняет затягивающийся в стене проём. Когда стена приняла свой прежний вид, веки налились

тяжестью, а в голове разбухла, вытеснив все мысли, звенящая пустота. Соппротивление оказалось бесполезным. Я улеглась на песок, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Плотное одеяло сна накрыло меня без остатка, и, покачиваясь на его тёплых волнах, я вдруг поняла, что больше не чувствую чужого присутствия рядом.

То, что недавно бродило около бассейна, ушло.

Приглушённый щелчок извне разбудил меня. Сонно моргая и приготовившись к худшему, я быстро села. Дремотная одурь нехотя отступала, мешая как следует прийти в себя.

Дверь тяжело хлопнула. Дрожащий утренний свет разрежала массивная тень.

— Шар'ракх, Кошка, объясни, как ты умудрилась запереть саму себя? — прогрохотал под сводами голос северянина. Я подняла голову, поморщившись от ноющей боли в затёкшей шее, и улыбнулась под повязкой.

— Не только мне пришла идея прогуляться этой ночью. Долгая история. Лучше скажи: никто не заметил, как ты входил сюда?

Коннар презрительно поморщился:

— Все святоши ещё спят. Я проснулся с первыми лучами солнца, смотрю — тебя нет, ну, и сразу понял, где надо искать. Нашла то, за чем пришла?

Я вздохнула с облегчением. Значит, в нашем распоряжении есть немного времени, чтобы разобраться с колодцем.

— Пойдём, — прохрипела я сиплым после сна голосом, поднимаясь на ноги. — Покажу кое-что.

Не задав ни единого вопроса, Коннар сдержанно кивнул и последовал за мной. Честно говоря, я так толком и не поняла принципа, по которому открылся проход в "склеп" с колодцем. Помянув на всякий случай Гвиленну, я ощупала стену за статуей Лиара кончиками пальцев, а затем прижалась к ней всем телом.

— Кошка, что это за... — недоуменно начал северянин. На его лице появилось недвусмысленное: "Да ты свихнулась, раз тебе мерещится всякая чушь!" Я досадливо шикнула на него, полностью отдавшись нетерпеливому ожиданию. Руки мелко дрожали от волнения.

Как и ночью, стена вначале оставалась неумолимо холодной к моим усилиям. Однако спустя несколько ударов сердца под пальцами разлилось знакомое тепло, быстро перерастающее в солнечный жар, и я поспешно отодвинулась. Через несколько мгновений камни растворились в чёрном зеве проёма, а нас обдало мерзким ароматом. Я плотнее надвинула маску на нос, а наёмник смачно выругался.

— Воняет, как на скотобойне! — с отвращением прошипел он, сплёвывая в песок.

Ну, конечно! Теперь понятно, почему этот "аромат" показался таким знакомым. Именно так пахло на заднем дворе Фергуса, главного коннемарского мясника. Он славился среди хозяек своим умением за несколько мгновений отделять ещё дымящееся мясо от костей и в один присест забивать коров и свиней.

— Ты что, хочешь показать свалку трупов? — саркастически осведомился наёмник. — Меня этим не удивишь, я ещё и не такую дрянь видел!

Я молчала, ожидая, пока разгорятся магические светильники. Из-за неожиданной догадки мысли потекли в очень мрачном направлении, и при воспоминании о колодце я зябко передёргивала плечами.

Потому, что теперь мне мерещилось, что он доверху полон мертвецами. Казалось, что я даже слышу клацанье мёртвых челюстей, зияющих дырками на месте давно выпавших гнилых зубов, а совсем рядом в воздухе витает тонкий, как писк гнуса, звук скрежета мёртвых ногтей по внутренней поверхности крышки...

— Кошка!

Я растерянно заморгала. Наваждение сгинуло. Даже запах как будто разочарованно отхлынул.

Коннар испытующе смотрел на меня, облокотившись на колодец.

— Это и есть то, что ты искала? — после крохотной паузы спросил он, но я почувствовала, что сказать наёмник хотел другое.

Я кивнула и рассказала — правда, не без досады — о неравной борьбе с крышкой. В глазах Коннара вспыхнуло самое ненавистное выражение: превосходство, приправленное презрением. Не проронив ни слова, он наклонился и принялся толкать крышку. Поначалу он делал это без натуги, играючи, словно проверяя свои силы. Когда это не принесло результата, его толчки стали натужнее, а на руках вздулись змеящиеся вены. Глаза Коннара сузились под упрямо сведенными бровями, и из груди размеренно вырывались хриплые выдохи — в такт покачиванию тела.

И колодец сдался.

С тихим шуршанием деревянный круг сдвинулся на пару пальцев. Увидев это, я бросилась на подмогу, встав бок о бок с северянином. Уничтожающе глянув в мою сторону, наёмник прохрипел:

— Мне не нужна помощь слабых женщин!

"Вцепиться бы тебе в лицо за такие слова", — рассеянно подумала я и произнесла так ласково, как позволяло дыхание:

— Шуточки у вас, капитан... иной раз слабой женщине тоже хочется почувствовать сопричастность!

Коннар едва слышно пробормотал что-то насчёт мыслей о такой сопричастности и налёг грудью на крышку. Я последовала его примеру, и вскоре деревянное полотно сдвинулось ещё на пару пальцев. Все дальнейшие усилия оказались тщетными. Сколько бы мы ни старались, проклятая крышка оставалась на месте, как прилипшая. Запах, хлынувший из разверстого отверстия, был намного сильнее, чем раньше. У меня заслезились глаза, а северянин, кажется, вообще старался не дышать.

Я сдалась первой, придирчиво оглядев плоды наших усилий. Чёрный полумесяц, образовавшийся благодаря нам, был достаточно широким, чтобы пропустить меня в недра колодца. При одной мысли о том, что от каменной флейты отделяет всего лишь несколько шагов, я почувствовала, как забурлила кровь, а голова сладко закружилась. Стук в ушах заставил забыть о сильнейшей вони, и я шагнула к колодцу, положив ладони на его края.

— Мне нужна веревка и что-то вроде факела — осветить путь, — услышала я свой голос со стороны. Коннар подошёл ближе, заглянул в чёрную бездну и недоверчиво уточнил:

— Ты что, на самом деле полезешь туда? Одна?

— Одна, — безапелляционно отрезала я. — Уверена, что прекрасно справлюсь и достану ф... то, за чем я сюда явилась!

— И, конечно же, ты так и не откроешь, что это, — подытожил северянин, скрещивая руки на груди и жёстко глядя на меня. Я отрицательно мотнула головой. Коннар отвернулся.

— Я в этом и не сомневался, — сказал он. Сквозь кружева безразличия в его голосе

проскочила искра глубокого разочарования. — Ты остаешься верна себе — полезешь в самую глотку Хэлля, если втемяшишь в голову, что жить без этого не можешь. Твоё безрассудство граничит то ли с безумием, то ли с глупостью, и у меня это уже в кишках сидит!

Каждое его слово безжалостно било в точку. Я не на шутку разозлилась:

— Не думай, что меня знаешь, капитан! Убирайся прочь, если не вмоготу, клятва тебя давно уже не связывает!

Плечи северянина напряглись. Он стремительно развернулся ко мне. Я с вызовом вскинула подбородок, готовясь отразить очередную словесную атаку, но Коннар только издевательски расхохотался.

— А знаешь, Кошка, я никуда не уйду! Не потому, что путь отсюда перекрыт — если захочу, я даже из задницы Пожирателя Волн выберусь — а потому, что мне интересно, как далеко на этот раз такая полоумная ведьма, как ты, зайдёт!

Ярость бешено застучала маленькими молоточками в висках. Коннару раз за разом удавалось виртуозно выводить меня из равновесия парой-тройкой фраз. Я сорвала с лица ткань и со свистом втянула воздух, чтобы высказать северянину, всё что думаю. Слова обожгли гортань, но застряли на самом кончике языка. Последняя фраза наёмника заставила меня мгновенно остыть, напомнив кое о чём несоизмеримо более важном, чем постоянные пикировки.

— Тебе говорили про твой отвратительный характер? — хладнокровно осведомилась я, возвращая маску на место, чем заметно обескуражила Коннара. Он нахмурился и в замешательстве уставился на меня.

— В чём дело, Кошка? По-моему, ты только что хотела мне глотку перерезать! Откуда такое спокойствие?

— Женщины — существа переменчивые, — кокетливо ответила я. — Просто вспомнила, что нашла способ побега отсюда.

Северянин потёр переносицу большим и указательным пальцами и недоверчиво протянул:

— Да ну? Урожайная у тебя выдалась ночь. И что же это за способ?

Когда я рассказала про дракониц, Коннар хмыкнул, давая понять, что ничуть не убежден в их существовании.

— Я обошёл весь этот хэллев монастырь и нашёл только толпы святош в хитолях, коз и песок. Хочешь уехать отсюда на козе?

— А я провела здесь ночь! — всё-таки наемник был неисправим, — и сумела не только найти колодец, но и узнать много полезного! Так что советую засунуть свои насмешки подальше и постараться узнать, где они прячут дракониц!

Я балансировала на грани. С каждой новой ссорой взгляд наёмника становился всё тяжелее и тяжелее, грозя когда-нибудь рухнуть на меня неподъёмной скалой.

— Что ещё желает ваше высочество? — со свистящей вкрадчивостью спросил северянин и вдруг переменялся в лице. Я вопросительно подняла брови, и Коннар тихо произнёс:

— Святоши проснулись. Я слышу, как снаружи кто-то прошёл.

Эти два слова окончательно отрезвили меня. В самом деле, что за глупость — препираться на пустом месте, тратя драгоценные мгновения!

Глаза северянина быстро смягчились, потом посерьезнели, и он коротко уточнил:

— Значит, драконицы?

— Да, — в тон ему прошептала я. — А ещё веревку подлиннее, факел, свечу, да хоть гнилушку, лишь бы я не потерялась в этой вонючей обители Хэлля!

И, помолчав удар сердца, едва слышно добавила:

— Пожалуйста.

Несколько мгновений Коннар молча рассматривал меня, словно прикидывая, смеюсь я или говорю серьёзно. С улицы донесся тягучий вибрирующий звук, и северянин оглянулся на выход.

— Надеюсь, никто и никогда не узнает, что я был на побегушках у полоумной ведьмы, — негромко произнёс он, явно заботясь о том, чтобы я не пропустила ни слова.

— Вернёмся сюда сегодня ночью, — перебила я его ровным голосом. — Надеюсь, она станет последней, проведённой здесь!

Мейстер Генар стоял там же, где мы увидели его впервые — в тени статуи Лиара. Бог с отеческой любовью взирал на собравшихся вокруг паломников. Казалось, ещё чуть-чуть, и он умильно улыбнется, склонив голову чуть набок. Лицо же Генара не выражало ничего подобного. Его черты застыли погребальной каменной маской, оставив живыми лишь глаза. Те непрерывно скользили по толпе, словно стремясь запомнить каждого присутствующего.

Впрочем, не сомневаюсь, что именно к этому мейстер и стремился.

Мы с северянином встали позади — на всякий случай. Я не знала, почему настоятель вдруг решил объявить общий сбор, но чувствовала, что это отнюдь не повседневная традиция. Паломники, перемешанные со служителями монастыря, тоже пребывали в недоумении, переглядываясь и перешёптываясь. Местные обитатели отличались большей сдержанностью, но и они то и дело склонялись друг к другу, почти соприкасаясь капюшонами хитолей. Меня терзали нехорошие предчувствия. Я постоянно оборачивалась, отыскивая и оценивая возможные пути к отступлению. То, что виновницей этого собрания явилась открытая по моей вине ночью дверь, сомневаться почти не приходилось. Рассчитывать на быстрый и незаметный побег было глупо, поэтому я приготовилась к открытому бою.

На скулах Коннара ходили желваки. Он обернулся только раз, стремительно охватил взглядом окрестности и хмуро кивнул мне. Я догадалась, что его терзали похожие раздумья. Небольшим утешением было то, что нам удалось незаметно выскользнуть из строения с колодцем и присоединиться к собранию — так, чтобы попасться на глаза мейстеру. Ни к чему вызывать лишние подозрения и вопросы, рассудила я.

— Возлюбленные мои братья-в-Свете! — провозгласил Генар. Стоящие рядом с ним служители синхронно опустили свои инструменты: изогнутую трубу в виде змеи и металлический диск, в который колотили длинной палкой с блестящим набалдашником. Шум, производимый ими, и заставил нас явиться. — Не ради праздного развлечения я собрал вас здесь! Произошло немыслимое, и мне больно лишь от одной мысли о том, что один из нас начал отворачиваться от Света!

Паломники испустили нестройный вздох. Я окаменела. Значит, мейстер всё-таки догадался?

Коннар покосился на меня и процедил:

— Не переживай так, брат, а то эти святоши решат, что с тобой тоже нечисто.

— Как вы можете так говорить, господин Коннар! — возмутился кто-то рядом, и я узнала Джолана. — Ваш брат ещё даже не обращен к Свету, но я и подумать не смею, что

этот немой бедняга отвернётся от того, в чём он видит своё спасение от ужасной болезни...

Коннар презрительно хмыкнул, но я заметила жалость в его глазах, когда он посмотрел на Джолана.

— Подведите сюда преступника! — скомандовал мейстер. К нему вытолкнули невысокого худощавого мужчину в хитоли, которая была ему явно велика. Он переводил испуганный взгляд с мейстера на толпу и беззвучно шевелил губами. Я узнала в нём одного из паломников, имя которого бесследно стерлось из памяти, и удивилась: до этого он производил впечатление глубоко верующего человека.

Ропот недоумения скользнул невидимой змеей по толпе. Паломники узнали недавнего товарища и недоумевали, в чём его обвиняют.

Мейстер не сразу начал говорить. Сначала он выдержал паузу, с видом невыносимо оскорблённого человека подняв голову, и лишь потом молвил:

— Сей презренный посмел усомниться во Владыке нашем, Лиаре! — он толкнул паломника в грудь. Тот пошатнулся и открыл рот, умоляюще глядя на Генара. — Перед сегодняшним утренним бдением(190) он подошел ко мне и задал вопрос... о чем ты спросил меня, недостойный?

Мужчина глядел на мейстера, и глаза его расширились настолько, что едва держались в черепе.

— Я всего лишь хотел узнать, — еле слышно выдавил он. По сильному заиканию и дрожи в голосе стало понятно, что паломник еле удерживает рассудок от страха. — Я только хотел узнать, почему так похожи легенда о Семи столпах Лиара и сказание о Ишимари Куджо(191)!

Рот мейстера презрительно искривился. Генар жестом велел паломнику замолчать.

— Вы слышали, братья-в-Свете? — звенящим голосом спросил он. — Сей человек, что и человеком-то недостоин зваться, сей червь, что извивается в пыли у ног Лиара, отважился предположить, что Светоч может иметь что-то общее с глупыми сказками грязных узкоглазых варваров!

В глазах мейстера зажглась искра сумасшествия. Я почувствовала себя очень неудобно. Услышать о крутом нраве настоятеля — одно, а увидеть его воочию во всей красе — совершенно иное. Собственно, и причина-то гнева мейстера пустяковая.

Собравшиеся откликнулись на слова Генара гневным гулом согласия, который меня покоробил. Я с тоской оглядела толпу: сурово насупленные брови, поджатые губы, ни малейшего признака смягчения в глазах. Кто-то выкрикнул: "Изгнать этого червя!" — и я узнала голос Шомаса.

Попадались и те, кто стояли, растерянно взирая на соседей, но таковых было меньшинство. Встретив почти единодушную поддержку, Генар благолепно улыбнулся и похлопал съёжившегося под огнём всеобщего гнева бедолагу.

— Лиар мудр и добродушен, и раскаяться никогда не поздно. Сожалеешь ли ты о хуле своей на Свет, недостойный?

Паломник растерянно посмотрел на своего мучителя.

— Но я ведь ничего такого...

— Спрошу ещё раз! — проревел Генар. — Понимаешь ли ты всю глубину своей вины и готов ли держать ответ перед лицом Лиара?

В наступившей тишине послышалось козье блеяние, раздавшееся где-то вдалеке. Я насторожилась: последняя фраза мейстера меня смутила. Паломник судорожно сглотнул.

Этот звук получился довольно громким.

— Готов, — выдавил он.

Улыбка Генара стала ещё шире.

— Лиар всемилостив и справедлив, — промурлыкал он, поглаживая беднягу большим пальцем по щеке. — Уверен, он не станет держать на тебя зла и отпустит эту нечаянную ересь!

На лице несчастного задрожала испуганная улыбка. Он обессиленно склонился перед мастером, униженно бормоча слова извинения. Генар с видом глубочайшего смирения закивал в такт произносимым речам. Рукава хитоли упали на голову паломника, почти скрыв от зрителей его лицо, когда мастер вдруг сделал резкое движение, будто стряхивая что-то с руки, и быстро отпрянул.

Воздух стал горьким и душным.

Тело бедолаги зашаталось. Белый песок обагрился струей крови, хлынувшей из распоротого горла. Из-под нижней челюсти паломника торчала длинная рукоять ножа.

Глухой стук возвестил о падении того, что мгновение назад было человеком.

В глазах потемнело. Я согнулась над землёй, зажимая руками рот и отчаянно давясь воздухом. Голову плотно обвило кольцо мутной пелены, расчерченной иглами страха. В горле яростно бился тугой комок, и мне пришлось стянуть с лица повязку, чтобы унять паническую тошноту.

Я повидала многое, но сейчас все произошло слишком внезапно, чтобы можно было сохранить невозмутимое спокойствие. Если раньше мастер казался святошей, одержимым религиозной придурью, то теперь я почувствовала себя надёжно запертой в клетке, где рыщет сумасшедший фанатик.

— Шар'ракх! — донесся далекий голос Коннара. — Ничего себе порядочки! Братец, ты ещё не передумал сюда вступать? Они же тут людей режут, как поросят!

Закаленных в боях северянин говорил с убийственным спокойствием. Это слегка разрядило обстановку, дав толчок настороженным перешёптываниям вокруг. Его слова привели меня в чувство, пусть и покоробив цинизмом. Я разогнулась, прикрывая лицо. Наёмник поймал рассерженный взгляд и сардонически изогнул губу, мол, сама сюда сунулась, теперь получай сполна. Гул толпы становился всё громче. Генар, сохраняя прежний благолепный оскал, воздел обе руки к небу.

— Да восславится Лиар! — воскликнул он. — Да узрит он наши старания во благо и во имя его!

Ветер трепал белоснежную хитоль, на которой подсыхали кровавые цветы.

— Слава Лиару! — вдруг завопил кто-то из толпы, и нестройный хор голосов подхватил этот крик. Он моментально перерос в знакомый речитатив, и люди принялись раскачиваться взад-вперёд, аккомпанируя себе хлопками.

Мы переглянулись и отошли от беснующихся поклонников Лиара. Краем глаза я заметила, как помощники мастера, оставив музыкальные инструменты, оттаскивают тело паломника прочь. Их невозмутимость и деловитость свидетельствовали о том, что подобные занятия им далеко не в новинку. В этот момент я подумала: может, бросить всё и убежать подальше? Стоило только представить свою комнатку на такой далекой Аэдагге, как нахлынула такая волна радости, что я едва удержалась на ногах. Однако её быстро перебило другое воспоминание — о Камне, сиротливо лежащем в келье, обо всём, через что я прошла в лихорадочном поиске Призрака. Оставить всё это в тот момент, когда пальцы почти

коснулись каменной флейты? Да ни за что!

— Сборище недоумков, — кратко резюмировал Коннар. Я молча кивнула.

— Гляди-ка, — продолжил он. — Похоже, кому-то удалось сохранить остатки разума!

Я пригляделась, и поняла, что он имел в виду.

Сумасшедший религиозный экстаз охватил не всех. Кое-кто с неподдельным ужасом на лице, как и мы, пытался выбраться из эпицентра. Среди них я заметила Джолана. Он с перевёрнутым от страха лицом поглядывал на мастера, и я испугалась, что парнишка вполне может пополнить ряды трупов на сегодня, свалившись с разрывом сердца.

Но молодой паломник оказался крепким. Покачиваясь, как пьяный, он выкарабкался из круговорота тел и направился к нам, бормоча что-то под нос.

— Что, парень, не нравится уже тебе твой Лиар? — насмешливо, но беззлобно спросил Коннар. Джолан вздрогнул и судорожно вздёрнул подбородок. В этот момент он очень походил на вампира благодаря зрачкам, расширившимся почти до краёв радужки.

— Лиар здесь ни при чем, господин Коннар, — еле слышно проговорил он, покусывая прыгающие губы. — Я не понимаю одного. В Светоче сказано: "Не причини смерть живому, вольно иль невольно". Но мастер Генар первый нарушил эту заповедь. Что же это такое получается?

— Получается, что твой святоша спятил, — хмыкнул наёмник, и на впалых щеках Джолана вспыхнул румянец.

— Я не хочу в это верить! — горячо прошептал он. — Уверен, всему есть объяснение! Я поговорю с настоятелем, расскажу про свои сомнения, и он непременно поможет мне советом!

— Поможет советом, — с горькой иронией повторил Коннар, обращаясь уже ко мне: не дожидаясь ответа, Джолан порывисто отошёл. — Ничему этот мальчишка не научился. Думаю, Генар опять сделает так, чтобы советы парню давал сам Лиар.

Я тяжело вздохнула, жалея Джолана. Но жалость жалостью, а о цели нужно думать прежде всего.

— Займись моей просьбой, — прошептала я. — Если не исчезнем отсюда до утра, то можем застрять тут надолго!

Коннар искоса взглянул на меня.

— Это говорит страх?

— Предчувствие.

Северянин объявился только к вечерней трапезе.

— Есть новости, братец, — прошептал он, низко склоняясь над столом. Ближайший к нам служитель монастыря даже не повернул голову, меланхолично отправляя в рот дикий рис.

Глаза у меня загорелись. Что это значит? Наёмник нашел дракониц? Раздобыл веревку и светильник? Или что-то ещё? Забыв про зуд, я едва не вцепилась северянину в руку, чтобы увести из трапезной и расспросить подробнее.

— Спокойно, брат, — усмехнулся Коннар. — Ещё успеешь сделать то, что желаешь. Всё расскажу в келье.

Опомнившись, я чинно сложила руки на столешнице и уставилась в пространство. Время замедлило бег, и мгновения до конца ужина показались бесконечными.

Когда последние крохи исчезли из деревянных плошек, мастер Генар, восседающий во

главе длинного стола, поднялся со своего места и трижды хлопнул в ладоши. Звук получился приглушённым и напомнил треск ломающихся сухих веток, но все перешёптывания тут же стихли.

— Возлюбленные братья-в-Свете мои! — обратился он к собравшимся. — На исходе уже второй день пребывания в Лит-ди-Лиаре наших гостей, а это значит, что пришла пора кусить благословенной Слезы Лиара из священного ключа!

Я насторожилась. Слезой Лиара называют воду, освящённую храмовником. Паломники слаженно поднялись со своих мест и поклонились, сияя улыбками. Мейстер подал знак, и в трапезную внесли небольшой бочонок, на крышке которого высился матово поблескивающий ковш, выкованный из серебра и украшенный авантюринами.

Сердце сжало очень плохое предчувствие.

«Никому ваши фокусы с водой не кажутся подозрительными?»

Слова Гвендона прозвучали в ушах так четко, словно он стоял прямо за спиной. Это что, вода из того самого бассейна? Генар что-то с ней сделал?

Два служителя монастыря, что-то бормоча, приняли из рук настоятеля ковш и стали неторопливо обходить стол с нашей стороны. Около каждого паломника они останавливались и давали пригубить из ковша. Я внимательно следила за причастившимися, но с ними ничего не происходило. Однако сама я решила не испытывать судьбу.

Я покосилась на северянина, развалившегося на лавке с безучастным видом. Надеюсь, он помнит мой рассказ и тоже не захочет рисковать.

Коннар вздрогнул и поймал взгляд.

— Брат?...

— Возлюбленные братья-в-Свете мои! — прогремела над ухом опостылевшая фраза. Я едва не опрокинулась назад. На плечо легла короткопалая рука, вызвавшая ледяной спазм гадливости. Инстинктивно сжавшись, я обернулась на Генара. Тот покровительственно кивнул мне. Краем глаза я заметила, как подобрался наёмник.

— Поднесите сему юноше Слезу, — торжественно попросил Генар и пояснил оторопевшей мне. — Пусть ты пока и не один из нас, но совсем скоро им станешь. Увы, твой брат пока не изъявил желаний удостоиться такой чести...

Ковш поплыл ко мне. Заметив, как шевельнулись руки Коннара, я упреждающе качнула головой. Любая неожиданность с нашей стороны могла испортить всё дело, а уж вывернуться из этой ситуации я и сама смогу.

В глазах северянина промелькнуло: "Надеюсь, ты знаешь, что делаешь", и он расслабился.

Я смело отодвинула повязку, приникла к Слезе Лиара и немного пригубила, не различив совершенно никакого вкуса. Вода как вода, только очень холодная.

Мейстер дождался, пока я сглотну, и торжественно объявил:

— Братья мои! Сегодня нас покинул брат Ридон...

"Покинул? Хэлля тебе в глотку, сам же его спровадил к Лиару!" — яростно подумала я, пытаясь незаметно отодвинуться от Генара. Ридоном, видимо, и звали того несчастного паломника. Рука мейстера сжалась сильнее.

— Посему, братья-в-Свете, я решил проявить истинное великодушие, как учит нас Всемилоостивейший. Я, конечно же, ратую за всецелое соблюдение традиций, но иной раз некоторыми можно и пренебречь.

Я смотрела на него во все глаза, не понимая, к чему он клонит.

— Ежели Лиар сделает свой выбор в пользу сего юноши, — провозгласил Генар, кивая на меня, — то назавтра он совершит омовение в священном ключе и примет Озарение Светом!

Первое, что я сделала, вернувшись в келью — с отвращением выплюнула воду, что всё это время держала во рту.

— А если это обычная вода? — насмешливо спросил Коннар, наблюдая, как по каменному полу расплывается неаккуратная клякса.

— Лучше откупорить бутылку вина заранее, чем обнаружить в ней уксус потом, — нехотя ответила я и нетерпеливо сменила тему. — Давай рассказывай, удалось ли что-нибудь найти? Книголюб.нет

Вместо ответа Коннар подошел к своей "кровати" и продемонстрировал ворох каких-то чёрных тряпок. Вытащив одну, я обнаружила, что это хитоль.

— Думаю, тебя не слишком заботит их чистота, — сказал северянин. — Святоши сваливают эти хламы кучей недалеко от трапезной, а потом волокут на стирку.

"Хламида" источала резкий запах пота, но привередничать я не собиралась.

— Думаю, если связать их вместе, то должно хватить, — задумчиво проговорила я, разгребая завал служительской одежды. Из него со звоном выпал мой кинжал и короткий меч северянина. Всего я насчитала девять хитолей.

Коннар молча кивнул и кинул поверх кучи магический светильник.

— Оружие они прятали на задворках трапезной, а светильник я позаимствовал из храма, — с недоброй улыбкой прокомментировал он. — Не думаю, что его сразу хватятся.

Я взяла в руки прохладный шар и с чувством сказала:

— Спасибо! А драконицы? Тебе удалось их найти?

Северянин скрестил руки на груди и торжествующе взглянул на меня с высоты своего роста.

— Сначала я думал, что все твои рассказы про дракониц — пустая брехня. Мало ли, что могло почудиться или послышаться ночью. Но потом я заметил странную штуку, когда проходил мимо козьего загона.

Пропустив мимо ушей шпильку, я насторожилась:

— Какую?

— Козы то и дело принимаются метаться по загону, втягивая воздух. Загон упирается в скалу. Мне думается, в этой скале что-то есть. То, что волнует коз.

— Может, там драконицы, на которых мы приехали, — резонно возразила я. Коннар фыркнул.

— Их держат в другом месте. А в козий загон один из святош то и дело таскает вяленое мясо. Думаешь, его козы едят?

Я взволнованно забегала по комнатушке, отчаянно скребя руки и лицо. Зуд стал просто невыносимым, словно под кожей протянули тонкую металлическую струну и медленно проворачивали её.

— Все готово для того, чтобы закончить наше дело сегодняшней ночью! — выпалила я. — Иначе завтра они быстро поймут, что к чему, когда потащат меня на омовение.

Наёмник расхохотался.

— Да уж, святоши сильно удивятся, когда обнаружат у моего брата...

— Вот Хэлль! — прошипела я, впиваясь ногтями в кожу. Металлическая струна зуда

обросла шипами и раскалилась добела.

— Шар'ракх! — в унисон выдохнул Коннар, глядя на меня.

Кожа под ногтями лопнула. На ладонь посыпались длинные тёмно-коричневые ошмётки.

Не проронив ни слова, наёмник молча протянул свой меч. В блестящей равнодушной поверхности отразилось моё лицо, покрытое сползающей, как старая оболочка змеи, тёмной чешуёй. В просветах виднелась здоровая розовая кожа.

— Похоже, Лиар всё-таки меня излечил, — с тревожным смешком сказала я. — Но не думаю, что мастер слишком этому обрадуется!

186 — **ольдер** — почтительное обращение к вышестоящему лицу мужского пола, принятое в Нольдхейме — стране, расположенной на северо-востоке первого материка;

187 — **лур** — кретин (нольдхеймск.);

188 — **Лиркия** — в алдорской космогонии богиня-покровительница душевного здоровья. Изображается обнажённой женщиной, одна половина тела у которой красного цвета, а вторая — зелёного. Красный цвет символизирует различные душевные болезни; зелёный — нормальное состояние психики. При храмах богини существуют специальные приюты для душевнобольных, за которыми ухаживают служители культа;

189 — у состоятельных жителей Алдории существует традиция вмуровывать черепа и берцовые кости преданных слуг, упокоившихся от старости, в стены фамильных склепов хозяев;

190 — **утреннее бдение** — обряд в храме Лиара, проводимый строго по утрам, перед восходом солнца. Его суть заключается в том, что все находящиеся в храме служители выстраиваются во дворе, лицом к востоку, и поют восхваляющие бога гимны, благодаря его за Свет и приветствуя начало нового дня;

191 — **Сказание о Семи Столпах Лиара** повествует о битве Лиара с семью демонами Хэлля, которых тот отправил для уничтожения бога. Лиар в одиночку победил их, поочерёдно заключив в семь обсидиановых башен, принудив томиться там вечность. Башни эти были настолько высоки, что почти подпирали небо и были преградой на пути грозных северных ветров. **Ишимари Куджо** — легендарный герой народных преданий княжества Хайянь. Он странствовал по свету, помогая людям; однажды он пришёл в деревню, одолеваемую невидимыми злыми духами, которые вселялись в уши людей, заставляя тех глохнуть. Куджо извлёк духов из ушных раковин крестьян и заточил в семь обсидиановых шкатулок, забросив те на небо. Эти шкатулки упали к ногам Белой девы, и та превратила их в горную гряду на западе княжества, ставшую преградой вторжениям с моря.

Колодец манил, как манит жарким днём кувшин с водой, в которой плавает ледяная крошка. В наше отсутствие склеп никто не посещал, и крышка по-прежнему обнажала зловещую полуулыбку, открывающую вход в бездну. Запах то ли слегка рассеялся, то ли стал привычнее. Когда мы переступили порог, он не сбил с ног, а превратился в неприятную деталь обстановки.

— Ты действительно уверена, что хочешь спуститься? — угрюмо спросил северянин. Он связывал рукава хитолей, то и дело подёргивая их и проверяя на прочность. Я стянула накидку через голову, оставшись в костюме, в котором и прибыла сюда.

— Ждёшь, что скажу "нет"?

— Знаешь, как ловят синего тайпеня(191)? — вопросом на вопрос ответил наёмник. — Обвязывают корову верёвкой и кидают в воду в том месте, где она бурлит от кипящей там рыбы. Через несколько мгновений вытягивают. Обычно этого времени хватает, чтобы на веревке уже болтался голый скелет, облепленный тайпенем. Пока рыба доедает остатки мяса, можно надевать перчатки из игуарона и счищать её ножом.

— Рассчитываешь меня напугать? — хмыкнула я, обвязывая рукава последней в связке хитоли вокруг талии. Коннар прищурился:

— Просто неохота вытаскивать из этой вонючей дыры то, что от тебя останется, если что!

— В таком случае можешь не утруждаться, — хладнокровно парировала я, помолчала и добавила, пристально взглянув северянину в глаза, — если что.

Лицо наёмника окаменело.

— Лезь в колодец, Кошка! — рявкнул он. — Или я тебя сам туда сброшу!

Я одарила его кроткой улыбкой и промурлыкала:

— Вверяю вам свою жизнь, капитан.

Молочно-белого сияния, испускаемого магическим светильником, не доставало, чтобы разогнать плотную тьму, которая плескалась между каменных стен. Удалось разглядеть только куски серо-коричневой каменной кладки и влажный отблеск в глубине, словно по дну протекал ручей. Однако плеска воды я не расслышала. Брошенный вниз камень отозвался глухим шлепком, давая понять, что колодец не такой глубокий, как казалось.

Жалящий, как медуза, страх уже начал запускать липкие щупальца в сердце, стоило лишь подумать о том, что вот-вот останусь наедине с бездной, в глубине которой — неизвестность. Именно в ней мне предстоит найти каменную флейту. Мысль о ней выдёргивала из объятий паники. Взобравшись на каменный бортик, я повернулась к северянину и сказала на прощание:

— Как только я отыщу то, что нужно, подам знак!

Коннар неохотно кивнул и произнёс короткое:

— Удачи.

— Постараюсь, — невпопад пробормотала я и начала спуск.

Подшвы сапог скользили по стенкам, заставляя то и дело останавливаться и

нащупывать опору. От усиливающейся вони воздух сгущался по мере спуска. Я порадовалась, что не стала избавляться от давящей на грудь повязки: она мешала вдохнуть глубже. Маску же с лица пришлось снять и завернуть в неё магический светильник, плотно примотав его к запястью, чтобы освободить руки. Ткань неплохо пропускала свет, но яркий факел пригодился бы куда больше. Стоило остановиться хотя бы на мгновение, как две мысли принимались грызть разум. Вопреки желанию перед глазами упорно вставала картина: один из узлов "верёвки" расплетается, и мечта о Призраке летит вместе со мной в тёмные недра. В такие моменты руки покрывались холодным потом. Я судорожно сжимала ткань, переводила дух и упрямо двигалась дальше.

Вторая мысль тоже не радовала. Полумесяц выхода сиял уже достаточно высоко над головой, а ноги так и не коснулись твёрдого дна. Я тоскливо ждала, что голос северянина вот-вот крикнет: "Верёвка кончилась!", и я повисну в пространстве, не решаясь прыгнуть.

Прошло ещё несколько мгновений. Сердце гулко стучало в тишине. Чудилось, что с каждым новым рывком верёвки светильник становится всё тусклее. Спина вздрогнула от озноба. В густой тьме померещилось движение. Ни единый шорох не нарушил мрачного безмолвия, но теперь я уверилась: здесь я не одна.

Тело охватила стремительная паника. Я дёрнулась в безумном желании выбраться из колодца, послав к Хэллю каменную флейту. Белёсый шар качнулся, грозя сорваться с запястья. Я увидела совсем близко серебристый отблеск, похожий на отражение луны в луже. Через мгновение ноги коснулись дна.

Стоило перенести тяжесть тела на ступни, как раздался протяжный влажный треск, будто начали ломаться мокрые ветки. Пол оказался податливым, словно рыхлый весенний снег. Я моментально провалилась в него по колено. Ноги ощутили неприятное покалывание и острый холод. Ахнув, я вдохнула слишком много отравленного вонью воздуха и забилась в приступе отчаянного кашля.

Стараясь двигаться как можно осторожнее, чтобы не нырнуть по горло, я повела светильником вокруг. Молочно-белое пятно скользнуло по огромной груде костей и черепов, покрытых маслянистой пленкой.

Вот оно! Кладбище почивших здесь драконопоклонников!

Я наклонилась и попыталась разгрести кости в поисках флейты. Те поддавались не очень охотно: мешала густая слизь. Останки бывших хозяев этого места увязали в ней, как муха, угодившая в густое желе. Когда я подняла один из черепов, за ним потянулись обвислые тенета розовой мути.

— Магистр Лейницц ничего не упоминал о том, что драконопоклонники чем-то поливали своих покойников, — пробормотала я, откидывая череп в сторону. Он тяжело откатился в сторону, замер и ощерился на меня безгубой улыбкой.

Бросив на него прощальный взгляд, я принялась за поиски флейты. По локоть погрузив руки в пласты костей, начала разбрасывать их, тщательно ощупывая склизкие бока, холодные головки костей и страшные провалы глазниц. Отвращение сдавливало горло, но ничто не могло заставить меня бросить поиски. Одна из костей показалась мне тяжелее остальных. Замерев, я скользнула пальцами вдоль её боков. Поверхность испещряли бугорки и углубления, которые будто бы складывались в определенный узор.

Неужели нашла?

Закусив губу от напряжения, я рванула находку на себя, чуть не ободрав запястье. Та сопротивлялась, застряв в костяном лабиринте, и пришлось повозиться, извлекая её наружу.

Наконец странная "кость" поддалась и выскользнула в руки со звуком, который издает бутылка лэя, когда вытаскивают пробку. Дрожа от волнения, я принялась торопливо обтирать находку рукавом рубашки. Через несколько мгновений из-под грязи и слизи проступили вполне внятные очертания.

Это было пламя, застывшее в камне. Неизвестный мастер запечатлел своенравные изгибы и буйную пляску языков огня, расступившихся только перед двумя извилистыми прорезями, залегшими на покатых боках. Между ними через одинаковое расстояние друг от друга были вырезаны пять идеально круглых отверстий.

Каменная флейта!

Я забыла, как дышать, благоговейно разглядывая её. Магистр Лейницц, клянусь, если вы ещё живы, пошлю вам бутылку дорогого яндарийского(192) вина, как только найду сокровища Дракона!

Ладонь сама стиснула осклизлые бока флейты. Дело сделано, и больше меня здесь ничего не держит. Пора подавать знак северянину.

Когда я взялась за веревку, уходящую вверх, к кривой усмешке выхода, по шее пробежала ледяная дрожь.

Кто-то появился там, в темноте.

— Синеглазый? — спросила я севшим от напряжения голосом.

Впереди во тьме что-то щёлкнуло, и череп хрустом покатился по костям. Этому звуку вторило потрескивание, многократно усиленное эхом, словно тысячи маленьких лапок кружили вокруг, подбираясь всё ближе и ближе.

— Кто здесь? — пролепетала я, пытаюсь нащупать спасительную веревку. Пальцы стали ватными и безвольно царапали пустоту.

Под аккомпанемент шорохов, щелчков и постукиваний из-под костей начал сочиться красноватый туман. Серебряное свечение фонаря помутнело от нитевидных струй, потянувшихся вверх.

— Зачем тебе архьи-ма?

Беспольный голос возник из ниоткуда, рассыпавшись сотнями болезненных уколов в висках. Я стремительно огляделась, но стена тумана стала слишком плотной, чтобы разглядеть хоть что-нибудь. Магический светильник мигнул, и меня придавило усталое равнодушие. Страшно захотелось лечь на кости, закрыть глаза и забыться вечным сном, послав глубоко к Хэллю все Призраки вместе взятые. Остатков воли хватило только на то, чтобы повторить вопрос:

— Кто здесь?

Шорохи стихли. В непроницаемом коконе тишины медленно тлел костер страха перед тем, что могло разорвать её в следующий момент.

В самой глубине колодца под пластами слежавшихся скелетов и каменных флейт зародилось монотонное мычание. Ветра не было, но туман вздрогнул и начал рассеиваться, обнажая стройные ряды теней, обступивших круг света, в котором находилась я. Теперь можно было разглядеть около двадцати полупрозрачных фигур: высоких и низких, с чёткими очертаниями или размытых, как утренняя дымка над озером. Кожу закололо от уверенности в том, что за границей моего круга уходят во тьму десятки и десятки безмолвных призраков. У некоторых даже просматривались лица, неясные, смазанные, словно песок у кромки моря. Равнодушие уступило место слабому страху, но тот быстро угас: я всегда больше боялась

неизвестности, чем возможной опасности, появившейся прямо перед носом.

— Кто вы? — нетвёрдые губы сами вытолкнули вопрос.

Сонм призраков качнулся, напомнив косяк рыб, увернувшихся от хищника. Их очертания поблели. Напротив выткался ещё один силуэт. В отличие от остальных, в нём больше всего угадывался человек, сутулый, с длинными седыми волосами и глазами-бельмами.

— Зачем тебе архьи-ма? — упрямо повторил голос.

Интуиция подсказала, что он принадлежит призраку передо мной. Слово показалось очень знакомым, но никак не поддавалось вспоминанию. Я развела руками, покачав головой. Белёлая рука коснулась флейты, и голос тихо произнес:

— Архьи-ма.

Я молча смотрела на него.

Впервые мне довелось встретиться пусть и развоплощённым, но всё же настоящим драконопоклонником.

— Храм Дракона, верно? — прошептала я. — Вы из тех, кто поклонялся ему! Но почему вы явились мне? Что вам нужно?

Призрак медленно убрал руку. Со стороны это выглядело так, будто клок тумана растворился в воздухе, рассеянный порывом ветра.

— Мы были здесь всегда, — проговорил он. Я не заметила шевеления в том месте, где должны были находиться губы, но голос настойчиво звучал в голове. — Это место — наш дом. Наша святыня. И наша усыпальница.

Он повернул голову в сторону черепа рядом со мной. Плечи содрогнулись от озноба, пронзившего тело.

— Значит, вот кто наблюдал за мной всё это время, — сил на то, чтобы говорить в полный голос, не хватало, и я продолжила шептать. — Вот чьи взгляды я ощущала!

— Поразительная дерзость, — бесстрастно перебил храмовник. — За сотни лет нога женщины не ступала на землю Храма Дракона, но вот ты здесь. Ты не просто проникла сюда, но нарушила покой Колодца Скорби, потревожила духов наших предков, схватила архьи-ма! С какой целью, девочка? Тебе подобным не место в таких местах, женщины должны пестовать детей и преклоняться пред мужчинами, чтить господина своего и поддерживать огонь в домашнем очаге. Есть места, куда заказан путь беспомощной женщине, и не подобает ей пытаться бросить вызов установленным правилам!

Итак, Кристиан оказался прав и в этот раз. Драконопоклонники не жаловали женщин. В этом они страшно походили на мастера Генара.

"Гляди-ка, — в слабой ярости подумала я. — Это дряхлое привидение ещё и пытается мне указывать! Вылитый Коннар!"

Стиснув флейту, я холодно отрезала:

— Меня привели сюда поиски Призрака, а нравится вам это или нет — не моя забота!

Тишина, обрушившаяся после этих слов, дохнула морозным холодом на руки и лицо. По туману пробежала рябь. Очертания моего собеседника смазались, но через несколько мгновений вновь обрели чёткость.

— Ты ищешь Призрака? — на этот раз голос драконопоклонника звучал неясно. — Хочешь сказать, что услышала его зов?

— Понятия не имею, что вы имеете в виду, — сердито сказала я. — Меня привела сюда

первая вежа, а её я получила... Впрочем, неважно. Никакого зова я не слышала!

После непродолжительного молчания, во время которого привидения то и дело принимались мерцать, голос драконопоклонника прошелестел вновь:

— Что толкает тебя раз за разом подниматься на ноги и отправляться в путешествие за очередной вехой, когда, кажется, поиск уже зашел в тупик?

Я смешалась, но быстро ответила, стараясь придать голосу твёрдость:

— Желание найти сокровища Дракона.

— Значит, ты сама ещё ничего не поняла! — перебил меня собеседник. — Иначе почему, думаешь, мы ни разу не пытались отыскать путь к Призраку, имея на руках все вежи и подсказки, как проложить по ним путь?

Я задумалась. Этот вопрос возникал несколько раз, но каждый раз я отмахивалась от него, как от неважного.

— Призрак сам воззовет к тому, кому суждено его найти! — прогудел голос. Его нельзя было упрекнуть в излишней торжественности, но воображение быстро её дорисовало. — Таково поверье. Будь то старик, ребёнок или...

— Или женщина, — усмехнулась я. Поверхность духа снова содрогнулась от ряби. Он согласился:

— Да. Но об этом мы никогда не задумывались.

Мне стало жаль этого неизвестного человека. Прожить большую часть жизни, цепляясь за неразумные ограничения, а потом столкнуться с их несостоятельностью в послесмертии — не самая завидная доля.

— А какая из себя третья вежа? — торопливо спросила я, решив воспользоваться счастливым случаем и узнать всё из первых рук. — Скажите мне, раз уж нас свел Призрак!

Черты драконопоклонника помутнели и смазались.

— Архи-мья сама подскажет тебе, девочка. Легкие пути часто обрываются в бездну.

"Напыщенный старый сектант!" — разочарованно подумала я. — "С твоих костей давно слезла плоть, а ты продолжаешь изображать из себя великого мудреца".

И с отчаянием попросила:

— Тогда хотя бы скажите, каковы они — сокровища Дракона? Уж это-то вы должны знать наверняка!

— Девочка, — пророкотал голос, и стая призраков колыхнулась. — Сокровища, богатства, всё, что застилает тебе глаза — бесполезная чепуха. Призрак хранит гораздо большее...

— Похоже, что вы и сами этого не знаете, — разочарованно пробормотала я. Лицо драконопоклонника на миг обрело ясные очертания.

— Храм Дракона хранит его наследие, но никогда не стремится узнать то, что намеренно укрыто от любопытных глаз, — кажется, я раззадорила его, и в голосе промелькнула назидательная нотка. — Дракон — это величайшая тайна и великая беда, и наша задача — не дать ему вернуться в этот мир!

— Странный у вас тогда Храм! — невольно вырвалось у меня. — Почему так относитесь к своему кумиру?

Единодушный вздох овеял лицо потоком холодного воздуха. Привидения резко отпрянули, словно боясь случайно притронуться ко мне.

— С приходом Дракона начался этот мир, — прошелестело в ушах. — Но задумывалась ли ты над тем, что его же появление и положило конец миру старому?

Вспомнив тварь с Забытых пустошей, я кивнула, не очень охотно признавая его правоту.

— Всё указывает на то, что Великий Дракон появлялся не единожды, и рано или поздно возникнет вновь, — голос драконопоклонника становился всё тише и тише, а призрачные силуэты таяли, как дым на ветру. — Ищи Призрак, девочка, но не пытайся разгадать то, что должно оставаться в тени тайны. Иные сундуки нужно держать закрытыми.

Последний клочок тумана растворился в темноте. Я сидела, не двигаясь, в оцепенении уставившись на кости. Перед глазами всё плыло, и голова потяжелела после общения с обитателями Междумирья. Звенящая тишина обрушилась на меня, придавив к костям. Я поняла, что если не нарушу её, то сойду с ума.

Схватив череп, я швырнула его об стену. Старая кость раскололась с неприятным треском. Один из осколков отлетел и царапнул по щеке.

— Чтоб тебя Хэлль забрал, старый хрыч! — в ярости закричала я, ударив ладонью по костям. — Зачем явился мне? Зачем вы все мне явились? Что вам вообще от меня нужно, если даже не хотите указать путь?

Новый шум зародился в тишине — точь-в-точь огромная птица захлопала крыльями. Пара судорожных вдохов — и лёгкие затопила вонь, о которой я успела позабыть. Стараясь дышать только ртом, я принялась выкарабкиваться из-под костяных залежей. Ноги затекли. Каждое движение отзывалось щекочущей болью, пронзающей мышцы.

— Поторопись!

Громкий оклик зародился из хлопающего шума. Я замерла на месте и, нервно посмеиваясь, спросила пустоту:

— Неужели вы передумали и решили рассказать о третьей вехе?

Каждое слово показалось увесистым, как булыжник, и очень смешным. Хотелось прислониться к стене и смеяться, смеяться, смеяться до колик.

Невидимая плеть вытянула по щеке обжигающую полосу боли. Истерика тут же улеглась, а окрик повторился:

— Торопись!

Я схватилась за лицо, но искать источник шума не стала. Кто бы это ни кричал, он был прав: я и так потеряла слишком много времени и теперь должна во что бы то ни стало ускорить возвращение. Я вспомнила о верёвке и торопливо пошарила рукой по поясу. Верёвка была на месте.

— Спасибо, что привел меня в чувство, — обратилась я во тьму, проверяя прочность хитоли. Хлопанье умолкло, оставив на память мимолётный отблеск двух синих, как сапфиры, огней.

— Долго же ты не появлялся, Синеглазый, — усмехнулась я. — Признаться, я даже немного соскучилась.

И повисла на веревке, что есть сил потянув её на себя.

Подъём оказался в несколько раз тяжелее спуска. Вымотанное до предела тело плохо слушалось, руки дрожали, и приходилось постоянно заставлять себя усиливать хватку. Флейта покалывала кожу: боясь обронить, я сунула её под ткань на груди. От магического светильника пришлось избавиться, как от лишнего груза, и теперь он печально мерцал одинокой звездой в недрах последнего пристанища драконопоклонников.

— Давай, Кошка, — подбадривала я себя. — Ещё немного, ещё несколько рывков, и ты выползешь из этого царства теней! Всего чуть-чуть...

Это слабо помогало. Когда в ушах начинало гнусно звенеть, я повисала над бездной и переводила дух, заставляя себя дышать глубоко и размеренно.

— Ещё чуть-чуть, Мелиан, — прохрипела я.

Изогнутый оскал проёма светился над головой. Каждый раз, когда я поднимала голову, мерещилось, что он остаётся на прежнем месте, а я просто впустую трачу силы, барахтаясь в кромешной тьме.

Когда я поднялась достаточно высоко, чтобы чувствовать дуновения свежего воздуха, что-то пошло не так. Сверху донеслась какая-то возня и слабые отголоски медвежьего рыка северянина. Хитоль, на которой я висела, дрогнула, как туго натянутая струна лютни под пальцами музыканта.

— Что проис...

Веревка мелко задрожала. Стена под ногами пришла в движение. Тело заскользило вниз, ускоряясь под собственным весом. Насмерть перепугавшись, я истошно закричала:

— Капитан, Хэлль тебя побери, что происходит?!

Тишину разрывал только свист скользящей ткани, а мгновения улетучивались вслед за надеждой на спасение. За спиной разверзлась бездна, полная смерти, и я принялась отсчитывать удары сердца до неизбежного.

Короткий рывок и потрескивание ткани оборвали моё падение.

После вонючей темноты колодца свет, заливающий крохотную комнатку наверху, ослепил. Глаза немедленно заслезились. Я часто заморгала. Две крепкие руки подхватили меня под локти и вытащили из разверстого зева.

— Капитан, ты внезапно решил свести со мной счеты? — гневно спросила я, утирая слезы ладонью. — Почему тогда передумал в последний момент?

Гробовое молчание со стороны наёмника, никогда не остающегося в долгу, насторожило. Кое-как обретя способность видеть, я огляделась и поняла, что только что отправила к Хэллю нас обоих.

Меня потрясённо разглядывал мейстер Генар, беззвучно шевеля губами. За его спиной выселись два служителя монастыря, крепко держащие северянина. Тот стоял, заметно покачиваясь. Его загорелое лицо приобрело пепельный оттенок. Широкую грудь северянина покрывала подсыхающая кровавая плёнка, и, взглянув в его глаза, я прочитала о себе всё.

— Я прекрасно помнил, что прошлой ночью запираю дверь, — протяжно проговорил мейстер. — И мне стало любопытно: кто же сей дерзновенный, что осмелился нарушить покой святилища? Вернется ли он и этой ночью? Как вижу, я оказался прав...

Он принялся мерно раскачиваться с носка на пятку, буравя меня немигающим взглядом.

Нет, я погубила нас ещё раньше. В тот самый момент, когда проникла сюда в первый раз.

— Мальчик мой, — благоговейно прошептал настоятель. — Лиар услышал наши мольбы и послал тебе исцеление! Воистину, велика его сила! Ты не только избавился от страшной болезни, но и обрёл способность говорить!

"Мейстер, вы слепой?" — захотелось спросить, когда настоятель, умильно улыбаясь, разглядывал меня. С другой стороны, под рукой не было зеркала — посмотреть на себя после увеселительного спуска в колодец. Возможно, я уже и на женщину не похожа?

— О, нет, — вдруг прошептал Генар. Я ахнула от боли: его ледяные пальцы больно сдавили скулы и принялись поворачивать голову то влево, то вправо. Спустя мгновение рука

наставника скользнула вниз и задержалась чуть пониже пояса.

— Нет, нет, нет! — заикаясь, пробормотал он, медленно отступая. — Быть того не может! Видит Лиар, я был слеп, непростительно слеп!

Кажется, я поспешила с выводами. Истинное лицо "братца" Коннара тайной больше не являлось.

От этой мысли меня охватил азарт. Терять было уже нечего: неверное движение подтолкнуло нас к самому краю пропасти. Теперь нужно сделать всё возможное, чтобы на нём удержаться.

Вот только я совершенно не знала, что именно делать.

— В стены священного монастыря проникло проклятое отродье, да проклянет Лиар весь его род до двенадцатого колена! — громко, как от боли, завопил мейстер Генар. Я вздёрула голову и уставилась прямо на его лицо, перекошенное от ненависти.

— Зачем вы такое говорите, мейстер? Откуда вам знать, вдруг Лиар превратно истолковал ваши молитвы и послал мне не только женский голос, но и тело?

Очень глупая шутка, но удержаться я не смогла. Восхваления Лиара уже сидели в печенках.

Мейстер поперхнулся. Его дыхание стало прерывистым и свистящим, как у больного грудной костью*.

— Как посмела ты осквернить это чистое имя своим грязным ртом? — взвизгнул он.

— Это вы осквернили его гораздо сильнее! — я слишком долго молчала, и теперь слова срывались с языка, опережая мысли. — Сомневаюсь, чтобы Лиар завещал вам резать глотки из-за простых вопросов! Скольких вы отправили во тьму до этого, а, настоятель?

— Замолчи! — прошипел Генар. Его руки мелко тряслись: видимо, ему очень хотелось что-то со мной сделать, но он медлил. Воспользовавшись этим, я принялась торопливо дергать скользкий от слизи узел на поясе. Веревка из хитолей пуповиной связывала нас, и хотелось поскорее от неё избавиться. "Интересно, почему он ничего не предпринимает?" — отстранённо подумала я, искоса наблюдая, как мейстер покачивается взад-вперёд, не сводя с меня глаз. — "Беднягу Ридона он сразу потащил на расправу, а сейчас почему не торопится?"

— Я знаю! — победоносно вскрикнул Генар, направив на меня подрагивающий палец. — Теперь я всё понял! Лучезарный посылает мне испытание, он проверяет, насколько крепка моя вера! Обратив безвинного юношу в порождение Бездны Хэлля, он искушает меня!

— Порождение Бездны Хэлля, — мрачно повторил Коннар. — Точнее и не скажешь!

Я бросила на него мимолётный взгляд. Наёмник каменным истуканом застыл между двух служителей. Только вздувшиеся желваки на скулах свидетельствовали о его нешуточном напряжении. Мейстер тоже посмотрел в сторону северянина.

— Это испытание послано всем нам, — строго сказал он. — Ибо нельзя по-настоящему прийти к Свету, не пройдя сквозь Тьму. Я покажу это моим братьям-в-Свете. Вместе мы станем свидетелями перерождения твоего брата и торжества настоящей веры!

Глаза Коннара превратились в два чёрных провала, усыпанных острыми льдинами. Он тяжело двинулся вперёд, но святоши повисли на нём. Наёмник болезненно поморщился и остановился.

Пальцы свело судорогой. Узел показался монолитом, безразличным к любым усилиям. В ушах гулко застучало.

— Неужели вы даже на мгновение не можете допустить мысли, что я с самого начала

была женщиной и попала сюда вовсе не из любви к Лиару? — в бессильном отчаянии спросила я.

Лицо мастера возникло перед глазами. Я невольно дёрнулась в сторону и тут же почувствовала боль в плече: настоятель клещами в него вцепился.

— Ш-ш-ш, молчи, отродье, — прошипел он. — Я избавлюсь от тебя, как избавляются от занозы, что глубоко засела в теле!

Я сглотнула, приготовившись услышать свист лезвия и почувствовать, как оно рассекает горло. До слуха долетели звуки борьбы: похоже, наёмник пытался стряхнуть с себя назойливых служителей монастыря. Мастер больше не обращал на них внимания, полностью сосредоточившись на мне.

— Ничего не бойся, мой мальчик, — покровительственно промурлыкал он. — Не поддавайся сему порождению Хэлля, что пытается поглотить тебя! Только истинный Свет очистит тебя от скверны и поможет вернуть всё на круги своя!

Не сводя с меня глаз, он зычно крикнул:

— Созывайте всех на площадь! Пусть солнце воссияет только для достойных Света!

Я поняла, что если сейчас ничего не предпринять, то лежать мне на площади, заливая кровью белый песок. На северянина надежды мало, судя по его стремительно сереющему лицу.

Оставалось только выбрать подходящий момент.

Один из послушников исчез в открытом проёме, оставив товарища с Коннаром. Мастер коротко кивнул храмовнику и поволок меня к выходу, невзирая на сопротивление.

— Трепещешь, отродье? — спросил он. В его голосе прозвучало нескрываемое злорадство.

— Нет, — честно призналась я. — После всего пережитого ваши ужимки меня не пугают.

Я сказала правду. Страх покинул меня. Его последние остатки покоились на дне колодца меж старых костей и ощерившихся черепов. Генар обернулся и посмотрел сквозь меня совершенно пустыми глазами. Было заметно, что его мысли витают где-то далеко, и он ничего не слышит и не понимает.

— Не позволю Хэллю забрать тебя к себе, мой мальчик, — пробормотал настоятель. — Скажи, когда это произошло? Когда искуситель явился к тебе, когда ты ослабил своё стремление к Свету и впустил его?

Я поняла: спорить бесполезно. Маскарад оказался настолько убедительным, что маска прочно приросла к лицу и не дала настоятелю разглядеть и поверить в очевидное. "Сюда бы того драконопоклонника", — мелькнула мысль. — "Они нашли бы, о чём потолковать".

Мы очутились в зале со статуями и бассейном. Вода хрустально журчала, разбиваясь о мраморные борта — единственный звук, нарушающий глухую тишину. Впрочем, через пару мгновений после того, как мы вошли в зал, к нему присоединился ещё один: гулкое гремяние низкого голоса Коннара.

— Шар'ракх, святоша, хватит меня подпирать! Я тебе не какой-нибудь гнилой столб!

Я оглянулась и увидела, как наёмник замахивается на служителя монастыря. Тот сохранил полнейшую невозмутимость, а северянин, наоборот, скривился и схватился за грудь. Между пальцами проступила кровь.

— Вижу, бедняге тяжело пережить случившееся с его братом, — участливо проговорил мастер Генар, останавливаясь и с любопытством наблюдая за этой сценкой. — Ну, да

ничего, совсем скоро он вновь обнимет тебя, мой мальчик!

Мутно-серые тучи смертельной тоски разошлись, и в просвет хлынул золотистый поток озарения. Я поняла, что нужно делать.

Я могу кричать, могу доказывать что-то, пытаюсь заговорить, но если мейстер втемяшил себе в голову, что по прихоти бога юноша может запросто оборотиться женщиной, то мне остается только поддержать эту игру.

— Не обнимет, мейстер, — хрипло промурлыкала я. — Мальчика больше нет. Я заняла его место!

Настоятель вздрогнул и чуть не выпустил конец верёвки, подарив проблеск надежды.

— Я сразу это понял, — прошептал он. — Сразу, как только услышал голос отродья из колодца!

Я обворожительно улыбнулась и шагнула к мейстеру, вытянув руки вперёд. Он попятился.

— Мальчик даже не сопротивлялся, — с наигранной задумчивостью проворковала я. — Мало кто может противостоять власти господина нашего Хэлля...

— Лиар Лучезарный — мой господин! — в гневе воскликнул мейстер. Я покачала головой, мягко улыбнувшись:

— Все так говорят, мейстер. Поначалу. А потом я касаюсь их, и сладостное небытие поглощает разум!

Боги, ну и бред я несу!

Однако на Генара это подействовало. Он медленно отступал перед моим напором, дрожащими руками сотворяя перед собой круг.

— Я изгоню тебя, отродье!

Я с укоризной покачала головой и начала придвигаться ближе, скользя ладонями по верёвке. Рыжеволосая служительница храма в Корниэлле, сама того не ведая, подсказала, что нужно сказать, и я мысленно пообещала себе отблагодарить её при удобном случае.

— Кто ты такой, чтобы справиться с Ликтой, сестрой самого Лиара? Жалкий человек, который вообразил себя подобным богам! Ничего, я избавлю тебя от этого бремени!

Лицо мейстера разом потеряло краски, и он едва слышно переспросил:

— Ликта? В сию благословенную обитель проникла хэллевская шляха?

— Ты поплатишься за эти слова, человек! — сладким голосом пропела я и резко дёрнула веревку на себя.

В последний момент мейстер почувал неладное. Рукав хитоли почти вылетел из его кулака, но он успел перехватить взвизгнувшую ткань.

— Тебе не заполучить меня, Ликта, — тяжело дыша, выпалил Генар. Его лицо стало страшным. — Я отправлю тебя в Бездну Хэлля прежде, чем взойдет солнце, а вместе с тобой туда канут и все отвергнутые господином нашим!

Мейстер не потерял патетического велеречия, даже угодив в переплёт.

Веревка больно врезалась под ребра, а настоятель встряхнул руками, набрасывая длинные рукава на запястья. Я уже видела это движение и совсем недавно!

— Кошка, в сторону!

Резкий оклик наёмника не успел дойти до сознания. Крепкая рука решительно толкнула меня в грудь, и я полетела на белый песок. Перед глазами всё завертелось, какая-то могучая сила придавила тело к полу. Конечности налились расплавленным железом, и всё, на что хватило сил — утереть дрожащими руками лицо от налипших песчинок. Слух уловил звуки

борьбы, а глаз — в беспорядке мечущиеся на стене тени. Через несколько мгновений утробный рык северянина и изумленный вскрик мастера слились воедино. Что-то тяжелое рухнуло в бассейн. Я почувствовала, как на волосах оседают холодные брызги.

— Как посмел ты, невежественный варвар, сотворить такое?! — хлестнул по ушам истерический крик мастера, захлебнувшийся нечленораздельным бульканьем. Кое-как преодолев слабость, я села на колени и увидела, как настоятель Лит-ди-Лиара пытается выбраться из бассейна, елозя руками по мраморным бортикам. Когда он выкарабкался почти наполовину, распластавшись животом по полу, то получил удар в голову от северянина, стоящего наготове у бассейна. Мастер отлетел обратно, стукнувшись спиной об стену, и погрузился в воду с головой.

Связка хитостей сиротливо лежала рядом со мной.

Коннар обернулся, и я увидела, как по его щеке стекает, подрагивая, бордовая струйка. Горящие на сером лице глаза безмолвно говорили: без боя наёмник сдаваться не собирался. Я бросила взгляд назад: так и есть, служитель, что охранял Коннара, теперь валялся без признаков сознания.

— Жива, Кошка? — коротко спросил наёмник.

Сил на ответ не осталось. Я просто повела плечом.

— Идти сможешь? Надо бежать отсюда, пока не налетели остальные святоши!

— А как же мастер Генар? — спросила я, с трудом поднимаясь на ноги. Наёмник мотнул головой.

— Надеюсь, не всплывет. Этот ублюдок раскроил мне плечо, когда пытался оттащить от колодца, так что, думаю, мы в расчёте...

Его прервал влажный шлепок.

На мрамор упала ладонь, а следом появился и её обладатель.

С головы настоятеля струились потоки воды, превращая волосы в слипшуюся массу. Глаза безумно вращались, даже не пытаясь на чем-то сфокусироваться.

— Господин мой Лиар! — взвился ввысь вой. — Ты как никто другой знаешь о моей преданности! Вверяю тебе жизнь свою и верю, что не допустишь ты...

Последняя фраза захлебнулась в надрывном кашле. Генар простёр дрожащие руки к потолку и затянул речитатив молитвы.

— Кажется, святоша свихнулся, — хмыкнул Коннар, оттесняя меня от бортика бассейна.

— Значит, раньше ты этого не замечал? — мрачно спросила я, наблюдая за Генаром. Тот уже не торопился покидать воду. Грузно закружившись на одном месте, он громко объявил:

— Верую в тебя, господин наш в Свете, Лиар Лучезарный! Услышь своего раба, даруй мне свою благосклонность!

Вода бурлила вокруг его коленей и звонко плескалась, разбиваясь о мрамор.

— Даруй мне... — вскричал настоятель и вдруг осёкся, прошептав:

— Нет... нет, не может быть!

Не сговариваясь, мы с северянином одновременно шагнули назад, а мастер прижал скрюченные пальцы к лицу и заголосил — протяжно, тонко и надрывно, как смертельно раненный зверь. По щекам поползли розоватые струи, и в воздухе разлился уже знакомый запах разложения.

— Это ещё что за хэллевщина? — слишком громко выругалась я от неожиданности. Ответ Коннара потонул в воплях Генара.

— Нет! Нет! Не верю! Этого не могло случиться со мной! Я же верный пёс Лиара...

Поверхность воды помутнела от расплзающегося по ней розового пятна. Мейстер в буквальном смысле таял на глазах — плоть сползала с костей, а он кричал, непрерывно и страшно, заламывая руки и проклиная всех и вся.

— Будь ты проклят, Лиар! — в агонии захрипел он, клацая побелевшими челюстями. — Будьте прокляты вы все...

— Всемилостивый бог, э? — хмыкнул Коннар и тут же вполголоса выругался, прижав руку к груди. Кажется, рана давала о себе знать.

Я промолчала. Что-то страшно знакомое было в розовом пятне слизи, колышущемся на воде. Это узнавание поманило за собой, юркой рыбкой мелькнув в сознании, но северянин его тут же спугнул.

— Так и будем тут торчать? — грубовато осведомился он. — Или ждёшь, когда подспеют остальные?

Ему вторило гудение трубы и лязг металлического диска, долетевшие из-за дверей.

Я покачала головой и передёрнула плечами, сгоняя сеть оцепенения. Взгляд последний раз задержался на покачивающемся в воде скелете. То, что было мейстером, ушло, оставив голый костяк, но я бы не удивилась, вздумай настоятель остаться в этих стенах в виде призрака. Вода плеснула на стену как-то особенно громко, и в тишине слух уловил шелест, будто что-то незримое стремительно пронеслось мимо. Кожа покрылась мурашками от ощущения десятков ледяных взглядов. Я поняла: они здесь. Бесплотные духи с самого дна колодца почтили своим появлением этот зал, не то провожая мейстера в Междумирье, не то торжествуя по поводу его кончины. Не удержавшись, я даже прикрыла глаза на мгновение, представляя, как призрачный сонм драконопоклонников окружает бассейн, протягивая руки к трупу и безмолвно понукая его присоединиться к ним.

Скрип песка под тяжелой поступью северянина спугнул наваждение. Открыв глаза, я увидела, как наёмник деловито обыскивает тело служителя монастыря. Победно присвистнув, он извлек из-под хитолы свой короткий меч.

— Пришлось его отдать, — нехотя пояснил северянин, поймав мой вопросительный взгляд. — Тот святоша, что сейчас болтается в воде, пригрозил, что иначе он перережет веревку.

Я вспомнила, как висела между небом и землей в непроглядной тьме, и невольно сглотнула, вцепившись в кинжал на шее.

— Что они с тобой сделали? — хрипло спросила я, намекая на рану наёмника. Мне удалось разглядеть только длинную тёмную полосу, наискось пересекающую широкую грудь от правого плеча до живота. Северянин скривился и пнул бездыханное тело храмовника.

— Шар'ракх! Их главный ворвался первым и слегка меня покромсал. Окажись я менее проворным, мне выпустили бы кишки. Признаюсь, не ожидал, что святоши бывают настолько приткими!

— Главный святоша — бывший хорь, — усмехнулась я. — Может, это тебя утешит?

Коннар замер и прошипел, запихивая меч за пояс:

— Дважды шар'ракх, Кошка! За каким Хэллем ты выбрала такое гиблое место? Не удивлюсь, если окажется, что тут хорье гнездо, а мы не успеем оглянуться, как нас освежают!

— По крайней мере, от рук наёмных убийц тебе будет не так обидно принять смерть,

чем от храмовников! — в тон ему ответила я. Внутри будто лопнула туго натянутая струна: судя по горячности, северянин был ранен не так серьезно, как представлялось.

Померещилось, или осознание этого действительно доставило мне радость?

Нет, одёрнула я себя. Чушь! Радость мне принесла только мысль, что у нас появилась надежда выбраться отсюда целыми и относительно невредимыми!

Северянин с размаху ударил ногой по двери. Та послушно распахнулась.

— Святоши или кто они там есть, — с угрозой в голосе произнёс он, — но сдохнуть мне тут совсем не хочется!

Волна свежего воздуха ураганным потоком омыла стены зала. Вдохнув полной грудью, я почувствовала жжение в груди и поняла, что вот-вот потеряю сознание. Ноги задрожали, и пол начал быстро крениться налево. Всё вокруг затянуло туманом, в котором замельтешили неясные тени.

— Кошка! — донесся до меня предупреждающий оклик Коннара. Низкий голос северянина звучал глухо, будто пробиваясь сквозь подушку, прижатую к лицу.

— Всё в порядке, справлюсь, — пробормотала я больше для себя, чем для него, и прошептала:

— Прощайте, духи колодца. Пожелайте мне удачи. Призрак ждет меня.

Стоило мне это сказать, как тонкая струйка песка со свистящим шелестом осыпалась в воду, а ввысь полетел, замирая, глубокий тоскливый вздох, как последнее призрачное "прощай".

191 — **синий тайпень** — небольшая хищная рыба, обитающая в северных морях. Обладает несколькими рядами мелких острых зубов; нападает на добычу стаями и съедает её за считанные мгновения;

192 — **Яндария** — провинция на юге Алдории, славящаяся изысканным белым вином.

Я плохо помню, что произошло дальше. Свежий воздух сыграл со мной предательскую шутку. Горло загорелось, и мир начал уплывать во мрак. Я отчаянно цеплялась за реальность, и сознание милостиво вырывало лоскуты из окружающего мира, перемежая их вспышками абсолютной тьмы. Себе я казалась сторонним зрителем, равнодушно наблюдающим за представлением в замочную скважину.

Сколько храмовников окружило нас там, у входа? Пять? Десять? Сто? Кажется, собралась все паломники, но много ли на площади служителей монастыря?

Труба редела, и лязгал металл, размеренно отбивая ритм.

Удивлённо распахнутые глаза Джолана возникли передо мной. В них неестественно быстро пульсировал зрачок, а губы потрясенно шептали: "Что с вашим братом, господин Коннар?"

Эти глаза я ещё не скоро забуду. Они займут достойное место в моих кошмарах.

Кажется, никто так до конца и не поверил, что несчастный немой юноша оказался женщиной. Наверное, решили, что с ним опять приключилось какое-то редкое заболевание. Разве что Шомас выкрикнул пару раз: "Я же вас предупреждал! Я знал с самого начала, что с этими двумя что-то не так!", но его поддержал только Ласточка. Голос Шомаса растворился в ночном воздухе, исчез вместе с вылетевшим изо рта облачком, и людские ряды вновь сомкнулись.

Может, все просто растерялись, ведь рядом уже не стоял мейстер, у которого в запасе всегда было объяснение происходящему вкупе с мудрым указанием как поступить.

И чью глотку вспороть следующей.

Кстати, о мейстере Генаре. Когда о нём вспомнили?

Из мрака ко мне протянулись чьи-то руки, жаждущие схватить за горло. Несколько голосов взвыло в унисон: "Убийцы! Как вы посмели..."

Тьма стала осязаемой, чернильными лохмотьями липнущей к коже. Рот наполнился вязкой, горькой слюной с привкусом гнили. Осколки реальности на удар сердца приостановили свой бег, а затем взмыли вверх, подхваченные порывом ледяного ветра. Всё смешалось в сумасшедшем вое: крики, проклятия, обрывки фраз и звон клинков. Я очутилась в эпицентре разгорающегося урагана. Звуки слились в оглушительный грохот, а единственное, что ощущалось — твердь земли под ногами. Это было одновременно и похоже, и не похоже на то, что пришлось испытать на развалинах Омнии. С той поправкой, что на сей раз вместо диковинных картин я наблюдала только бешеное мельтешение.

Ещё удар сердца — и все стихло. Буря улеглась. Меня обступил непроницаемый мрак. Звенящая игла тишины проткнула уши, а тело съёжилось от пронзительного потустороннего холода.

Я больше не была единственным наблюдателем в этой крошечной тьме. Кто-то смотрел на меня с жадным любопытством, будто стремясь полностью растворить и впитать. На этот раз за спиной маячил кто-то новый. Тот, кто представлял опасность во много раз большую, чем все встреченные до этого призраки вместе взятые. Для него я была не интереснее экзотической птицы, случайно попавшейся на пути. Это понимание пришло само, оглушающим потоком ворвавшись в голову. Сердце тревожно заныло, стоило осознать ещё

кое-что: почувствовав мое присутствие, невидимка принялся искать меня, вслепую шаря вокруг.

Ох, Хэлль! И что же делать? Вряд ли встреча с этим некто сулит что-то хорошее!

Ощупывающий, изучающий взгляд тонкими нитями тянулся ко мне издали, из самых глубин мрака. Спрятаться было негде. Я запаниковала, тщетно пытаюсь укрыться от назойливого ощущения слежки. Куда идти, куда бежать, если вокруг — только непроницаемое ничто?

Тьма сама пришла на помощь. Она начала медленно рассеиваться, обнажая лицо реальности, выталкивая меня в материальный мир. Чужое разочарование, почти осязаемое в своей ярости, едва не сбило с ног. Пошатнувшись, я устояла, поразившись силе этого чувства.

— Счастливо оставаться! — насмешливо крикнула я вслед трусливо уползающему мраку. — Надеюсь, при следующей встрече ты будешь в лучшем расположении духа!

Ответа не последовало. Невидимый наблюдатель растворился в ночном воздухе. На мгновение я засомневалась: а не произошло ли это всё только в воображении?

Реальность грубо вторглась в моё пространство. Откуда-то сбоку вынырнул Коннар, рывкнувший: "С кем ты разговариваешь, Кошка?!" Я не успела ответить, потому что увидела храмовников. Они застыли, как замирают рыбы, очутившись в лохани со стоячей водой: повисая вертикально и ловя воздух подрагивающими губами.

Первым оцепенение нарушил Шомас. Глухо зарычав, он сделал шаг ко мне. Его движение повторил Ласточка, потянув за собой остальных. Массивная тень наёмника упала между нами, но северянин не успел ничего сделать.

Ноги стали ватными. Я рухнула вниз, не успев ничему толком удивиться. Вслед за мной начали падать и храмовники. И всё это — в абсолютной безмолвии.

Как страшен запах песка, в который падаешь лицом.

Я не чувствовала собственных костей. Казалось, что мышцы превратились в студень, растёкшийся по песку. Жалящие разряды боли скользили под кожей, а внутренности скрутило в гигантское веретено. Язык разбух и высох, превратившись в бесполезный шершавый придаток, едва помещающийся во рту. Шумно хлопая чёрными крыльями, надо мной носился голос наёмника. Коннар что-то кричал, но слова растворялись в утробном гуле. Время растягивалось и завивалось спиралью, оставляя меня корчиться в облаке боли. Когда она, наконец, пошла на спад, показалось, что минули столетия, хотя на самом деле это вполне могла быть пара мгновений.

Едва почувствовав собственное тело, я перевернулась на спину и попыталась открыть глаза. Слипшиеся веки нехотя послушались, и мне удалось увидеть клочок неба, лицо наёмника и его руку, почти касающуюся моей щеки. Встретившись со мной глазами, северянин заметно расслабился и убрал ладонь.

— Я уж подумал, что тебя демоны взяли, — угрюмо сказал он.

Я тут же вспомнила о невидимке, что скрывался во тьме, но говорить о нём не стала. Просто лежала на спине, раскинув руки по сторонам и наслаждаясь тем, что могу дышать полной грудью без головокружения и боли.

Коннар моей радости не разделял.

— Давай уберёмся отсюда, Кошка, — в который раз повторил он, мрачно поглядывая вокруг себя. — Тут и до этого было несладко, а сейчас и вовсе какая-то хэллевщина творится... В общем, сама посмотри.

В его голосе прозвучало такое искреннее недоумение, что я рывком перекатилась на бок и приподнялась на локте. От увиденного неприятно засосало под ложечкой.

Песок усеивали тела паломников. Кто-то ещё бился в частой агонии, до предела выгибая шею, но большинство уже лежало неподвижно. Их лица застыли погребальными масками, а пальцы рук скрючились, словно стремясь выдрать кусок из воздуха. Но взгляд притягивало не это. Скользнув по паломникам, взгляд зацепился за фигуры, неподвижно возвышающиеся между телами. Эти люди просто стояли, безвольно повесив руки и глядя в пустоту перед собой. Никто из них даже не шевельнулся, когда Коннар заговорил. "А с ними что?" — хотела спросить я, но из горла вырвалось только шипение и надрывный кашель, оросив песок тягучей, как кисель, слюной.

— Так и стоят тут. Наши святоши попадали, как перезревший горох, а эти просто замерли столбами, — сказал наёмник, правильно угадав ход моих мыслей.

Я поспешно отвела глаза. Почему-то показалось, что храмовники могут почувствовать взгляд и кинуться на нас. Голос наконец-то прорезался, и я сипло спросила:

— Долго я так пролежала?

— Шесть-семь ударов сердца, не больше, — нетерпеливо ответил Коннар. Он рывком поднялся с песка и мотнул головой, приглашая за собой.

Я попыталась подтянуть ноги к животу, чтобы встать, но потерпела неудачу. На месте колен ощущалась пустота, впитавшая в себя все остальные ощущения разом. Помянув Хэлля, я напрягла мышцы, пытаюсь заставить ноги сдвинуться с места, но тщетно. Каждое усилие только отзывалось набатом боли по всему телу. Северянин молча наблюдал за моими потугами. Что-то в его глазах разозлило меня, и я до крови закусил губу, стыдясь своего унижительного положения. "Если он посмеет хоть что-нибудь сказать по этому поводу, убью!" — в ярости подумала я. Но Коннар произнес только два слова:

— Позволишь мне?

— Что? — его голос вихрем разогнал сумятицу мыслей, и я растерянно взглянула на наёмника. Тот досадливо поморщился:

— Шар'ракх, Кошка, я же не слепой! Вижу, что ты идти не можешь! Прекрати корчить из себя гордячку и разреши мне помочь, иначе придется тащить тебя силой, но до выхода мы тогда вряд ли доберёмся!

Он был прав. Хэллер, как же он был прав! Чувствуя, как от осознания беспомощности на глазах выступают злые слёзы, я молча протянула руку.

— Так-то лучше, — одобрительно усмехнулся Коннар и, нагнувшись, легко подхватил меня под колени.

— Только не смотри вниз, — предупредил северянин, и я, разумеется, послушалась.

Изломанное судорогой тело Джолана лежало прямо под сапогами Коннара. Лицо парнишки белёсым пятном плавало в прозрачной ночной темноте. Закатившиеся под лоб глаза влажно поблёскивали. Кажется, он уже не дышал.

— Хэллер! — вырвалось у меня.

Коннар невесело усмехнулся и остановился.

— По-прежнему считаешь моих богов кровожадными, а, Кошка?

Я не ответила, жадно разглядывая Джолана. Нос уловил знакомый до отвращения запах разлагающейся плоти. По виску паренька медленно сползала мутная капля. Внезапное наитие озарило меня, и я велела:

— Опустит!

Северянин посмотрел на меня, как на умалишенную.

— Но ты же...

— Опустит, — жёстко отрезала я и добавила чуть мягче. — Просто нужно кое в чём убедиться.

Коннар покосился на храмовников: те по-прежнему неподвижно возвышались меж бездыханных тел. Северянин пожал плечами и наклонился вперёд. Его руки разжались, дав мне упасть на песок рядом с Джоланом. Собравшись с силами, я подползла к пареньку и, дотянувшись, коснулась капли. Пальцы погрузились в вязкую субстанцию. На ощупь она походила на нагретую солнцем смолу. Я отняла руку, наблюдая, как тянутся за ней, поблескивая в лунном свете, тонкие нити, словно невидимый паук решил навечно связать нас с Джоланом. В голове что-то заворочалось, шурша обрывками мыслей и картин пережитого, никак не желающими складываться в единое целое.

Бассейн.

Мейстер.

Джолан.

Вода.

Гвендон.

Слеза Лиара.

Пронзительный хохот алого шакала встрепенул тишину, и перед глазами вспыхнул яркий свет, рассыпав тысячи звенящих осколков. Разрозненные куски с оглушительными щелчками начали соединяться между собой, образуя завершённую картину, пугающую своей простотой и оттого ещё более отвратительную. Сердце глухо заколотилось в горле, выталкивая на поверхность кипящие слезы.

Шакал сорвался на лающий визг, и, вторя ему, разрыдалась и я, чувствуя, как нарастает истерика.

Молодой паломник лежал, грустно глядя в ночное небо. При каждом взгляде на него внутри становилось все тяжелее и тяжелее. Что-то дрожало в низу живота, гудело, как туго натянутая струна. Вдруг страшно захотелось, чтобы он повернул голову, посмотрел на меня, улыбнулся и произнес: "Всё хорошо, господин Мерран. Не беспокойтесь, со мной всё будет хорошо".

Давясь слезами, я попыталась закрыть ему глаза — почему-то показалось, что тем самым можно помочь пареньку — но под ладонью только что-то лопнуло, и из-под опавших век тягуче потянулась мутная жижа.

Я захлебнулась собственным воплем и упала на песок, прямо в собственные ладони, перемазанные мерзкой субстанцией.

— Прости меня, — глухо выкрикнула я. — Простите меня! Я не хотела, я правда не хотела, чтобы всё так получилось, я не знала, что всё к этому приведёт!

У кого я просила прощения? За что?

Белые точки замельтешили перед глазами. Рыдания разорвали горло, и я забилась в истерической агонии, лежа бок о бок с мёртвым Джоланом. Перед глазами всё смешалось. Я уже не понимала, кого оплакиваю: безвременно погибших паломников, стерегущего меня во тьме Междумирья Сокола, Одноглазого Тома или же самоё себя, сеющую вокруг только страдания и погибель.

Оклик Коннара вернул меня к действительности. Наверное, наёмник уже долго пытался

докричаться до меня, но его голос не мог пробиться сквозь какофонию моих собственных мыслей.

— Шар'ракх, Кошка, что с тобой?!

Я судорожно обернулась к нему и увидела совсем рядом широкую ладонь. Как и в прошлый раз, северянин явно хотел схватить меня за плечо, чтобы растолкать, но не решился. Не думая ни о чём, я судорожно вцепилась в неё и умоляюще взмолилась:

— Пожалуйста, забери меня отсюда! Куда угодно, как угодно, но только не оставляй здесь! Это не монастырь, это... это... это самый настоящий котёл смерти!

Наёмник замер, а потом, не произнеся ни единого слова, бережно поднял меня на руки. Слезы душили, и я уткнулась в его широкую грудь, изо всех сил зажимая ладонями глаза и молясь всем известным богам о спасительном забвении.

Боги остались глухи к мольбам.

Но горячая рука северянина, крепко сжавшая плечи, неожиданно даровала облегчение, превратившись в надёжную ограду от внешнего мира. Истерика пошла на убыль, отливной волной унося с собой кошмарные видения.

Потом они вернутся. Но сейчас мне было всё равно.

Три драконицы шумно дышали, разглядывая нас прозрачными, как горные озёра, глазами. За стеной шумно топотали и блеяли козы, разбуженные нашим приходом. Торопясь попасть в стойла дракониц, Коннар достаточно бесцеремонно расшвырял в стороны животных, лезущих под ноги, и теперь их жалобные сетования прорывались сквозь толстую бревенчатую стену.

— А если бы дверь заперли на ключ? — вяло поинтересовалась я. К ногам постепенно возвращалась чувствительность. Мне даже удалось самостоятельно встать и прислониться к стене.

Коннар метнул в мою сторону угрюмый взгляд и сухо ответил:

— Так не заперли же! Ну, а случись такое, я бы всех святош перетряхнул, но ключ достал... Эй, пошла прочь!

Драконицы оказались не менее любопытными, чем козы. Одна даже потянулась тупым носом к северянину, но была грубо отпихнута. Коннар прошипел своё излюбленное проклятие и быстро повернулся ко мне спиной. Я успела заметить, как он ощупывает рану. Мелькнула широкая ладонь, выкрасившаяся красным.

— Очень больно?

— Не подохну! — огрызнулся наёмник, шаря рукой по стене. — Шар'ракх, да где же они?

Я знала, что он ищет. Без медальонов-ориентиров бессмысленно пытаться улететь на драконице: она может скакнуть куда угодно. Нет никакой уверенности в том, что в случайной точке выхода из скачка будет безопаснее, чем здесь. Помочь ему я не могла даже при всём желании. После истерического припадка тело сдавило сонное оцепенение, и теперь оставалось только безучастно следить за всем происходящим. Мысли — и те испарились, оставив после себя вязкий туман. Не раз и не два я ловила себя на желании лечь и уснуть, чтобы проснуться далеко-далеко отсюда.

— Нашёл! — с торжествующим злорадством заявил Коннар. В его руках поблёскивала небольшая шкатулка. Северянин потряс её, и внутри что-то забряцало.

— Святоши не слишком-то заботятся о своих секретах! — фыркнул он, срывая

крышку. — Выемка в стене — вот и весь тайник.

"Мейстер Генар, наверное, и подумать не мог, что сюда проберутся посторонние. Чтобы найти стойла дракониц, нужно о них знать, а мейстер не торопился никому о них рассказывать. Да и я сама узнала из-за случайного совпадения. Ничего удивительного", — хотела сказать я, но сил хватило только на слабый кивок.

Коннар извлёк из шкатулки связку блестящих медальонов и поднял повыше.

— Куда направимся, Кошка? Мы здесь по твоей милости, так что тебе и выбирать.

С этими словами он кинул её мне. Пальцы плохо слушались. Я чуть не выронила гладкие кругляши, если бы не длинные кожаные шнурки.

— Какая похвальная предусмотрительность со стороны мейстера, — задумчиво пробормотала я, рассматривая медальоны. К каждому был аккуратно приклеен кусочек кожи, на котором виднелось название города. Линдир, Уртир, Мартиэль... Мейстеру явно не сиделось в монастыре. Иные названия ничего мне не говорили. Я решила, что это обозначения чужеземных городов. Наверняка среди них есть и тот, откуда прибыл Гвендон.

А это ещё что такое?

— Корниэль? — не веря своим глазам, я вытащила из связки ориентир и показала северянину. — Подумать только, мы могли не гнать драконилов, а очутиться здесь за одно мгновение!

Коннар забрал медальон и потёр надпись пальцем, будто сомневаясь в её подлинности.

— Было бы забавно столкнуться там со святошей, — саркастически хмыкнул он. Камень полетел обратно ко мне, но на этот раз я не сумела его поймать, и самоцвет упал в песок. — Тогда тебе пришлось бы придумать историю позакovskyристее, чем сопливая сказка о немом мальчишке!

— Интересно, что мейстер там делал? — вслух подумала я, подбирая медальон. Коннар повёл плечом и мрачно усмехнулся:

— Он тебе уже не расскажет. Мертвецы — ребята не из болтливых.

"А может, и расскажет", — рассеянно подумала я, вытаскивая два камня из общей связки. — "Кто знает, какие призраки стерегут меня в Междумирье?"

— Кстати, Кошка, — тон наёмника сменился на насторожённо-подозрительный. — Что это с тобой случилось там, снаружи? Сначала чуть концы не отдала, потом скорчилась, а потом и вовсе...

Я жестом попросила его замолчать и протянула ориентиры, тихо сказав:

— Если проведу здесь ещё хоть сколько-нибудь времени, сойду с ума. Поговорим обо всём, когда будем в Бёрке, идёт?

Северянин смерил меня долгим, ничего не выражающим взглядом, и уточнил:

— Думаю, бесполезно спрашивать, почему именно Бёрк, э?

— Абсолютно бесполезно, — подтвердила я, пытаюсь изобразить мягкую улыбку. Губы дрожали и не слушались. — По крайней мере, сейчас.

Северянин вполголоса выругался и принялся надевать медальоны на дракониц. Вопреки опасениям, те стояли спокойно и только поворачивали чешуйчатые морды, наблюдая за ним.

Сёдла, стремяна и перчатки отыскивались в деревянном ящике позади стойл. Ноги подкашивались, не выдерживая тяжести тела. Оставалось только бессильно опуститься на корточки и наблюдать, как Коннар ловко управляет с крылатыми зверями. Голова сильно кружилась, глаза то и дело застилала сизая муть, от которой всё вокруг качалось и плыло. Постепенно все звуки — фыркание дракониц, голос северянина, козье бляение — вытеснил

стук моего собственного сердца. Незаметный поначалу, он неуловимо возрос до оглушительного грохота, заполнив все пространство вокруг.

Тук-тук-тук.

Вдох.

А там, за дверьми, ветер чертит волны на песке, замечая
(мертвецов)

наши следы.

Тук-тук-тук.

Выдох.

Дни не замедлят свой бег. Кости паломников побелеют и вращут в землю, а через месяц в ворота монастыря вновь постучат. Это явились новые поклонники Лиара, чтобы
(остаться здесь навечно)

вознести хвалу своему господину.

Интересно, есть ли среди них грешники, жаждущие
(крови?)

прощения?

Тук-тук-тук.

Вдох.

Дым от курящихся листьев ливвы потянется к небу. Зазвучат под сводами храма Лиара песнопения, и заскрипят

(кости)

песчинки под ногами нового мастера.

Тук-тук-тук.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Синий полумрак надёжно укрывает мраморный бассейн. Вода в нём почти успокоилась, и только редкие брызги оседают на холодных бортиках.

(плотно ли задвинута крышка?)

Колодец ждёт новых гостей.

Хэлль, как же путаются мысли...

— Мальчик мой, — прокаркал мастер Генар, протягивая ко мне руки.

Кусок плоти отвалился от его щеки и с влажным шлепком упал на пол. Я попятилась, пытаюсь сделать шаг назад. Ноги по щиколотку погрузились в густой мутный студень. Дрожащая масса заколыхалась под моим весом и медленно поползла наверх, подбираясь к коленям.

— Куда же ты убегаешь от меня, мальчик? — насмешливо спросил мастер. Студень не представлял для него проблему: Генар просто парил над ним в воздухе, надвигаясь прямо на меня. Он не обращал никакого внимания на свои быстро обнажающиеся кости, а куски мяса продолжали падать, съёживаясь и чернея на глазах. Я дёрнулась, но пол затянул меня уже по пояс. Хотела закричать, но голос исчез. Только воздух с шипением вырывался из гортани. Схватившись за горло, я провалилась пальцами в огромную рваную дыру.

Мерзко захохотал, клацающая челюстями, Генар. Вернее, то, что от него осталось — голый череп, повисший в воздухе напротив моего лица. Его челюсти вихлялись вверх-вниз, клацающая удлинившимися зубами.

— Не хочешь ли испить водицы, мальчик?! — оглушительно прокричал голос

настоятеля, и студень с уханьем засосал меня с головой...

...Острая боль в пересохшем горле вытолкнула меня из сна. Я обнаружила себя скрючившейся в углу кровати, одной рукой зажимающей рот, а другой — сдавливающей горло, прямо под подбородком.

— Хэллевы кошмары, — слабым голосом пробормотала я, откашливаясь и перекатываясь на спину, чтобы отдышаться. Воздух с хрипом вырывался из груди, сердце стучало, как обезумевший маятник. Горький пот заливал глаза.

Край простыни отлично подошёл для обтирания. Однообразные движения немного успокоили, и я даже смогла подняться с постели, чтобы распахнуть окно. В комнату ворвался ветер с моря, пахнувший йодом и гарью: по ночам горожане жгли костры перед домами. От этого Бёрк, полого спускающийся к воде, казался россыпью гигантских светлячков, прицепившихся к огромному платку.

Один из магических светильников тревожно мигал. Пришлось обхватить его ладонями, напитывая собственной энергией, чтобы он вновь засиял. Остальные испускали ровный светло-жёлтый свет, проникающий в самые дальние углы комнаты. Это не означало, что любой из них может в любой момент потухнуть. Придирчиво осмотрев и подпитав на всякий случай каждый, я вернулась в постель и, положив подбородок на ладони, принялась наблюдать за ними.

Темнота лжива. Она подкрадывается мягко, вкрадчиво обволакивая тело, чтобы незаметно пронзить его иссушающим страхом и швырнуть на растерзание монстрам, что притаились в тёмных углах.

Веки потяжелели и стали смыкаться. В голове поселился красный туман, тело обмякло, не желая слушаться. Рассудок отчаянно запротестовал, но сон неумолимо завлекал в свои сети, стрекоча в ушах невидимыми сверчками и не позволяя шелохнуться.

— Госпожа Кассандра! — раздался испуганный шёпот. — Ммы принесли то, что вы просили!

Откинув защёлку, я впустила в комнату молоденькую служанку, чьё имя никак не могла запомнить. Следом дюжий парень с соломенными волосами втащил два огромных ведра с водой. От одного поднимался пар. По моему знаку он опорожнил его в жестяную лохань, стоящую у стены, и принялся разбавлять водой из второго ведра.

— Достаточно, — коротко сказала я, окунув палец в воду. — Спасибо, можете идти.

Перекинувшись взглядом с товаркой, парень безропотно покинул комнату, а она задержалась, жадно наблюдая, как я отсчитываю медяки.

— Неужели вы так и не выходили отсюда все эти три дня? — спросила она. Я молча покачала головой. — Странная вы какая, госпожа. Простите мою болтливость, но в себя-то вы ещё позавчера пришли, так неужели ни разу...

— Ни разу, — холодно отозвалась я, вручая ей оплату за воду. — И вообще, я плачу за то, чтобы помыться и поесть, когда пожелаю, а не за пустые разговоры!

Девушка поджала губы, но, натолкнувшись на ледяной взгляд, молча взяла монеты и юркнула за дверь. Щеколда вернулась на место. Испутив вздох облегчения, я торопливо скинула платье и погрузилась в воду по шею.

Первое правило, которое надо соблюдать во время Скачка драконицы: ни в коем случае не открывать глаза. Что бы ни мерещилось там, по другую сторону век, нужно терпеть, иначе можно лишиться не только жизни, но и рассудка. Говорят, первые смельчаки, оседлавшие дракониц, не знали об этом, и возвращались из Скачка мало похожими на людей. Самые

счастливые лишились кистей рук или ступней ног, но сохранили остатки разума.

Мне было не до этого. Все, о чем я могла думать во время скачка — как бы не соскользнуть с шеи животного. Морозный холод, разлившийся по телу, отнял чувствительность у рук. Оставалось только считать мгновения и гадать, что случится первым: драконица вынырнет из Скачка или разожмутся мои пальцы?

Пальцы разжались спустя удар сердца после того, как я глотнула воздуха по ту сторону.

Вода ласково гладила шею, приятный жар обволакивал тело. Пусть в моём распоряжении не было ни ранаханнских благовоний, ни душистого отвара из мыльного корня — только глиняная плочка с золой и жесткая мочалка из щетины — неважно. Главное, что я наконец-то могла вымыться, стереть, соскоблить с себя отвратительную запекшуюся корку слизи и грязи. Подкупив служанку, я забиралась в лохань по несколько раз в день, как только немного пришла в себя после прибытия в Бёрк. С её же помощью я раздобыла чистое платье, нижнее бельё и лёгкие сапоги.

Всю одежду, что я носила в монастыре, по моей просьбе завязали в узел и сожгли.

Намокнув, волосы потяжелели и облепили плечи. Я запрокинула голову и погрузилась глубже, оставив на поверхности только лицо. Если бы только можно было раствориться в воде, стать речной наядой — говорят, в них превращаются утопленницы — чтобы стереть из памяти всё-всё-всё и спокойно доживать свой век, бездумно наслаждаясь журчанием ручьев и плеском волн.

Внезапно показалось, что дно лохани исчезло. Не успев даже вскрикнуть, я с головой ушла под воду. Что-то, похожее на огромную змею, обвилось вокруг пояса, дернув вниз с такой силой, что из легких вылетел последний воздух. Ужас сковал горло не тогда, когда, глянув вверх, я увидела быстро удаляющуюся над головой поверхность воды, а когда вспомнила, что сама заперлась изнутри. Щеколда была не из надёжных, и тот же Коннар мог с лёгкостью выбить её плечом, но...

Но я даже не могла закричать и позвать его на помощь.

Снизу потянуло холодом. Несколько мгновений я заворожённо наблюдала, как вверх быстро бегут пузырьки. "Змея" усилила напор. В ушах зазвенели крохотные серебряные колокольчики.

Я очнулась и принялась яростно выкручиваться из смертоносных объятий, беспорядочно колотя руками и ногами по шершавому телу. В ответ оно лишь сильнее сжималось, и рёбра затрещали, не выдержав напора.

Судорожный вдох. Глотку ошпарила струя воды, отрезавшая надежду на спасение. В отчаянии я рванулась вверх, к спасительному свету, и... Проснулась, вжавшись в жёсткий бортик.

— Сон? — слабо прошептала я и закашлялась от знакомой боли в горле.

Дрожащей рукой я вытерла холодный пот со лба и в изнеможении откинулась назад. Кошмары становились всё более и более реалистичными, но это всего лишь бесплотные видения, которые не могли дотянуться до меня из призрачного мира.

Я опустила глаза вниз и похолодела.

Или могли?

Талию опоясывала широкая красная полоса.

Тело действовало быстрее разума. Через мгновение я уже сидела на кровати, по шею завернувшись в простыню и испуганно глядя на лохань. Вода колыхалась, ловя золотистое сияние светильников. В этом колыхании померещилось, будто на дне шевельнулось что-то

тёмное.

Тяжёлый удар в дверь грохочущим набатом разорвал тишину.

— Кошка! — голос Коннара хрипел не то от недосыпа, не то от ярости. — Ты не спишь, я слышал твой крик! Что у тебя там творится?!

Я не произнесла ни слова, уткнувшись подбородком в сложенные ладони и глядя перед собой.

— Кошка! — в тоне северянина появилась угроза. Дверь испуганно задрожала под очередным мощным ударом. — Ты же знаешь, что, если захочу, я могу зайти и без твоего разрешения!

— Всё в порядке, — бесстрастно произнесла я. — Мне приснился плохой сон. Уходи.

За дверью повисла тишина. Наёмник обдумывал мои слова.

— Три дня, — наконец, тихо, но жёстко повторил он. — Три дня ты не выходишь наружу. Три дня не желаешь меня видеть. Просто запираешься в этой шар'раковой комнате безо всяких объяснений. И после этого я должен поверить, что всё в порядке?

Я медленно сползла на спину и свернулась в клубок, поджав колени к животу.

— А я и не прошу мне верить! Просто хочу отдохнуть. Я очень устала от всего. Даю слово, что объясню, если не всё, то хотя бы часть происходящего. Обещаю.

Коннар выругался вполголоса и угрюмо сказал:

— Надеюсь, твои объяснения хоть немного оправдают пребывание в этой дыре! Я скоро ракушками обрасту, пока твоё высочество изволит валяться в кровати днями напролёт!

— Ты по-прежнему свободен от клятвы наемника, — тусклым голосом произнесла я, поворачиваясь спиной к двери.

— Спокойной ночи, Кошка! — гневно гаркнул Коннар и, судя по звуку, саданул кулаком по стене рядом с дверью. Его сапоги прогрохотали мимо комнаты, и всё успокоилось.

Я лежала неподвижно, вслушиваясь в стук своего сердца и тонкое жужжание гнуса, налетевшего на свет. Это слегка успокаивало, отгоняя панические мысли о том, что сон может вернуться.

Колючие мурашки пронизали кожу на спине, возвестив о том, что моё одиночество снова нарушили. Тягуче-сладостная волна всколыхнула волоски у основания шеи, и я нехотя протянула:

— О хайлэ, Синеглазый. Давненько не виделись.

Ответа не последовало. Тогда я приподнялась на локте и оглянулась через плечо. Тёмная фигура стояла, почти вплотную приблизившись к постели. Синие огни глаз то потухали, то разгорались ярче, как два узких пульсирующих сердца. Сияние магических светильников рассыпалось, наткнувшись на Синеглазого, и образовывало сияющий нимб вокруг расплывчатых очертаний всего призрачного существа.

— Что, тоже явился попенять на моё затворничество? — вкрадчиво спросила я, отодвинувшись к стене.

Продолговатая тень метнулась вперёд и нависла прямо надо мной, чёрным пологом заслонив свет. Я ахнула от неожиданности и прижалась к спинке кровати. Синие огни ослепительно вспыхнули в паре ударов сердца от лица.

"Чудовища Междумирья разорвут тебя, если и дальше будешь подпускать их так близко!"

— Я никого не подпускала, — растерянно прошептала я. Синеглазый прищурился. Огни сузились, превратившись в острые лезвия.

"Твой страх манит их, как светильник в кромешной тьме влечёт насекомых. Погаси этот свет, Мелиан. Ты нужна ему живой!"

— Кому? — быстро переспросила я, чувствуя, как со дна измученного тела поднимается горячая волна разбуженного любопытства.

Очертания стали расплываться, а глаза меркнуть. Призрачный силуэт таял, отплывая прочь.

— Подожди! — я соскочила на пол, откинув простыню. — Может быть, наконец скажешь, кто ты такой и что от меня хочешь? Хэлль тебя побери, хватит говорить загадками! У меня уже от них голова трещит!

Последние чёрные клочки быстро растворялись в золотистом сиянии светильников.

"Скоро всё узнаешь сама", — прошелестел в ушах бесплотный голос, и в нём промелькнула едва уловимая насмешка.

— Хэллев сатайред! — в бессильной ярости выкрикнула я и вдруг осознала, что иссушающий страх, сковывающий тело все эти дни, бесследно исчез. Вместо него в жилах застучал, набирая силу, обжигающий поток крови, вскипевшей от неясного, но волнующего предвкушения.

Дорожная сумка, позабытая в углу комнаты, сама собой раскрылась. Из неё со стуком выкатился Камень и скользнул к кровати. Я перевела на него взгляд и наклонилась, чтобы поднять.

— Страх, говоришь? — промурлыкала я, поглаживая прохладные бока. — Кажется, теперь ясно, как его отогнать!

Солнце медленно поднималось над Бёрком, окрашивая красным стены приземистых домов, сложенных из ракушечника. Город постепенно просыпался. Сонное оцепенение улетучивалось вместе с дымом ночных костров. Повсюду слышалось шипение: горожане выходили на крыльцо и деловито окатывали кострища водой, гася огонь до следующей ночи.

Я не выдержала и подошла к низкому плетню, опоясывающему один из домов. Прямо за ним отчаянно зевающая женщина в тёмно-коричневом платье забрасывала угли песком.

— Почему вы жжёте костры каждую ночь? — спросила я потому, что молчать было невозможно. Женщина утёрла тыльной стороной руки лоб и взглянула на меня ничего не выражающими глазами.

— Белые мухи, — недружелюбно пояснила она таким тоном, будто эти два слова всё объясняли.

— Что?

— Белые мухи, — с нажимом повторила она и махнула рукой в сторону гор, синей громадой возвышающихся над городом, — прилетают по ночам. Если не жечь костры, заберутся в ноздри и задохнёшься.

Я пристально посмотрела на неё. Чем-то эта женщина напомнила давно забытую мать, оставшуюся в Корниэлле. Наверное, исподволь чувствуящейся неприязнью к незнакомцам, нарушающим давно заведённый распорядок неуместными расспросами. Интересно, вдруг подумалось мне, как родные пережили мой побег? Горевали? Или вздохнули с облегчением: одним ртом меньше? Почему-то очень захотелось задать этот вопрос хмуро разглядывающей меня женщине. Будто почувствовав это, она поджала губы и смахнула частички пепла с налипших на лоб тёмных волос, в которые уже начала прокрадываться седина.

— Что-то ещё? — буркнула она. Пересилив себя, я пожалала плечами и изобразила

непринужденную улыбку:

— Нет... Нет, всё в порядке.

Она долго смотрела мне вслед, пока я уходила вниз по улице.

Этот взгляд, ощупывающий, насторожённый и недоверчивый я постоянно встречала на улицах Бёрка.

Из своей комнаты я выскользнула рано утром, когда рассвет только-только разогнал ночную мглу. Острейшее нетерпение гнало меня прочь. Мне впервые удалось уснуть. Пусть ненадолго, пусть сон выдался не очень спокойным — где-то в тёмных глубинах бродили, порывая, невидимые чудища, но они больше не пытались приблизиться ко мне.

Все мои мысли теперь крутились вокруг одного.

Третья века.

Последний рубеж, отделяющий меня от Призрака.

Пытаясь справиться с возбуждением, брызжущим через край сознания, я бесцельно бродила по Бёрку, гладила бродячих кошек, поддразнивала эккцетов, попискивающих из ветвей придорожного кустарника, и заходила в лавки, распаивающиеся навстречу новому дню.

Когда утренняя роса спала, а воздух потеплел, дорога вывела за пределы города на пустынную косу из серого песка, усыпанного галькой. Из него, как скрюченные от старости пальцы, торчали чёрные коряги. Я побрела прочь от Бёрка, перешагивая через них и уворачиваясь от сухих веток, цепляющихся за юбку. Песок захлёстывал лодыжки, подошвы сапог скользили по мокрой от солёных брызг гальке. Я быстро сдалась, присев прямо около полосы прибоя, и уставилась на море. Серо-зелёные волны мерно шумели, ласково глядя берег и выбрасывая под ноги длинные бурые косы водорослей. Высоко в небе плакали чайки, а по правую руку виднелись белые и серые лоскутки парусов рыбацких лодок. Глядя на необъятную водную ширь, распростёршуюся под куполом неба, таким высоким, что дух захватывало, я почувствовала себя не больше песчинки, затерянной на бесконечном пляже мироздания. Что изменится от того, если ветер перенесёт песчинку на другое место? Поменяются ли местами солнце и луна? Вздрогнут ли боги? Разумеется, нет.

Волны продолжали отбивать свой непрерывный ритм. Вперёд-назад. Вперёд-назад. Вперёд-назад.

Почувствовав, как возбуждение постепенно сходит на нет, а в мыслях появляется ясность, я растянулась на песке, устремив глаза в небо. Высоко над горизонтом величественно плыло облако, похожее на тучного краба. Зацепившись за него взглядом, я вернулась мыслями в минувшую ночь.

Третья века.

Самым сложным стало заставить себя прикоснуться к каменной флейте. Розовая слизь подсохла и превратилась в коричневую коросту, отдирая которую оказалось занятием не из лёгких. Острые хлопья впивались в кожу и застревали глубоко под ногтями, но я справилась.

Отмыв флейту в лохани, я присела на кровать, положила на колени Камень, поднесла инструмент к губам и подула в него изо всех сил. Флейта издала тихую трель, в которой стремительно сменяли друг друга приглушенный сип, посвистывание соловья, стрекотание цикады и хохот алого шакала. И Камень засветился. То неотчётливо, словно внутри притаился крохотный светлячок, то разгораясь ярче, пульсируя в такт звукам флейты. Я утонула в бешеном восторге и принялась терзать каменный инструмент, вновь и вновь вглядываясь в беспорядочное мерцание Камня, пока не поняла, что всё тщетно.

Эти вспышки ничего не значили. Никакой системы, никакой подсказки, просто ярко-жёлтый свет, вырывающийся из недр первой вехи. Разочарование было таким же сильным, как и первоначальный безумный энтузиазм, однако я не собиралась опускать руки. К тому же, драконопоклонники не обманули.

Две вехи послушно указали на третью.

Теперь я не сомневалась: всё, что мне нужно — правильная мелодия.

Только где её найти?

— Где её найти? — тихо повторила я, прикрывая глаза.

Дорога, что привела в Бёрк, оборвалась в бездонную пропасть. Над ней никто не догадался повесить мост. Похоже, всё придется начинать заново с той единственной разницей, что в начале пути на руках имелось совершенно ясное направление. Камень смиренно ожидал в Ранаханне, погребённый под грудами калифского золота, готовый столетиями ждать того, кого приведёт неуёмное желание найти Призрак.

Ранаханн...

Я слабо улыбнулась.

Какую же песенку я напевала тогда, ночью, стоя на балконе и любуясь на сад?

Ах, да, вспомнила. Про моряка, что смиренно сидит на самом краю света, оберегая теплящийся в маяке огонь. Он ждёт, что на краю горизонта появится корабль, ищущий приюта.

Берег залила мощная волна, замочив подол юбки. Всё вокруг утонуло в ласковом солнечном тепле и аромате гайаты. Перед внутренним взором вспыхнула яркая молния, и я резко открыла глаза.

Я поняла, где нужно начинать поиски третьей вехи.

Эйфория от догадки полностью захватила меня. Страхи померкли, поглощенные густой дымкой радостного возбуждения. Я запрокинула руки за голову и потянулась до сладкого хруста в костях, ощущая мощный прилив сил. Захотелось вскочить и немедленно броситься в путь.

"А что, если это ошибка?"

Меня пробрал озноб. Эйфория начала рассеиваться, а новые вопросы сами собой всплывали в мозгу.

"Если это ложный путь?"

"Тупик?"

"Вдруг догадка насчёт третьей вехи неверна?"

— Хватит! — прошипела я, прижимая ладони к ушам: показалось, что в голову ворвались мириады стрекочущих голосов, атакующих безжалостными вопросами. Их хор становился громче и громче, пока не превратился в какофонию, поглотившую все остальные звуки.

— Хватит! — повторила я уже не так уверенно и не услышала собственного голоса. Тогда я попыталась сосредоточиться на другом.

Отвлекись, Мелиан. Не поддавайся панике. Риск, конечно, есть, но ты с самого начала ходишь по острию лезвия, так неужели не справишься с любой трудностью?

Думать об этом было тяжело. Возникло ощущение, что я пытаюсь кричать с плотно сжатыми губами, пытаюсь пробиться сквозь разноголосицу в голове. Сначала все попытки проваливались, а от бесполезных усилий только разболелась голова. От этого тело

наполнила злость, щекочущими ручейками растекшаяся по мышцам. Я стиснула зубы и полностью отрешилась от всего, сосредоточившись на цели.

Тонкий луч света будто пронизал разум изнутри, и стрекочущие голоса отступили, постепенно растворяясь во мраке. Боль утихла, позволив мне откинуться на спину и удовлетворенно вздохнуть. Злость и растерянность уступили место решимости. Теперь не осталось сомнений ни в своих силах, ни в правильности выбранного пути. У меня всё получится. Всё непременно получится, ведь по-другому и быть не может!

— Как думаешь, Кошка, что здесь забыл святоша?

Голос Коннара, прозвучавший совсем рядом, нарушил стройный ход мыслей, но ему не удалось сбить мой настрой. Я мягко улыбнулась и тихо ответила, не открывая глаз:

— Не имею никакого понятия, капитан. Почему тебя это заинтересовало именно сейчас?

По правую руку от меня заскрипел песок. Я села и повернула голову: северянин присел рядом. Положив руки на согнутые в коленях ноги, он, прищурившись, наблюдал за зеленоватыми волнами.

— Просто пришло в голову, — признался он. — В этом городишке нет ничего, кроме рыбы и камней. Пусть меня разорвет тайгор, если здесь можно найти храмовников Лиара!

— Меня это совершенно не волнует, — небрежно призналась я. — Если хочешь, можешь вернуться на досуге в монастырь и порасспрашивать тех, кто там остался.

В ответ Коннар фыркнул не то с презрением, не то с раздражением. Некоторое время мы молчали, сосредоточенно разглядывая бурые ленты водорослей, извивающихся в желтовато-белой пене.

— Как ты меня нашел, капитан? — задала я первый пришедший на ум вопрос. Наёмник хмыкнул и подкинул на ладони небольшой плоский камушек.

— Это было нетрудно. Хозяин постоянного двора так удивился тому, что ты покинула свою комнату, что решил поделиться этим со мной.

Камушек с плеском пересчитал горбинки волн и ушёл под воду с печальным всхлипом. Северянин проследил за ним и повернулся ко мне.

— Ну, а найти твои следы — дело нехитрое. Эта дыра не такая уж и большая, а её жители — не такие уж и неразговорчивые.

Я выразительно посмотрела на бугры его мускулов. Коннар взял другой камень.

— Значит, с затворничеством покончено? — уточнил он, запуская его вслед за первым.

Я примиряюще улыбнулась:

— Пожалуй, да. Устала от долгого сидения взаперти и решила, что пришло время продолжать путь...

— Э, нет, Кошка! — перебил меня северянин. — Перед отправлением ты объяснишь мне то, что происходит, хоть немного! Надоело чувствовать себя телком, которого ведут на бойню с завязанными глазами!

Я успокаивающе подняла ладони и кротко промурлыкала:

— Успокойся, капитан! Именно это я и хотела сказать. Я тоже считаю, что пришло время нам с тобой поговорить по душам.

Коннар смерил меня недоверчивым взглядом и кивнул:

— Приступай.

Я усмехнулась и повела рукой вокруг себя:

— Трудно выбрать более неподходящее место и время для разговора, капитан.

— И что же ты считаешь более подходящим местом? — вкрадчиво спросил Коннар. Я склонила голову набок и как ни в чём не бывало ответила:

— Моя комната. Я буду ожидать тебя там на закате.

Последние лучи солнца окрасили комнату в цвет раскалённых углей. Из приоткрытого окна пахло дымом: Бёрк снова расцветал десятками костров. Этот запах поглотил даже благоухание ночных цветов, раскрывающихся с появлением первых звёзд.

Коннар плотно прикрыл дверь за спиной и посмотрел на меня так, словно увидел в первый раз.

— Что такое, капитан? — невинно спросила я. — Неужели испугался, что не дождусь?

— Мне кажется, что даже самим богам Амальганны неведомо, что творится на уме у одной золотоглазой ведьмы, — хмыкнул северянин, беззастенчиво оглядывая меня с ног до головы. Я смело выдержала его взгляд и кокетливо расправила длинную юбку травянисто-зелёного платья, купленного этим утром.

Надеюсь, он не заметил, как дрожат мои руки.

Некоторые решения даются не очень легко.

— Присаживайся, капитан, — улынулась я, делая приглашающий жест вглубь комнаты. — Разговор нам предстоит долгий.

Коннар без лишних слов пересёк помещение и опустился на кровать, поджав ноги по ранаханнскому обычаю и не сводя с меня испытующего взгляда.

— Что с тобой случилось, Кошка? — ухмыльнулся он. — Никогда не поверю, что ты можешь вот так вот запросто впустить меня к себе, ничего не замышляя.

Я пожала плечами.

— Сказала же, что нам требуется подходящее место для обстоятельного разговора.

Коннар прищурился, наблюдая за тем, как я беру с прикроватного столика две небольшие глиняные бутылки.

— Что там?

— Ирли-лэй. Подумала, что он не помешает. Но сначала — к делу.

Северянин принял из моих рук напиток. Я принялась расхаживать взад-вперёд, размышляя, с чего бы начать разговор. Коннар невольно пришёл на помощь.

— Ты сказала, что догадываешься о том, что творилось в монастыре, — подсказал он. Я с благодарностью посмотрела на него.

— Верно. Это только догадки, хоть я и чувствую, что они недалеки от истины. Думаю, всё дело в воде!

Коннар вздернул бровь.

— В воде?

— Ну, да. Помнишь, я рассказывала о ночном посетителе, который явился к Генару за водой из бассейна? Тогда он сказал, что она опасна. Помнишь, что произошло на следующий день?

— Святоша решил угостить всех какой-то водой, — задумчиво пробормотал Коннар. Его глаза слегка затуманились, будто обратившись к чему-то, не видимому для меня. Я кивнула:

— Да, Генар устроил преждевременное причастие. Мне даже пришлось набрать её в рот, чтобы отвести от себя подозрение. Тогда я ещё не догадывалась, чем это может быть чревато. Только потом увидела, что случилось с настоятелем, упавшим в бассейн!

Коннар дёрнул плечом.

— Шар'ракх! — вполголоса выругался он. — От роду не видел такой мерзости.

Я печально вздохнула.

— То же самое произошло и с другими паломниками, которые пили воду. Мне кажется, что, попав внутрь, она что-то делает с телом, отчего оно превращается... Не знаю, в кисель, что ли? Сползает с костей, одним словом. Похоже, я всё же случайно сделала небольшой глоток. Наверное, чем больше пьёшь, тем быстрее это происходит. Ещё повезло, что я просто не могла стоять какое-то время, не то, что...

Я вспомнила мёртвого Джолана и грустно умолкла. Коннар скривился и брезгливо сплюнул в угол комнаты.

— Зачем ему это было нужно?

Я пожала плечами:

— Генар уже не расскажет, хотя, думаю, причина всё та же: "испытание верности Лиару", "жажда милости Лиара" и прочий хэллев бред!

Наёмник промолчал, мрачно вертя в руках бутылку с ирли-лэем. Я мерила шагами комнату, продолжая говорить и чувствуя, что остановиться уже не в силах:

— Догадываюсь, что такая участь постигала всех паломников, которые приходили в Лит-ди-Лиар. Даже знаю, как он избавлялся от трупов.

Я задыхнулась от отвращения и ответила на немой вопрос северянина:

— Колодец, куда я спускалась. Там, внизу груда костей, оставшихся от старых хозяев. Мне кажется, что, если покопаться, можно легко отыскать и свежие, сброшенные туда сравнительно недавно. Их заливают слизью, мерзкая розовая слизью, как та, осталась от настоятеля Генара!

Приступ тошноты оборвал меня на полуслове. Я часто и глубоко задышала. Коннар угрюмо уставился в пол.

— Надеюсь, святоша попал к демонам, — жёстко сказал он. — И давно ты обо всём догадалась?

Я слабо улыбнулась:

— Три дня провела в размышлениях.

— А что ты искала в монастыре? — вдруг спросил северянин, дав понять, что хочет уйти от неприятной темы.

Нельзя сказать, что наши желания не совпадали.

— Пока ещё не время об этом говорить, — мягко сказала я. — Но оно того стоило. То, что я там нашла, указало дорогу дальше.

— И куда же она ведёт? — нетерпеливо спросил Коннар. Его лицо выражало досаду, смешанную с предвкушением. Я помолчала немного, успокаивая заходящееся в нервном ступе сердце, и нарочито спокойно ответила:

— Мы возвращаемся в Корниэлль.

Черты северянина исказило огромное разочарование.

— Какого Хэлля ты там забыла?!

— Нужно вновь посетить Корниэлльскую библиотеку, — невозмутимо ответила я. — Хочу проверить кое-какие догадки. После этого продолжим путь.

— Пусть тебя демоны раздерут, Кошка, с твоими капризами... — в ярости начал северянин, но я опустила напротив и подняла бутылку ирли-лэя:

— Давай не будем ссориться, капитан! Завтра предстоит тяжелый день, поэтому сейчас лучше выпить и расслабиться.

Тёмные глаза наёмника сузились. Не говоря ни слова, он одним махом скрутил тяжёлую пробку и отхлебнул шипящий напиток. Я последовала его примеру. Один глоток ароматной жидкости немного успокоил меня и подарил возможность собраться с силами перед тем, что должно произойти.

Отступить уже поздно. Я приняла это решение. Оно далось нелегко, но было бесповоротным. Все же бывший капитан ранаханнской гвардии много для меня сделал.

— Кошка, однажды я сказал, что ты напоминаешь мне Аннику, мою покойную невесту.

Я поперхнулась и закашлялась, потрясённо глядя на Коннара. Он смотрел на меня так, что не оставалось делать ничего, кроме как кивнуть.

— Я ошибался, — медленно сказал он. — Теперь я понимаю, что ты больше похожа на мою мать.

Он сделал ещё глоток лэя и поднял руку, предупреждая вопросы.

— Она была жрицей храма Огня с Жёлтых островов(194). Отец привез её оттуда вместе с другими пленницами и храмовыми сокровищами после налёта.

— Твой отец промышлял разбойничаньем? — усмехнулась я. Чёрные брови Коннара сшиблись на переносице.

— Не смей так о нём говорить! — прорычал он с такой яростью, что я невольно отодвинулась подальше. — Это была честная битва. Не его вина, что защитники храма такие немощные, что не смогли уберечь ни свои ценности, ни своих жриц!

Я пожалала плечами, оставшись при своём мнении. Наёмник немного сбавил тон.

— Моя мать была самой красивой и самой непокорной из всех женщин, что встречались отцу. Он поклялся, что сделает её своей, и сдержал обещание.

На его лице заиграла плохо скрываемая улыбка, и он вновь отхлебнул ирли-лэя. Я слушала, затаив дыхание.

— Она не сразу подчинилась ему, но выбирать не приходилось. Потом она полюбила его и одарила девятью прекрасными сыновьями. Я — седьмой.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — тихо спросила я, не уточняя, жива ли мать Коннара до сих пор. Северянин осушил бутылку до конца и потрянул длинными волосами.

— Потому что, когда твоё путешествие закончится, — сказал он тоном, не терпящим возражений, — я увезу тебя с собой. Ты станешь моей женщиной, моей королевой, и подарить мне прекрасных сыновей и дочерей, таких же золотоглазых, как и ты сама...

Нужный момент настал.

Я покачала головой и придвинулась ближе, мягко закрыв ладонью его рот. Коннар потрясённо умолк. В чёрных глазах мелькнула непривычная для него растерянность.

— Ни слова больше, капитан, — прошептала я, и, отняв руку, прильнула к его губам.

Время остановилось.

Шумно выдохнув, северянин ответил на поцелуй — сначала с недоверием, но потом оно переросло в стремительно крепнущую жадность. Так путник, затерянный в пустыне, прикикает к случайно обнаруженному источнику.

Спустя удар сердца я почувствовала руки Коннара на своих плечах. Не прерывая поцелуя, наёмник решительно толкнул меня назад, навис сверху, скользнув ладонью вверх по талии и мягко сжав грудь, нетерпеливо рванул шнуровку на платье и... Бессильно опустился вниз, придавив меня тяжестью своего тела.

Выждав несколько ударов сердца для верности, я осторожно выбралась и поднялась с кровати.

— Прости, капитан, — тихо произнесла я, глядя на неподвижное тело Коннара. Северянин лежал ничком, повернув голову набок. Его глаза были плотно закрыты, а из груди вырывалось размеренное хриплое дыхание.

Настой из листьев бурой гвельды(196), купленный этим же утром у местного знахаря, меня не подвёл.

Зачем я это сделала? Точный ответ скрывался даже от меня самой, но чутье, ещё ни разу не подводившее хозяйку, подсказывало, что я приняла единственно верное решение. Внезапное откровение северянина только подстегнуло меня.

— Прости! — повторила я, хотя прекрасно знала, что Коннар меня не слышит. — Ты оказался не таким уж плохим человеком, как мне казалось поначалу. Я прощаю тебя. Спасибо за всё, что ты сделал для меня, но здесь, в Бёрке, наши пути расходятся. Дальше я пойду одна.

Я затянула шнуровку на платье, подхватила сумку с Камнем и, немного подумав, накинула на плечи куртку Кристиана: ночь обещала быть прохладной.

Взявшись за ручку двери, я обернулась и взглянула на северянина.

В последний раз.

— Прощай. Может быть, я и похожа на твою мать, но не желаю той участи, что досталась ей!

Дверь неслышно закрылась за спиной.

— Не боитесь отправляться на ночь глядя, госпожа? — спросил хозяин постоялого двора. Я отрицательно покачала головой и вручила ему три золотых дория.

— Меня ничем не испугаешь. Это плата за наши комнаты и небольшое вознаграждение сверху.

Мужчина уставился на монеты и недоверчиво протянул:

— Слишком уж большой задаток, госпожа...

— Мало ли, что может случиться непредвиденного, — загадочно улыбнулась я.

Коннар очнётся только к утру. Зная его крутой нрав, я понимала, что этих монет едва-едва хватит, чтобы покрыть расходы на ремонт комнаты, которую он, скорее всего, разметёт в клочья.

Хозяин понимающе кивнул и сгрёб деньги.

— А как же ваш спутник? Уедете без него?

— У него своя дорога, — туманно ответила я. — Где мне найти драконюхов со свежими драконидами?

Владелец заведения объяснил дорогу и пожелал счастливого пути, не удержавшись от очередного проявления любопытства:

— Куда отправитесь, госпожа?

— На запад Алдории, — твёрдо ответила я и, не оборачиваясь, шагнула за порог.

Разумеется, это была ложь. Коннар не должен снова пройти по моим следам.

Я решила отправиться в Лирнэлль, юго-восточный порт Алдории. Там я планировала нанять корабль, который доставит меня на острова Лотоса. О них когда-то рассказал калиф Теймуран. Именно там он наткнулся на развалины храма драконопоклонников, хранивших Камень.

Я была уверена — поиски третьей вежи следовало начинать именно оттуда.

Ночные шорохи поглотили мои следы.

195 — **Жёлтые острова** — архипелаг, расположенный к югу от Ранаханнского побережья. Его жители поклоняются безымянным богам шести стихий: Огня, Воды, Воздуха, Земли, Крови и Разума;

196 — **бурая гвельда** — разновидность бурого мха, растущего на кочках болот в южных лесах. Его настойка погружает человека в глубокий сон, чья продолжительность зависит от её концентрации в напитке.

Тишина обволакивала синие в предрассветных сумерках вершины гор тяжёлыми каплями тумана, покрывая камни инеистой сетью. Вырубленные в скале балюстрады дома Содалит пустовали. Слежавшиеся пласты снега лежали на них, застыв горбами волн и вобрав в себя всю жизнь, что когда-то бурлила в этих местах. Только единожды в потёмках между каменными балясинами мелькнуло что-то белое, но и оно быстро исчезло, словно опасаясь нарушить торжественное молчание окружающего мира.

Хранитель Дома Содалит поднёс руку к лицу и задумчиво посмотрел сквозь неё на неверное сияние магических светильников. Он был готов поклясться, что мгновением раньше ясно ощутил боль в сломанном когда-то запястье. Однако стоило попытаться сосредоточиться на этом ощущении, как оно испарилось. Хранитель слышал рассказы о том, как болят давно отрубленные или отрезанные знахарями части тела. Но все его конечности оставались на месте, когда он умирал. Почему же тогда он ощущает эту боль? Или бесплотные призраки, раз и навсегда отрезанные от тела, способны чувствовать его даже спустя десятилетия?

Жаль, что поведать об этом некому. Делиться подобным с древними вампирами, нынешними обитателями Дома Содалит, Хранителю претило. Разве что Марианна...

Иногда призрак спускался в помещение, где лежала последняя из Дома, балансируя между жизнью и смертью. Вглядываясь в хрупкие, как птичьи кости, черты девушки, он видел всех Содалитов, вихрем проносящихся мимо. Порой мерещилось, что веки Марианны едва заметно дрожат, будто она пытается их разомкнуть. В такие моменты Хранитель жалел, что со смертью утратил способность к осязанию, и всё, что оставалось — беспомощное созерцание застывшей в вечности молодой литанээ с бледной, словно припорошенной снегом, кожей.

"Забавно", — в который раз подумал призрак, медленно плывя по вырубленному в скале коридору. — "Почему мне грустно? Как я вообще могу что-то чувствовать? Или это сродни боли в не существующей уже руке, что давно сгнила в земле?"

Тихие шаги, долетевшие откуда-то снизу, прервали плавный ход невесёлых мыслей. Хранитель невольно остановился и прислушался.

Кто-то спускался туда, где лежала Марианна.

Близился очередной день для подпитки кровью, ставшей печальной необходимостью. Лицо Марианны начало приобретать хищные черты вампира. Из-под тонких синюшных губ поблескивали кончики острых клыков, а под глазами залегли жуткие чёрные тени. В такое время Хранитель старался держаться подальше от девушки. Она казалась чужой, более не принадлежащей к роду литанээ. Но на этот раз что-то его подтолкнуло, и он без колебаний поспешил в склеп Дома Содалит.

Там, окруженная склянками с останками предков, стояла каменная плита. На ней лежало тело девушки. В ногах громоздилась уродливая тень, и Хранителю сперва показалось, что это алый шакал или скарабарра(197), неведомым образом пробравшаяся внутрь Дома. Но, стоило призраку появиться на входе, как тень разогнулась. Хранитель

узнал своего старого знакомого, вампира Азариона.

— Что вы делаете здесь, мой диль? — не удержался от изумленного возгласа призрак и тут же подумал, что со стороны голос наверняка звучит не громче шелеста осенних листьев.

Древний, похожий на скелет вампир не спеша сполз на каменный пол и уставился снизу вверх на собеседника. Лицо Азариона было бесстрастным, но в потускневших от времени глазах ворочалось что-то, похожее на любопытство.

— Порой пребывание в тесном узилище страшно утомляет, — проскрипел он. В отличие от ссохшейся кожи, его зубы оставались на удивление крепкими и только пожелтели от времени. Когда вампир говорил, они громко стучали, как ирканские кастаньеты(198).

Хранитель промолчал. Азарион оглянулся на Марианну и продолжил:

— Что толку в бесцельном шатании, когда я могу проведать это прелестное дитя? В каком-то смысле мы повязаны с ней кровью. Иногда становится любопытно: какой она будет, когда очнётся?

Хранитель изумлённо воззрился на него. Вольно или умышленно, старый вампир высказал вслух его потаённую надежду.

— Вы полагаете, это скоро произойдет, мой диль? — спросил призрак. Азарион развёл руками, похожими на ветки мёртвого дерева.

— Я не в силах предвидеть будущее, мой друг. Могу только сказать, что когда-нибудь это случится!

Хранитель вновь перевел взгляд на Марианну. За время разговора с Азарионом её клыки удлинились ещё на палец. Вампир пристально наблюдал за ним.

— Скажи мне, друг мой, — вкрадчиво проговорил он. — Помнишь ли ты наш разговор о непрошеном госте в Междумирье? Может быть, тебе удалось отыскать что-то, связанное с ним?

Призрак отвлекся от сомнамбулического созерцания Марианны и медленно перевёл взгляд на вампира. Ему нечасто доводилось чувствовать своё превосходство над этим древним существом и хотелось растянуть этот момент.

— Более того, мой диль, — торжественно сказал он. — Кажется, я даже почти его увидел!

— Междумирье тщательно хранит всё, что в него попадает. В этом оно чем-то похоже на паутину. Даже если мухе удастся выпутаться, на её теле остаются несмываемые следы паучьей сети.

Азарион мерно кивал в такт рассказу Хранителя. В движении его головы угадывалось нетерпение, но торопить призрак вампир не спешил. Он ковылял за Хранителем по извилистым переходам Дома Содалит, ловя каждое слово.

— Сначала я не нашел ничего, кроме старых следов того, кто уничтожил лах'эддинца. Но потом новые отпечатки его сущности стали попадаться всё чаще и чаще, пока я не почувствовал присутствие его самого!

Призрак хорошо помнил это ощущение: плотная ткань Междумирья содрогнулась, будто её проткнули раскаленным ножом, и расступилась, протестуя против дерзкого вторжения живого существа.

— Ты увидел его? — громко вскрикнул Азарион. Хранитель склонил голову в знак согласия и вежливо поправил:

— Её, мой диль. Полностью не уверен, но, кажется, это была женщина!

Вампир вцепился крючковатыми пальцами в остатки волос на голом черепе.

— Где она? — хрипло прокаркал он. — Кто она? Тебе удалось это узнать?

Призрак печально покачал головой.

— Увы, нет, мой диль. Я только слышал эхо её голоса. Она находилась слишком далеко.

Всё, что удалось сделать — попытаться до неё дотянуться. В Междумирье очень сложно определить расстояние или направление. Нужно только представить цель и постараться сосредоточиться на ней.

Хранитель вспомнил гнев и разочарование, которые разыгрались в нём с такой силой, что он не на шутку перепугался. Азарион опустил руки и уставился на него. Теперь во взгляде вампира явственно проступила злость. Призрак сделал вид, что не заметил этого, и собеседник отвернулся.

— Продолжай поиски, мой друг, — сухо сказал он. — Мне кажется, что у нас с ней найдется несколько тем для увлекательной беседы!

— Как скажете, мой диль, — покорно ответил Хранитель, глядя ему в спину.

Он кое-что утаил от Азариона.

Незадолго до появления незваной гостьи Междумирье всколыхнулось от мощной вспышки Воронки Миров — редчайшего явления, свидетелем которого призраку посчастливилось побывать уже во второй раз.

Почему он об этом умолчал?

Азарион не настоящий хозяин Дома. В конце концов, ему необязательно знать всё.

197 — **скарабарра** — хищная шестипалая ящерица, обитающая в горах;

198 — **Иркания** — феодальное княжество, расположенное к юго-востоку от Алдории.

Секретная сцена

Мне очень нравятся фильмы, в которых после титров присутствует некая "секретная сцена", намекающая на то, что последует в продолжении. Именно поэтому я решила провести эксперимент и добавить такой "сюрприз" после основных событий первого тома приключений Дикой Кошки.

Она была прекрасна. Золото волос, разметавшихся по земле, ласково касалось восхитительной кожи, густые ресницы бросали тени на коралловые щеки. Чуть припухшие губы напоминали полураскрытый бутон розы, будто созданный для поцелуев.

Она была непередаваемо красива.

И безнадежно мертва.

Виктор нежно провел пальцем по щеке девушки и на мгновение прижался к ней губами.

— Прости меня, Анна, — выдохнул он в маленькое ушко покойницы. — Прости, но, видят боги, у меня не было другого выхода.

Он вытащил из рукава крошечное шильце и без колебаний вонзил в лилейно-белую шейку. Два раза.

— Вот так вот, — пробормотал он, вытирая окровавленный штырь. Не удержавшись, он даже облизнул его. — Вот и хорошо. Теперь ни у кого не возникнет лишних вопросов.

Гиль-де-Рен — портовый город. На его улицах день и ночь бурлят толпы пришлого народа, занесенные сюда с Двух Океанов. Среди этого сброда наверняка встретится паратройка вампиров или другой нечисти.

Виктор поднялся на ноги и накинул капюшон тёмного плаща, пряча длинные чёрные волосы. Не нужно вызывать лишних расспросов или подозрений, если в такое позднее время он вдруг встретит знакомых.

Хотя откуда его знакомым взяться в этой подворотне?

Виктор в последний раз оглянулся на мёртвую девушку. Ему показалось, что она улыбнулась. Помимо воли он вздрогнул.

— Ничего, — утешил Виктор себя, пытаюсь унять бешено бьющееся сердце. — Так будет лучше. Всем.

А ведь всего этого можно было избежать. Он предупреждал Анну. Он даже пытался предложить ей выход из положения: следовало всего лишь обратиться к знакомому знахарю! Но, нет, упрямая девчонка вздумала шантажировать его. "Я беременна, Виктор!" — кричала она, и её прекрасное личико кривилось в иступленной жажде обладания. — "Это твой ребёнок! Ты обязан жениться на мне, или ты хочешь, чтобы твой дед узнал всё?"

Дед. Бургомистр Гиль-де-Рена. Всемогущий Альрик Делармонт. Разумеется, узнав об всех проделках молодого человека, он сделал бы из Виктора отбивную, невзирая на то, что тот его единственный внук. Анна должна была замолчать. Яд — отличный выбор, а отметины на шее собьют с толку любого. Конечно, до этого вампиры никогда не нападали на людей, но кто сказал, что это продлится вечно?

Виктор прерывисто вздохнул и вдруг согнулся, тяжело привалившись к замызганной стене дома.

Его вырвало.

Жёлтое пятно магического светильника тускло поблёскивало в тумане. Виктор брел по извилистым улочкам, еле переставляя ноги. Силы покинули его, а ужас от содеянного начинал медленно давить на плечи.

— Я всё сделал правильно. Я всё сделал правильно, — еле слышно повторял Виктор, судорожно сжимая плащ у горла.

Сзади послышались шаги.

— Я всё...

Слова застряли у молодого Делармонта в горле. Безумная мысль сверкающим лезвием рассекала сознание. Показалось, что, стоит обернуться, как он увидит Анну, протягивающую к нему руки в немой мольбе.

Шаги смолкли. Виктор в панике оглянулся: улица пустовала. Лишь где-то вдалеке поскрипывали мачты кораблей и слышалось матросское пение.

Молодой человек перевёл дух, шагнул вперед и вздрогнул.

Впереди него от стены дома отделилась неясная тень и скользнула вперед.

— Я чувствую кровь, — прошелестел в ночном воздухе тихий голос, балансирующий на грани шёпота. — На ваших руках. Кровь.

Виктор отшатнулся. В неверном свете перед ним предстал молодой мужчина. Судя по потрепанной куртке, пыльным сапогам и грифу лютня, торчащему из-за плеча — бродячий менестрель.

— Что вам угодно? — дрожащим голосом спросил Виктор, отступая назад и на всякий случай покрепче сжимая шило.

— Кровь, — хрипло выдохнул менестрель и в упор взглянул на Делармонта. Тот невольно вскрикнул от неожиданности.

У незнакомца не было зрачков. Радужку глаза заливала непроглядная могильная чернота. Перед Виктором стоял вампир. Как по заказу.

— Боги... — просипел Делармонт.

Вампир моргнул и вдруг быстро заговорил. В его голосе послышались умоляющие нотки:

— Пожалуйста. Бегите. Бегите, прошу вас! Я не знаю и не хочу знать, что вы сделали, но заклинаю вас — спасайтесь, пока не пришел тот, другой!

— Кто? — изумленно спросил сбитый с толку Виктор, но менестрель не ответил. Он судорожно обхватил голову руками и упал на колени, истошно закричав. Его тело выгнулось и забило в пароксизме агонии, а глаза закатились, сверкая синеватыми бельмами.

Лютня с печальным звоном упала на бульжники.

Виктор принялся медленно отступать, не сводя с вампира глаз. Что с ним происходит? Делармонт никогда ни о чём подобном не слышал.

Агония прекратилась так же внезапно, как и началась.

Вампир поднял голову, и Виктор оцепенел от ужаса, пронзённый безумным взглядом горящих ледяным огнём глаз.

— Я... Я... — бестолково забормотал он, беспомощно наблюдая, как неведомое существо, не торопясь, распрямляется и направляется к нему.

Сверкнули острые лезвия когтей.

Виктор открыл рот и закричал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net